



*Маленькая история
Большой Любви*

Ада Грудина

Маленькая история большой любви

ПРЕДИСЛОВИЕ или взгляд со стороны

Огромное здание Академии Прикладной Магии и Магических Ремёсел успокаивалось после дневной суеты. Уроки у младших курсов уже давно закончились и только некоторые несчастные ещё отбывали ученическую повинность.

Возле обычной с виду двери столпились адепты четвёртого года обучения. Нестройная группа из двух десятков раздражённых и уставших юношей и девушек нетерпеливо ждала опаздывающего преподавателя.

— Ну когда же она придёт? — топнув от раздражения ногой воскликнула староста группы Олинера Вариэльская, невысокая голубоглазая пухленькая девушка с короткой стрижкой тёмных, вьющихся мелкими кудряшками волос. Она отлепилась от стены, на которую опиралась до этого, и в очередной раз пересекла коридор. Как назло, сесть здесь было абсолютно не на что, единственный подоконник уже был давно и прочно облюбован воркующей парочкой выпускников, согнать которых не представлялось возможным.

— Старшекурсники говорят, что она обычно не опаздывает, но приходит так... что лучше бы опаздывала, — поделилась агентурными данными, раздобытыми во время обеденного перерыва, её неизменная подруга Янара Дариэт. Плюнув на все условности, она сидела по-турецки прямо на полу, опираясь на сумку с книгами. Даже будучи эльфийкой всего на четверть девушка сохраняла во внешности основные черты своих остроухих предков: высокую стройную фигуру, яркие глаза бирюзового цвета и умопомрачительные золотые волосы, обрезать которые не поднималась рука ни у одного парикмахера. Сколько раз девушке приходилось устраивать истерики в салонах красоты, дабы добиться необходимого результата, она не помнила уже и сама. Сейчас, впрочем, в роли персонального стилиста выступал ее парень, оборотень Ромаро Фарионэ, обучающийся на шестом курсе специализации алхимиков. Его она, между прочим, тоже пробовала пытаться на тему нового предмета, но молодой леопард остался глух к ее мольбам, сказав, что предугадать настроение мастерины Альэдеры не возьмётся никто. Столь интригующая информация о новом для их специализации прикладной магии предмете «Иллюзии. Общий курс», по которому им предстояло сдать два экзамена, распаляла воображение любопытной, как лиса Янары, ещё больше.

Однако, стоило прозвенеть звонку, и события начали происходить быстрее, чем адепты успевали за ними следить. Погас свет. Темнота была такая, хоть глаз выколи. Несколько человек создали ручные светлячки — простейшее бытовое заклинание, — но тут же привычная школьная дверь загорелась неестественным бело-голубым светом, затем раскололась, покрываясь сеткой мельчайших трещин, и... осыпалась, будто стеклянная. Перед ошарашенными адептами предстал... Эльфийский лес. Такой, каким его и не мечтали увидеть обыватели. Изумрудная мягкая трава, стелящаяся шёлковым ковром под ногами. Прозрачное голубое, как на картинке небо, словно лежащее на верхушках огромных исполинских деревьев. На их ветках вместо привычных листьев адепты с удивлением увидели грозди мелких цветов всех оттенков зелёного.

Вдруг... хрустнула ветка.

Но это была всего лишь крошечная каринера, юркий грызун с забавной расцветкой в коричнево-зелёную полоску, ловко вскарабкавшийся по стволу дерева, цепляясь за него своими крепкими коготками. Тут же перед адептами пролетела целая вереница бабочек,

приглашая, зовя за собой.

Четверокурсники несмело шагнули на проложенную, будто специально для них, тропинку. Они шли и восторгались подаренным им царством света, небывалой радости и веселья. Вдалеке журчал ручей. С деревьев слышалось пение птиц. А солнечные лучи приятно согревали и весело слепили в глаза. Куда-то уходила усталость, раздражение, спешка. Казалось, что в мире больше не существует ничего, только они и этот лес.

Тропинка вывела своих путников на поляну, где они увидели самый настоящий Цветочный Город. Крошечные феи, прекрасные, как куколки, с переливающимися, будто радуга прозрачными крылышками. Они перелетали с цветка на цветок, занятые своими делами, весело болтали, звонко смеялись и совсем не замечали незваных гостей.

Адепты теряли робость и стеснение прямо на глазах. Первой на поляну шагнула Олинера, как всегда стремительная, рвущаяся к цели и не умеющая усидеть на месте. Сразу за ней вприпрыжку бежала сгорающая от любопытства Янара, чуть отстав — все остальные. И только Грем, высокий темноволосый юноша незапоминающейся наружности, замер ещё на середине тропы. Он был новеньким в этой группе, перевёлся как раз в начале этого учебного года, и на все вопросы одногруппников о себе предпочитал отмалчиваться. Даже Янаре не удалось пока выудить из него хоть какую-нибудь информацию. Сейчас Грем настороженно приноживался и прислушивался к окружающему его пространству.

— Стойте... — его окрик не успел лишь на мгновение. Стоило всей остальной группе войти на поляну, как...

Мир изменился.

Небо почернело, опустилось, начало давить над головой. Трава исчезала и жухла прямо на глазах у изумлённых адептов. А на месте цветочных домов появлялись... могилы. Старые. Разрушающиеся. С обветшалыми надгробиями.

Протяжный вой раздался, будто из под земли.

Кладбище оживало...

Огромная луна выглянула из-за облаков, чтобы осветить армию зомби, стремительно надвигающуюся прямо на адептов.

Янара бежала изо всех сил. Было страшно. Нет, даже не так, ЖУТКО! Она же не боевой маг и не некромант, чтобы воевать с толпой нежити, алчущей пополнить её трупом свои ряды. Она прикладник! Да что же это такое! Костлявая рука потянулась к ней. Девушка начала спешно залазить на склеп, пытаясь отпихнуть скелет вниз ногой.

— АААААААААААА!!! — она закричала так, как не кричала ещё никогда в жизни, испугано зажмурилась, ожидая скорой смерти.

Раздавшийся совсем рядом спокойный женский голос стал полной неожиданностью для всех:

— Адептка Даризт, я, конечно, понимаю, что потоптаться по преподавательскому столу мечта всех адептов, но всё же, я бы настоятельно советовала вам слезть. Не то чтобы я была злопамятна — хотя и это тоже — но боюсь... ректор не оценит подобных нововведений.

Янара ошарашено открыла глаза, чтобы увидеть... обычную аудиторию залитую светом магических шаров. Обычные ученические парты, на многих из которых сидели испуганные сокурсники. Обычную доску во всю стену. И обычную... эльфийку, меланхолично опирающуюся на дверной косяк. Довольно высокая для девушки, как и все представители ее расы, стройная, длинноногая (даже Янаре стало завидно, с такой фигурой надо при дворе блистать, а не в академии преподавать), большие раскосые глаза на пол-лица цвета сочной

травы, длинная коса сложного эльфийского плетения солнечно-рыжего цвета и, разумеется, заострённые уши, украшенные множеством колечек и серёжками с изумрудами. Даже обычная форма преподавателей — тёмно-серые брюки с длинным до колена жакетом и чёрной рубашкой под ним — смотрелись на ней так, как и не снилось столичным красавицам. В общем — Янара раздосадовано вздохнула — «обычная» эльфийка.

— Через минуту сюда войдёт ректор, — мастерица недовольно поморщилась, подумав о чём-то своём, — поэтому на счёт три все заняли свои места, открыли тетради и записали свои впечатления от первого столкновения с трёхмерной иллюзией. Время пошло.

Янаре показалось, что она научилось телепортации, ведь нормальный человек, даже с примесью эльфийской крови не может перемещаться с такой скоростью. Но когда в аудиторию ворвался ректор, высокий маг-артефактор, худощавый человек с седеющими висками, вся группа действительно сидела, как ни в чём ни бывало, и, открыв тетради, писала, скорее даже остервенело строчила. Правда Янара вполне искренне опасалась, что читать то, что сейчас выплёскивалось на бумагу из сознания одноклассников, будет небезопасно для психики, но это уже вопрос второй. Мастерица же стояла у доски и с безмятежным лицом наблюдала за развернувшимся действием.

— Итак, продолжим. Классификация иллюзий... — адепты тут же кинулись записывать, прекрасно понимая, что преподавателя с такой фантазией и чувством юмора лучше слушаться беспрекословно.

— Мастерица! — голос ректора был просто переполнен недовольством и раздражением. — Сколько это будет продолжаться! Двое адептов слышали крики из аудитории.

Янара невольно вжала голову в плечи. Ещё несколько человек сделали тоже самое.

— Ну что вы господин ректор, им показалось, — непробиваемое спокойствие эльфийки не смог бы поколебать даже начавшийся потоп. — У вас что-то срочное? Мне нужно вести занятие.

— Альэдера, — мужчина хотел что-то сказать, но вспомнив, что отчитывать подчинённую при адептах непрофессионально, лишь раздражённо фыркнул, — зайдите ко мне после занятия.

— Непременно, мастер Дерэна, непременно.

Стоило его шагам затихнуть, как эльфийка подошла к первым партам, коснувшись их кончиками пальцев, и подняла глаза. Казалось, она смотрит на каждого, заглядывая в самые сокровенные уголки души:

— Я приветствую новых адептов в мастерской иллюзий, — от тихого шёпота преподавательницы у некоторых аж волосы дыбом встали, — меня зовут мастерица Альэдера, и нас с вами ждёт очччччччччччч увлекательный год.

— Ромаро! Как ты мог? — разгневанная блондинка повалила оборотня на кровать, пытаясь хоть немного сдавить горло высокого темноволосого юноши, чему он не особо сопротивлялся, наслаждаясь пикантным моментом. В любом случае у девушки не было достаточно сил, чтобы причинить ему какой-нибудь вред, а вот ощущать тело любимой на себе он был совсем не против. — Почему ты не сказал, что бывает на занятиях по иллюзиям!

— И чем же вас порадовала мастерица? — руки оборотня уже всюду гладили девичью спинку, — у нас был разгневанный дракон, я от него на потолок залез. С меня потом весь курс смеялся.

Услышав подобное, девушка несколько успокоилась.

Видя, что его любимая сменила гнев на милость, оборотень сел на кровати, усаживая девушку на колени. Комнаты в общежитии были небольшими, но одноместными, поэтому слышать их препирательства не мог никто. Янара сбивчиво рассказала алхимику обо всех последних событиях. После повествования о её познавательной экскурсии на преподавательский стол он смеялся так, что адептка чуть было опять на него не разозлилась.

— Да! — сказал он успокаиваясь. — Иллюзионистка в своём репертуаре!

— И что теперь так каждый урок?

— Понятие не имею. Но для первого занятия у мастерины всегда припасено что-нибудь эдакое. Точно угадать не смог пока никто. Восьмикурсники даже пари заключают. Надо спросить угадал ли кто-нибудь в этом году.

— То есть они на нас спорили? Так вот почему эта парочка сидела на подоконнике? Вот, гады! И поэтому никто не сказал?

— Поэтому, — покаянно признался юноша, — и по личному распоряжению мастерины. Она лично всегда всех предупреждает, что тот, кто испортит ей развлечение, очень сильно пожалеет, а связываться с ней... Нет, любимая, прости, давай лучше звезду с неба, голову дракона на подносе, ну или ещё что.

— А она такая красивая, — девушка испытывающе прищурилась, наблюдая за реакцией оборотня.

Он же лишь рассмеялся:

— Любимая, она мастер иллюзий и может создать что угодно. Обычно на каждое занятие у неё новый облик. Даже обещала поставить самоэкзамен тому, кто разглядит её истинную внешность. Но пока прецедентов не было. Можешь сама попробовать.

— То есть это всё... ненастоящее, — возмущению девушки не было пределов, — и она не эльфийка?!

— Говорят, что эльфийка, и будто бы даже родилась в Светлом Лесу, но ни имени рода, ни внешности ее не знает никто. Может быть, кто-то из преподавателей в курсе, но нам простым смертным не дано...

— А я?

— А ты намного красивее любой, даже самой изысканной иллюзии, а теперь прекращай удовлетворять своё любопытство за мой счёт. Я соскучился, — юноша склонился к губам любимой, заставляя ее замолчать самым проверенным во всех мирах способом.

ГЛАВА 1. Начало истории или первая встреча

Багряный на закате шар солнца постепенно скрылся за линией горизонта. Розово-оранжевое небо медленно, но неотвратимо тускнело, окрашиваясь в серебристо-серые тона сумерек. Заканчивалась первая учебная неделя.

Академия погрузилась в какое-то сонное оцепенение. Вокруг было непривычно тихо. Старшекурсники получили разрешение на посещение города, остальные — уже отправились в общежитие. Парк безмолвствовал. Осень в этом году отвоевала свои права на удивление быстро. Вот, казалось, ещё вчера было лето, а уже сегодня — все деревья пестреют золотом и багрянцем, а ветер гонит сизые тучи с гор...

Мастерина Альэдера неспешно шла вдоль внутреннего двора академии и вслушивалась в мелодию, которую тихо шуршали листья клёна под ее ногами. Она низко надвинула капюшон чёрного, подбитого мехом плаща, скрывая своё истинное лицо незамаскированное сегодня иллюзией. Впрочем, один из её новых курсов сильно удивился бы, увидев перед собой ту самую рыжеволосую эльфийку, устроившую им незабываемую прогулку в эльфийский лес с заходом на кладбище. Мастерина лукаво улыбнулась уголком губ, вспоминая об одной из своих последних проделок. Только они, пожалуй, и развлекали жизнерадостную некогда девушку. Сколько же лет прошло...

Эльфийка продолжала медленно углубляться в осенний парк, чувствуя его также как себя. Существование здесь этой красоты было одной из причин, по которой она здесь работала. Как любая дочь Леса, она не могла долго находиться вдали от живых растений. Совсем скоро наступит зима и мастерина Альэдера станет постоянной гостьей местной оранжереи, приводя своими посещениями в полный восторг мастера Каринеро: все растения в её присутствии оживали, как под лучами весеннего солнца.

— Лес, — мастерина горько усмехнулась, — эльфийский лес... Всю жизнь я бегу от него, от его наследия, его традиций... но никогда не смогу избавиться от собственной природы.

Парк всё не кончался, ухоженная его часть осталась далеко позади, сейчас он больше походил на лесную чащу. Но для истинной дочери Леса не было преград. Мало задумываясь о том, куда идёт, она брела погружённая в свои воспоминания.

Её история началась давно, иногда ей казалось, что даже слишком.

Альэдеризна леди Варис ан Летериэн. Так её звали когда-то. Она выросла в столице Светлого Леса — Алистемилиэне. И всё в ее жизни, казалось бы, должно было быть великолепно: знатная семья, приближённая к Светлому Повелителю, любящие — в эльфийском понимании — родители, огромный дом, слуги, гувернантка и расписанная на десятилетия вперед жизнь.

Вот только юная эльфийка была... другой. Слишком красивая. Слишком эмоциональная. Слишком проказливая. Слишком непослушная. Всё когда-то в её жизни было «слишком». Вспоминая себя на пороге первого совершеннолетия в пятьдесят лет, Альэдера лишь горько улыбнулась. Красивая, непокорная, с вечным вызовом в глазах. Тогда ей казалось, что она сможет всё: противостоять вековым традициям, построить свою жизнь так, как хочется ей самой, учиться, полюбить. Большой мир совсем не был для неё страшным. Окружающие существа не внушали недоверия, а саму себя она считала взрослой,

самостоятельной, способной принимать любые решения, противостоять любым трудностям.

Из леса она сбежала за день до своего дня рождения, когда родители должны были объявить о том, к какому мастеру её отдадут в ученицы, в чём заключалась суть интриги Альэдеризна не могла понять никогда, если все девушки их семьи обучались в Сиреновом Дереве у мастера Эльраэриэна магии красоты и всевозможным светским премудростям. Нет уж, увольте — ей и придворной школы хватило. В конце концов, она плетёт заклинания совсем не хуже чем её брат или его друзья, так почему она не имеет права учиться настоящей магии?

Следующие десять лет стали, самыми сложными, но и самыми запоминающимися в жизни эльфийской бунтарки. Университет Общей Магии дал ей больше, чем полвека жизни в лесу: верных товарищей, замечательных преподавателей, незабываемые приключения и бесценный жизненный опыт. Да, временами было трудно. Временами хотелось развернуться и сбежать обратно к спокойной, обеспеченно и уже давно спланированной за неё жизни, где нужно просто слушаться и мило улыбаться, но каждый раз, когда такие мысли посещали её голову, гордость вместе с вредностью поднимали свои змеиные головы и с диким шипением прогоняли их.

Разумеется, родители отыскали её, но было слишком поздно, к тому моменту она уже стала студенткой университета и подчинялась законам Рэстарионской Империи. Все десять лет раз в месяц от родителей приходили скупые, безэмоциональные письма на дорожной гербовой бумаге, призывающие к её чувству долга, ответственности и прочим совершенно неинтересным юной эльфийке материям. Под конец она даже перестала их читать. Почему? Она хотела услышать совсем другие слова, а от таких писем... от них становилось только больнее.

В день выпускного, когда уже повзрослевшая и порядком поумневшая Альэдеризна вместе со всеми получила диплом мага общего профиля и честно заслуженное звание мастерины иллюзий, дававшее право преподавать данный раздел магии, у ворот университета её ждал неожиданный и не самый приятный сюрприз.

Лирстэлиэн лорд Варис ан Летериэн.

Её старший, обожаемый родителями брат. Примерный сын и гордость рода! Знали бы её родители, что эта «гордость» вытворяет вместе со своими друзьями, когда их никто не видит! За прошедшее время он не изменился нисколько. Всё те же золотые волосы до лопаток, подтянутая, жилистая фигура с мощным разворотом плеч и, разумеется, надменность и огромное самомнение сквозящее во всём: позе, жестах, выражении лица.

Да, Лирстэлиэн был всё таким же. Окинув сестру холодным, пренебрежительным взглядом, он пригласил её в стоящую рядом карету, показательно «забыв» подать руку. В ответ новоявленная мастерица гневно сверкнула глазами, но смолчала. Промолчала она и когда, «благородный» эльфийский лорд изложил ей родительский ультиматум: либо скорое замужество за выбранного родителями лорда и полное послушание с принесением клятвы на крови, либо отречение от родового имени, титула и, разумеется, наследства.

Он всё говорил... говорил.

Она молчала.

Молчала просто потому, что слов не было.

Никаких...

Альэдеризна не могла поверить в услышанное. Забыть дорогу в Эльфийсий Лес? Но... как же так? Ведь все десять лет она мечтала о том, как добьётся всего сама, как вернётся

туда состоявшейся, а главное обеспеченной магичкой, как родители простят и признают её право на самостоятельные поступки и решения, поймут, что она не просто красивая кукла, которую можно выгодно продать, прощу прощения, выдать замуж, но и личность, ничем не хуже, чем тот же Лирстэлиэн... И вот теперь, когда она уже преодолела половину пути...

Тишина в карете становилась всё более и более настораживающей. Эльфийский лорд выжидающе сверлил свою сестру глазами. Он ждал. Напряжённо и зло. Эльфийка же стиснула до боли пальцы и подняла глаза. Огромные, полные боли и осознания того, что она принимает, наверное, самое трудное решение в своей жизни. С губ девушки сорвалось лишь одно короткое и очень тихое слово:

— Нет.

Именно в это мгновение Альэдериэна леди Варис ан Летериэн перестала существовать.

Ещё в юности она, как это свойственно многим подросткам, представляла свои похороны. Как она лежит на ложе из ветвей айрэны красивая, но холодная как камень. Как на её лицо падают белые лепестки лирны. Как по очереди подходят её друзья и знакомые, а у изголовья беззвучно плачет мама. Отчего-то последнее было особенно важным. Вот только все эти глупые мечты были далеки от реальности настолько, что от этого действительно хотелось плакать. Ей самой.

Сегодня леди Варис ан Летериэн фактически умерла для всего светлого леса. Вот только не было ни ветвей айрэны, ни лепестков лирны, ни слёз высокородной эльфийки, по невероятной случайности являвшейся её матерью. Последнее, впрочем, было глупостью даже в те времена, когда она ещё пыталась быть послушной и образцовой дочерью — леди Варис ан Летериэн старшая не была способна на подобные эмоции в принципе. Не было ничего. Лишь пустая наёмная карета, крошечный тупик между двумя тавернами нижнего города, полное призрения лицо брата и его последние слова, брошенные напоследок: «Пошла прочь, безродная шавка», звучащие набатом в её голове.

Безродная шавка...

Безродная шавка...

Безродная...

Из зелёных глаз катились слёзы, а сердце в груди kloкотало в унисон со стуком колёс удаляющейся всё дальше и дальше кареты.

Мастерина мотнула головой, прогоняя так некстати всплывшие воспоминания. Совершая своё мысленное путешествие, она не заметила, как забрела к самым окраинам парка, где деревья росли, практически переплетаясь друг с другом. Заметно выступающие над поверхностью земли корни огромного дуба, явного сторожила здешних мест, которого так и не смогла вытеснить понаросшая за последние десятилетия здесь молодёжь, служили ей опорой, защищали от местной фауны и даже являлись невольным источником энергии.

Внезапно кончики её длинных ушей дёрнулись, улавливая одной ей слышимый звук.

— Грем, перестаньте прятаться! Я прекрасно видела, что вы шли за мной.

Юноша, появившийся через несколько мгновений из-за ствола огромного дуба, брата-близнеца тому, на корнях которого мастерина устроила себе временный привал, выглядел совсем иначе, чем на занятиях. Был ли виной тому переменчивый свет луны, которая уже давно взошла на небе, или другие причины, но сейчас это был подтянутый, настороженный, крадущийся, словно хищник молодой мужчина. Назвать его адептом не смог бы даже самый

неискушённый в жизни человек. Впрочем, мастерица Альэдера совсем не казалась удивлённой. Ни слежка этого человека — человека ли, — ни внезапные перемены в нём не были для неё сюрпризом.

— Представьтесь, агент! — противостоять её повелительному тону тот, кого все знали как Грем, не смог.

— Милорд предупреждал, что вы можете вычислить меня.

— Юноша, — эльфийка величественно поднялась с корня дерева так, будто сидела на троне, — я не просто могу, я делаю. Не заставляйте меня ждать. Иначе то, что пережили на днях ваши временные одноклассники, покажется вам детской сказкой.

Вытянувшись по стойке смирно «адепт» отчитался:

— Агент-одиночка третьего класса Алеард вар Шиэндр. Специализация — работа под прикрытием, охрана. Нахожусь на данной территории по личному распоряжению милорда...

— Я поняла, — перебила его мастерица, — Задача?

— Наблюдение и охрана за объектом.

— Достаточно! Вольно, агент. — Эльфийка подошла к раскрытому шпиону совсем близко и заглянула в глаза. — Что ж, значит, в ближайшие пять лет мне придётся терпеть ваше неназойливое внимание. Я надеюсь значение слово «неназойливое» вам понятно?

— Так точно, миледи.

— Я уже давно не леди, и уж тем более не миледи...

Преображение из королевы в обычную мастерицу произошло, казалось, за считанные секунды. Но прежде, чем агент успел отреагировать на это заявление, эльфийка отвернулась от него и начала спокойно пробираться в сторону школы. И только когда её силуэт почти скрылся в ночной тьме, агент вар Шиэндр услышал тихий, как шелест ветра вопрос:

— Он просил что-нибудь передать?

— Нет, миле... мастерица. Но если я вас не уберегу, то лучше мне домой не возвращаться, поэтому вы уж не усложняйте мне задачу.

— Я подправила вашу маскировку агент вар Шиэндр. А ваши специалисты могли бы уже научиться делать что-нибудь более интересное. За последние тридцать лет я выучила как минимум трёх неплохих мастеров иллюзий для вашей Горы. Передайте моим бывшим ученикам, что я крайне недовольна их работой.

Снег выпал хоть и довольно поздно, но зато столько... Весь двор академии превратился в огромное снежное поле, деревья, давно лишившиеся листвы, оделись в новый, ослепительно-белый наряд, причудливо украсивший их совсем тёмные на фоне снега стволы. Даже центральное здание академии было засыпано до середины первого этажа.

Снежная баталия была в самом разгаре.

Олинера вылезла из сугроба, радостно отфыркалась, вытряхивая хлопья снега из своих кудряшек, и с новыми силами побежала доказывать алхимикам, что и прикладники на что-то годятся.

Снежные снаряды пролетали совсем рядом, иногда приходилось пригибаться, иногда выдавался случай безнаказанно кинуть снежок из-за дерева во вражескую спину. Пробегая мимо барахтающихся в снегу Янары и Ромаро, которые уже давно перестали делать вид, что им интересно устроенное экспромтом сражение, и просто дурачились в снегу, не переставая

целоваться, Олинера лишь фыркнула. Новое увлечение подружки как-то незаметно для всех переросло в постоянное, она и сама несколько раз ловила себя на мысли, что привыкла к присутствию оборотня рядом с подружкой. Но размышлять было некогда. Алхимики не дремали. Вот уже в спину девушки прилетел снежок, и она унеслась навстречу новой битве.

Мастерина Альэдера наблюдала за развернувшейся снежной битвой из своего окна. Одета в тёплый домашний костюм, закутанная в такой же тёплый плед, она сидела с ногами на подоконнике и пила горячее вино с травами.

Зиму она не любила. С каждым годом, её удалённость от родного Леса давала знать о себе всё больше и больше. В снежное же время года приходилось особенно плохо. Ей постоянно было холодно и то и дело хотелось спать. Возможно, однажды... она просто не проснётся, замёрзнув в своей собственной постели. Вернуться же в Лес ей не позволяли ни законы, ни собственная гордость.

Но наблюдать за снежной забавой со стороны было довольно интересно. Почти всех её участников она знала по занятиям, но сейчас эти — в сущности — ещё дети, раскрывались перед ней совсем с другой стороны. В них было столько жизни, столько энергии! Когда-то и она была такой...

Вечер выпускного остался в прошлом. Утром, когда она проснулась в комнате, снятой в той самой таверне, всё уже не казалось таким трагичным. Или она просто приняла свою судьбу? Трудно сказать. Но одно теперь уже Альэдера, знала точно — она ни за что не сдастся и не опустит руки. Никогда.

Альэдера... Большинство знакомых в университете звали её именно так, теперь, когда она отрёклась от Леса или он от неё, это стало её настоящим именем — Альэдера Летерэн.

Следующие, кажется, тринадцать лет после окончания университета бывшая эльфийская леди провела в роли наёмной магички, переходя из города в город. Она сотрудничала с некоторыми командами наёмников, устраивала иллюзорные представления в тавернах, помогала в бытовой магии, накладывала охранные чары, продавала амулеты, изводила простенькую нечисть. В общем, ни за что сложное магичка не бралась, но на жизнь хватало, и её счёт в гномьем банке постепенно рос.

В город Карион эльфийка попала ранней весной. Оставив свою лошадку в таверне, Альэдера отправилась положить деньги в местное отделение банка. Путешествовать с крупной суммой наличности она не любила. Небольшой уютный домик с изображённым на нём символом открытого договора, показывающим, что недвижимость выставлена на продажу, она заметила сразу. Светлый, чистенький, в два этажа, с маленьким садиком, не далеко от центра. Казалось, он создан специально для неё. Да и городок эльфийке понравился. Не столица, но и не окраины.

Через месяц из утренней газеты жители города Кариона узнали об открытии новой магической лавки «В стране чудес». Очень скоро у огневолосой эльфийки появились первые покупатели. Эльэдера вновь вернула себе эльфийскую внешность, от которой уже порядком отвыкла — путешествовала она под личиной человеческой магички. Теперь же она выглядела такой, какой была на самом деле, лишь обрезала волосы, выкрасила их стойкой краской в огненно-красный цвет и завила их мелкими спиральками при помощи

специальной алхимической смеси. В итоге получилась копна огненно-красных кудряшек длиной до лопаток. Все ухищрения были проделаны по одной простой причине — для того чтобы все считали её полукровкой. Встретить чистокровного эльфа с такой причёской было просто невозможно.

Очень скоро о красавице-эльфийке заговорили, и любопытные зеваки потянулись сначала просто поглазеть на экстравагантную хозяйку, потом и за покупками — пройти мимо всевозможных амулетов, свёрнутых трёхмерных иллюзий и прочих вещичек было невозможно. Через год Альэдера наняла двух помощников, сама же занималась лишь изготовлением товара и работой на дому. Ну, ещё иногда устраивала иллюзорные представления в центральном ресторане города «Солнечная корона».

Это было чудесное время. Впервые за многие годы у эльфийки появилось место, которое она могла назвать домом, ей не нужно было постоянно смотреть себе за спину, появилась уверенность в завтрашнем дне. И она наслаждалась всем этим. Радостно и самозабвенно. С лица не сходила беззаботная улыбка, посетители то и дело слышали её жизнерадостный смех, а уж в окрестных тавернах её все и вовсе знали как источник беззаботного веселья. Счастье. Радость. Лёгкий флирт. Танцы на центральной площади до утра. Запах восхитительных оладьев по утрам и чашка крепкого кофе. Что может ещё быть нужно для счастья? Разве что интересная работа? Так и она у магички не переводилась.

Гром грянул тогда, когда его не ждал никто...

С момента появления Альэдеры в Карионе прошло уже больше девяти лет. Она всё так же продолжала наслаждаться свободой и необременённостью и только иногда червячок сомнений, вечно толкающий её на самые необдуманные и кардинальные поступки, выглядывал наружу, нарушая спокойствие мастерины. Впрочем, прислушиваться к внутренним голосам и прочим эфемерным собеседникам ей внезапно стало просто некогда.

Весть о том, что Карион в ближайшем будущем планирует посетить император, обрушилась на город совершенно неожиданно. Как много может изменить одно известие! Вот ещё с утра люди неспешно занимались своими привычными делами, а уже к обеду весь город превратился в суетящийся муравейник. Именно в эти дни городские власти и оценили, что значит иметь возможность обратиться к толковому мастеру иллюзий. Отремонтировать все огрехи в городе за тот короткий срок, что им предоставили, было попросту невозможно, а положительное впечатление на императора произвести хотели все. О том, что обман может раскрыться чиновники предпочитали не думать. Ну а то, что этическая сторона вопроса их не волновала, об этом и упоминать не нужно. Чиновники они и есть чиновники! Им бы свою голову прикрыть.

Вот и отдувалась мастерица Летериэн за себя, за того парня и за вот того тоже. Когда ночью эльфийка еле живая приползала домой, ей казалось, что она не работала столько за все тридцать лет своей самостоятельной жизни. Хотя, жаловаться ей было грех, доход эти дни принесли такой, что даже сама мастерица удивилась, когда из банка пришло очередное уведомление.

Император Террион III почтил столицу Карионской риесты город Карион в день летнего солнцестояния. Его встречал живой коридор из нарядно одетых жителей, радостно махавших ему, посещение праздничных гуляний и ярмарки, а также вечерний бал-маскарад с цветом местной аристократии. Рассматривая всю выставленную напоказ мишуру, как шоры, Террион прекрасно видел суть. Его же шпионы уже к вечеру предоставят полную

информацию об инспектируемом городе. Поэтому император благосклонно принимал любовь своего народа, даже если временами она была не совсем искренней — тщательно скрываемые ото всех эмпатические способности позволяли легко чувствовать это — и наслаждался незатейливыми провинциальными радостями, не забывая анализировать мельчайшие детали, которые говорили ему подчас больше, чем официальные отчёты. В отличие от некоторых своих подданных он не был ни глупцом, ни лентяем и знал цену времени.

Бывшая леди Варис ан Летериэн не присутствовал ни на торжественном въезде императора, ни на народных гуляниях по самой прозаической причине — она спала. Эльфийке было необходимо восстановиться после той каторжной работы, которая нежданно-негаданно свалилось на неё. Но на приёме она была обязана присутствовать опять-таки по служебной необходимости. Устраиваемая для императора развлекательная программа по сценарию, авторами которого были директор местного театра и местный же драматург, сопровождалась магическими спецэффектами.

Едва часы на каминной полке пробили шесть, эльфийка распахнула глаза. Нужно было вставать и начинать собираться. Когда до выхода оставалось полчаса, Альэдера впервые в жизни столкнулась с извечным женским вопросом: «Что надеть?» Как всякий хороший сапожник, она осталась без сапог, то есть про свой собственный костюм она подумать забыла. По замыслу режиссера она должна была выглядеть как обычная гостья. Про то, что любой маг поймёт, кто именно развлекает гостей иллюзиями, мастерица так и не смогла никому доказать. Твердолобость некоторых существ просто поражала.

Какой демон дёрнул благородную эльфийскую леди, пусть и бывшую, одеть на этот приём, где в сущности ей предстояло только работать, недавно сшитое платье из эльфийского шёлка, варварски выкрашенного в огненный — по-другому и не скажешь — цвет, чуть светлее, чем её собственные волосы, Альэдера не могла бы сказать и сама. Но любуясь в зеркало, на свою гибкую фигурку, затянутую в струящийся шёлк, провокационно обнажённую до колена — благодаря косому подолу — правую ножку и копну красных кудрявых волос, которые практически стали в этом городе её визитной карточкой, изменить что-либо не поднималась рука. А уж создать иллюзию маски для мастера её уровня было делом секунды. Сегодня она будет — Пламенем.

Вечер шёл своим ходом.

Альэдера спокойно стояла в стороне от танцующих с бокалом белого вина в руках. Настроение её было достаточно благодушным. Простенькое заклинание отвода глаз обеспечивало ей отсутствие лишнего внимания, лёгким ветерок из окна приятно тормозил волосы, а молодое вино было весьма и весьма неплохим, видимо ради приезда императора наместник риэсты расстарался как мог.

Раздавшийся из-за её плеча мужской голос стал для неё полной неожиданностью:

— Позволит ли леди пригласить себя на танец?

Мастерица резко дёрнулась и повернулась.

Перед ней стоял, склонившись в придворном поклоне, незнакомый мужчина. Он был скрыт костюмом Вечного Стража, который согласно хроникам Изначального сторожит вход в его чертоги. Строгий чёрный костюм, развевающийся чёрный плащ с глубоким капюшоном, скрывающий пол-лица и бутафорский амулет, выполненный в виде

переплетающихся символов смерти и равновесия. Весьма неинформативно — был единственный вывод сделанный мастериной. Всё что позволял рассмотреть костюм — высокий, даже для неё, рост, широкий разворот плеч и крепкое телосложение.

Пауза затягивалась, а незнакомец всё продолжал протягивать свою руку. Закончив показательный осмотр субъекта, Эльэдера обворожительно улыбнулась:

— Леди, может быть, и позволит... Вот только я — не леди, — при этих словах эльфийка подняла одну бровь и ехидно улыбнулась.

Вот только незнакомца было совсем не так просто смутить:

— Леди — не та кто носит громкие титулы, леди та у кого это в крови. Даже когда вы будете облачены в лохмотья, вы останетесь леди, — голос мужчины был глубоким с лёгким акцентом, но очень приятным.

— Хотелось бы сказать, что не танцую с незнакомцами, но боюсь, даже этой возможности я сегодня лишена, — Альэдера с показной неохотой протянула лорду свою руку.

— Разумеется! Маскарад не терпит имён. Я буду звать вас леди Пламя. — Мужчина вывел огненную эльфийку на середину бальной залы и легко закружил в уже играющем вальсе. Они плавно заскользили по паркету, не задумываясь выполняя простые движения.

— Вы намекаете на то, что хотите быть лордом Тьмой или лордом Вечным стражем? И не надейтесь!

Но её слова уже не имеют значения.

Шаг. Поворот. Он наступал. Она делала вид, что отступает. Слитные, зеркальные движения. Переплетение тьмы, пламени, нежности и... страсти.

Шаг. Поворот. Хитрый зелёный взгляд в прорезях огненной маски. Лукавый и готовый к стремительной осаде за монолитом чёрной. Битва? Танец? Или, может быть, что-то иное...

— Вам не кажется, что вы превышаете допустимую этикетом дистанцию, — наконец разрушает очарование момента её насмешливый голос.

— Жестокая! Вы лишаете меня единственной возможности оказаться хоть немного ближе к вашей ослепительной красоте! Не боитесь разбить моё ранимое мужское сердце?

— Ранимое?! — насмешка в её голосе не оставляет сомнения, в том что она думает о «ранимости» его сердца, — Может быть, это моё любимое развлечение?

— Разбивать мужские сердца?

— Несомненно! На завтрак, обед и ужин. Вам не страшно?

— Пожалуй, я рискну!

— Любите риск?

— Иногда я готов на него пойти, когда он того стоит, — губы незнакомца оказались неопозволительно близко от её собственных, тело бессознательно подчинялось умелым и сильным рукам и, если бы ещё мгновение... Но танец кончился раньше, чем произошло неизбежное. Пары начали расходиться, и мужчине поневоле пришлось отвести Альэдеру обратно.

— Вы позволите сегодня быть вашим спутником? — вопрос прозвучал скорее, как утверждение.

— Можно подумать вас волнует моё мнение?

— Отдать дань вежливости никогда не бывает лишним...

— Разумеется, — улыбка эльфийки так и светилась ехидством.

— Ну и потом, неужели вам неприятно моё общество. Уверю вас, я могу быть очень

галантным кавалером, — сказав это, мужчина склонился к руке девушки в показательном поцелуе.

— Хорошо оставайтесь, только предупреждаю: я здесь на работе.

— Как? И вы? И чем же занимается прекрасная леди?

Альэдера предпочла показать, создав на своей руке уменьшенную иллюзию дерева саккуримы, усыпанного лиловыми цветами. Увидев это, незнакомец лишь понятиливо кивнул:

— Леди — мастерица иллюзий?

— Помимо прочего, — подтвердила эльфийка.

Коротать время в обществе незнакомца оказалось на удивление интересно. На поверку первое впечатление оказалось обманчиво — за манерами светского повесы скрывался умный и ироничный собеседник. Весёлая пикировка, нечто среднее между флиртом и спором, быстро увлекла обоих. Язвительные комментарии и ехидные улыбки то и дело срывались с их уст. Но... стоило прозвучать сигналу, собирающему всех на развлекательную программу, мастерица посерьёзнала и выругалась, в очередной раз не одобряя бредовую идею местных массовиков-затейников.

— Чем недовольна огненная леди? — услышав вопрос, эльфийка лишь недовольно фыркнула, но потом всё же объяснила своему невольному спутнику ситуацию.

Подумав немного лорд-незнакомец — как его стала называть Альэдера — внёс неожиданное предложение:

— А если я прикрою нас обоих отражающим щитом, а сверху накину полог невидимости?

— А вы потянете? — эльфийка не столько сомневалась в словах собеседника, даже несмотря на его щиты — к слову сказать, весьма сложные — она видела огромный магический потенциал, которого с головой хватало не только на радужный или отражающий щит, построить который сама она могла только при условии, что сегодня не придётся больше колдовать, но и на десяток дальних порталов, сколько хотела лишней раз поехидничать.

— Леди не верит в мои силы? — незнакомец в очередной раз поцеловал её руку. Абсолютно светский, казалось бы, жест, но в его глазах, единственном, что можно было разглядеть на фоне чёрной кожаной маски, закрывающей всю верхнюю часть лица, плясали при этом такие демонята, что самые обычные вещи начинали обретать новый подтекст.

С шутливым недовольством эльфийка выдернула руку и слегка ударила по плечу мужчины сложенным веером, спешно призванным из пространственного кармана ещё полчаса назад специально для этой цели:

— Ну что вы... Как я могу? Если благородный лорд-незнакомец бескорыстно готов оказать мне столь необходимую услугу...

— Про бескорыстие никто ничего не говорил, моя дорогая. Но я думаю, один танец с вами сможет окупить любые, даже самые невыполнимые подвиги.

Мастерица лишь выругалась про себя. Танцевать с мужчиной вновь, она, откровенно говоря, опасалась, памятуя о своей неординарной реакции на его близость, но подставляться под взоры столичной аристократии не хотелось ещё больше. Скорчив недовольную гримасу, она кивнула:

— Договорились. Только тогда с вас ещё и заклинание отвода глаз седьмой ступени, —

в гости вновь. Когда прозвучал последний аккорд и в зале погас свет, она облегчённо вздохнула — работа на сегодня была закончена. Только всё ещё стоящий за её спиной лорд был, похоже, иного мнения. Он по-прежнему прижимал её к себе, чуть поглаживая талию. Стоило только эльфийке отвлечься от работы, как их глаза встретились.

— Ну вот и всё, — мастерица улыбнулась радостно и немного смущённо, последнего, признаться, она сама от себя не ожидала, — можно снимать заклинания.

— Ну вот и всё, — согласился мужчина, а руки его продолжали медленные, уже скорее чувственные, чем успокаивающие движения, губы оказались в опасной близости от губ эльфийки, а глаза... его глаза, казавшиеся ей до этого тёмно-карими, вдруг наполнились огненными искрами, мерцающими, как пламя свечи в тёмной комнате, завораживающими, как огонь костра, манящими, как... Да какая разница как! Какое значение мог иметь весь мир, когда дыхание замирает, сердце бьётся в горле, а вся вселенная сужается до его глаз и таких желанных губ, которые, будто дразня, замерли в сантиметре от неё, обдавая горячим дыханием.

— Скажи да, — тихий искушающий шёпот мужчины.

Кажется, она искренне (или не очень) собиралась его оттолкнуть, но губы, будто сами собой, прошептали совсем другое:

— Да.

Одно короткое слово... Нежные, едва уловимые касания. Прерывающиеся дыхания. Страстный отклик, не менее страстное продолжение и... завораживающий калейдоскоп эмоций.

Залп.

Глухой залп магического фейерверка. Второй. Третий...

Они раздались над городом, и ночное небо раскрасилось осыпающимися, будто снег, звёздами и взлетающий в вышину яркими хвостами комет.

Распускающиеся цветы, невиданные птицы и животные, контуры сказочного города — всё это поражало воображение горожан, и даже многие столичные аристократы остались весьма довольны зрелищем.

И только двое незнакомцев, самозабвенно целующих друг друга под пологом невидимости, совсем недалеко от толпы любующихся этим самым фейерверком гостей, оставались безучастны ко всем магическим чудесам. Но то, что испытывали они... было в десятки, нет, сотни раз восхитительней. Тьма и пламя. Взлёт и падение. Шёпот и едва слышный стон...

Когда он повторился вновь, уже слишком громко, мужчина с сожалением оторвался от губ девушки:

— Тише, моя хорошая. Тише... — он развернул эльфийку к себе и спрятал её пылающее лицо на своей груди, успокаивающе глядя по спине, пытаясь одновременно хоть немного обуздать собственный порыв. — Мы здесь не одни.

От осторожных и ласковых движений Альэдера только крепче прижалась к мужчине и совершенно не осознавая этого легонько потёрлась щекой о его плащ. Отчего этот незнакомец вызывает у неё такие эмоции? Почему голова начинает кружиться, а колени подкашиваться от желания просто от того что он стоит рядом? Альэдера не смогла бы ответить на этот вопрос. Да и не собиралась. Сегодня она собиралась забыть обо всём: не думать, не сомневаться, просто позволить себе хоть ненадолго побыть счастливой.

Эльфийка немного отстранилась и подняла глаза, чтобы встретиться с его взглядом, ставшим вновь просто карим, хотя где-то в глубине всё ещё можно было различить притаившиеся золотые искры.

Кажется, она собиралась что-то спросить, но он успел раньше.

— Ты...

Он запнулся, не зная, как спросить о том, что было очевидно обоим, но тем не менее требовалось как-то озвучить... «Ты пойдешь со мной?», «Ты будешь сегодня моей?», «Будешь принадлежать мне целиком, потому что на меньшее, я боюсь, с тобой не соглашусь...». Так и не сказав ничего, он молчал, не сводя с неё взгляда.

Но эльфийка поняла его и сама. Привстав на носочки, она прошептала ему в самое ухо:

— Да...

Неожиданный стук в дверь оторвал мастерицу от сладких, но таких болезненных воспоминаний. Впрочем, реальность ей понравилась ещё меньше. Вино давно было выпито, пальцы стали холоднее снега за окном, коса растрепалась — размышляя, эльфийка неосознанно её теребила, — глаза покраснели от едва не пролитых слёз. Стук повторился. Мастерина наконец набралась храбрости и выбралась из под тёплого пледа. Она поежилась от холода, хотя объективно в комнате было тепло, подбросила в пылающий камин ещё несколько поленьев и пошла открывать нежданному визитёру.

На пороге стоял мастер Дерэна, одетый в один из своих выходных костюмов, идеально причёсанный, гладко выбритый, с букетом карликовых жёлтых хризантем. Хоть сейчас на бал! На его фоне растрёпанная и по-домашнему одетая эльфийка смотрелась абсолютно несуразно. Но стоило Альэдере рассмотреть, кто именно почтил её своим присутствием, как ситуация изменилась кардинальным образом. Она смерила посетителя, который вообще-то был её непосредственным начальником, надменным взглядом, выпрямилась, одновременно создавая лёгкую иллюзию на лице и приводя волосы в порядок при помощи заклинания. Можно было бы и полную иллюзию создать, но не тогда же когда свалившийся как снег на голову гость уже стоит в дверях и с любопытством тебя разглядывает. С господином же ректором при виде того, как девушка, ещё секунду назад казавшаяся такой простой и человечной, на его глазах вновь превращается в холодную и недоступную королеву, происходили обратные изменения. Весь напускной лоск и уверенность куда-то исчезали, мысли в голове начинали путаться, а уверенность в том, что, может быть, в этот раз ему всё же удастся достучаться до сердца местной красавицы, таяла на глазах. Но он никогда не боялся трудностей и вновь направился на преодоление непокоряющейся вершины.

— Мастерина! Вы позволите войти?

— Входите. — Эльфийка посторонилась, пропуская мужчину в комнату. Расшаркиваться с ним по всем законам эльфийского этикета она не собиралась. Во-первых, ей на них давно было плевать, а во-вторых, она, строго говоря ничего, и не нарушала — эльфийский этикет создавался эльфами для общения исключительно с эльфами же, другие расы он своим вниманием не охватывал. Потому мастерица с чистой совестью перешла сразу к делу — Что-то случилось? Какая срочная необходимость привела вас ко мне?

— Альэдера, неужели я не могу навестить вас не как начальник... — поняв, куда клонит маг, мастерица лишь поморщилась, отошла к окну и, наплевав на все приличия, повернулась к гостю спиной. Она прекрасно знала, что сейчас ей скажет уважаемый мастер-артефактор. Слышала. Не раз, не два и, к несчастью, даже не три.

Первые два или даже три года её работы здесь у них с мастером Дерэна были чисто деловые отношения, и более замечательного начальника и пожелать было нельзя. Но... стоило мастерице смириться со своей судьбой, начать получать удовольствие от работы и пару раз неосторожно раскрыться при общении с ним, немного отходя от привычного образа холодной и неприступной эльфийки, как его отношение изменилось. Сначала были ненавязчивые ухаживания, которых она избегала. Потом — уже навязчивые встречи, внезапные, в самых неожиданных местах. Кстати привычку ходить по академии под чужой личиной мастера она приобрела именно тогда. Это потом она была возведена в рамки местной легенды из-за чего и приходилось поддерживать марку, да и дурить адептам головы мастера она ой как любила. Уж что-что, а покладистый характер никогда не значился в списке её недостатков.

Мастер Дерэна же тем временем говорил и говорил. Он признавался в любви, умолял дать ему шанс, напоминал об уходящем времени. Альэдера слушала всё это лишь краем длинного эльфийского уха, и обречённо терпела, успокаивая себя лишь мыслью, что скоро очередная попытка потерпит неудачу, и её оставят в покое до следующего раза. К сожалению, с каждым годом повторялось подобное всё чаще и чаще.

Когда же он поймёт, что всё бесполезно... — с тоской подумала она. Начать жить? Оглядеться вокруг? Какой во всём этом смысл? Да и зачем пытаться кого-то полюбить, когда она уже любила. До сих пор. А начинать отношения без любви, ради голой физиологии (да-да был у мастера Дерэна и такой волшебный аргумент), нет, на это эльфийка не пошла бы никогда. Она слишком хорошо помнила, что такое любить и быть любимой, ощущать это в каждом взгляде, в каждом мимолётном касании, в каждом... да во всём, чтобы теперь довольствоваться чем-то меньшим.

Перед её глазами вновь возник его образ, таким, каким он был в самом начале их знакомства и эльфийка улыбнулась уголками губ, вот только реальность вторглась в её мечты самым навязчивым образом:

— Да сколько же это может продолжаться?! — раздался где-то совсем близко отчаянный и возмущённый крик мастера Дерэна. Сильные мужские руки развернули её к себе, требовательно схватили за плечи и встряхнули.

— Сколько это будет продолжаться? — Ещё раз разгневанно воскликнул маг. — Сколько ты ещё собираешься хоронить себя, оплакивая того кто растоптал твоё сердце? Не проще ли пойти и сброситься со скалы? Будет намного гуманнее. Сколько уже прошло? Уже тридцать лет ты работаешь здесь и по-прежнему страдаешь... Начни наконец жить!

Эльфийка смотрела на преобразование мужчины расширенными скорее от удивления, чем от страха глазами. От неожиданности и абсурдности происходящего все заклинания вылетели из её головы. Но когда он наклонился совсем близко и начал требовательно целовать... Всё произошло быстрее, чем она успела подумать. Исключительно на рефлексам. Чуть отклониться, ударить под коленную чашечку, высвободится из захвата и произнести слова активации боевого амулета, не приметного браслета, который невозможно было снять никому, кроме того, кто его одел, сама она во всяком случае так и не смогла.

— Нерраширеа гриано!

Парализующее заклинание вещь неприятная.

Застывшая изваянием фигура ректора среди комнаты была лишним тому подтверждением. Оценив получившийся монумент, эльфийка посчитала беседу закончившейся.

— Доброго вам вечера, мастер Дерэна. Было крайне приятно пообщаться. И я не советую вам повторять попытку, в следующий раз я не буду столь гуманна. — Лицо эльфийки при этом оставалось совершенно спокойным, можно даже сказать отстранённым, будто бы это не она ещё секунду назад сверкала от возмущения глазами и ругала нежданного посетителя про себя на чём свет стоит. Также спокойно девушка подняла неподвижную фигуру гостя в воздух при помощи простейшего заклинания левитации и отправила её восвояси, даже проводила до дверей его квартиры и обеспечила пологом невидимости — со времён того памятного бала она освоила это заклинание в совершенстве.

Вот только стоило эльфийке вернуться и остаться один на один со своими мыслями, как маска напускного равнодушия слетела с её лица. Девушку ощутимо потряхивало. Всё же она порядком отвыкла от таких приключений. Хорошо хоть привычные реакции не подвели. Мастерина улыбнулась и с нежностью погладила браслет. Его лорд-незнакомец одел когда-то собственноручно, запечатав каплей своей крови и каким-то хитрым заклинанием. Слова, сказанные когда-то с такой любовью и заботой, она помнила до сих пор так, будто слышала только что: «Я не всегда буду рядом, маленькая. А эта вещичка поможет тебе. До тех пор пока я жив, никто кроме меня не сможет снять этот браслет». Вещица помогала и не раз. Факт. И снять браслет не смог никто. Тоже факт. Даже когда она сама пыталась избавиться от любого напоминания о нём и уничтожить браслет — потерпела неудачу. Эльфийка закрыла глаза и устало прислонилась к стене.

Он.

Опять он.

Везде...

В каждом слове.

В каждой мысли.

Всегда.

В комнате эльфийки пара оказалась практически сразу после окончания бала. Стоило им отойти от толпы, как лорд-незнакомец поинтересовался лишь об одном:

— Куда огненная леди желает попасть? — предвкушающую улыбку на его губах не смогла бы скрыть даже самая качественная иллюзия. А уж губы, нежно целующие в это время пальчики девушки один за другим и многообещающий блеск в глазах, сверкающих в прорезях маски, приводили её в такое состояние...

— Домой, — тихо прошептала она, боясь, что если скажет ещё хоть слово, то вместе с ним вырвется стон, а возможно и не один. Понимающе улыбнувшись, ее спутник велел закрыть глаза:

— Думай о месте, где хочешь оказаться. Всё остальное я сделаю сам, — он обнял её, крепко прижимая к себе, и мастерица почувствовала движение магических потоков вокруг. Хотя, признаться, они были последним, что её волновало. Стук его сердца, горячие руки, защищающие от всего мира, одурманивающий запах горького шоколада, миндаля и дорогих сигар и дикое предвкушение того, что должно было вот-вот случиться. Требовательные губы начали целовать её раньше, чем портал доставил их на место. Она всё ещё чувствовала, как магические нити заклинания пронзают пространство, а его губы уже сводили с ума, заставляя забыть обо всём, руки гладили спину, дерзко спускаясь всё ниже и ниже и только её собственные тихие мурлыкающие стоны, нарушали тишину.

Позже она искренне удивлялась, что они попали туда куда нужно.

Нетерпеливо стаскивая друг с друга одежду в её прихожей, они не переставали целоваться. Но едва руки мужчины потянулись к собственной маске, в голову эльфике пришла безумная идея:

— Нет. Оставь. Я тоже не буду снимать иллюзию. Пусть маскарад продолжится... — на её губах при этих словах заиграла хулиганская улыбка, а нежные пальчики начали гладить грудь мужчины.

— Леди желает поиграть? — понимающе хмыкнул он, ловя её руку.

Альэдера придала лицу самое что ни на есть светское выражение и придав и голосу соответствующую интонацию ответила:

— Леди желает приключения, — а потом уже смутившись собственной смелости добавила, искоса глядя на собеседника из под ресниц, — Маленького.

Ответом ей был довольный хмык:

— Если маленькая леди желает — она его получит, — в ту же секунду лорд-незнакомец притянул девушку, единственной одеждой которой благодаря его стараниям было бельё из тонкого кружева, к себе, подхватил её на руки и целеустремлённо зашагал на второй этаж. Стоило им оказаться в спальне, как он уложил эльфийку на кровать, довольно хмыкнул, увидев сваленные на кресле платья и начал перебирать этот ворох одежды, что-то в нём ища. Девушка наблюдала за его действиями с неприкрытым интересом.

— Не передумала? — напоследок спросил он. В призрачном свете луны фигура незнакомца в расстегнутой рубашке со скрытым маской лицом казалась демонической, но при этом такой притягательной.

— Конечно нет! — Отказываться от собственных слов, вырвавшихся случайно, эльфийка совсем не собиралась, да и маленького — или не очень — приключения действительно хотелось, в конце концов, иногда можно и забыть о правилах приличия и воспитании и позволить себе немного больше, чем обычно...

Мгновение, и он оказался над ней, прижимая большим, тренированным, таким волнующим её телом к кровати. Тихий шёпот мужчины, перемежающийся поцелуями по слишком чувствительным, как у всех эльфов, ушам мастерины, отзывался во всём её теле.

Когда он поднял её первую руку и, обхватив её шёлковым чулком, зафиксировал, девушка лишь непонимающе ойкнула, когда судьбу второй повторила и вторая её конечность...

— Что... — её возмущенный вопль оборвался, когда полоска плотного шарфа закрыла глаза.

— Маленькое приключение, моя маленькая.

Альэдера беспокойно задёргалась проверяя прочность пут, но мужские руки осторожно уложили её на спину и тут же огладили всё тело успокаивая и одновременно возбуждая:

— Не бойся, — вновь услышала она жаркий шёпот у самых своих губ, — если тебе не понравится, я сразу же отвяжу. Но тебе понравится... Я обещаю.

Благородные лорды, даже неизвестного происхождения, всегда держат своё слово. Иначе как сумасшествием, то что происходило в ту ночь, мастерины не могла назвать до сих пор.

Его руки. Его губы. Чуткие едва ощутимые, почти невинные ласки. Искушающие, дразнящие, сводящие с ума. Невидимые дорожки из поцелуев, нарисованные его губами на всём её теле: шею, груди, закручивающиеся спиралью на животе, спускающиеся вдоль линии

стройных ножек, замирающие на пальчиках и, конечно же, ушках — от чего эльфийка мурчала как кошка. Хриплый искушающий шёпот. Иллюзия полной беспомощности, которая просто сводила с ума. Темнота. И он. Только ОН... Везде. Во всём!

Она никогда не думала, что от страсти можно не просто стонать — кричать в голос. Что мурлыкающий хриловатый шёпот станет центром её мироздания. Что желание будет сплетаться с предвкушением, страстью и, как это ни удивительно, нежностью. Что какой-то мужчина сможет довести её до того, чтобы она, благородная эльфийская леди, начала тихо поскуливать от неудовлетворённости, выгибаться навстречу его телу, и шептать лишь одно:

— Пожалуйста, я больше не могу...

— Попроси меня, — даже неприкрытое самодовольство в его голосе уже не имело значения.

— Пожалуйста... — головокружительный поцелуй и дерзкие сводящие с ума ласки там, где уже и так тлело желание, и шёпот:

— Громче, малышка! Я хочу знать, как сильно ты меня хочешь... — стали последней каплей.

— Да возьми же ты меня, наконец, демон тебя подери! Иначе клянусь, я сама тебя изнасилую, — шёлковые чулки, сковывающие её руки, натянулись, но выдержали. Тело выгнулось дугой, а довольный смех лорда-незнакомца тут же сменился протяжным женским стоном... а затем и его собственным:

— Маленькая... МОЯ Маленькая...

В ту ночь было всё. Они любили друг друга долго страстно иступлёно — то задыхаясь от страсти, то купая друг друга в удивительной нежности. Временами, ей казалось, что она не сможет больше пошевелить и пальцем, но чуткие, знающие руки легко разубеждали её в этом каждый раз, а губы, то настойчивые, то нежные, то ласковые, то дразнящие, заставляли просить и умолять, загораться желанием, разжигать его в нём и... тонуть друг в друге.

Ночь...

Одна единственная ночь...

Она стала для них обоих целой жизнью, целым миром, сохранённым в тайне ото всех под пологом ночи.

ГЛАВА 2. Императорский двор или знакомство продолжается

Зимние ночи холодны, темны и совсем не предназначены для прогулок. Тем не менее один из адептов, наплевав на все эти неудобства, стойко пробирался по заснеженному парку академии к одному ему известной цели. Было темно, хоть глаз выколи. Небо заволочло тучами, с которых вот-вот должен был вновь повалить снег. Только ослепительно белое — днём, а сейчас таинственно-серебрящееся — снежное покрывало помогало ориентироваться в пространстве, но одновременно становилось довольно сложным препятствием. Пробираясь сквозь рыхлый, почти метровый снежный слой — удовольствие не из приятных.

Впрочем, не было похоже, чтобы для нарушителя режима академии всё это было проблемой. Он уверенно рассекал белоснежную целину, которая, стоило ему отойти на три шага, вновь возвращалась к своему первоначальному состоянию, ловко уворачивался от цепляющихся веток, уверенно направляясь к тому самому дубу, где ещё осенью был пойман с поличным наблюдательной мастериной.

Там его уже ждали.

Силуэт высокой, мощной фигуры, едва различимой на фоне переплетающихся друг с другом ветвей, был слишком хорошо известен агенту, немаловажной причиной для этого было почти постоянное присутствие этой самой фигуры в его кошмарах, которые с каждым зимним днём посещали его всё чаще и чаще.

— Милорд...

— Вольно, агент, — раздавшийся из под капюшона голос был холоден и спокоен, однако мнимый адепт не спешил расслабляться. Алеард вар Шиэндр прекрасно знал, что за таким спокойствием может скрываться всё что угодно.

— По какой причине мастерица Альэдера активировала боевой артефакт?

Агент понимал, что предчувствуемые им всю вторую половину дня неприятности надвигались на него со страшной скоростью, но избавить его от доклада не смог бы даже наступивший сию же секунду конец света.

— Весь день мастерица находилась в своих апартаментах. В четыре часа двадцать две минуты после полудня у неё был посетитель...

— Кто? — напряжённо оборвал доклад его начальник, Алеарду в этот момент даже стало откровенно жаль ректора, всё-таки неплохой он мужик, да и как ректор был на своём месте. А в том, что завтра этот самый ректор у академии всё ещё будет, у агента были большие сомнения.

— Мастер Корвус Дерэна... — наконец произнёс он, искренне надеясь, что не вынес сейчас магу-артефактору смертный приговор.

— Ректор? — хищно уточнил скрытый плащом милорд.

— Так точно.

— Понятно. Разберусь. Как Альэдера?

— Зима. Как вы и предупреждали... пару раз уходила от слежки, но ничего особенно в это время с ней не происходило.

— Развлекается, — понятливо хмыкнул милорд совершенно другим тоном, в его голосе сквозила теплота и, что самое удивительное, радость. — Дери может.

И уже с привычной холодностью:

— За каждую удачную попытку ответите мне потом лично, агент.

Алеард мысленно взвыл и выругался. Попасть на тренировки к милорду было не просто плохо... Жизнь несчастных превращалась в кошмар наяву. Хоть иди и падай в ноги к мастерине, чтобы умерила своё чувство юмора.

— Так точно, милорд.

— Официальный отчёт отправите как обычно. Свободны, агент.

Алеард отработанным движением развернулся, не задумываясь сделал несколько шагов, и только потом вспомнил, что сказал не всё. Возвращаться не хотелось, но тихий голос эльфийки всё ещё стоял в его голове и не давал покоя:

— Милорд... Мастерина спрашивала о вас, — развернувшись, сказал он.

— Что вы ответили? — насторожился его начальник.

— Ничего. Как вы и велели, — замялся подчинённый, а потом, решив, что терять ему всё равно уже нечего, а любопытство гложет, продолжил, — Милорд... можно личный вопрос?

— Попробуйте...

— Чем вы планируете, будет заниматься мастерина, когда вам удастся всё, что вы хотите.

— Не думаю, что это вас касается. Но могу гарантировать, что вы непременно встретитесь — в разведшколе много работы... Впрочем, всё будет зависеть от решения самой Альэдеры, — радость и предвкушение в голосе мужчины были смешаны с тревогой и тоской. — Свободны.

Ослушаться на этот раз Алеард не посмел. Единственное о чём он молился, так это о том, чтобы не попасть в личную охрану к будущей миледи. В её возможностях и чувстве юмора он уже имел неприятную возможность убедиться. А уж с таким мужем...

Оставшись один, скрытый плащом мужчина некоторое время молча стоял, прислушиваясь к окружающему пространству, а затем, приняв какое-то решение, уверенно зашагал в сторону центрального корпуса академии. В отличие от своего подчинённого он даже не наступал на снежный покров, шагая будто над ним. А вскоре и фигура его исчезла, скрытая пологом невидимости. Через некоторое время открылся чёрный ход, чтобы тут же бесшумно захлопнуться.

Спящее, практически пустое здание молчало. Ничто не нарушало его покой. Молчали охранные заклинания. Молчали пустые коридоры и опустевшие на ночь классы. Молчал посапывающий в своей комнате дежурный. Только в центральном холле размеренно тикали часы.

Невидимым и неслышимым силуэтом собеседник Алеарда вар Шиэндра проскользнул внутрь, не потревожив ни охранные заклинания, ни царящую в здании идиллию безмолвия. Единственным существом, которого планировал потревожить сегодня милорд, был совершенно конкретный господин, чьё присутствие он, как и ожидалось, легко обнаружил на преподавательском этаже. Мужчина быстро перемещался по зданию, будто бывал здесь неоднократно, хотя на самом деле видел эти коридоры впервые. Но, читая бесконечные отчёты о той, кто уже столько лет была центром его жизни, он каждый раз представлял её здесь. Видел, будто наяву, как мастерина Альэдера легко шагает по переходам, идёт в класс, как бесцеремонно садится на стол во время занятий, перекидывает на плечо косу и таким

привычным для него движением заправляет выбившуюся прядь за ухо...

Представляя свою любимую милорд незамеченный никем поднялся на преподавательский этаж. Уютный коридор, встретил его приглушённым освещением и уже привычной тишиной. Почти все уже спали. Она... она тоже спала. Чувствительный слух представителя высшего народа позволял легко перестроиться на необходимый диапазон звуковых волн, чтобы услышать её дыхание, чуть слышный стон, который сорвался с таких желанных для него губ... Напомнив себе о цели своего посещения, незванный гость направился дальше. С каждым шагом, удаляющим его от заветной двери, становилось всё тяжелее, но он запрещал себе останавливаться, упрямо удаляясь от той, что была для него всем, не имея права подвергать её жизнь ещё большему риску.

Ректор не спал. Мастер Дерэна коротал ночь наедине с бокалом коньяка, сидя в глубоком кресле у пылающего камина. Опустив все театральные эффекты, так любимые его беспокойно спящей сейчас половинкой, мужчина сбросил с себя полог невидимости и спокойно прошёл внутрь помещения. Хотя ему и не нужны были никакие дополнительные устрашающие средства. Само появление мощной фигуры незнакомца, скрытой чёрным плащом, среди полумрака гостиной стало для мага-артефактора шоком.

Корвус не был бойцом. Он не привык к открытому противостоянию. Хитрые уловки, припрятанный в кармане пиджака амулет, различные зелья. Даже должность ректора он получил исключительно благодаря хитрой подковёрной интриге. И сейчас, столкнувшись с непонятно откуда взявшимся незнакомцем, во всём облике которого угадывалась неприкрытая угроза, он ошарашено пытался понять затуманенным алкоголем сознанием, что происходит.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? По какому праву... — неуверенно поднимаясь со своего места запинаясь проговорил он, но был решительно перебит:

— Думаю нам с вами, господин ректор, есть о чём поговорить, — незванный гость в мгновение пересёк гостиную, остановился в шаге от ректора и откинул капюшон плаща.

Ректор побледнел. Его руки осязательно задрожали. Вспомнить об этикете и правилах гостеприимства удалось с большим трудом.

— Пприсаживайтесь, милорд.

Мастер Дерэна проследив за тем, чтобы гость устроился, вновь сел на уже привычное за этот вечер кресло. Предложив милорду жестом присоединиться к его скромному ужину он, получив согласие, налил тому бокал коньяка и только потом поинтересовался:

— Чем я могу быть вам полезен?

Милорд был совершенно спокойным, даже пригубил коньяк, что наверное было хорошим знаком, вот только на взгляд Корвуса не предвещало это спокойствие ничего хорошего.

Наконец гость заговорил:

— Сегодня одна из ваших преподавательниц мастера Альэдера активировала боевой защитный артефакт.

Сказать, что мастер Дерэна побледнел ещё больше — это не сказать ничего. В ужасе он сделал глоток коньяка, но тут же поставил его обратно на стол, опасаясь просто уронить бокал. Внезапно все недоговорки рыжеволосой эльфийки, чьим образом маг-артефактор бредил уже столько лет, сложились вместе, дополнились сегодняшним визитом и превратились в целостную картину. Корвус Дерэна понял если не всё, то очень многое. В первую очередь главное — ему никогда не удастся добиться взаимности мастерины. Есть

ситуации, когда, только узнав исходные данные, ты понимаешь, что это — не твоя война. Эта была из таких. Мастер Дерэна тут же поспешил озвучить свою позицию:

— Милорд, я прошу прощения, если бы я только знал, я ни в коей мере не собирался тревожить покой вашей... — на этом месте маг замялся, но всё же смог выкрутиться, — подопечной. Уверяю вас, такое больше не повторится.

Корвус мог бы извиняться и дальше, но гость жестом прервал его.

— Достаточно. Но в следующий раз я предупреждать не буду, — покровитель мастерины Альэдеры не угрожал, не кричал, он констатировал факт. И его чёткий будничный тон, которым он явно привык отдавать команды, убедил артефактора в серьёзности угроз намного лучше, чем любые силовые демонстрации. Тем более, лично мастеру Дерэна было даже страшно представить, на что способно существо с таким могуществом. А уж становится на его пути. Нет уж, никаких прекрасных глаз мастерины не хватит.

Милорд, наблюдавший метания своего собеседника, прекрасно представлял, о чём тот думает. Он специально выпустил часть силы, давая понять на что способен. Но даже невзирая на уровень силы, физические различия и многое другое, он знал, что за свою любовь сражался бы до конца. Несмотря ни на что... Что собственно милорд и делал последние тридцать лет. Даже тогда, когда все твердили ему, что выхода нет...

Теперь, когда он решил основной вопрос и разобрался с очередным поклонником своей половинки, можно было обдумать и внезапно возникшую мысль. Перед лордом сидел один из лучших людских магов-артефакторов. Мастер. Пожалуй, относительно Корвуса Дерэна это было не просто вежливое обращение. Признавать заслуги других лорд умел. Сможет ли этот мастер помочь ему хоть чем-то? На первый взгляд — нет, что обычный человек может увидеть там, где не справились лучшие маги-драконы? Но что если перед ним сидит тот, кто способен увидеть пусть даже не сам выход, хотя бы его направление. Когда-то Дери сказала ему, что высшие расы вечно недооцениваю людей. Возможно, настал момент проверить одну из теорий его половинки?

Осторожно подбирая слова, милорд начал говорить:

— Я надеюсь, мы пришли к взаимопониманию по первому вопросу и больше затрагивать его нам не придётся. Я же хотел обсудить с вами некоторые аспекты вашей рабочей деятельности...

Впереди их ждал разговор. Трудный и непростой. Что он за собой повлечёт? На этот вопрос не взялся бы ответить ни один из собеседников.

Бал в честь зимнего солнцестояния изменил академию до неузнаваемости. Засыпанное снежными сугробами здание посреди огромного парка и так было удивительно прекрасно, а уж после усилий магов и мастеров различных магических ремёсел... Простых слов для того чтобы описать невероятное волшебное зрелище уже не хватало.

Все окна были «расписаны» под морозную изморозь. В коридорах вместо магических светильников горели объёмные переливающиеся тысячей искр снежинки. С потолка падал иллюзорный снег. Бальный зал — имелся в академии и такой — вовсе был превращён в ледяную сказку: иллюзия звёздного неба на потолке, ледяное озеро вместо привычного паркета, огромные светящиеся снежинки, словно танцующие вместе со всеми над такими же

танцующими парами, волшебный ледяной лес, обрамляющий «озеро» по периметру, украшенный гирляндами магических огней и крошечные золотистые феи, снующие то тут, то там и забавляющие всех своими проделками, их жизнерадостный смех, напоминающий перезвон колокольчиков, сливался с мелодией музыки, звучавшей, казалось, с самого неба...

Мастерина Альэдера наблюдала за всем этим торжеством зимней красоты сверху, укрытая пологом невидимости. Периодически она запускала в толпу то одну из своих эльфийских личин, то другую, создавая ощущение присутствия вредной мастерины иллюзий. Совсем скоро начнутся зимние экзамены, которые мастерица не особо любила — зимой она традиционно принимала только теорию, что было муторно и скучно. Зато летом... Эх, про лето лучше было не думать. Потеплее закутавшись в толстый шерстяной кардиган, эльфийка сделала глоток обжигающего травяного напитка. Вдруг... уловив лишней, будто противоречащий уже сложившейся звуковой картине мира шорох, она насторожилась, но тут же расслабилась. Это был Грем, как его все называли здесь. А паренёк растёт. Не потерял. И тут, поддавшись какому-то необъяснимому порыву, (а может эльфийка тоже заразилась праздничным настроением), мастерица приподняла на мгновение полог и позвала:

— Грем! Иди сюда.

В недоумении юноша выбрался из-за укрытия и как нашкодивший кот поплёлся к эльфийке. Стоило ему подойти поближе, и мастерица вновь опустила магический полог, скрывающий их от нежелательных зрителей.

— Мои поздравления Грем, растёшь, — негромко прошептала она, вновь отпивая из кружки. — Как смог не потерять?

— Ну... я сразу догадался, что на бал вы не пойдёте... — признался порядком удивлённый таким поведением мастерицы лжеадепт.

— Вычислил значит! Молодец... — агент улыбнулся похвале, а ведь милорд прав — хотя народная мудрость гласит, что начальник всегда прав — в разведшколе ей не будет равных. Достаточно поставить человека последить недельку за этой неуловимой леди — это при том, что она меняет по десятку личин за сутки — и любая работа потом отдыхом покажется.

— Спасибо, мастерица, — сдержанно ответил он.

— Знаешь, у меня есть к тебе деловое предложение. Мне нужно, чтобы ты узнал одну вещь. В обмен я обещаю отдать тебе вот это, — агент ошарашено смотрел на качающийся на обычной нитке амулет слежения.

— Знаешь, что это? — глаза эльфийки хитро сверкнули. Грем лишь кивнул.

— Вторая часть у меня, — подтвердила его догадку мастерица. — И я даже пообещаю её носить.

— И что вы хотите? — не веря в своё счастье, спросил агент.

— Чтобы ты узнал, куда стал постоянно исчезать ректор, — хитро улыбнулась она, а Грем тут же сник.

— Нет. Простите...

— Что ж, жаль, — она тут же спрятала вожаделенную вещицу, — ну нет, так нет. Идите, агент. Я хочу побыть одна.

Повинуясь приказу, молодой мужчина удалился, вновь растворяясь в пространстве. А эльфийка же, крайне довольная собой оттого, что смогла подтвердить свои догадки, продолжила наблюдать за праздником. «Значит, Корвус исчезает совсем не просто так, а к вездесущему и неуловимому начальству Грема, — размышляла она. — Что же ты задумал,

милый?'

Тем временем музыка внизу вновь сменилась, заиграла мелодия снежного вальса, которая для самой мастерины значила слишком много.

Император покинул Карион на следующий день. Под звон колоколов, провожаемый радостно машущей ему вслед толпой. Сразу за городом его, ну и всю свиту, разумеется, уже ждала арка портала, ведущего напрямую в столицу. Визит в этот маленький городок принёс совсем неожиданные плоды. Император давно задумывался, как устранить начинавшего мешать его планам лорда, вчерашний же бал-маскарад подсказал совершенно неожиданный выход. Все поручения были тут же розданы. Теперь оставалось только ждать.

Проснувшись в то историческое утро — точнее полдень — эльфийка совсем не подозревала о коварных планах великих и ужасных мира сего. Она довольно потянулась в кровати, как пресытившаяся кошка, радостно улыбнулась солнышку и только потом обратила внимание на ждущую её на прикроватной тумбочке чашку кофе. Напиток был ещё горячим. «Значит только что ушёл... Что ж, так даже лучше, — оптимистично подумала она, — некоторые тайны должны сохраниться в ночи. Хотя жаль, что я так и не узнала, как его зовут...»

С отъезда императора прошло две недели. Городок вновь жил своей привычной жизнью.

Когда в лавке в очередной раз зазвонил колокольчик, мастерица даже не обратила на это внимания — она была занята изготовлением очередного амулета. Растерянное лицо Талины, молодой темноволосой девушки, работающей у неё во второй половине дня, стало для эльфийки полной неожиданностью:

— Альэдера... К тебе пришли.

Отрываться от работы не хотелось, но мастерица всё же поднялась и прошла в лавку. Высокий статный темноволосый мужчина в форме королевского посланника бросился ей в глаза сразу. Увидев растрёпанную эльфийку в рабочем костюме, кое-где заляпанном краской, а местами и вовсе прожженном (некоторые алхимические смеси вещь весьма опасная для сохранности одежды), с копной кое-как заколотых карандашом волос, он, должно быть, сильно удивился. Но придворная выучка на то и придворная выучка — на лице посланника не дрогнул ни один мускул. А жаль. Эту мысль мастерица постаралась тут же отогнать подальше, дабы не выдать себя хищным блеском в глазах. У неё в отличие от посланника придворной выучки не было, а вот желание сделать ближнему гадость — сколько угодно.

— Чем могу быть полезна? — спросила она максимально холодно и отстранённо, даже родители-эльфы бы одобрили.

— Мастерица Альэдера Летериэн? — уточнил посланник.

— Она самая.

— Послание из Канцелярии Его Императорского Величества... — с этими словами ей торжественно протянули круглый плоский предмет коричневого цвета с изображённой на нём эмблемой канцелярии в виде свитка с королевской короной и скрещенными перьями, которыми, к слову сказать, уже никто давно не пользовался.

— Ииии? Что я должна с этим делать? — спросила она удивлённо. На лице посланника

вновь не отразилось никаких эмоций, но презрительное восклицание: «Провинция!» наверняка крутился в его голове.

— Откройте своей магической подписью. Часть амулета превратится в послание, другую заберу я, как доказательство того, что вы получили конверт, — принялся терпеливо объяснять он.

Альэдера отделила от связки амулетов у себя на шее стандартный брелок с магической подписью, небольшой овальный камень, который выдавался вместе с документами, сжала его и активировала произнесённым мысленно кодовым словом.

Через минуту посланник, получив положенную ему дань в виде половинки того самого круга, уже направлялся к выходу из лавки, а мастерица с интересом разглядывала пухлый конверт. Ей было настолько любопытно, что эльфийка даже чуть не забыла про намеченную пакость. Но только чуть.

Стоило посланнику отойти на несколько шагов от лавки, как прямо на него спикировала стая летучих мышей. Сложная матерная конструкция, огласившая улицу, из оборотов, больше уместных в каком-нибудь порту, стала великолепной оценкой качеству работы мастерицы.

Таинственный конверт был тут же позабыт, Альэдера с любопытством подглядывала из-за занавески за тем, как посланник отбивается от представителей ночной фауны, тихонько подхихкивая в кулак. Потом в гости забежала соседка с корзинкой свежей выпечки и ворохом не менее свежих сплетен. Потом пришли её постоянные клиенты с индивидуальным заказом на иллюзию ко дню рожденья племянницы. Потом... В общем до королевского послания руки у мастерицы дошли только ближе к вечеру. А вот когда она ознакомилась с содержимым конверта... Сказанная намеренно посланником фраза пришлась весьма кстати, уж очень точно она отображала ситуацию. От полноты чувств эльфийка её даже усовершенствовала.

Вся устоявшаяся жизнь... Дом, лавка, друзья... Всё! Всё было перечёркнуто одной дурацкой бумажкой. Выскочив из дома, мастерица раздражённо зашагала в сторону местного парка, пытаясь как-то осмыслить ситуацию.

А на столе так и остался лежать патент придворного мастера иллюзий на имя Альэдеры Летериэн...

Собираясь на свой первый столичный бал придворный мастер иллюзий Альэдера Летериэн была недовольна решительно всем. Начиная от идиотской идеи нынешней фаворитки Юмирии Вестской устроить праздник со сменой времён года во дворцовом парке, и заканчивая никак не желающей укладываться причёской.

Ко двору эльфийка прибыла две недели назад и совершенно не понимала, зачем и кому она здесь понадобилась. Сама должность придворного мастера иллюзий, как выяснилось, раньше просто не существовала — чем ей надлежит заниматься, не знал никто. Всё свелось к тому, что мастерице показали новое жильё — небольшую двухкомнатную квартиру в многоквартирном доме для персонала дворца, расположенном в паре кварталов от главной императорской резиденции, представили придворному магу и, спешно назначив его её начальником, предоставили самой себе. Новоиспечённый начальник рассматривал её со снисходительным любопытством человека прожившего очень долгую и, по всему видно,

насыщенную жизнь. Худощавый, подтянутый мужчина, немного выше её, где-то на ладонь, с пронзительными, хоть и уже потускневшими, карими глазами и совершенно седыми волосами, заплетёнными в длинную косу. На нём были идеально подогнанные по фигуре сюртук чёрного цвета с золотистой отделкой и брюки, заправленные в высокие сапоги. И это в середине лета!

— Лорд Фарио-Асконэ Деренвейский, — наконец представился он, закончив сканировать подчинённую, причём сканировать, как в прямом, так и в переносном смысле. Магически её тоже прощупали, будь здоров. Но уж что-что, а щиты эльфийка держать умела. Так что тут любопытствующий маг вынужден был отступить практически ни с чем.

— Альэдера Летериэн — с совершенно непроницаемым лицом ответила мастерица, делая вид, что не заметила настойчивые попытки лорда. Нет, господин маг, я к вам под щиты, конечно, залезу, но вы это поймёте, когда будет уже поздно. Путь силы он, знаете ли, не всегда самый надёжный.

Так началась её жизнь в императорском дворце. С утра эльфийка приходила в башню придворного мага, разбирала его корреспонденцию, потом занималась с малолетними принцами и принцессами, которых было аж пять штук. Двое мальчишек лет семи-восьми, какие-то толи племянники, толи кузены императора. Русоволосая девочка, примерно того же возраста, ещё более дальняя родственница. И, собственно — наследники, светловолосые двойняшки, мальчик и девочка шести лет с голубыми глазами и светлыми волосами Геррион и Эльриона. Правда, вели они все себя совсем не как дети.

В этом классе никто не бегал — все шествовали, демонстрируя прекрасную осанку, великолепные наряды и драгоценности. Не было привычного смеха — все «держали лицо». Увидев первый раз, как дети входят в класс, Альэдера не знала смеяться ей или плакать. Даже, когда она ходила в эльфийскую школу, всё было не настолько запущено. Ну да, там же была она — разлагающий общественные устои элемент.

В конце концов, эльфийка решила относиться к этим детям, как к взрослым. Она рассказывала им про основы магии. Учила видеть магические потоки, плести простейшие заклинания. А потом всегда показывала какие-нибудь интересные иллюзии.

С вопросом, куда делась мать наследников мастерица так и не разобралась толком. Согласно официальным сплетням, поведенным ей служанкой, убиравшей класс после занятий, императрица погибла. Через месяц после рождения двойняшек она отправилась в загородный дом, где внезапно случился пожар. Странностей в этой истории было столько, что оставалось только удивляться. Но поднимать эту тему где-либо мастерице крайне не советовали.

Служебная квартира тоже особо не радовала, даром что двухкомнатная. Вспоминая оставленный в Карионе домик и лавку, которую пришлось закрыть — согласно законам, придворные не имели права вести ещё какие-либо дела, служба императору становилась единственным заработком — мастерице каждый раз хотелось найти того негодяя, который ей это всё организовал и устроить какую-нибудь выдающуюся пакость.

Когда прошёл слух об организации ежемесячного бала, эльфийка даже обрадовалась, хоть какое-то развлечение. Как ей объяснили в канцелярии, присутствовать на всех открытых мероприятиях она была обязана. Радость её продлилась ровно до тех пор, пока лорд Деренвейский не предоставил ей новую фаворитку императора и не рассказал идею бала.

И вот теперь эльфийка стояла перед зеркалом и заканчивала свой наряд. На ней было тёмно-фиолетовое платье с завышенной талией и чёрным кружевным шейфом, одетым на руку. По подолу мастерица бросила иллюзию ночного города и рассыпала «вышитые» звёзды по всему платью. И всё, казалось бы, должно было быть хорошо, но бывает так... когда не нравится всё. Платье, идеально сидящее вчера, ложится как-то не так, причёска не желает собираться, высокие каблуки раздражают, а уж предстоящая работа и вовсе вызывает исключительный негатив. В конце концов, эльфийка плюнула на всё и, решив, что нарушать общественный уклад ей не привыкать, распустила копну своих волос, которую она даже не подумала перекрасить, напротив даже недавно обновила зелье, достала длинные до плеч серьги-слёзки, поменяла в них цвет камней на фиолетовый, одела любимые туфли-лодочки без каблука, замаскировала их иллюзией под бархат и кружево и недовольно скорчив лицо отправилась покорять местное общество с настроением больше подходящему голодному дракону перед охотой, чем благородной леди перед балом. Хотя она уже давно не леди... В этот раз от этой мысли было горько. Уж где-где, а здесь этому точно придадут первостепенное значение.

Начинался бал, как и предполагало календарное время года, с лета. В качестве бальной залы, использовалась вымощенная брусчаткой площадь в центре парка, куда сходились все дорожки. В центре неё находился Радужный фонтан, знаменитый на всю империю. В воздухе над площадью развесили магические светильники в форме плетёных сфер. По периметру стояли столы со всевозможными закусками, дальше, уже в самом парке были хаотично разбросаны качающиеся диванчики, беседки, затянутые тонкими, развивающимися тканями пастельных тонов, кое-где на деревья висели качели. Трон, как и положено по традиции, находился на юге. Считалось, что как солнце находится в зените на юге, так и император сможет достигнуть там зенита мудрости.

Мастерица наблюдала за праздником с одной из качелей, ожидая, когда заиграет тема осени. На этом балу отдохнуть ей не удастся, бурная фантазия фаворитки не оставила ей такой возможности. Полностью сменить три раза «декорации», не забыв ни малейшей детали, задача — совсем не простая. О своём инкогнито на этот раз она позаботилась заранее, выпросив у лорда Деренвейского парочку амулетов. Дождавшись условной музыки, мастерица сосредоточилась, заканчивая создавать сложную трехмерную иллюзию. Большая часть будущей «одежды» парка уже висела на ветках дерева, ожидая своего часа. Эльфийка же продолжала выплетать всё новые и новые детали. Наконец, последним усилием мастерица собрала все куски в единое целое и приготовилась.

Площадь опустела. Гости замерли, ожидая. Заиграли первые такты мелодии осени и... Всё изменилось. Парк оделся золотом и багрянцем. На ветру зашуршала листва. А сверху на площадь начали падать золотые листья клёна. Они кружились в такт музыки и метрах в двух от земли таяли. Настройки фонтана также изменили. Если раньше его струи были радостных пастельных расцветок — теперь они стали прозрачно-желтыми и цвета охры. Золотой фонтан... Эльфийка хмыкнула. Что ж всё могло быть и хуже. Пока девушка приходила в себя и собиралась с мыслями, на сцене уже кружились танцоры. Девушки в платьях тонов осенних листьев, мужчины в чёрных классических фраках.

Но мастерице было не до этого. Она не замечала ни весьма сложной постановки профессиональных артистов, ни то, как их тут же сменили представители местной знати. Она сама творила свой танец, свой мир, своё собственное волшебство и всё, что не имело к нему отношения, было для неё безразлично. Зима. Она не особо любила это время года уже

тогда, но определённая изюминка в нём было.

Время бежало, будто вприпрыжку. Танцы сменяли друг друга. Официанты неустанно разносили напитки. В беседках слышался смех воркующих парочек. И вот...

Кавалеры пригласили своих дам на следующий танец. Зимний вальс. Одно из прекраснейших произведений. Заиграла музыка. И... ничего не происходило. Все начали оглядываться, ожидая волшебной сказки, но осень никуда не исчезала, а потом все подняли головы вверх.

Сверху... падал снег.

Огромные хлопья медленно опускались на землю, кружась, танцуя друг с другом. Некоторые снежинки вспыхивали разноцветными фонариками и тут же гасли. Другие горели, как звёзды, тая лишь на ладонях поймавших их счастливиц, третьи — и вовсе обратно взлетали вверх, медленно летая над площадью. Пока все любовались этим зрелищем, изменился и парк. В одну минуту на него будто выпал недельный запас снега. То тут, то там появились ледяные статуи. Но самые разительные изменения произошли с фонтаном. Он замер. Замёрз, превратившись в уникальную ледяную скульптуру. Даже сама мастерица не ожидала, что получится так здорово. Она радостно залюбовалась полученной картиной и улыбалась, оглядывая результаты своей работы.

— И почему я уже второй раз застаю вас, Огненная леди, в обществе ваших иллюзий, в то время как вы, помнится, должны мне танец...

Спутать этот голос она не смогла бы ни с чьим. Эльфийка подняла глаза. Облокотившись на дерево, в паре шагов от неё стоял высокий темноволосый мужчина с короткой стрижкой тёмно-каштановых, немного вьющихся волос. Так хорошо запомнившиеся ей карие глаза и красивые, хоть и немного грубые черты лица. Он оторвался от своей опоры и подошёл совсем близко, и только тогда она разглядела на его лбу тонкую цепочку рун...

Дракон?! Глаза эльфийки расширились от страха. Перед ней стоял Враг.

Эльфы и драконы. Высшие народы и вечные враги. Сколько бы эльфийка не отрецивалась от своего наследия, некоторые вещи преодолеть невозможно.

— Ты дракон? — с ужасом прошептала она.

Вот только на мужчину такая реакция не произвела никакого впечатления:

— Маленькая моя, что за глупые предрассудки. Помнится, совсем недавно тебя это не особо волновало, — прошептал он, наклоняясь над ней, и мастерица почувствовала знакомый запах, от которого начинала кружиться голова, а в воображении рождались такие картинки... — особенно, когда ты грозилась меня изнасиловать. Неужели леди готова отказаться от своих слов?

Мужчина был совсем близко, он не притрагивался к ней, но при этом она чувствовала его каждой клеточкой тела, каждым натянутым нервом: его тепло, его силу, его надёжность, его... Просто Его. Их взгляды встретились, гневно сцепились и... растворились друг в друге.

Один взгляд глаза в глаза... — его карие с пылающими, как пламя драконов, искрами и её зелёные, как трава эльфийских лугов — он может изменить очень многое. Страх, гнев, ненависть... все негативные чувства, что в ней так старательно воспитывали по отношению к драконам, куда-то уходили, а та неподдельная теплота и добрая насмешка, с которой представитель этого самого народа на неё смотрел, вдруг стали значить намного больше, чем какие-то дурацкие правила и традиции. Один взгляд... Эльфийка отвела глаза и смутилась — с этим мужчиной она вновь вспомнила об этом позабытом уже, казалось,

чувстве — слишком много было сказано этим взглядом.

— Леди потанцует со мной? — он всё так же стоял над ней.

— Я на работе...

— Один танец.

— Благородного лорда, как обычно, не особо интересует моё мнение? — возвращение в их разговор привычного уже ехидства мастерины восприняла, как благословение Единого.

— Разумеется, — довольно подтвердил мужчина.

Заиграла мелодия снежного вальса и дракон, названный эльфийкой не так давно лордом-незнакомцем, вывел её в круг танцующих. И вновь незабываемое ощущение таких волнующих объятий и лёгкого скольжения под музыку, головокружительные повороты и он... совсем близко.

— Вам не кажется, что вы могли бы, наконец, представится? Благородный лорд, а такие ужасные манеры, — шутливо попеняла эльфийка своему кавалеру, пытаясь отвлечься от слишком ярких ощущений, вызванных его близостью.

— Ужасные — это просто мягко сказано, — весело подтвердил её партнёр, — но для такой прекрасной леди я сделаю исключение. Лорд Шиагрон вард Грендель-Риэн.

Выждав небольшую паузу, мужчина продолжил:

— Я надеюсь, что заслужил ответной откровенности?

— Мастерины Альэдера Летериэн.

— Дери... — нежно проговорил он.

Альэдера хотела было возразить. Чистокровные эльфы относились к своим именам едва ли не с благоговением, не позволяя их сокращать никому. С другой стороны раз он предложил подобное — значит уверен в её нечистокровности. Что не могло не радовать. И эльфийка решила подыграть.

— Шиа... — полувопросительно-полуутвердительно прошептала она, а потом сама же усмехнулась, — у нас странное знакомство, ты не находишь, всё с точностью до наоборот.

— Разве ты любишь правила?

— Ненавижу. Правила я люблю только нарушать, — рассмеялась мастерины.

— В этом мы с тобой похожи, маленькая, — они вновь смотрели друг другу в глаза и вновь не могли оторваться. Понимая, что всё заходит слишком далеко, а они находятся совсем не в подходящем месте, эльфийка срочно сменила тему.

— И какое же стечение обстоятельств занесло представителя гордого крылатого народа в нашу обычную человеческую империю.

— Неужели эльфийская леди не слышала про подписанный между Горой и Империей мирный договор?

— И при чём здесь это? Договор подписали почти три года назад.

— При всём, маленькая. Я теперь тут служу, вроде как, послом.

— Легальный шпион?

— Как эльфийская леди догадлива! А теперь открой мне секрет, почему же такие прекрасные леди покидают эльфийские леса.

— Я же говорила, что не леди, а по поводу Леса... мы немного не сошлись с родственниками во мнениях в некоторых фундаментальных вопросах относящихся к моему будущему, — выдала мастерины наиболее приемлемый и правдивый вариант одновременно.

Увидев, как Альэдера сморщилась при этих словах, Шиагрон рассмеялся:

— Действительно не любишь правила?

— А ты думал, я шучу?

Вальс закончился, и пара вернулась на уже облюбованные эльфийкой качели. Заботливо усадив даму на её место, дракон облокотился на ствол дерева и, не отрывая глаз, рассматривал девушку:

— Ты ещё прекрасней, чем я запомнил, хотя мне казалось это невозможным, — после некоторого молчания задумчиво сказал он.

— Тебе не кажется, что это звучит банально, — возмутилась мастерица, пряча улыбку.

— Возможно, зато искренне.

— Мне нужно работать, — наконец прошептала она.

— Работай. Я постою рядом. Буду, как верный страж, охранять твой покой.

Всё было почти также как в прошлый раз. Почти такой же бал. Тот же спутник. Те же будоражащие эмоции от его присутствия. И в тоже время... Всё было совсем иначе. Невероятная нежность и теплота в его взгляде, ощущение надёжности и искренней заботы, проскальзывающие в каждом движении. И невероятная растерянность самой эльфийки.

Что делать? Как себя вести? Одно дело, отбросить все условности и провести вместе незабываемую ночь, зная, что она будет единственной, и совсем другое — встретится вновь. Чего он хочет? Зачем пришёл? Почему не сделал вид, что они просто незнакомы? Она бы, наверное, даже поняла. Нет, обиделась бы конечно, но это было бы хотя бы логично. Кто он и кто она. Благородный лорд и изгнанница, а по документам ещё и полукровка, обычная магичка, нечто чуть большее, чем прислуга. Его же, казалось, всё это не волновало совершенно. Весь оставшийся бал он так и простоял возле неё, развлекавая, поддерживая, смущая и приводя в трепет.

И вот эльфийка дождалась последней условленной мелодии, и всё вернулось на круги своя — вновь наступило лето. Последний танец. По традиции — белый. Дамы приглашали понравившихся им кавалеров, а Альэдера смотрела во все глаза на своего спутника в полной растерянности. Медленно, словно крадущийся хищник, он подошёл к ней, протянул руку, поймав её ладошку в свою, и нежно, не нарушая ни единого правила приличия, поцеловал, чтобы через мгновение так же аккуратно помочь ей подняться. Они стояли совсем близко. Растерянная эльфийка и драконий лорд, чьи намерения были ей совершенно непонятны.

— Мы можем пойти потанцевать или мне сразу проводить тебя домой?

— А если я выберу последнее?

— То я провожу тебя домой.

— Просто проводишь?

— Ну могу и не просто, но ты так мило смущаешься, что мне даже начинает нравиться играть в благородного лорда.

— Чего ты хочешь, Шиагрон? — наконец задала она мучавший её последние два часа вопрос, внимательно наблюдая за реакцией.

— Ты не поверишь — тебя, — абсолютно искренне ответил дракон.

— Мне казалось, ты и так меня уже получил?

— Нет, маленькая это была не ты, вернее не вся, а только то, что ты мне позволила увидеть. А я хочу тебя всю. Страстную и раскованную, как той ночью, смущающуюся и неуверенную, как сейчас, нежную, язвительную, всякую. Я хочу всю тебя! И не отступлюсь пока не получу то, что хочу. Если тебе надо, чтобы я за тобой ухаживал, я буду ухаживать. Если нужно чтобы добивался, то буду добиваться. Но я не отступлюсь, маленькая. Уже

просто не смогу. Если бы не увидел сегодня ещё бы, возможно, смог, а теперь уже нет. И не подпущу к тебе никого.

— А что потом? — как-то устало и обречённо спросила эльфийка, — что будет потом...

— А потом... я принесу тебя в свой дом, уложу на кровать и буду медленно раздевать, целуя каждый сантиметр твоей восхитительной кожи, буду ласкать тебя до тех пор пока ты вновь не начнёшь мурлыкать, как кошка от страсти, и просить меня взять тебя, и только потом я медленно, очень медленно, маленькая, войду в тебя и буду раз за разом доводить до безумства, так чтобы ты стонала, царапалась и забыла всё кроме моего имени, которое ты будешь кричать очень громко, я тебе обещаю... — его шёпот нежно ласкающий ушко эльфийки сводил с ума, но при этом ей по-прежнему было страшно, она боялась довериться ему, отдать действительно всю себя, а потом оказаться растоптанной и выброшенной. Альэдера смотрела на него, огромными глазами, искала ответы на свои вопросы в его глазах и не могла найти. А потом с губ эльфийки сорвалась фраза, которую она не говорила никому, никогда и ни при каких обстоятельствах:

— Я боюсь...

Дракон отреагировал странно. Он внимательно посмотрел на неё, огляделся, что-то прикинул, а потом взял за руку и со словами:

— Пойдём! — решительно повёл к выходу из парка.

Стоило им отойти от дворца на несколько шагов, как он привлёк её к себе, слегка приобнимая за плечи, и вновь вокруг них закружились звёздочки портала. Через три удара сердца они уже стояли в незнакомой ей, тонущей в полумраке гостиной. Мужчина отстранился, заклинанием зажёл огонь в камине, и, усадив свою спутницу в огромное кресло возле огня, уселся на корточки возле её ног.

— Ну и чего ты боишься, маленькая? — он смотрел на неё уверенно и спокойно и нежно поглаживал её пальчики.

— Зачем тебе это всё, Шиагрон? Тебе не надо меня добиваться, ты прекрасное знаешь, как я на тебя реагирую, и поделаться с этим ничего не могу. Всё то, что ты сказал, может быть хоть прямо сейчас, стоит тебе только проявить настойчивость, или не это, но нечто похожее... А потом? Зачем тебе это? У нас была незабываемая, восхитительная, сумасшедшая ночь...

— Я рад, что ты так высоко оценила мои таланты.

— Можно подумать, ты и сам этого не знал! Не перебивай! — Альэдера начинала злиться. Почему он её не понимает?

— Как пожелает моя леди... — насмешливо ответил он.

— Я не леди! Сколько тебе повторять? — эльфийка решительно выдернула свою руку из его ладоней и максимально отодвинулась.

— Нет, маленькая, ты леди, мало того — МОЯ леди. И я буду повторять тебе это ровно столько, сколько понадобится... — при этих словах он встал и направился к бару, наливая два бокала тёмно-рубинового вина. Наблюдая, как жидкость переливается в свете камина, как красиво смотрятся большие высокие бокалы в его ладонях, мастера невольно засмотрелась. Продолжила она только тогда, когда он поставил один из бокалов на подлокотник её кресла, а из второго сделал глоток сам и отошёл.

— Шиагрон, ты меня вообще слышишь? Объясни мне, что тебе нужно, кроме того, что ты хочешь увидеть меня в своей постели, — ответом ей была тишина и хруст бокала, превращаемого пальцами лорда в мелкую стеклянную крошку. Рубиновые капли, стекающие

с ладони, ассоциировались у неё с кровью, а пылающие гневом глаза, горящие огненным пламенем, и сжатые челюсти довершали пугающую картину.

— Я хочу не просто видеть тебя в своей постели, — свистящим шёпотом, больше напоминающим шипение змеи начал он, стряхивая остатки бокала на пол, — я хочу видеть тебя рядом с собой, упрямая ты женщина! Хочу заботиться о тебе! Оберегать тебя! Так — тебе понятно?

С каждым словом голос лорда всё повышался и повышался.

— Милый это называется соержанка, — даже испуг не мог победить природного ехидства Альэдеры.

Разозлённый ещё больше дракон подлетел к ней, навис над креслом и прорычал, почти касаясь её губ:

— Послушай, чего ты от меня хочешь? Я с ума по тебе схожу. Ты довольна! Стоит мне тебя увидеть, как я обо всём на свете забываю. Я не могу предложить тебе замужество, у нас просто нет такого понятия, но ближайšie восемь лет я буду здесь, потом, если ты захочешь, я заберу тебя с собой. Я предлагаю тебе, быть моей. Просто МОЕЙ! И называй это как хочешь! — его ладони удерживали её лицо, а испытывающий немигающий взгляд, в котором по-прежнему горело пламя, прожигал до самой глубины души.

— Поклянись мне!

— Да сколько угодно! Чем? — зло бросил он прямо ей в лицо.

— На крови!

— Да, пожалуйста!

Одним движением дракон отстранился, резко поднял эльфийку вслед за собой, вытянул перед ней левую руку, разрывая на ней рукав, и разрезал кожу на запястье длинным острым, как клинок, когтём, в который превратился правый указательный палец. Альэдера заморожено смотрела, как тёмно-бардовая, с фиолетовым отливом кровь дракона багровыми каплями выступает на его коже, стекает по руке, капает на пол... А потом всё перестало существовать, остались только его глаза, горящие, искренние, яростные, затягивающие её будто в омут:

— Я Шиагрон вард Грендель-Риэн клянусь заботиться о тебе, беречь тебя, хранить тебе верность до тех пор пока мы будем вместе. Да придут со мной Великая Гора! — слова звучали как раскаты грома. В наступившей после них звенящей тишине было страшно даже пошевелиться...

Дрожащей рукой эльфийка перехватила его запястье, но крови больше не было только тёмно-коричневая руническая надпись на его коже, там где был разрез, как символ того, что его слова услышаны.

— Я... — едва слышно начала она.

— Нет, маленькая.

Одним хищным движением дракон уже прижал её к себе и впился в губы. Жёстко, собственнически, словно ставя печать: МОЯ! Жадные губы, не мене жадные руки и треск разрываемой одежды.

— Ты МОЯ?! — почти прорычал он, на миг отрываясь от её губ. — Скажи, что ты моя!

— Твоя...

Раньше чем эльфийка смогла договорить, она оказалась лежащей на шкуре возле камина, прижатая к полу мужским телом. Куда делась его одежда? Её? Всё смешалось в ощущениях дикой, почти животной страсти, покоряющих, будто пытающихся выпить её

целиком губ и рук, по-хозяйски оглаживающих изгибы тела, властно раздвигающих ноги и...

— Скажи?

— Твоя...

Одно резкое движение и стон, их общий...

— Маленькая, ты и святого до бешенства доведёшь, — улыбаясь шептал он ей через некоторое время, нежно целуя в висок. Они лежали обнявшись всё там же, у камина, пытаясь отдышаться и прийти в себя, после того безумства, что здесь происходило. Руки мужчины нежно поглаживали девичью спинку, кудрявая голова лежала на его плече, а тоненькие пальчики нежно рисовали непонятные узоры на мужской груди.

— Но хорошо же... — эльфийка улыбнулась и прижалась ещё крепче.

— Хорошо... Только, маленькая, ты хоть понимаешь, что я тебя теперь никуда не отпущу.

— Понимаю.

— Хорошо... Я не сделал тебя больно? — вдруг забеспокоился он.

— Нет. Ты сделал мне приятно.

— Вот что вы женщины за народ? Впервые я был готов добиваться женщины, ухаживать, выполнять все капризы, хотел внести тебя в дом на руках, нежно любить при свечах... А ты вместо этого довела меня своим упрямством до белого каления, заставила принести клятву на крови и взять тебя чуть ли ни как варвар. Маленькая, разве можно так доводить и так сходящего с ума по тебе дракона. А уж кровь... Я же оборотень, малышка! Я же мог причинить тебе вред... Разве можно было такого требовать?

— То есть ты жалеешь? — Дери сама не знала, чего больше было в её словах огорчения, удивления или обиды.

— Я тебе сейчас покажу, как я жалею... Не жалею я ни о чём! Попросила бы поклясться жизнью, силой, да чем угодно! Я же никогда не прощу себе, если сделаю тебе больно.

Нежно поцеловав её пальчики, он встал, увлекая эльфийку за собой.

— Куда мы?

— Должен же я выполнить всё, что тебе пообещал, — с этими словами он подхватил свою леди на руки и понёс в сторону спальни...

То что началось чуть ли ни как древний ритуал, обернулось самой нежной и красивой ночью, которая только могла произойти. Шиагрон на руках отнёс эльфийку в огромную ванную комнату, где бережно положил в круглый маленький бассейн, разогретый им за секунду до этого заклинанием, и велел ждать его.

Альэдера расслабилась и даже немного задремала. Когда она почувствовала, как её осторожно приподнимают, и открыла глаза, дракон уже сидел позади, нежно обнимая, и протягивал бокал вина. На этот раз напиток был почти чёрного цвета.

— За нас, маленькая...

— За нас.

Тихий перезвон бокалов. Терпко-сладкий вкус тягучего напитка на языке. Взаимная улыбка. Его глаза наполненные нежностью. Лёгкие прикосновения губ, тянущиеся цепочкой вдоль шей... и сладкие-сладкие поцелуи с привкусов вина.

Это могло продолжаться бесконечно долго. Они то купались, то вновь самозабвенно целовались, то дразнились и перебрасывались хлопьями ароматной пены и мочалками.

Когда вода уже совсем остыла, Шиагрон вытащил хохочущую и брыкающуюся эльфийку, возмущённо заявлявшую, что это лучшее место в его доме, и она не желает его покидать, из воды. Он не обращал на её крики ни малейшего внимания, быстро и легко завернул свою ношу в полотенце, перекинул через плечо и отнёс в кровать. А там... там их ждали горящие свечи, расставленные везде, где только можно, ещё два бокала вина и полная нежности ночь...

Он выполнил всё, что пообещал и даже больше. Уже когда небо начало сереть, предвещая скорое наступление рассвета, довольный дракон с ошеломлявшей его самой нежностью смотрел на спящую на его груди девушку, тесно прижимающуюся к нему всем телом, и не мог поверить, что это действительно случилось, что он нашёл свою леди, что она рядом. Теперь его, только его. Дракон в глубине его сознание ликующе зарычал, подтверждая невысказанные даже мысленно догадки...

ГЛАВА 3. Игры сильных мира сего или каков он быт совместной жизни

А в это время... в это время начиналась совсем другая игра.

Император поднялся со своей кровати, где мирно спала его очередная фаворитка, отдыхая от трудов праведных. Отодвинув обычное с виду деревянное панно в сторону и, нажав одновременно на три ничем не примечательных выступа на стене, вошёл в тайный ход. Пройдя по изгибающемуся зигзагами коридору, император вышел в один из своих рабочих кабинетов, используемых им именно для таких тайных встреч.

Его ждали.

Невысокий полноватый мужчина, с совершенно непримечательным лицом, волосами мышиного цвета, одетый в чуть мешковатый коричневый костюм. Единственным, что выдавало истинную сущность верного советника и главы тайного отдела императора лорда Лирандийского были глаза: тёмно-серые, цепкие, хитрые, пронзительные, замечающие любые мелочи. На столе перед верной змеей императора стоял, ожидая своего часа, оплетённый заклинаниями ларец.

— Ваше Величество...

— Сидите лорд! — император целеустремлённо прошёл на своё место и выжидающе уставился на советника. Хитрая усмешка, спрятавшаяся в глубине его глаз, сказала Терриону много, очень много. Получилось!

— Всё выполнено. Так как мы и планировали, Ваше Величество.

— Вы проверили подлинность?

— Разумеется. Всё точно. Это именно он.

— Чудесно. Дракон не стал проблемой?

— Нет, — лорд похабно улыбнулся, — этой ночью он был немного занят.

— Когда приезжают наши гости?

— Через две недели. Мы всё успеваем. Не волнуйтесь, Ваше Величество.

— Дракон ничего не должен заподозрить.

— Я проконтролирую.

Последовавшие за той ночью дни, стали одними из самых счастливых в жизни Альэдеры и Шиагрона.

Проснувшись эльфийка хотела, как обычно потянуться, но ощутила, что всем телом прижимается к такому же обнажённому, как и она сама, дракону. Все события вчерашней ночи промелькнули в её голове. За некоторые было стыдно, за другие... Эльфийка довольно улыбнулась. Нет. Она знала, чувствовала, что всё вчера было правильно. Всё! Начиная от сумасшедших поцелуев и его клятвы, заканчивая его трогательным и нежным «маленькая». И просыпаться сейчас рядом с ним, чувствовать себя действительно его — тоже правильно.

И пусть все её эльфийские предки переворачиваются сейчас в их фамильной усыпальнице, пусть это противоречит всем правилам, которые когда-то в неё столь последовательно вбивали и которые она потом столь же последовательно нарушала, причём, в основном из принципа, пусть потом она будет плакать и страдать... Пусть. Это того стоило.

Шиа пошевелился, открыл глаза и тепло ей улыбнулся:

— Проснулась? Хорошо, что сегодня выходной, хоть выспались, — он ещё крепче прижал её к себе, целуя в висок, уголок глаза, кончик носа. Дери же лежала рядом с ним, млея от такой уютной и какой-то домашней близости, легонько гладила его кончиками пальцев и не могла поверить, что это не сон. Наконец поцелуи дракона добрались до её губ и... Этот поцелуй был совсем другим. Нежный, ласковый. Казалось, им он говорил спасибо за проведённую с ним ночь, желал ей доброго утра, успокаивал и обещал, что всё будет хорошо. От такой щемящей нежности на глазах эльфийки даже невольно навернулись слёзы.

Когда дракон отстранился, и они встретились взглядами, мужчина улыбнулся своей леди и, увидев её легкую растерянность, встал сам, натянул домашние штаны и, порывшись в комод, достал для неё одну из своих рубаш.

— Давай вставать. Пойдём позавтракаем, у нас сегодня куча дел! — вытягивая её из кровати и помогая одеть рубашку, говорил он, и тут же совсем другим голосом на ушко шептал, — ты знаешь, когда я уходил от тебя тем утром, то так жалел, что так и не увидел тебя в моей рубашке на голое тело.

— Шиа, да ты фантазёр, — весело сказала эльфийка, но в душе при его словах рождалась удивительные эмоции: радость, счастье, смущение...

— Ещё какой. Тебе продемонстрировать мою богатую фантазию!

— Давай мы хотя бы поедим! У тебя в доме кто-нибудь есть?

— Нет. Сегодня же воскресенье. Я всю прислугу отпускаю на выходные. Иди сюда, — Шиагрон притянул девушку к себе и, подхватив на руки, направился к выходу из комнаты.

Всё было таким новым, странным и в тоже время нереально сказочным. Сидеть рядом с ним на кухне, дурачиться, таять от нежных поцелуев то в ручку, то в плечико, то в висок, болтать ни о чём и обо всем и просто наслаждаться тем, что он рядом.

Когда завтрак, оставленный кухаркой и разогретый заклиниванием, уже подходил к концу, Шиагрон начал деловито рассказывать ей их планы на сегодня:

— Сейчас посидишь немножко сама, я схожу куплю тебе во что переодеться, потом переместимся, заберём твои вещи, потом...

— Шиа, какие вещи?

— Как какие? Твои... Или они тебе не нужны?

— Да нет, нужны, конечно. Но зачем?

— Маленькая, давай рассуждать логически. Я честно хотел всё сделать по правилам, но вчера мы несколько увлеклись выяснением отношений. Я тебя теперь никуда не отпущу. Ночевать ты всё равно будешь со мной. На работу ходить отсюда. Следовательно... зачем тебе твои вещи где-то ещё?

— Я переезжаю? — наконец, сообразила Дери.

Дракон посмотрел на неё очень выразительным взглядом, будто говоря «разве может быть иначе?»:

— Разумеется! Поскольку тебе пока переехать проще, да и мне этот домик нравится, ты переезжаешь. Не захочешь здесь, потом вместе найдём что-нибудь другое. Ты, наверно, привыкла жить рядом с большим садом...

— Да нет, мне здесь нравится.

— Ну, тогда вообще замечательно! Всё. Не скучай, я скоро вернусь!

— Шиа? — дракон, уже собравшийся выходить, замер на полпути.

— Да, маленькая?

— Почему всё так?

— Как так? — спросил он с улыбкой.

— Как будто так было всегда? — неуверенный шёпот и полные вопроса глаза.

— Потому что это всё правильно, маленькая. Потому что ты моя, а я — твой, и для того чтобы это понять мне хватило просто тебя снова увидеть, — он открыто, не скрывая ничего поймал её взгляд и улыбнулся. — Не скучай!

В тот день они действительно забрали её вещи из так не нравившейся ей квартиры, потом дракон, наблюдавший за тем, как она их развешивает, горестно вздохнул и потащил её за покупками.

— Шиа, ну зачем мне куча тряпья? — пыталась сопротивляться ему эльфийка, пока он за руку вёл её по лестнице вниз.

— За тем, чтобы я тобой любовался.

— Довод конечно достойный, но судя по тому, как трагически погибло моё вчерашнее платье, тебе больше нравится любоваться мной без одежды, чем в ней.

— Ну... с этим трудно поспорить, но проблема в том, что любоваться тобой без одежды я могу только в спальне, а видеть рядом хочу всё время, поэтому придется тебе всё же что-то носить, если ты хочешь выходить за пределы нашей комнаты. Я бы конечно одел тебя в паранджу, но боюсь, тогда ты лишишь меня «сладкого»!

— Я тебе одену! Ты тогда в таком виде пойдёшь на следующий бал, что мало не покажется. Не забывай, с кем ты связался!

— Такое забудешь! Кстати и бальных платьев тоже надо будет купить.

— Шиа, неееееет!

— Да, маленькая, да. И вообще, впервые хочу женщину одеть, а не раздеть, а она сопротивляется. Малышка, ты хоть иногда поступаешь так, как все?

— Ну, — эльфийка сделала вид что задумалась, а потом, рассмеявшись, вырвалась от него и побежала к двери, уже на ходу ответив, — обычно нет.

Это были чудесные дни. Даже несмотря на кучу элитных магазинов и ещё парочку ателье, по которым Шиа её таки протащил. Они были вместе практически всё время, радовались как дети каждой проведённой минуте, гуляли по городу, целовались в его укромных уголках, сидели по вечерам в обнимку у камина, занимались любовью, то с нежностью, то со страстью, то дурачась, то отдаваясь друг другу без остатка, открывая самые сокровенные уголки души. Это было их время. Время, когда они узнавали друг друга, влюбляясь с каждым днём всё сильнее и сильнее.

— Мастерина? Мастерина Альэдера? — голос звучал, будто из другой Вселенной. Эльфийка встрепенулась, приходя в себя. Рядом с ней стоял Грем. Он не мог её видеть, но место, где она стояла, помнил.

— Мастерина? С вами всё хорошо?

Альэдера горько усмехнулась. Всё хорошо с ней было тогда, теперь же... Она сейчас жила даже не в полсилы, в четверть, если не меньше. Хотя сил с каждым днём становилось всё меньше и на большее её просто не хватало. Да и не для кого.

— Я здесь, Грем, — эльфийка сняла заклинание, и её фигура вновь появилась на балконе. — Всё в порядке. Можешь не переживать так за сохранность своей шкурки. Я просто задумалась.

— Вам бы к камину леди... Вы вся дрожите.

— Я не леди! Сколько тебе повторять! И сама прекрасно знаю, что мне нужно, — она раздражённо развернулась и направилась в сторону преподавательского этажа. Бал давно закончился и все уже разбрелись по комнатам, кто по своим, кто по чужим, особого контроля за нравственностью адептов в академии не было, а уж сегодня...

Её охранник шёл за ней, даже не делая вид, что скрывается. Эльфийку действительно порядком потряхивало от холода, но она была так зла на Грема за то, что тот выдернул её из воспоминаний, где всё было так хорошо, что не могла адекватно воспринимать действительность и признать его правоту. Ей действительно давно было пора уходить.

Отперев дверь заклинание и открыв её, Альэдера уже собралась войти, как её вновь отвлёк голос агента.

— Мастерина? С вами точно всё в порядке? Я... Может вам чем-то помочь? — он подошёл совсем близко, на расстояние вытянутой руки, перегораживая ей вход.

Решительно, мальчишка сегодня собрался довести её до белого каления. Их «милорд» там, что вообще не предупреждает, что её злить опасно для здоровья, или он к ней посылает тех, кого не жалко?

— Адепт, вам не кажется, что вы забываетесь? Не припомню, чтобы позволяла вам так близко подходить ко мне? Или мне известить ваше, так «любимое» вами начальство о чрезмерной навязчивости некоторых непонятливых агентов? Или вы желаете, чтобы я лично вам объяснила, что не нуждаюсь в вашем присутствии? Скажите спасибо, что позволяю вам выполнять вашу работу. Не злите меня, Грем! Я могу превратить вашу жизнь в ад, даже не прикладывая особых усилий. А теперь отойдите и не попадайтесь мне на глаза! — опарашено отскочивший от неё агент, видимо, остался впечатлён.

Мастерина же, наконец, зашла в свои комнаты, напоследок хлопнув дверью, дабы хоть на ком-то выместить свой гнев. В зеркале напротив входа она увидела себя. Глаза сверкают, щёки разругались, даже слегка растрёпанная коса не портила впечатление. Помнится, Шиагрон всегда говорил, что в гневе она ещё прекрасней. Правда обычно её гнев заканчивался очередным бурным примирением в постели... или не в постели, в зависимости от ситуации, но шкура того бедного зверюги в гостиной страдала точно часто.

— Шиа... — эльфийка прошептала это имя едва слышным шёпотом, но от него по-прежнему становилось теплее на душе. Она уже давно перестала злиться на него за то, что их жизнь сложилась так как сложилась, а вот благодарность за то, что она хотя бы узнала, что такое счастье, осталась.

Набрав полную ванну и согрев её заклинанием, эльфийка быстро скинула с себя всю многочисленную одежду и легла в воду. Она перебросила косу за бортик и расслабленно откинула голову. Хорошо... От прозрачной поверхности воды поднимался пар, а она блаженно грелась, от удовольствия по телу аж пробежали приятные покалывающие мурашки.

Интересно, каким Шиа стал сейчас?

Милорд... Кто бы мог подумать?

Пролежав в воде полчаса, эльфийка с сожалением признала её остывшей и покинула её ласковые объятия. Она надела тёплую пижаму, приготовила на алхимической горелке — специально для таких случаев выпрошенной у коллег из соседнего отделения в качестве оплаты за какую-то услугу — травяной отвар, забралась в постель, выпила обжигающий напиток и, завернувшись в одеяло как в кокон, закрыла глаза, честно пытаюсь заснуть. В голову вновь лезли непрошенные мысли и воспоминания. Некоторое время она пыталась им

противиться и гнала из головы, но потом поняла, что со сном сегодня вновь будут проблемы и снова окунулась в такой уютный мир прошлого.

Альэдера пришла домой совсем рано. Придворный маг сегодня сам проводил занятия с принцами, поэтому она оказалась свободна практически сразу после полудня. Служанка, приходившая через день, чтобы убираться в комнатах ещё не ушла. Проходя через холл, Дери заметила краем глаза, как девушка жадно разглядывала её со второго этажа, выглядывая из-за одной из резных колон лестницы. Любопытство во взгляде горничной было смешано с откровенной злобой. Эльфийка лишь хмыкнула про себя на такую реакцию и прошла мимо.

Кухарка госпожа Лирони тоже ещё не ушла. Эльфийка определила это по едва слышному звону посуды в дальнем конце дома. Обычно, если Шиа не было дома, она предпочитала обедать на кухне. Впрочем, её дракон и сам был любителем этого помещения, просто, когда они ели вместе, ему всегда хотелось устроить романтическую обстановку, в результате чего ужинали они возле камина за маленьким столиком при свечах. Получалось действительно красиво и уютно. Живое пламя камина, ровные перевернутые капли пламени свечей. Наверное, таким и должен быть дом, тёплым, уютным, спокойным. Когда Дери спросила своего лорда о том, чем вызвана такая привязанность к живому огню, он смутившись признался, что это успокаивает дракона.

С его зверёнышем эльфийка недавно наконец прояснила ситуацию. После долгих приставаний Шиа всё же рассказал ей, что одним из условий постоянного пребывания драконьего лорда на территории империи являлось ограничение его второй сущности. Оказалось, его работа здесь была наказанием, правда дракон так и не признался за что. А чтобы наверняка обеспечить выполнение главного условия Терриона, старейшины Горы сковали его вторую сущность магической татуировкой на крови главы рода. Дракон даже показал любопытной эльфийке небольшой символ состоящий из нескольких переплетенных драконьих рун, который располагался в районе солнечного сплетения и в обычное время был невидим, а проявлялся только по желанию дракона или в моменты смертельной опасности. Татуировка не давала его дракону высвободиться на свободу на территории империи. Только иногда Шиагону удавалось переместиться порталом на пограничное плато и там выпустить его на свободу. Поэтому все хищные инстинкты и проявлялись периодически у самого лорда.

Этот разговор, как и многие другие, состоялся у того же камина, где они полюбили сидеть по вечерам, обнявшись и разговаривая обо всём на свете. В комнате царил полумрак, только языки пламени камина, танцующие друг с другом в хаотичном ритме, освещали их лица, дракон прижимал эльфийку к своей спине и обнимал сзади, положив подбородок ей на плечо.

— Ты только не бойся, маленькая, тебе я никогда не причиню вреда.

— Почему? — их глаза встретились, но дракон ушёл от ответа.

— Потом когда-нибудь расскажу. Если совсем просто, мы с ним об этом договорились.

Улыбаясь этим воспоминаниям, эльфийка вошла на кухню. Госпожа Лирони, пожилая, чуть полноватая женщина, совсем маленького роста с удивительно чистыми для столько прожившего человека глазами и короткими седыми кудрявыми волосами всё ещё колдовала у плиты. На ней, как всегда, был идеально накрахмаленный белый передник поверх длинного тёмного платья и белая кружевная наколка на голове. Лето в столице было намного прохладнее, чем в Карионе. И сейчас уже на улице было скорее приятно тепло, чем душающее жарко, а по вечерам и вовсе прохладно. Хотя и в жару в столице даже простые

жители одевались по всем правилам. Включающие чулки, две нижние юбки и прочие ненавистные мастерине атрибуты. Какое счастье, что будучи магичкой, она даже здесь могла позволить себе не особо оглядываться на общественные нормы. Хотя её обнажённую ногу в день их знакомства Шиагрон ей припоминал до сих пор. Ничего, на следующем же балу она ему за это отомстит. Не забыть бы только.

— Доброго дня, госпожа Лирони! Уже есть что-нибудь покушать?

— Мастерина Альэдера! А вы уже дома! Конечно, конечно. Ужин ещё в печи, а обед уже готов. Сейчас всё накрою. Вам из какого сервиза больше нравится?

— Из обычного. Я тут сяду. Хорошо? — эльфийка так и не привыкла чувствовать себя здесь хозяйкой, да и отвыкла она уже от всех этих сервизом, столового серебра, манер. Ещё ради Шиа она терпела за ужином, а в обед отбрыкивалась, как только могла.

— Как вам угодно, мастерина. Вот, только полчаса как приготовила, — эльфийка вдохнула потрясающий аромат сырного супа и с наслаждением принялась за еду.

— Что ж вы всё на кухне да на кухне. Хотя, хозяин тот вообще в кабинете обедал.

— Шиа дома? Я думала он ещё не пришёл.

— Да уж час как отобедал. Сразу видно, что теперь ему есть к кому возвращаться, раньше сутками мог на работе пропадать, теперь же и работает практически всё время дома.

Альэдера ни миг удивлённо замерла. А ведь и правда. Странно. Уже не особо обращая внимания на еду эльфийка, задумавшись, доедала суп, потом поковырялась в салате и, наконец, вернувшись мыслями в реальный мир, спросила:

— Скажите, госпожа Лирони, а Шиа ещё в кабинете?

— Хозяин? Да куда ж он денется.

— Вы если не трудно принесите нам кофе туда.

— Хорошо, мастерина. Минутки через три принесу, — кухарка хитро подмигнула.

Альэдера в задумчивости направилась к кабинету Шиа, в голове крутился только что состоявшийся разговор, одновременно в памяти всплывали незамеченные ей ранее мелочи. Странно. Всё было очень странно.

— Шиа! — она тихонька постучала.

— Маленькая, — дракон оторвался от какого-то документа, встал ей навстречу, обнял и нежно поцеловал, чуть касаясь губ, просто чтобы поприветствовать.

— Я попросила госпожу Лирони принести кофе сюда, ты не против?

— Ну что ты, малышка. Садись. Я бумаги перебираю. Мне переписку между Горой и империей за последние десятилетия наконец-то доставили, сижу разбираюсь. Я только рад буду твоему обществу.

В этот момент постучалась горничная и принесла поднос с кофе и сладостями. Девушка неспешной походкой проплыла по комнате, стрельнула глазками в лорда и медленно поставила свою ношу на стол. Дери подавила лукавую улыбку и даже сделала вид, что не заметила сколько лишних пуговок расстегнуто на её блузке.

— Вы можете быть свободны, — наконец сказала она, едва не засмеявшись в голос. Шиагрон же, вновь погружившийся в бумаги, даже не заметил этого представления. Отвлёкся он только когда услышал женский визг и отчаянные крики со второго этажа.

— Шиа, сиди, — успокоила Альэдера уже поднявшегося мужчину, — там всё хорошо.

Глядя на лукаво улыбающуюся девушку, дракон только хмыкнул и переключил своё внимание на кофе.

— И что же там случилось?

В этот момент молодая девушка взахлёб рассказывала госпоже Лирони, прибежавшей на крик, об огромном, вот таком вот, пауке, который упал прямо перед ней с потолка и качаясь на толстой нити паутины угрожающе зашевелил отвратительными отростками на голове, а потом ещё и лапой погрозил.

— Это всё она! Я знаю, — размазывая слёзы, причитала горничная, — Я хозяину пожалуюсь!

— Ну и дурой будешь! — обмануть повидавшую за годы службы в разных домах столицы госпожу Лирони было совсем не просо, — Уволит он тебя, и где ты такое место найдёшь! Ты видела, какими он глазами на неё смотрит. Сразу же видно — любовь у них. А ты лезешь к нему, вертихвостка! Нет бы, радоваться. Приличный дом, хозяин воспитанный, вежливый. А ты... Тфу, вертихвостка!

В кабинете же Шиагрон заливисто смеялся, когда Альэдера в красках рассказала ему всё, что он пропустил.

— Маленькая, я возмущён, — наконец отсмеявшись, высказался дракон, — где моя заслуженная сцена ревности?

— А что сильно надо? Ты мне накидай сценарий, я выучу, вечером устрою, — невозмутимо отозвалась мастерица из-за чашки кофе.

— А почему вечером?

— Потому что на столе куча бумаг, и не факт, что он выдержит, ковёр мне не нравится, а в доме у нас, вроде как, ещё прислуга, а я их стесняюсь.

— А при чём здесь стол? — не понял ситуации дракон, всё ещё пытающийся хоть что-то понять в бумагах и одновременно не упустить нить разговора с девушкой. Получалось, откровенно говоря, не очень.

— Это вообще твоя любимая фраза, но тем не менее: «Шиа, будь логичен!». Мириться ты где после сцены собрался?

Ответом ей был лишь громкий хохот дракона. Эльфийка же прятала свою улыбку в чашку с кофе, пытаясь не выйти из образа. А потом она, наконец, вспомнила, зачем пришла:

— А вообще я пришла поговорить. Отвлечёшься ненадолго?

— Конечно, маленькая, что случилось? — с готовностью согласился дракон, получив достойный повод оторваться от проклятой писанины.

— Понимаешь, меня кое-что смущает, — Дери поставила чашку на стол и нервно побарабанила по нему пальцами, — скажи, ты кому-нибудь рассказывал о нашем знакомстве?

— Малышка, ты за кого меня принимаешь?

— Шиа, поверь, я присутствовала на мужских... мммм вечеринках и прекрасно знаю, что сплетники вы ещё те. Особенно, когда выпьете.

— Про вечеринки мне потом расскажешь, но нет. Я бы запомнил, если бы такое рассказывал.

— Просто, всё очень странно. Я только сейчас заметила. Смотри, меня срывают из Кариона чуть ли ни по личному распоряжению императора. Я приезжаю сюда и выясняется, что да, все документы в порядке, но раньше придворного мастера иллюзий не существовало, и что я должна делать не знает никто. Но при этом мне усердно придумывают занятия в башне магов. Причём я только сейчас поняла, я ведь ни разу не была во дворце. Только в башне. Мы встретились с тобой через две недели после моего приезда. Почему не раньше? А теперь всё слишком идеально. Стоит мне прийти, как меня чуть ли не силком выставляют

домой. Это как-то... не правильно. И ты бываешь дома очень часто. Ты неподумай, что я жалуясь... Но тебе не кажется что что-то не так. И мы что-то упускаем.

Шиагрон, слушавший её сначала с полуулыбкой, с каждым словом эльфийки всё больше и больше мрачнел. Когда Альэдера замолчала, ожидая его реакции, он продолжал молчать, сосредоточенно что-то обдумывая, потом встал, несколько раз прошёлся по комнате, пересекая её широкими размашистыми шагами, и, наконец, придя к какому-то решению, вернулся к столу, допил остывший уже кофе одним глотком и встретился глазами с обеспокоенно наблюдавшей за его метаниями девушкой.

— Дери, у меня будет к тебе большая просьба.

— Конечно, Шиа. Что ты хочешь?

— Ты сможешь побыть дома и никуда не выходить до утра.

— Всё-таки что-то случилось?

— Мне нужно кое-что проверить и я хочу быть уверен, что ты в порядке. Поскучаешь немножко одна?

Эльфийка внимательно рассматривала своего дракона, прикидывая какую часть правды ей сейчас озвучили. Помолчав немного, она всё-таки ответила:

— Хорошо, Шиа, — мужчина облегчённо вздохнул, — я побуду дома, но с одним условием.

Дракон сразу подозревавший, что так просто он не отделается, напрягся.

— Когда ты вернёшься, я хочу сразу же узнать, что происходит, — твёрдо сказала она, решительно глядя ему в глаза.

— Маленькая, я могу прийти очень поздно.

— Я дождусь. В крайнем случае, разбудишь.

— Маленькая?!

— Шиа, ты что не понимаешь, меня с момента моего появления в столице преследует ощущение какой-то неправильности, только когда мы встретились с тобой эти проблемы отошли на второй план, но теперь... У меня дурацкое чувство, что меня кто-то в тёмную использует и я хочу знать кто.

— Хорошо... Но тогда у меня будет два условия.

— Каких?

— Не предпринимать ничего без меня.

— И?

— И ты сделаешь мне несколько качественных личин.

— Хорошо. Кстати, последнее мог бы просто попросить. Иди сюда! — увидев предвкушающее загоревшиеся глаза мастерины, Шиагрон впервые задумался о том, как она скучает по настоящей работе.

Дракон ушёл сразу после того, как она закончила плести личины. Дери закрепила их за пуговицы на его камзоле. И удобно, и внимания не привлечёт, и не додумается никто, потому как превращать в многоцветные амулеты пуговицы одного конкретного камзола совершенно не рационально, ни у каждого же дома сидит, умирая от скуки, личный мастер иллюзий. Главное чтобы Шиа до третьей иллюзии не добрался, а то не узнать то его в ней никто не узнает, но вот что он ей потом скажет... Нда... И кто её только дёрнул. Ладно, может он и не воспользуется ей.

Успокоив себя таким образом, мастерица ушла в библиотеку, где и просидела до вечера,

умирая от смеха над недавно вышедшим романом про приключения невезучего некроманта, которому достался в ученики светлый эльф-полукровка. Ситуация, конечно, была абсолютно абсурдной и нереальной, но читать об этом было весело. Уже поздно ночью, когда книга была прочитана, а тревога за дракона всё продолжала и продолжала увеличиваться с каждой минутой, а отвлечься больше было нечем, мастерица спустилась на кухню.

Но стоило ей посмотреть в окно на взошедшую высоко на небе луну, все мысли о еде испарились. Стало откровенно страшно. В панике мастерица начала метаться по всему первому этажу дома, но это мало помогало, скорее наоборот. В конце концов, эльфийка насилу уговорила себя сесть в любимое Шиа кресло у камина, забравшись в него с ногами, и почти не мигая уставилась на дверь, которая хорошо просматривалась через холл. В доме было темно и откровенно прохладно. Но зажигать камин без дракона казалось неправильным и Дери продолжала сидеть обхватив колени руками и ждать. Тревога, как предательская змея захватывала её своими кольцами, заставляя умирать от ужаса. Богатое воображение, бывшее неотъемлемой частью профессии эльфийки, стало в этой ситуации её личным кошмаром. Каких только ужасов Альэдера себе ни понапридумывала за эти часы.

Видимо она всё-таки задремала...

Когда в дом ворвался... ворвалась... ворвалось... Мда... Шиа всё-таки добрался до третьей иллюзии.

Это была эффектная длинноногая блондинка с роскошным бюстом в откровенном платье красного цвета, расшитом чёрными кружевными цветами. Ко всему этому прилагался броский макияж, ажурные чулки, высокие-высокие шпильки и соответствующая профессия. Получилось то, как хорошо! А Шиа похоже сегодня пользовался успехом... Вон как юбочка помята, и декольте надорвано тоже явно неспроста. И пусть только кто-то попробует сказать, что она плохо работает! Никто ведь даже не заподозрил, что все эти выдающиеся формы ненастоящие.

— Альэдера... Дера! Дери... Ты... — мужчина честно пытался подобрать цензурные слова для того, чтобы охарактеризовать выходку эльфийки, и не находил.

Мастерица честно пыталась сделать невозмутимое лицо, но выдержала недолго. Уткнувшись в колени, она фыркнула, а потом и вовсе залиvisto рассмеялась, утирая выступившие на глаза слёзы. Взбешённый дракон замер, глядя на эту картину, а потом и сам уселся на пол и присоединился к веселью. Отсмеявшись, они избавили мужчину от получившейся на удивление прочной личины, разожгли камин, принесли огромный поднос еды и привычно уселись в кресло.

Устроившись уютно на коленях своего мужчины и ощутив, что он рядом, Дери наконец-то успокоилась. Теперь, когда он снова был рядом, большой, надёжный, тёплый, всё вновь было хорошо и правильно, даже, несмотря на его возмущения...

— Малышка, ну что я тебе сделал? Это же надо была такое придумать! Дери, прекрати фыркать? Это не смешно!

— Шиа, это как раз очень смешно. Ты бы со стороны на себя посмотрел! В жизни не видела на лице ммм... девушки лёгкого поведения столько отчаяния!

— Да меня там чуть не изнасиловали! — продолжал возмущаться мужчина.

— Ищи во всём плюсы, не изнасиловали же!

— Я тебе это припомню! — зловеще пригрозил дракон.

— Да я даже не сомневалась! Ну, хорошо, хочешь я завтра сама надену эту личину и пройду по твоему маршруту.

— Я тебе пройду! Дома запру! Паранджу одену!

— Ну, нет так нет...

— Дери! — его возглас был заглушён её поцелуем, от чего оба чуть не потеряли головы.

— Ладно, давай так, я искренне прошу у тебя прощения, и ты придумываешь адекватную месть. Только адекватную.

— Хорошо! — глаза дракона предвкушающе загорелись.

— И чего же ты хочешь?

— Я сам выбираю, в чём ты пойдёшь на следующий бал, — его голос был просто переполнен торжеством. Сам же дракон откинулся на спинку кресла и мечтательно сощурил глаза.

— Шиа!!! Я сказала адекватную!

— Ничего не знаю. Я всё сказал.

— А теперь... — лорд уже начал подниматься с кресла прямо вместе с эльфийкой, но она была готова к такому манёвру и ухватилась за подлокотники руками и ногами.

— Никакого теперь! Я жду подробный и содержательный рассказ.

Шиагрон с сожалением вернулся на исходную позицию, внимательно посмотрел в решительные глаза своей пары и, поняв, что всё честно рассказать будет намного проще и дешевле для его нервной системы, начал делиться добытой информацией.

— Хорошо. Только предупреждаю, я рассказываю тебе только выводы. Где, как и у кого я получил эту информацию, ты не то что не спрашиваешь, даже не начинаешь думать на этот счёт. Пообещай! — дракон впервые разговаривал с ней настолько серьёзно. Глядя в его глаза, Дери послушно кивнула:

— Обещаю!

— Что ж... — начал свой рассказ Шиагрон, — изначально, всё было рассчитано гениально. Тайная служба Терриона разыскала очень древний артефакт моего народа. Ты когда-нибудь слышала про Шиэрраши Дгериэт Стехриэнши.

— Нет. А что это.

— Если переводить с языка первых драконов, это означает Ключ Горы Изначальной.

— А Гора Изначальная это?

— Малышка, ты чему в Лесу училась?

— Так я училась в империи. В Лесу у меня только домашнее образование было, ну и придворная школа, но совсем недолго.

— А зная тебя, ты её ещё и прогуливала...

— Нуууууууу, не без этого.

— Ладно, слушай, прогульщица ты моя, — дракон нежно улыбнулся и поцеловал возмущающуюся девушку раскрытую ладонку. — Первые, высшие народы появились практически одновременно, ещё на заре времён. Дело было примерно так: наш мир был создан из двух противоположных энергий, собственно он возник в результате их столкновения. Это ты должна знать.

— Ну, я не настолько отстала от жизни. Знаю, конечно!

— Ладно, не обижайся! Эльфы вообще своих женщин особо не просвещают, так что если бы ты жила в Лесу, то вообще вряд ли бы что-то знала кроме рукоделия и бытовой магии. Я просто расскажу всё сначала, как это написано в наших источниках.

— Хорошо. Рассказывай уже давай.

— Так вот... эти энергии дали начало двум сущностям, тысячелетия между ними шла

битва, они были равны друг другу, но при этом противоположны во всём. Когда в наш мир пришёл Изначальный, не спрашивай оттуда, я сам в своё время доводил своих наставников этим вопросом, и увидел эту бурю, то, недолго думая, он изолировал эти сущности. Одну заключил в Светлый Лес, другую, как ты понимаешь, в Великую Гору. Потом уже были созданы эльфы и драконы — два первых народа. Изначальный наделил их небывалым могуществом и вообще дал много возможностей, начиная со срока жизни и заканчивая физическими и магическими данными. Я так подозреваю, что в процессе творчества он несколько увлёкся, в результате оба наших вида получили возможностей несколько больше, чем планировалось. Видимо, когда он понял, что натворил, было уже поздно. Пришлось срочно что-то предпринимать и вот тогда-то и пригодились пленённые сущности. Изначальный привязал эльфов к Лесу, драконов к Горе. Первичные Разумные Сущности — Стехриэны контролируют наши народы, нашу магию, нашу рождаемость, именно из-за того, что в основе магии высших народов лежат противоположные по сути Стехриэны эльфы и драконы всегда находятся в состоянии противостояния.

— А что было дальше? — Дери откусила кусок от огромного бутерброда, сложенного из всего того, что было на подносе, и стала ждать продолжение «сказки».

— Дальше? — дракон совершил диверсию, нахально поймал её руку и откусил оттуда же и замолчал, пытаясь прожевать, — дальше, Изначальный создал остальные разумные расы, но учёл свои ошибки и умерил фантазию.

— Ну да свободных Стехриэнов то больше не было, — эльфийка быстренько откусила бутерброд, пока там ещё было, что есть, Шиа тут же проглотил оставшийся кусок. Оценив масштабы драконьего голода, она принялась соорудить съестную конструкцию подобную той, что была только что уничтожена, а мужчина, наблюдавший за её действиями, продолжил:

— Так были созданы люди, гномы, тролли и гоблины. Вампиры и оборотни появились позже. Изначальный создавал их, пытаясь усовершенствовать казавшуюся ему неудачной расу Людей.

— Но история всё расставила по своим местам... — эльфийка протянула дракону новый бутерброд и с умилением наблюдала за тем, как он хищно его ест.

— В целом ты права, — наконец сказал Шиа, — Изначальный не ожидал, что люди имея такие минимальные возможности, смогут достичь таких высоких результатов.

— В хрониках Изначального всё написано по другому... — задумчиво проговорила эльфийка.

— А ты уверена, что их писал Изначальный? — Девушка удивлённо замерла. — А если даже действительно он, откуда мы знаем, что там написана правда?

Альэдера задумалась, слова дракона цепляли за живое, но его вопросы были скорее риторическими. Да, она сама не была особо религиозна, но и никогда не была настолько склонна к философии, чтобы задаваться вопросами сотворения мира с научной точки зрения.

— Хорошо, оставим хроники, но то что ты рассказываешь — очень вольная трактовка, даже если в Горе сохранились соответствующие первоисточники.

— Конечно, это моя трактовка, — довольно оскалился дракон, — в книгах всё написано скучно, захочешь, сама потом почитай.

— Ну да, а книги на драконьем, из которого я знаю только алфавит. Нет уж спасибо, поверю на слово.

— Кстати, надо будет тебе потом его выучить. Но это не к спеху, — эльфийка удивлённо посмотрела на него, но промолчала.

Она не воспринимала их отношения как нечто серьёзное, просто предпочитала не думать о том, что эта сказка может закончиться, и жила одним днём. Решив переменить тему, а точнее вернуться к её сути, она спросила:

— А Ключ Горы Изначальной?

— Гора Изначальная — это сердце Горы. Сущность Стехриэна. Наша святыня. Если посторонний проникнет туда, я даже не знаю, каковы будут последствия, а уж что можно сделать, имея в руках Ключ...

— И как вы умудрились потерять столь ценную вещьцу.

— Это копия. Оригинал находится у Хранителя Горы. А копию сделали несколько тысячелетий назад, во время Войны Драконов она пропала, до сих пор считалось, что копия ключа уничтожена, тогда восставшие против власти Стехриэна драконы разрушили почти всю восточную часть горы.

— Так ладно я поняла. Но при чём здесь я?

— Ключ привезли в столицу в ночь того самого бала. Если бы я не был с тобой, я бы однозначно почувствовал его через любые охранные заклинания. Твоё появление в столице, наша встреча на балу, всё, было спланировано и подстроено с одной единственной целью — отвлечь меня.

— Но как такое можно просчитать? Шиа, это нереально!

— Реально, если ты эмпат.

— Ты сейчас про кого.

— Про императора, маленькая. Мы с тобой можем гордиться, — горько сказал он, — нашу личную жизнь организовывал лично Его Императорское Величество Террион III. Е Карионе на балу, когда мы с тобой познакомились, он почувствовал наши эмоции и решил не упускать своего шанса.

— Император — эмпат? — ошарашено спросила Дери. Дракон лишь подтверждающе кивнул:

— Это секретные сведения.

— То есть мы вместе только потому, что это нужно было императору?

— Дери, не будь дурочкой. Мы вместе потому, что это правильно, потому что нам это было суждено, император лишь вовремя подсуетился и использовал обстоятельства в свою пользу. Не случись эта история, я бы всё равно рано или поздно не выдержал, плюнул бы на всё и поехал к одной вредной эльфийке. И только попробуй ещё раз подумать подобную глупость, честное слово, отшлёпаю по красивой попе.

— Милый, какие у тебя фантазии...

— А ты только поняла?

— Да нет. Ладно, что там с этим Ключом. Зачем он нужен драконам понятно, но зачем он императору.

— Он хочет отдать его эльфам, потребовав себе за него кое-что.

— Эльфам...

— Да маленькая. А потом император встретится с драконами, время и место уже назначено, подкинет какой-то компромат на эльфов и опять наверняка требует себе какие-то уступки.

— А смысл?

— Знаешь поговорку: «Пока два тигра дерутся за добычу, умная обезьяна сидит на дереве, и наблюдает, пока те не перегрызут друг-другу глотки, а потом спокойно спускается и забирает кусок». Нечто в этом роде и планирует Террион. С одним уточнением, наша «обезьяна» сама спровоцирует драку.

— Он хочет развязать войну между эльфами и драконами?!

— Не думаю, что до этого дойдёт, но пока мы будем заняты друг другом, попытаюсь как-то нейтрализовать ситуацию, Рестарионская Империя выйдет на совершенно новый уровень.

Дери с сомнением покосилась на своего дракона, но промолчала.

— И что же мы будем делать?

— Сейчас пойдём спать, а утром будем думать. Я ответил на все твои вопросы?

— Кроме одного... — эльфийка на секунду замолчала, но тут же продолжила, — Шиа, откуда у тебя ментальные способности?

На лице его наглейшества не дрогнул ни единый мускул.

— С чего ты взяла?

Вот только сбить мастерину с пути истинного оказалось не так то просто:

— Меньше чем за сутки ты добыл информацию, которую разведка обычного человеческого государства добывает годами, это возможно, если только ментально просканировать кого-то из высших чиновников. Вопрос только в том Шиа, кого ты просканировал и как ты это сделал.

— Ты знаешь, несмотря на то, что ты прогульщица, головка у тебя работает правильно... Но я не могу ответить на твои вопросы, и ты сама согласилась с этим в начале разговора, поэтому просто забудь об этом и пойдём спать.

— Шиа, ну я же умру от любопытства! — возмущению эльфийки не было пределов.

— Спать. Кому-то сегодня ещё «искренне просить у меня прощения». Так что пойдём-ка в кроватку, и там ты мне расскажешь, как сильно раскаиваешься, — лорд встал с кресла вместе с Дери на руках, поудобнее перехватил её и весело что-то насвистывая, стал подниматься вверх.

Все возмущения мастерины о том, как несправедлива к ней жизнь и один конкретный дракон он, казалось, пропускал мимо ушей.

ГЛАВА 4. Ключ Горы Изначальной или интрига хитрой обезьяны

Ночь.

Тёмная. Тихая. Страстная ночь.

Низкое, бархатное небо украшено россыпью звёзд, огромный полумесяц луны насмешливо взирает со своих высот на редких прохожих. Темнота окутывает всё, превращает силуэты обычных зданий в таинственные готические постройки, едва шевелящиеся на ветру деревья — в неизвестных, мифических животных или замерших неподвижно невиданных исполинов.

Ночь всегда хранит свои тайны. Под её покровом происходит многое. Вот, за углом мелькнула быстрая неуловимая тень и тут же скрылась — это один из воров-профессионалов возвращается со своего промысла. Вот, в квартале развлечений открылась дверь дома Весёлой Вдовы, выпуская компанию нетрезвых мужчин. Вот, в холодном свете луны блеснула сталь, отправляя на свидание с Вечным Стражем неугодного главе тёмной гильдии столицы господина. Вот, из маленькой усадьбы на окраине города через чёрный ход выскользнула тень, мужской силуэт, укутанный с ног до головы в чёрный плащ. Возвращаться от любовницы порядочный горожанин и отец семейства всегда предпочитал в это время. Вот...

У ночи свои правила и свои тайны.

Двое. Мужчина и женщина. Они тоже подчинялись законам Ночи. Их тела сплелись так тесно, что было трудно понять, где заканчивается одно и начинается другое. На таком же чёрном, как ночь, шёлке простыней они нежились в объятьях друг друга. Кудрявая голова девушки уютно устроилась на груди мужчины, он собственнически прижимает её к себе, не давая отдалиться даже на ладонь, стройная длинная нога любовницы закинута на него, и чуткие пальцы лорда легко ласкают нежную кожу, чуть касаясь, спускаются невидимыми дорожками от бедра к икре, поглаживают ступню и возвращаются обратно. Нежный шёпот почти не слышен в ночи.

— Шиа! Ты не возможен! Сколько тебе можно доказывать, что это не выход! От того, что ты сорвёшь встречу эльфов с императором, ничего не изменится.

— Маленькая, я уже начинаю жалеть, что тебе рассказал. Давай спать, утром всё решим.

— Я не могу так спать! Я переволновалась, мне было страшно, а теперь ты даже не можешь толком ответить на мои вопросы!

— Дери, я и так рассказал тебе больше, чем следовало.

— Ты так и не сказал мне, чью именно память ты сегодня просканировал, — пальчики эльфийки начали провокационно гладить мужчину, сначала по шее, потом спустились на грудь, потом очертили кубики пресса. При этом на её губах играла хитрая-прехитрая улыбка, а глаза сияли, как звёзды.

— Дериинииииии... — шипя выдохнул дракон.

— Да, милый?

— Ты обещала не спрашивать, как я получил информацию, — дыхание мужчины изменилось, но мастерица будто этого не замечала, продолжая свою занимательную экскурсию.

— Ну, так я этого и не спрашиваю, я это и сама поняла... ты просто скажи кого?

— Дери! Дери... Прекрати.

— Тебе не нравится? — эльфийка легко провела коготками по его коже от шеи вниз по груди, потом нежно лизнула ключицу и повторила свой путь короткими нежными поцелуями.

— Дери... Дери! Демоны с тобой! Я нашёл в одном из элитных домов развлечений лорда Лирандийского.

Эльфийка замерла...

— Тебе не кажется, что про дом развлечений лучше было и не упоминать? — тихо прошептала она.

— А тебе не кажется, что сейчас кто-то снова будет извиняться? — с этими словами дракон резко перевернулся, так что его леди оказалась под ним.

— Ты же собирался спать? — губы эльфийки улыбались, а тело подрагивало в предвкушении того, что обещали горящие огненными искрами и страстью глаза Шиагрона.

— Я передумал...

Как хорошо, что существует такое понятие, как выходной. Когда у Дери была собственная лавка с этим было сложнее, всё равно каждый день приходилось хотя бы пару часов времени уделять работе и клиентам. Хоть какой-то плюс от того, что она оказалась при дворе...

Примерно так размышляла Альэдера, сидя на следующий день на кухне и задумчиво помешивая чайной ложкой кофе. Шиагрон вновь куда-то умчался ещё до её пробуждения, оставив ей записку с пожеланиями доброго утра и просьбой посидеть дома до его прихода. Невероятной краткости письмо растаяло сразу же после прочтения, превратившись в цветок белоснежной орлинеры (и где Шиа её только достал?). Рассмеявшись этой выходке Дери встала с кровати, воткнула неожиданно приобретённую флору, имевшую сложную ассиметричную форму, чем-то похожую на ирис, но с более сложным гребнем, за ухо и отправилась на кухню.

Здесь эльфийка и находилась до сих пор. Всё то, что она услышала вчера, постепенно укладывалось в голове и уже не казалось таким нереальным. Но вместе с тем... От осознания серьёзности ситуации было страшно. Как бы она ни презирала отвергший её эльфов, в ней текла их кровь, и она не желала такого будущего для Светлого Леса. Как бы она ни ненавидела крылатых детей Горы раньше, и как бы ни изменялось её отношение теперь, они были достойны большего, чем стать орудием в чужой игре.

Не может быть, чтобы из этой ситуации не было выхода. Император Террион ввязался в слишком серьёзную партию и наверняка это можно обернуть против него.

Дери прекрасно понимала, что в сложившейся расстановке фигур она никто, меньше чем пешка, разменная монета, единственная задача которой отвлечь дракона. И от этого было горько и обидно. «Как низко пала благородная эльфийская леди!» — горько подумала мастерица. Безродная шавка... так некогда сказал братац. Возможно, в чём-то он был и прав. Вот только это не значит, что теперь она будет сидеть и покорно ждать, пока сильные мира сего определятся, кто из них самый великий и ужасный. Шиагрон наверняка вмешается в эту игру и оставить его одного Дери уже не могла. Ей хватило вчерашней ночи, когда она чуть не умерла от ужаса за него. Пусть они вместе лишь временно, пусть их жизненные пути потом разойдутся... Забыть этого мужчину она не сможет никогда, с каждым днём Альэдера

понимала это всё более и более отчётливо.

Хлопнувшая входная дверь прервала её размышления. Через минуту Шиагрон уже входил на кухню. Он всегда умудрялся безошибочно находить её в большом доме, впрочем, с его возможностями это было неудивительно.

— Проснулась, маленькая. А я принёс горячих булочек с кремом к кофе, — в руках дракон действительно держал коробку из соседней чайной, где продавали сладости навынос, — думал, успею до того, как ты проснёшься.

Дракон подошёл к столу, поставил на него умопомрачительно ароматную сдобу и привлек эльфийку к себе, нежно целуя. Он пах улицей, дождём, булочками и собой. Вдыхая этот запах Дери каждый раз становилось так спокойно и уютно, что хотелось мурчать, как кошке. Но это совсем не значило, что Шиа удастся избежать очередного допроса. Поймав её пристальный взгляд, дракон видимо прекрасно понял, к чему стоит готовиться, и пошёл наливать себе кофе. Сегодня на нём были обычные чёрные брюки, белая рубашка и зелёный расстегнутый камзол.

Мужчина обошёл стол, сел напротив и их взгляды встретились. Её — переполненный упрямством и желанием не отпускать его одного. Его — усталый, но всё равно внимательный и серьёзный. Они смотрели друг на друга, и этот беззвучный диалог значил для обоих больше, чем любые слова.

Наконец, дракон нарушил тишину, но так и не оторвал от неё глаз:

— Ты понимаешь, что если я позволю тебе участвовать в этой аванюре, тебе придётся занять сторону драконов.

Эльфийка опустила глаза и вновь подняла, на дне её взгляда дракон увидел затаённую боль:

— Я не являюсь подданной Светлого Леса...

— Не так давно известие о том, представителем какого именно народа я являюсь, чуть не стало для тебя основанием для того, чтобы сбежать куда подальше.

— Некоторые вещи сильнее нас. Меня так воспитывали. Тебе ведь тоже не говорили, что все эльфы белые и пушистые.

— Не говорили... Но нам объясняли, почему наши народы находятся в таких отношениях, в то время как эльфы... Прости, мне тяжело принять некоторые традиции твоей Родины.

— Это не моя Родина, Шиа. Всё, что меня связывает с Лесом, это то, что я там родилась. Не можешь же ты меня обвинять в том, от чего я сама удрала со скоростью ветра?!

— Не могу, конечно, и не буду, — дракон, наконец, расслабился, поняв, что ему не придётся доказывать Дери, что интересами эльфов придётся немного пренебречь. Как бы Шиагрон не отрекся от любых норм и правил, но он всегда в первую очередь был сыном своего народа, сыном Горы, и даже ради своей пары, а, возможно, и половинки, он не стал бы предателем. То, что она это понимала, существенно облегчало задачу. Жаль, что не удалось вовремя вывести её из игры. Но она уже на шахматном поле и всё равно попадёт под удар и может стать так, что рядом с ним, в эпицентре событий, его огненная леди будет в большей безопасности, чем если будет одна.

— Хорошо... Но пообещай, нет поклянись меня слушаться.

— Что обещаниям больше не веришь?

— Верю, но обещания ты так мастерски обходишь, что остаётся только развести руками.

— На крови? — эльфийка лукаво улыбнулась.

— Дерииииии! Давай ты не будешь меня провоцировать.

— Я пошутила... — над её рукой поднялся сгусток света с серебристыми и зеленоватыми искрами, её магия. Голос мастерины зазвучал серьёзно и отчётливо. — Клянусь силой, дарованной мне Изначальным, что буду исполнять всё, о чём ты меня попросишь для разрешения конфликтной ситуации между драконами, людьми и эльфами. Клянусь не препятствовать тебе и слушаться во всём, что касается этого вопроса, до тех пор, пока Ключ Горы Изначальной не окажется в твоих руках. Да придёт со мной Сила!

Сгусток над рукой эльфийки потух, а дракон только улыбался:

— Умница ты у меня всё-таки, все условия обговорила.

— У нас был преподаватель, который попался подобным образом, он нам чётко внушил две вещи: никогда не клясться в нетрезвом виде и всегда думать о чём клянёшься и на какой срок.

— Оказывается и от человеческих преподавателей бывает прок? Занятно...

— Ты не поверишь, но бывает и весьма часто.

— Пойдём, нам нужно о многом поговорить.

Следующие три дня влюблённая пара, ещё не подозревавшая о своих чувствах, поскольку им просто некогда было о них задумываться, занималась совершенно не свойственным для оставшихся наедине любовников занятием, они спорили, прикидывали разные версии расклада событий, рылись в книгах, делали амулеты. Потом всё пересматривали, начинали всё обдумывать и готовить заново. И так несколько раз.

Основных вариантов было три: не допустить встречу императора с эльфами, выкрасть Ключ раньше, чем встреча состоится или просто заявиться на саму встречу и испортить Терриону всю малину. Последнее — особенно импонировало привыкшему к риску и открытому противостоянию дракону и никак не устраивало жутко переживавшую за него эльфийку. Первые полдня мастерица только тем и занималась, что отговаривала Шиагрона от этого варианта, используя все аргументы, какие только приходили в голову. Уже позже они начали рассматривать другие версии развития событий. Собственно, в каждой из них было одно главное слабое место — император. Сколько раз за это время Альэдера поминала тихими ругательствами, которые с каждым днём становились всё изощрённее, его интриголюбивое величество Терриона III, она бы уже, наверно, не смогла сказать и сама.

Но, наконец, все детали были обговорены, приготовления — завершены, оставалось лишь дожидаться часа икс. Историческая встреча, которая по замыслам императора должна была стать началом новой Эльфо-драконьей войны, была назначена на следующий вечер. Шиагрону пришлось несколько раз уточнять дату, прогуливаясь в сознание всезнающего, как тот сам думал про себя, лорда Лирандийского. Эльфийка даже пыталась шутить на этот счёт, что драконий лорд стал просто завсегдатаем в голове советника. Хотя именно что пыталась. Нервное напряжение в доме с каждым днём нарастало. От медленного, тянущегося будто патока ожидания и постоянных переносов встречи становилось только хуже. Альэдера начала плохо спать, боясь разбудить Шиа своими ворочаниями, она уходила от него на подоконник. Дракон честно делал вид, что ничего не замечает, но на третью ночь, когда было уже известно, что завтра состоится тет-а-тет эльфов с императором сей дивной державы, а его пара вновь оставила его в их общей постели и отправилась смотреть на луну через огромное окно, он не выдержал и, стоило эльфийке усесться на подоконнике, подошёл

к ней со спины:

— Маленькая, — Шиа, будучи опытным войном, умел подкрадываться совершенно незаметно, так, что даже тонкий эльфийский слух не реагировал на его скользящие движения, — если бы я не видел, что в твоих предках есть эльфы, то решил бы что, в тебе проявляется кровь оборотней и ты скоро начнёшь выть на луну и периодически покрываться шерстью...

— Шиа? Это ты... — Дери, оказалась захвачена врасплох его появлением, — мне просто не спится...

— Маленькая, тебе не спится уже третью ночь, — мужчина сел рядом с ней на подоконнике за её спиной и притянул эльфийку к себе, обнимая сзади за талию, — мне уже надоело спать одному. Может, я там мёрзну один без тебя в большой постели.

Дракон скорчил такую уморительную мордашку, что сидевшая вполоборота к нему эльфийка просто не смогла сдержать смеха:

— Шиа, если кто-то и мёрзнет, то точно не ты, я сама всегда об тебя греюсь.

— Я знаю, я только ради тебя и поднимаю температуру своего тела...

— В смысле поднимаешь?

— Понимаешь, это особо не распространяется, но ты ведь наверняка знаешь, что наша вторая ипостась, дракон, из всех существующих животных ближе всего к пресмыкающимся.

— Знаю. Тип Хордовые. Клас Пресмыкающиеся. Естествознание я учила.

— Вот-вот. А они являются холоднокровными животными, хотя это не совсем точно, точнее сказать температура тела у пресмыкающихся такая же как у окружающей среды. Будет холодно — наша кожа будет холодной, будет жарко — горячей. Потому и всякие там ящерицы и греются на солнце.

— Ну, это понятно, но к тебе это какое имеет отношение, в человеческой то ипостаси ты — теплокровней не бывает.

— Дело в том, что мы с драконом связаны, и человеческой кровеносной системе приходится под эту связь подстраиваться, и, если говорить объективно, то строение нашей кровеносной системы, как у холоднокровных животных, а за счёт магии мы можем менять температуру тела, хоть в одну, хоть в другую сторону.

— То есть ты специально разогреваешь температуру своего тела для меня? — эльфийка казалась смущенной, и, в то же время, дракон видел, что ей было приятно.

— Не то чтобы специально, а делаю её чуть выше, чем привык, сам я не особо мёрзну. Поэтому пойдём-ка я тебя обниму, согрею, и, вообще, хватит бросать меня одного. Может мне там страшно и одиноко, — мужчина откровенно развлекался и корчил рожи, но рядом с ним эльфийке и правда было намного спокойней.

— Я просто не могла заснуть и не хотела тебя будить своим ёрзаньем, — Дери смущённо улыбнулась и уткнулась в грудь дракона, действительно более чем тёплую. Они уже поднялись с подоконника и теперь стояли обнявшись на фоне ночного города, смотря на звёзды. Потом, как-то совсем незаметно, дракон увлёк эльфийку за собой к огромной кровати, что стояла на возвышении в центре комнаты, под балдахином из лёгких, прозрачных, с дымчато-лиловыми разводами, как рассветное небо, занавесями, застеленной темно-фиолетовым — в этот раз — шёлковым пастельным бельём. Уже когда они устроились, тесно прижавшись друг к другу, в уютном гнезде из одеяла и подушек, с губ эльфийки всё-таки сорвалось то, что её беспокоило всё это время:

— Мне страшно. А от этого бесконечного ожидания только хуже...

— Я знаю. Хочешь, останешься здесь. Я и один справлюсь.

— Нет уж. Тут я точно умру от страха за тебя, пока буду сидеть одна в неизвестности. Мне прошлого раза хватило! Я тогда полночи по дому круги наматывала от беспокойства за тебя.

— Тогда престань об этом думать. Всё равно ничего лучше мы уже просто не придумаем, мы уже и так столько раз всё прокручивали, моделировали и прогоняли, что мне этот кабинет императора уже снится. Так что давай спать. — Мужчина легко поцеловал свою пару, которая даже не подозревала об этом, наивно думая, что драконы отпускают свою добычу. Вместе с поцелуем с его губ сорвалось заклинание сна. В последний момент эльфийка поняла, что произошло, но было уже поздно, её веки начали слипаться и уже через несколько секунд Дери крепко спала.

Шиагрон улыбнулся, увидев результат своей диверсионной деятельности, за которую ему завтра наверняка будут долго и с наслаждением выговаривать, и поудобнее устроив эльфийку на своём плече и ещё теснее прижав её к себе, заснул с чувством выполненного долга. Завтра их ждал сложный день...

Встреча, которой в будущем предстояло стать исторической, состоялась.

Всё происходило на закате, в том же самом тайном кабинете императора, где совсем недавно господин советник ждал своего императора с ларцом, на поиски которого было потрачено столько лет. Для осуществления этого тайного и особо засекреченного проекта император не жалел ни средств, ни усилий, ни наказаний для невыполнивших его волю подчинённых. Сам лорд Лирандийский уже сбился со счёта, какому количеству тайных агентов пришлось расстаться с жизнью ради того, чтобы сейчас вот этот небольшой ларец, оплетённый целой паутиной защитных заклинаний, был надёжно заперт в личном тайнике Терриона. Правда, стоит честно сказать, двуличного лорда не особо заботили судьбы этих неудачников. Вопрос ликвидации агентов интересовал его скорее с экономической и практической точки зрения. Подумайте сами, ведь на их обучения затрачивались средства из императорской казны, усилия, время. Единственным положительным моментом для лорда Лирандийского в данной ситуации было то, что отрицательный результат тоже был результатом. И отбрасывая очередную провалившуюся версию, он упорно приближался к цели. И вот эта цель была достигнута. Им. Верным сыном своего отечества.

Опровергая все исторические хроники, судьбоносная для трёх народов встреча проходила абсолютно буднично, без излишней мишуры, фанфар и прочей придворной атрибутики. Хотя сам лорд Лирандийский был совершенно уверен, что именно так чаще всего и происходит. Все основные решения, от которых зависят судьбы народов, принимаются за закрытыми дверями, в тайне, иногда и под покровом ночи. То же, что видят простые люди, является лишь грамотно срежиссированной постановкой, официальной версией, призванной показать народу всё величие управляющей им власти.

Стоило отзвучать традиционным приветствиям и в комнате повисла небольшая пауза. Обе стороны выжидали. С одной стороны находился сам лорд Лирандийский и единственный человек, чьи приказы для него не подлежали никакому сомнению, человек являющийся инициатором этой встречи, а также многих других событий, которые совсем скоро начнут происходить так далеко от его родной Рэстарионской Империи, что его даже никто не заподозрит в причастности к ним. Император Террион III. Должно быть, женщины находили его привлекательным, советнику, привыкшему оценивать людей совсем по другим

критериям, было трудно об этом судить. Золотисто-русые, чуть волнисты волосы до плеч, серые глаза с хищным разрезом, сейчас выразившие абсолютное спокойствие, правильные черты лица, в качестве особых примет советник мог бы назвать лишь небольшую горбинку на носу и чёрный шрам на скуле, полученный в магическом поединке ещё в молодости. Худощавая, но сразу видно тренированная фигура. Одетый просто, в коричнево-зелёных тонах, но при этом дорого. Единственное в чём он уступал эльфам, представлявшим другую сторону — это в росте.

Эльфы же... Они были совершенны. Гордые, надменные, их лица не выражали ни единой эмоции. Идеальные, до миллиметра выверенные черты лица застыли, как кукольные маски, Безупречные шёлковые белоснежные волосы одного и золотистые другого лежали в идеальном порядке, казалось, что ни один волосок не смеет пошевелиться и сдвинуться с места, нарушив созданный гармоничный образ. Всё что они делали было наполнено каким-то особым смыслом. Казалось, они не шли, нет, они перемещались по пространству, будто даже не касаясь пола, не сидели за столом, а восседали, такое ощущение, что как минимум на троне.

Напыщенные зазнайки! Так охарактеризовал их господин советник. Глядя на этих существ, всем своим видом подчёркивающих свою исключительность и превосходство, единственное о чём сожалел лорд Лирандийский так это о том, что может и не дожить до того момента, когда план его императора сработает до конца и приведёт к ослаблению двух высших народов, так гордящихся своим превосходством. Да, господин советник ненавидел другие расы, особенно высшие, он всегда придерживался точки зрения, что все изначально должны были быть созданными равными и считал волю Единого не достаточным аргументом для того, чтобы называть народ высшим. Если какой-то народ и будет возвышаться над другими, то его.

Он ненавидел их, но тщательно скрывал своё мнение, как, собственно, и всё что касалось его истинной личности. Единственным человеком, знавшим истинного главу тайного отдела, был его император — от эмпата скрыть что-то весьма трудно, особенно когда ты не знаешь, что юный наследный принц относится к такой редкой разновидности магов, что их уже практически считают легендой.

Лорд Лирандийский был бы сильно удивлён, если бы узнал, что от него самого и его внутреннего мира мало что осталось. Мировоззрение своего главного помощника и советника император долгие годы тщательно и неторопливо менял, добавляя то одну эмоцию, то другую. Постепенно он внушил ему веру в свою исключительность и непогрешимость, ненависть к остальным разумным народам, многое очень многое, что и превратило главу тайного отдела в верного и абсолютно надёжного подчинённого Терриона.

Всё шло согласно задуманному императором и советником сценарию. После того как стороны оценили возможности друг друга, начался обмен привычными дипломатическими колкостями, который, как и ожидалось, привёл к тому что вновь начали делить спорные территории на границе между Светлым Лесом и южной частью Рестарионской Империи. Вопрос этот поднимался на подобных встречах так часто, что его обсуждение больше походило, на тщательно отрепетированную постановку в театре. Впрочем, в этот раз у имперцев был новый аргумент, способный переломить ход этой привычной дискуссии совершенно в другое русло.

— Я понимаю, — Террион наконец перешёл к той части переговоров, ради которой собственно и было всё затеяно, — что вопрос о принадлежности этой территории остаётся

достаточно спорным, но я готов предоставить Светлому Лесу некоторую компенсацию за ваш отказ от них...

— Нас не интересуют деньги, это для вас, людей, — старший беловолосый эльф глава совета Четырёх при Светлом Повелителе лорд Вестариэн Каристэль-Эрино презрительно скривился, — они значат больше, чем заповеди Единого, в которого вы так показательно верите.

Император выслушал эту наполненную превосходством речь совершенно спокойно, ещё и улыбаясь. И, глядя на эту улыбку хищника, предвкушающего скорую победу, даже привычного к общению с Террионом советника взяла оторопеть. Эльфы, впрочем, казалось, вообще ничего не заметили, на их лицах по-прежнему были каменно-надменные маски.

— Я не сказал, что компенсация — это деньги, у меня есть более интересное предложение. — При этих словах император интригуяюще сверкнул глазами, встал, подошёл к скрытому иллюзией шкафу и достал дожидавшийся своего часа ларец, предусмотрительно изъятый из тайника. Магические замки были открыты специально для такого случая созданным ключом, лежавшим рядом со шкатулкой в виде кулона из белого сплава, сделанного в форме нескольких переплетённых рун. Стоило ларцу оказаться перед эльфами, как все, в том числе и лорд советник, увидели то, что было скрыто внутри него.

На чёрном бархате сверкал множеством граней ключ. Большой, намного больше, чем те ключи, которыми пользовались в обиходе, он был созданным будто из нескольких драгоценных камней плавно переходящих один в другой. Вершина — кольцо, была рубиновой, вспыхивающей сотнями искр, потом она плавно переходила в аметистовую, насыщенного фиолетового цвета, полую внутри трубку, сверкающую даже в приглушённом свете магических светильников сотней граней и постепенно светлеющую до нежно голубого сапфира у самого края бороздок. Изрезанная же, будто диковинный цветок, нижняя часть была бриллиантовой, сияющая, притягивающая к себе взгляды и преломляющая свет многочисленными гранями в тысячи крошечных радуг. На любое существо, видевшее впервые эту первозданную красоту, артефакт производил неизгладимое впечатление, и только потом, когда первый восторг проходил, и сияние камней уже не так ослепляло, становились заметны цепочки древних, уже почти забытых рун, оплетающие его, как лианы ствол дерева.

В этот момент лорд Лирандийский понял, что все усилия были не напрасны, что десятки лет поисков, огромные материальные вложения, жизни погибших агентов... Всё! Всё это стоило того чтобы впервые в жизни увидеть удивлённые, да что там удивлённые — потрясённые, лица эльфов. Надменные маски спали с их безупречных до нереальности черт, как плохо наведённая иллюзия. Они взирали на святыню своих вечных врагов с невероятной смесью неверия, ошеломления и преклонения.

— Ключ Горы Изначальной, — едва различимым шепотом проговорил младший эльф.

— Шиэрраши Дгеризт Стехриэнши, — почти одновременно с ним совершенно не своим голосом, даже не сказал, а скорее прокаркал, его старший коллега, всё ещё продолжая восторженно взирать на открывающуюся перед ним картину.

Наконец, он оторвал взгляд от легендарного артефакта:

— Это оригинал, я чувствую драконью магию, — то ли спросил, то ли подтвердил председатель совета Четырёх.

— Это потерянная во времена Войны Драконов копия Ключа, по своему действию абсолютно аналогична оригиналу, находящегося у хранителя Горы, — Террион был

совершенно спокоен, советник мог только догадываться, какую эйфорию испытывал его император, наслаждаясь всем тем букетом эмоций, которые эльфы наверняка испытывали в избытке.

— Хорошо, — после некоторой паузы продолжил старший эльф, — мы готовы приступить к переговорам.

Всё сложилось именно так, как и планировалось. Возвращаясь из Светлого Леса, вход на территорию которого для любого неэльфа считался невозможным до этого момента, куда императора вместе с лордом Лирандийским и тщательно отобранной охраной лично проводил глава совета Четырёх, Террион был более чем доволен. Несмотря ни на что, первая часть его плана прошла так, как он этого и хотел. Эльфы проглотили приманку с таким аппетитом, что теперь оставалось только ждать улова. Вызывали опасение шпионы, пойманные во дворце, но с этим император мог разобраться и позже... Сейчас он ликовал. Ведь сегодня наступил день, ради которого стоило столько лет посвятить поискам мало кому известной вещицы. Сегодня в присутствии всего совета Четырёх Повелитель Светлого Леса принёс ему клятву, что отныне все территории Далитеристской равнины официально считаются принадлежащими к Рестарионской империи. И в данной ситуации императора радовало не столько то, что он расширил территорию своего государства, сколько то, что он смог провести эльфов. Этих, гордящихся своим превосходством и безукоризненностью безэмоциональных кукол.

Злополучная равнина стала скорее приятным бонусом в этой игре. Террион прекрасно понимал, что если бы не требовал с эльфов за Ключ нечто весьма значительное, это вызвало бы подозрения. А так... он и подсунул соседям оружие против их излюбленного врага — драконов, и интересы империи не оставил в стороне. Всё получалось именно так, как планировалось. Впереди был следующий раунд игры. На этот раз на сцену должны были выйти драконы. Император улыбнулся своим мыслям. Игра становилась всё более и более захватывающей.

ГЛАВА 5. Обратная сторона монеты или преступный дуэт

Тюремная камера.

Дери редко представляла себе это помещение. Крошечная комната. Стены из огромных серых камней. Маленькое зарешеченное окошко под самым потолком. Узкая кровать, застеленная тонким одеялом. Глухая железная дверь. Звук капающей где-то вдалеке воды...

Единственным, что выбивалось из привычной картины, был Шиагрон, он спал рядом, точнее, практически под ней, — кровать была слишком узкой. Такой же уверенный и спокойный как прежде.

Как всё это случилось? На удивление просто.

К месту встречи они пришли заранее, скрытые всеми известными науке и магии способами. Самым верхним слоем их защиты был полог невидимости, тщательно выплетенный Шиагроном, вглядываясь в усовершенствованную модификацию этого заклинания, Дери могла, наверное, только позавидовать. Тот полог, что дракон спешно создал в день их знакомства, был лишь жалкой пародией этого бастиона. Здесь же были вплетены и заклятие неприметности и компонент обеспечивающий бесшумность и ещё несколько других, так любимых всеми незаконопослушными людьми империи и не только заклинаний. Под пологом был рассеивающий щит, для того, чтобы никто не отследил потоки магии. Дальше шли ментальные щиты и амулеты, блокирующие эмоции, точнее, не дающие эмпату возможности их прочесть.

Завершающим штрихом подготовки стал защищённый ментальный канал между парой будущих правонарушителей. Дракон прикрепил его к небольшим одинаковым колечкам с ромбовидными камешками жёлто-зелёного берилла, из всех минералов он лучше всего воспринимал ментальную магию. Эльфийка добавила колечко к тем многочисленным крохотным серёжкам, что украшали её уши, Шиагрон же просто прикрепил подвеску к браслету, куда он одевал все необходимые для работы амулеты. Стоило потереть камешек, и он приобретал более насыщённую ярко-зелёную окраску, и канал связи начинал работать. При повторном нажатии — ментальная программа сворачивалась и канал закрывался.

Разумеется не обошлось и без иллюзий, которые Дери вновь, будто в насмешку, поместила в пуговицы. Дабы не оставлять улики швейные принадлежности пришлось специально покупать под личиной среднестатистической горничной в одной из лавок нижнего города. Эльфийка нашла их на одну из своих рубашек, так, чтобы их было легко оторвать и подбросить туда, куда нужно.

В тайный кабинет императора удалось попасть довольно просто. Дуэт эльфийки и дракона легко проник во дворец под личинами стражников. Воспользовавшись воспоминаниями лорда Лирандийского, они нашли вход в сеть потайных ходов, по ним и проникли к месту будущей встречи. Кабинет был именно таким, каким он сохранился в воспоминаниях советника и ничего нового ни Дери, ни Шиагрон для себя не нашли. Полукруглый стол в центре комнаты, уже явно приготовленный к грядущим переговорам, изящный угловой диванчик, обитый тёмно-коричневой ворсистой тканью, круглые шары магических светильников, прикрепленные в шахматном порядке прямо к стене. За иллюзией Дери прекрасно видела шкаф, где находился нужный им ларец. Было так странно смотреть на довольно обычную на вид шкатулку и понимать, что из-за её содержимого может

разгореться война.

Хоть Шиа и отрицал это, но эльфийка прекрасно понимала, что он скорее пытался её успокоить, выдавая желаемое за действительное. Она не вчера родилась на свет и прекрасно понимала, что за своё наследие драконы будут драться яростно и бескомпромиссно, а эльфы же никогда не упустят возможность подавить вечных соперников. И всё из-за крошечного ларца, который бы мог уместиться в самом маленьком саквояже! Это укладывалось в голове с большим трудом.

Оглянувшись в последний раз Дери послушно прошла вслед за Шиа в угол у окна. Дракон специально выбрал позицию так, чтобы и находиться недалеко от нужного шкафа, и не попасть под траекторию движения хозяев кабинета и их гостей. Эльфийка сама не поняла, как так получилось, но уже через мгновение она оказалась отгорожена от всего мира крепкой фигурой Шиагрона и была прочно вжата в стену так, что и рассмотреть что-то было проблематично. Не обращая на её недовольный взгляд никакого внимания, дракон потёр сделанную им собственноручно серёжку на ухе эльфийки. Берилл вспыхнул зелёным цветом, и между парой образовался канал ментальной связи, отследить его было невозможно, так как он был замкнут на их аурах, да и рассеивающий щит бы не позволил.

— Маленькая, меняй иллюзии, — ментальный голос дракона, раздавшийся в голове Дери, мало чем отличался от обычного. Эльфийка быстро свернула иллюзии королевских стражников. Двое мужчин, послужившие для них оригиналами, сейчас послушно отдыхали под пологом невидимости в кустах саримириса — к слову, очень и очень колючих — в сквере недалеко от дворца. Они усыпили их при помощи банальных дротиков с сильнодействующим снотворным и сковали обездвиживающим заклятием. Стражники были выбраны заранее, они оба только что отдежурили свою смену и направлялись на общую съёмную квартиру. Шиа стёр и заменил им последние воспоминания. Теперь они будут помнить о том, как вместе напились в одной из таверн города и сделают вывод — если там конечно есть чем его делать — что слегка не рассчитали со спиртным.

На место этих иллюзий эльфийка тут же вытащила из второй пары пуговиц другие. Их она делала с двух служащих канцелярии. Молоденькая девочка секретарша и её начальник, отвечающий за отдел курьерской доставки. Был очень большой соблазн одеть личины наоборот, но Дери решила не нервировать своего дракона лишний раз. Разумеется, личины были лишь перестраховкой, увидеть или как-то почувствовать их сквозь все слои защиты теоретически было невозможно. Мастерина закрепила иллюзии и выжидающе посмотрела на Шиа.

— Умница! Теперь ждём.

Дери послушно кивнула и опустила голову, пытаясь успокоиться. Нервы были натянуты до предела. И находиться здесь, стоять не шелохнувшись и ждать когда же... От этого было только хуже. Было такое ощущение, что каждая минута ожидания растягивается на часы. Всё тело было напряжено, эльфийке казалось, что даже кончики волос наэлектризовались от напряжения. Пытаясь успокоиться мастерина сильно-сильно сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, глубоко вздохнула... а потом плюнула на всё и обняла Шиагрона зарывшись лицом в его камзол.

Дракон крепко обнял её, ничего не говоря ни вслух, ни ментально. Так они и стояли. Альэдера закрыла глаза, прижимаясь к мужчине крепко-крепко, в какой-то момент она поняла, что страх уходит. Дери удивлённо подняла глаза на Шиагрона и подозрительно прищурилась:

— Зачем? — вопрос был задан, разумеется, ментально, — ты же говорил, что не применял и не будешь применять ко мне ментальную магию?

Шиагрон лишь хитро улыбнулся, не раскаиваясь в содеянном ни на секунду:

— А ты обещала слушаться меня во всё. Так что терпи.

— Так и знала, что твоим обещаниям можно верить примерно как моим собственным.

— Заметь, ты сама это сказала.

— А ты обещал не применять ко мне ментальную магию.

— Конечно, обещал и впредь собираюсь это делать только в ситуациях подобных этой, когда твои эмоции мешают тебе сосредоточиться. Тебе ведь стало легче, — скорее утвердительно, чем вопросительно передал по ментальному каналу Шиа.

Ненадолго замолчав, эльфийка прислушалась к себе и вынуждена была признать, что дракон в который раз оказался прав. Возмущаясь про себя, Дери с сожалением подавила присущее каждой особи женского пола чувство противоречия и, выразив своё недовольство лишь крайне выразительным взглядом, кивнула. Дракон, глядя на эту картину, лишь фыркнул что-то одобрительное по ментальному каналу и ещё крепче притянул свою леди к себе.

Они стояли, наслаждаясь молчаливой близостью и каким-то невероятным чувством принадлежности друг другу, не только в физическом плане, но и в духовном, когда чувствуешь близкого тебе человека, понимаешь его, ощущаешь как самого себя, не прибегая ни к словам, ни к магии, ни к поцелуям и ласкам. Ты просто стоишь рядом и знаешь. И это больше чем слова, сложнее чем магия, выше чем родственные узы. Что-то очень похожее на то, что романтики и мечтатели называют любовью. Любовь? От этой мысли Альэдера даже невольно дёрнулась, отрывая свою голову от груди Шиа и заглядывая ему в глаза.

— Маленькая, что-то случилось?

— Нет, просто... — она не успела договорить, как и додумать ту безумную мысль, что пришла ей в голову, как дракон перебил её.

— Начинается! — Его глаза загорелись в предвкушении предстоящей игры, а губы тут же нашли её, подарив быстрый, короткий поцелуй. — На удачу! — Услышала Дери его голос в своей голове, уже через мгновение рядом с ней стоял будто совсем другой человек... то есть дракон. Спокойный. Уверенный. Сосредоточенный. Подмечающий мельчайшие детали. Альэдера успела только мысленно поразиться этим переменам, когда её внимание отвлек звук шагов в потайном ходе.

Действительно началось.

Шаги с каждой секундой становились всё громче и громче. И наконец... Тихий шелест отрывающейся двери и она, увидела их. Первым вошёл слуга, держа перед собой магический светильник. Сразу за ним — невзрачный мужчина, надо полагать, лорд Лирандийский. «Ну, когда же?» — нетерпеливо выругалась про себя эльфийка. Следующим шёл уже известный ей император Террион. Он узнала его легко, хотя в этот момент он значительно отличался от своих парадных портретов, где глава империи изображался скорее как легкомысленный щеголь. Сейчас же перед ними был опытный политик, способный ради блага своего государства использовать любые, даже самые безнравственные средства. Всматриваясь в его непроницаемые стальные глаза, эльфийка понимала, что да, этот человек способен развязать страшную кровопролитную войну, не имеющую конца, ведь изначально эльфы и драконы равны. Этот человек способен обхитрить всех и остаться в выигрыше даже тогда, когда земля под его ногами будет уходить, а мир разрушаться. Этот человек способен на всё.

Альэдера поражённо замерла настолько этот хищный взгляд выбил её из колеи, но в следующий миг Террион повернулся к входу, встречая своих гостей, и всё, что эльфийка видела только что, начало казаться ей миражом, иллюзией, галлюцинацией. Да чем угодно, ведь человек, улыбающийся так искренне своим гостям, не может замышлять ничего дурного. Этот человек — само воплощение справедливости, честности. Он не способен предать. Что вообще она здесь забыла? Нужно немедленно всё рассказать ему, он...

— Не поддавайся на его обаяние, это эмпатия, — услышала она голос Шиа, будто из другой вселенной, — и лучше не смотри ему в глаза.

— Эмпатия? — Дери сосредоточилась, опуская взгляд к полу. Контроль над сознанием возвращался медленно и постепенно. Она пересчитала все камешки на своих туфлях, рисунки на ковре, светильники. Постепенно волна наведённых эмоций схлынула. Эльфийка сконцентрировалась на собственных ощущениях, отделяя наведённые от тех, которые испытывала она сама. Проанализировав результаты, мастерица пришла к неутешительному выводу — смотреть в глаза императору Рестарионской империи не следовало. «Вот подлец, — с раздражением граничащим с вохищением подумала она, — теперь понятно, почему он всегда с таким блеском проводит переговоры». Хотя... в данной ситуации эльфийку больше волновало другое:

— Шиа! — требовательно позвала она по ментальной связи. — А почему амулет не сработал?

— Потому что... — дракон внимательно слушал все дипломатические расшаркивания между императором и его эльфийскими гостями.

— Шиа!

— Пришлось пожертвовать качеством защиты от внешнего воздействия, чтобы усилить маскировку наших эмоций от Терриона, так что не смотри ему в глаза и всё будет нормально, — быстро взглянув на неё объяснил дракон и вновь обратил всё своё внимание на диалог сторон. А эльфийка, наконец, вспомнила про гостей императора.

Демон! Эльфы! Это действительно были эльфы! Не полукровки, которых Светлый Повелитель обычно отправлял в качестве послов в другие государства. Нет. Настоящие чистокровные эльфы. Мало того, одного из них она знала. Лорд Вестариэн Каристэль-Эрино. Он часто бывал в их доме. Невероятно красивый, даже по эльфийским понятиям. Классический образчик эталонов её народа. Равнодушный. Спокойный. Величественный. Он будто символизировал всё то, что Дери ненавидела и не принимала в эльфийском мировоззрении.

Она никогда не могла понять и принять этих идеалов. Почему нельзя выражать свои эмоции? Почему нужно скрывать свои чувства? Почему нужно смотреть на всех свысока? Ни одна гувернантка, которых у неё было ну очень много, так и не смогла дать ей ответы на все эти «почему». Не знала на них ответы Дери и сейчас. Не знала и не собиралась искать. И глядя на одного из друзей своего отца, она вновь ощущала всю боль, всю обиду, которые, несмотря на то, что она их не показывала, жили в её душе. Чтобы она не говорила, но Лес — был её домом, который она, несмотря ни на что, любила. И лишиться его было больно. Пытаясь привычным усилием воли загнать эти, так некстати всплывшие чувства куда-нибудь подальше, эльфийка натолкнулась на зелёные глаза второго эльфа.

Зелёные... Она неверяще зажмурилась. Открыла глаза. И вновь этот взгляд холодных, зелёных, почти таких же как её собственные, глаз...

Лирстеоиэн лорд Варис ан Летериэн.

Последний раз она видела его в тот самый день, когда перестала существовать Альэдеризна леди Варис. Он? Действительно он. В это было трудно поверить, но эльфийский лорд, которого она некогда обкидывала косточками лирики (ягоды очень похожей на вишню только фиолетового цвета и с более сладким вкусом), на дерево которой вопреки всем запретам Дери так любила забираться в детстве, действительно сидел в каких-то паре-тройке шагов от неё. За эти годы он мало изменился, разве что стал ещё более холодным и отстраненным чем раньше, хотя эльфийка искренне считала, что это невозможно. Было так странно... Смотреть на него здесь, видеть перед собой, понимать, что вот такой вот мечтали видеть её родители и... облегчённо вздыхать. Всё-таки она сделала правильный выбор и не жалела о нём.

Внутренние метания Альэдеры, наверное, могли бы продолжаться ещё очень долго, слишком многое разбудили в её душе двое высокомерных эльфов, но события в кабинете развивались вне зависимости от эмоционального состояния одной бывшей эльфийской леди, и, когда Шиагрон, который всё это время не отрываясь следил за дипломатической пикировкой, предупреждая сжал руку своей напарницы, Дери поняла, что театральное представление близится к кульминации.

Задумывалась ли эльфийка когда-нибудь о том, как выглядят артефакты способные контролировать целые народы? Вряд ли. История никогда не интересовала её настолько сильно. Исключительно в пределах общего развития и исключительно официальные версии. Разве что после рассказа Шиа мысль о том, что же представляет собой этот самый Ключ Горы Изначальной, из-за которого столько суеты, пару раз мелькнула в её голове, но, учитывая сколько вопросов им пришлось решить в эти дни, неудивительно, что дальше мимолётной эта мысль не эволюционировала. Теперь же, когда Террион поставил перед эльфами ларец и со скрытым торжеством во взгляде открыл его... Вряд ли она когда-нибудь забудет это чувство. Ослепляющая, потрясающая до самых глубин души, заставляющая замереть и задержать дыхание — красота, а ещё... величие, мощь, древность. Это невозможно было объяснить никакими рациональными фактами. Это было выше, могущественнее, невероятнее всего, что она не только видела, но даже всего, что она могла себе представить. И это была только копия! Что же тогда представляет собой оригинал?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Теперь Дери понимала, почему Шиагрон безоговорочно отказался от варианта сделать иллюзию Ключа заранее, хотя он и представлял, как тот выглядит и, в принципе, мог ментально передать ей изображение. Но передать это чувство, это ощущение, не видя самого Ключа, действительно было невозможно.

Рука Шиагрона вновь предупреждая сжала её плечо и стоило только старшему эльфу сказать: «Это оригинал, я чувствую драконью магию» как... время остановилось. Нет. Это не было метафорой. Для четверых существ находящихся за столом время действительно остановилось. Они так и замерли на полуслове-полудвижении.

— Три минуты, — услышала она в голове голос Шиа.

Дери и сама помнила, что заклинание, созданное старейшинами Горы и отданное в числе прочих для страховки их безалаберному потомку, в сложившихся условиях было рассчитано ровно на три минуты. Когда Шиагрон впервые рассказал ей о нём и показал небольшой стеклянный шарик с заключенными в нём магически плетениями, Дери вообще не могла поверить, что такое возможно, теперь же она действительно убедилась, что Совет Старейшин Горы — это сила, точнее сказать, невероятная магическая сила.

Эльфийка достала из кармана невзрачный мешочек, выполнявший те же функции, что и шкатулка Терриона — он гасил магическое излучение предмета — и вытащила из него обычный медный ключ, по форме напоминавший артефакт драконов. Этот ключ Шиа все последние дни старательно напитывал своей магией дабы ей было проще сымитировать то ощущение, которое возникало от оригинала.

Спокойно и уверенно эльфийка подошла к ларцу, стоящему на столе, ловко обогнув замершие изваяния главных действующих лиц этой постановки, и...чуть дрожащими пальцами вытащила оттуда Шиэрраши Дгериэт Стехриэнши, заменив на приготовленный ключ. Как только артефакт оказался в руках Альэдера Ключ Горы Изначальной был связан со своим будущим дубликатом тонкой магической нитью, сплетённой заранее, и дальше... дальше для мастерины всё перестало существовать, осталось только время, несуществующим метрономом отсчитывающее секунды в её голове, задача, которую ей предстояло решить и ещё Ключ, переливающийся тысячью граней на её раскрытых ладонях. Она смотрела на него, вслушивалась в каждую магическую вибрацию и пыталась не упустить ни одного нюанса, ни одной эмоции. Сейчас она просто не имела на это право. Задача, стоявшая перед ней, была на грани возможного, она требовала всего её мастерства, всего умения.

Вот уже заклинание, связавшее два предмета, закончило действовать, и в шкатулке лежала точная копия Ключа Горы Изначальной. Альэдера закрыла глаза, сосредоточилась. Теперь она видела оба предмета магическим зрением. Параллельно она формировала 'ауру' для нового Ключа.

Настоящий мастер иллюзий способен передать не только внешний вид предмета, его запах, вкус, но и вложить в него определённые эмоции, ощущения. Сделать скелет зомби ещё страшнее или, наоборот, создать вокруг него такую ауру, что все кто его видит, будут умирать со смеху, несмотря на угрожающее клацанье зубов и мерзкие лохмотья мертвого мяса, свисающие с костей. И вот теперь Дери создавала такую 'ауру' для новой версии Шиэрраши Дгериэт Стехриэнши. Она впитывала всем своим существом то ощущение могущества и величия, древности и силы, уникальности и красоты, что излучал артефакт в её руках, формировала его в сферу из своей магии, вплетала туда нити магии Шиа, которыми был переполнен ключ, взятый за основу, и плела... плела... плела иллюзию, сооружая всё новые и новые слои, добавляя, корректируя...

А время в её голове всё отсчитывало и отсчитывало секунды.

— Дери! — голос Шиа был так близок и так далёк... — Дери, поторопись!

Последний слой. Удары метронома в голове звучат, кажется всё громче и быстрее... быстрее.

— ДЕРИ!

Сворачивается нить заклинания.

ВСЁ.

Отойти на прежнее место и замереть. Последний удар. Последняя секунда. И... будто лопнула струна. Время вновь пошло так же, как и прежде. Беловолосый эльф наклонился над шкатулкой, пристально рассматривая Ключ. Альэдера замерла. От страха у неё перехватило дыхание и забилося испуганной птичкой сердце.

Миг.

Другой.

Руки Шиа напряглись на её талии.

Единый! Помоги!

Что-то говорит император, но его слова не имеют особого значение, а вот эльф... «Хорошо, мы готовы приступить к переговорам» — эти слова как эхо повторяются и повторяются в голове мастерины.

Удивление. Неверие. И... торжество.

Получилось! Получилось! Получилось!

Напряжение, державшее все её нервы натянутыми, как струны, вдруг схлынуло, снесённое волной бешеной эйфории. Эльфийку накрыло такое чувство облегчения, будто с души свалился не камень, а обломок скалы. Она подняла голову, встречаясь глазами с Шиа. В них отражался тот же калейдоскоп эмоций, что и в её собственных, а во внутреннем кармане её брюк лежал оплетённый заклинаниями холщёвый мешочек с одним из легендарнейших артефактов этого мира Шиэрраши Дгеризт Стехриэнши.

Тюремная камера.

Предрассветный час.

Серые холодные стены и звук падающей воды.

Дери лежала под боком у спящего — или делавшего вид, что спит — дракона, и задумчиво рассматривала невзрачный холщовый мешочек, что укрывал от мира наследие крылатого народа.

У них всё получилось!

Звук капающей воды начинал раздражать нервы, но это не имело значения, ведь — у них получилось.

— Маленькая, — Шиа открыл один глаз, крепче прижимая к себе эльфийку, — я, конечно, понимаю, что камера у тебя получилась «антуражненькая», но тебе не кажется, что пора вернуть нашей спальни прежний вид.

— Думаешь, — Дери задумчиво обвела комнату взглядом. Кому из них пришла в голову идея ощутить, что сейчас испытывают двойники их последних личин, которых личная охрана Терриона схватила в потайном ходе во время исторической встречи, мастерица не помнила уже и сама, не до того было... Воспоминая о том как именно им было «не до того», эльфийка ленивой и удовлетворённо улыбнулась, проводя кончиками пальцев по груди своего дракона, — а мне так очень даже нравится.

— Да неужели, — Шиагрон насмешливо приподнял одну бровь, ласково спускаясь рукой по спине эльфийки, опускаясь ниже и многозначительно замирая на самом пикантном месте, — а больше тебе здесь ничего не нравится?

— Ну... Я даже не знаю...

Прежде чем Дери успела ещё хоть что-то сказать, Дракон мгновенно поднялся на руках нависая над ней. Его глаза горели предвкушением, а тело недвусмысленно давало понять эльфийке, что очень скоро единственным, что будет интересовать её во всём мире, будет он. Только он.

— А знает ли, огненная леди, что в тюремных застенках прекрасных узниц принято немилосердно пытаться?

— Неужели благородный лорд готов до этого опуститься? — Альэдера вызывающе изогнулась под драконом, демонстрируя прикрытое лишь одной мужской рубашкой тело.

— Готов, готов. Благородные лорды они такие, всегда готовы, — эльфийка даже не успела толком осознать последние слова Шиагрона, как её кисти оказались зажаты одной рукой мужчины над головой. Её возмущённый вопль раздался, кажется на полдома:

— Шиа, нет!!! Только не чулки!!!

— Ну что ты, маленькая! Зачем нам чулки, когда я точно знаю, что одна эльфийская леди просто невероятно боится щекотки, — его пальцы будто лаская забралась под рубашку и... начали немилосердно щекотать девушку.

— Шиа! Нет! Прекрати немедленно! Ай! Ну не надо! — эльфийка честно пыталась вырваться из-под дракона, но сдвинешь такого лося — как же! — Шиа, прекрати! Шиааааа! Так не честно!

— Честно, честно... — дракон даже не думал прекращать свои издевательства.

«Ах, так! — нет, эльфийка это не сказала, а очень зловеще подумала, даже глаза прикрыла, чтобы в них не отразилось её каверзных мыслей. Не получается силой, будем брать хитростью...»

— Ты готова сдаться? — торжествующе прошептал ей на ухо мужчина, приняв её задумчивый вид за капитуляцию.

— Что? Нет, конечно! — на это заявление дракон отреагировал очередной атакой. — Ай! Больно! Шиа! Прекрати, мне больно! — Лицо Альэдеры исказилось гримасой.

— Что, больно, где больно? — мужчина тут же убрал руки и с беспокойством оглядел девушку, пытаясь понять, что случилось. Стоило ей освободиться, эльфийка тут же одним неуловимым гибким движением выскользнула из под дракона и во всю прыть побежала подальше, как позже выяснилось, в сторону ванной. Здесь иллюзия уже не действовала, а наполненный водой бассейн сулил желанное убежище и возможность мести.

Когда Шиа вбежал на всех парах вслед за беглянкой, на его голову обрушился водяной поток.

Вода не была стихией Альэдеры — как у большинства эльфов её стихией была земля — но имея под рукой маленький бассейн, было несложно задать ей нужное направление. А для дракона, управляющего преимущественно огнём, столь экстремальный утренний душ стал весьма неприятным сюрпризом. Недовольно отфыркавшись, он вытер лицо тыльной стороной руки, отбросил намокшие пряди, облепившие его лицо назад и начал зловеще приближаться к довольно улыбающейся эльфийке. Вся вода в это время, повинаясь магическому импульсу мастерины, ручейками потекла обратно в бассейн. Взбешённый дракон пару раз чуть не поскользнулся на них, но всё же добрался до столь желанной им жертвы.

Очень скоро чёрная плитка, которой был выложен пол в ванной, вновь была залита водой. В бассейне же разворачивалось настоящее водяное сражение. Дери, уже такая же мокрая с головы до ног, как и Шиагрон, убегала от него, отбивалась, брызгая в него пригоршнями воды, и отфыркивалась от таких же атак дракона.

В конце концов, Шиа всё же поймал свою законную добычу и, прижав к бортику бассейна, угрожающе оскалился. Дери на это лишь довольно улыбнулась. Пожалуй, теперь можно было и сдаться. Эльфийка легко подпрыгнула в воде, обвила талию мужчины ногами и крепко прижалась к нему. Рубашка дракона, которая всё ещё была на ней, намочила и облепила всё тело, пижамные брюки Шиа, естественно, были в таком же состоянии, с волос обоих капали целые ручейки, но в его объятьях, всё равно было тепло и уютно. Даже несмотря на его недовольство её выходкой.

Дери заглянула дракону в глаза, улыбнулась ему и положила голову на плечо, ещё крепче обвивая шею руками. Шиагрон ненадолго замер, затем сокрушённо вздохнул и тоже крепко обнял свою ношу.

— Если ты извинишься и пообещаешь больше меня не щекотать, то я, так и быть, тебя прощу — прошептала эльфийка куда-то ему в шею.

— Давай, я извиняюсь, а вместо твоих извинений за утренний душ, которые я сегодня, так и быть, готов простить, ты возвращаешь нашу спальню в нормальный вид.

— Благородный лорд даже готов простить мне извинения? С чего бы такая великодушность? Неужели благородный лорд так устал? — Дери откинула голову и вызывающе улыбнулась.

— Нет, благородный лорд очень хочет увидеть нашу спальню в своём естественном виде, — с довольной (и с чего бы это?) улыбкой ответил дракон. — По рукам?

— Не пойму где здесь подвох, но так и быть, — по рукам. — Шиагрон победно улыбнулся и начал вылезать из бассейна, поддерживая эльфийку так, чтобы она не упала.

— Эй! Куда мы?

— Ну, благородный лорд же должен извиниться... Ты убрала иллюзию?

— Ещё десять минут назад. И почему мне кажется, что твои извинения не предусматривают мой сон.

— Потому что самый лучший способ извиниться, это сделать человеку приятно.

— Я запомню твой совет и обязательно воспользуюсь им по назначению, мало ли перед кем «извиняться» придётся, у меня начальник ещё весьма ничего, да и вообще...

— Я тебе запомню, — Шиа слегка шлёпнул Дери по обнажённой попе, — только попробуй, точно паранджу надену!

Эльфийка на это заявление лишь заливисто рассмеялась и показала язык. Она обожала дразнить дракона.

Подойдя к подиуму, Шиагрон опустил свою ношу на пол, стащил с неё промокшую рубашку, закутал девушку в свой банный халат, который ей был просто чудовищно велик, и легонько подтолкнул в сторону кровати. Он с усмешкой наблюдал за тем, как Дери закуталась в одеяло, как в кокон, немного повошкалась под ним и блаженно затихла.

Когда мужчина снял промокшие штаны, вытерся и залез под одеяло и, намереваясь начать «извиняться», обнял девушку сзади за талию, эльфийка уже спала. Шиа глядя на её умиротворённое лицо лишь тихонько усмехнулся и нежно провёл пальцами по её щеке, от чего Дери во сне зашевелилась, не просыпаясь перевернулась на другой бок, лицом к нему, и неосознанно придвинулась ближе. Дракон инстинктивно обнял её, прижимая к себе, согревая и защищая ото всех...

Солнце медленно поднималось из-за горизонта, освещая лабиринты улиц Рионнелиона — столицы Рестарионской Империи. Небо стремительно светлело, преображаясь от предрассветного серого сначала в лиловый, потом в розовый. На востоке небосклона разливалась целая палитра переходящих друг в друга оттенков этих цветов, подсвеченная солнцем, которое поднималось всё выше и выше. Солнечные лучи, становящиеся с каждой минутой всё ярче и длиннее, проникали в город. Сперва несмело коснулись верхушек деревьев Толлернской рощи, на его западной окраине, затем проскользнули над чёрной гладью Гаартенского пруда, даря ему свои солнечные блики, дошли они и до жилых кварталов, проникая в сады, беседки, веранды, заглядывая в непредусмотрительно распахнутые или не задёрнутые шторами окна.

Проникли солнечные лучи, естественно, и во дворец, расположенный в центре города, его они, освещали одним из первых, поскольку он стоял на возвышенности. Но здесь им ещё

не кого было будить, жизнь была во дворце ключом до середины ночи, а то и до раннего утра, ведь в темноте так удобно назначать тайные встречи, свидания, плести интриги и подбрасывать конкурентам компромат, не говоря уже про балы и светские рауты, поэтому сейчас дворец отдыхал. Разве что слуги потихоньку поднимались, начиная свой рабочий день. Остальные же жители дворца спали.

Спали придворные дамы, отдыхая от бурно проведённой с очередным (или постоянным — чего в жизни ни бывает) любовником ночи, спали их горничные, дисциплинированно дожидавшиеся своих хозяек с очередного приёма или тайной встречи, а потом незаметно убегающие через потайную дверь, если те приходили с кавалером. Спали служащие Канцелярии Его Императорского Величества, видя во сне очередные тайные послания и интриги с ними связанные. Спали советники императора. Даже вездесущий лорд Лирандийский прикорнул на кушетки в своём рабочем кабинете. Спал и император.

Сегодня он был рад и более чем доволен от проведённой как по нотам встречи и перспектив, которые она сулила. Даже подарил на радостях фаворитке очередную побрякушку, стоимостью в пару чистокровных скакунов. Вот только сон его был тревожен. Казалось бы, совесть материя слишком тонкая для политика, но, тем не менее, образ его бывшей жены раз за разом приходил к нему во сне.

Нет, она не погибла, как гласила официальная версия, и он даже не убил её, хотя такой вариант её устранения рассматривался. Бывшую — теперь уже — императрицу просто выкинули из привычной жизни, лишили имени, воспоминаний — всего, и, разумеется, — детей. Именно этот миг, когда Микариэль была поставлена перед страшным выбором либо смерть, либо новая жизнь без её только что рождённых малышей, он и видел раз за разом во сне. Её полные слёз глаза, нежные руки, незнавшие ничего тяжелее пялец для вышивания, в последний раз гладившие их крохотные с ещё мутными и не до конца раскрывшимися глазками личики, дрожащие от беззвучных рыданий тонкие плечики и вьющиеся крупными кольцами каштановые локоны, падающие на её залитые дорожками слёз лицо, укутывающие сгорбленную спину. Он не должен был видеть её такой. Какого демона, он заглянул в комнату, когда она попросила оставить её, чтобы попрощаться с детьми? Его проклятое любопытство, чтоб ему его тогда вурдалаку в глотку засунуть! Теперь оно обходилось ему слишком дорого.

Вышла к нему на крыльцо скрытого ото всех загородного дома она, как всегда, гордой и несломленной. Спокойная, уверенная, принявшая свою судьбу, но тем не менее оставшаяся достойной звания императрицы до конца. До того самого конца, пока ей не стёрли все воспоминания и без сознания не отвезли в один из пограничных городков Лирона, небольшого королевства граничащего с империей. Он должен был запомнить её такой — гордой, уверенной, прекрасной. Должен был. Но помнил отчаявшуюся, надломленную, скулящую от безысходности молодую мать, которая должна была оставить своих детей, и её глаза полные боли и тоски.

Напрасно Террион раз за разом оправдывал себя, выпутавшись из липких пут очередного кошмара, тем, что принятое им решение в сложившейся тогда ситуации было самым рациональным, что он и так пошёл на риск, сохранив ей жизнь. Всё это было совершенно напрасным. Совесть, спавшая днём мёртвым сном, по ночам просыпалась, терзая его бессмысленными и иррациональными кошмарами. Вот и теперь...

Солнце же поднималось всё выше и выше над городом. Ему были безразличны людские страдания, даже если это страдания императора. Оно было для этого слишком высоко и

бесстрастно и могло позволить себе полное безразличие ко всему.

Столица начинала медленно просыпаться. Торговцы запрягли лошадей в гружённые товаром телеги и неспешно, просыпаясь на ходу, направились к рынку в нижнем городе. Сменился караул городской стражи на воротах. Начали открываться булочные и таверны, маня спешащих по своим делам прохожих ароматом свежесваренного кофе и ещё теплой выпечки. Улицы заполнялись людским гомоном. Открывались лавки. Всюду сновали носильщики и разносчики. Появлялась детвора, догуливающая последние дни каникул. Они покупали у разносчиков сладости в разноцветных пакетиках и уплетали их за обе щёки, сидя на бортике какого-нибудь фонтана, которых в столице было достаточно, или на заборе парка, пока их не прогонит смотритель.

Шиагрон мог обо всём этом только догадываться. Он лежал в кровати прижимая к себе уставшую, как от огромных магических нагрузок, так и от нервного напряжения, эльфийку и размышлял о произошедших событиях. Сегодня они успели вовремя и подменили Ключ с максимальной выгодой для Горы. Глядя на лежащий на прикроватной тумбочке мешочек, дракон вновь испытал чувство огромной гордости за свой народ, вспоминая, те ощущения, что он, да и все испытали при виде драконьей реликвии.

Солнце уже сияло высоко в небе, а Шиагрон всё продолжал обдумывать ситуацию.

Теперь план Терриона обернётся против него же. Когда эльфы поймут, что находящийся у них Ключ лишь подделка, а произойдёт это не завтра, сил они с его малышкой вбухали в эту иллюзию столько, что на сотни обычных амулетов хватило бы, Далитеристская равнина уже будет, скорее всего, входить в состав империи. И вот тогда... месть эльфов (а в возможностях вечных конкурентов дракон не сомневался ни на секунду) аукнется интриголюбивому Терриону так, что ещё его внуки будут вспоминать. Даже не придётся компромат на эльфов у императора выкупать, а запросит он, скорее всего, права на разработку Каэргшских рудников.

Так что — основную задачу, которую перед ним поставили Старейшины, дракон выполнил — Террион нейтрализован, эльфы заняты. Сам же лорд вард Грендель-Риэр теперь может спокойно заниматься своими делами, в ближайшее десятилетие Терриону и его прихвостням явно будет не до него. Да и обвинить истинных виновников полного изменения расклада никто не сможет. Всё то время, что протекала историческая встреча, влюблённая парочка провела в одном из центральных парков, где их (точнее их личины) видело огромное количество народу, следов они не оставили, магический отпечаток к моменту распада иллюзии тоже исчезнет. А уж когда у Терриона наутро бесследно исчезнут из темницы двое шпионов (как хорошо, что его девочка умеет делать восхитительные трёхмерные и вещественные иллюзии) все только и будут делать, что пытаться понять, как именно пленникам удалось сбежать и кто же это был.

Он же теперь сможет спокойно посвятить своё время одной вредной эльфийской леди. Она как раз перекинула через него ногу во сне, устраиваясь поудобнее на живой подушке, и что-то недовольно пробормотала во сне, слегка сморщив носик. Шиагрон лишь улыбнулся на это инстинктивное проявление собственнических чувств. Он и сам был им не чужд. И это ещё мягко сказано. К своему сокровищу — а ведь все знают, что драконы фанатично стерегут свои сокровища — он не подпустит никого. Вот только не многие знают, что истинное сокровище для дракона вовсе не драгоценности и даже не древние артефакты, а его пара. А уж половинка и вовсе — бесценнейший дар небес.

И внутренне чутье подсказывало мужчине, что именно такой дар лежит сейчас под его

боком, бессовестно стянув с него большую часть одеяла. Впрочем, своей малышке он был готов простить многое, даже бесконечные розыгрыши и шуточные драки. Если ей так удобно сбрасывать нервное напряжение, он всегда готов поддержать... ну или перевести всё в другую, намного более приятную для обоих, плоскость...

Зимнее солнце выползло из-за горизонта медленно и неохотно, так и не показавшись толком за пеленою плотных облаков. Лишь пару раз размытый жёлтый шар промелькнул, пытаясь вырваться из плена туч, по-прежнему затягивающих всё небо, достаточно близко, чтобы его можно было разглядеть, Мастерина отрешённо наблюдала за тем как горизонт на востоке медленно светлеет, превращаясь из черного в серый. Зимнее утро совсем не располагало к позитивному началу дня...

Эльфийке так и не удалось заснуть, и всю ночь она провела то лежа в постели с закрытыми глазами, то сидя в кресле у камина с чашкой очередного обжигающего травяного отвара. Единственным, что радовало её, были воспоминания о сумасшедшей молодости.

Глупое заявление, если учитывать, что тогда ей было что-то около восьмидесяти лет, а сейчас лишь на несколько десятилетий больше, что для эльфов и вовсе не срок. Но тогда Альэдера и правда ощущала себя девчонкой, сейчас же... временами ей казалось, что брошенные Корвусом в сердцах слова, о том, что милосердней было бы сброситься со скалы, совсем не лишены смысла. Только банальная гордость заставляла её хоть как-то жить. Гордость и всё те же воспоминания. Уходя в них с головой, эльфийка могла хоть ненадолго забыть, почувствовать, поверить... поверить в то, что весна всё-таки придёт, что распустятся почки, оживёт природа и она почувствует ЖИЗНЬ.

Почувствует, чтобы потом вновь, в очередной раз потерять. Но с этим ничего поделать было нельзя, таков закон природы. Вечный круговорот. Сон и пробуждение. Увядание и возрождение. Жизнь и смерть...

ГЛАВА 6. Школьные голычудесные... или скрытые замыслы друзей

Весна всё не наступала и не наступала, хотя по календарю уже давно должны были стоять солнечные дни и зеленеть трава, но снег по-прежнему лежал грязно-серыми островками в прогалинах, с неба сыпалась, то непонятная крупа, то ледяной дождь, дул холодный пронизывающий ветер... В общем, ничего удивительного в том, что почки на деревьях даже не думали распускаться не было.

Но солнце всё же постепенно отвоёвывало свои законные позиции. Всё чаще оно выглядывало из-за облаков, прогревая землю, разгоняя серую хмарь и вселяя надежду на то, что весна всё-таки придёт. Под его ещё робкими, но набирающими уверенность лучами, таял последний снег, согревался воздух, начинали просыпаться деревья.

Природа оживала...

То тут, то там стали появляться островки зелёной травы. Зажелтели и заголубели крошечные точки первых весенних цветов. Радостно загалдели вернувшиеся птицы. С каждым днём природа приносила новые сюрпризы. Весна навёрстывала упущенное в противоборстве с холодом время семимильными шагами.

Вот уже разнотравным ковром зеленел и пестрел луг, на деревьях проклюнулись первые треугольники листочков, а сад и вовсе превратился в фантастическо-прекрасное зрелище. Облепленные, как гирляндами, белоснежными, розовыми, желтоватыми цветами ветки деревьев вызывали у всех, кто их видел, невероятные эмоции: восхищение, радость, чувство обновления и возрождения, веру в светлое будущее, уверенность в завтрашнем дне. Пройти равнодушным мимо столь прекрасного зрелища не удавалось никому, даже самые законченные циники и материалисты чувствовали в глубине души отголоски того света и радости, в котором купались вновь возрождающиеся ото сна деревья.

Практические занятия по основам травничества с мастером Каринеро Олинера не любила, хотя и держала эту информацию в тайне ото всех — ведь примерной старосте и будущей леди не подобает проявлять слабости — а уж с наступлением весны она их просто люто возненавидела.

Если раньше преподаватель ограничивался знакомством адептов со своими «детками», растущими в пределах теплиц (их на территории академии было пять), где на этих «деток» даже дышать запрещалось, то теперь адептам необходимо было познакомиться ещё и с «детками», обитающими на территории огромного парка, местами окультуренного и даже превращённого на одном участке в сад, а местами одичавшего и напоминающего скорее заброшенный лес, вот здесь уже на «деток» можно и нужно было не только дышать, но и активно собирать, сушить и заготавливать невероятным количеством способов. Может кто-то и получал от копания в этом сене удовольствие (таже Янара, в которой, видимо, проснулись эльфийские корни), но точно ни Олинера.

Мда... не быть ей деревенской знахаркой, не быть...

Но самым страшным для адептки оказалась даже не прогулка по чаще парка и даже не огромное разнообразие растений, которых необходимо было запомнить и выучить их свойства и возможности использования. Нет, это всё хоть и было трудным, но поддавалось объяснению и местами даже вызывало интерес. Но вот когда мастер Каринеро привёл

адептов на огромный луг и велел собрать за выходные гербарий из ста представителей местной флоры, узнать самостоятельно по справочникам и определителям их названия и выучить к следующему занятию... Вот тогда действительно взвыли все.

Янара и Олинера стояли на поляне в числе адептов. Сегодняшнее занятие было совмещено с группой артефакторов, поэтому полукруг, образованный из «жаждущих» получить новые знания, имел довольно значительный диаметр. Мастер Каринеро, стоял в центре поляны, рядом высилась стопка непонятных предметов, обозванных им гербарными прессами и ещё более огромная стопка, скорее даже башня, с пачками бумаги, имевшей газетный формат и предназначенной для высушивания будущего гербария. Возле этих сооружений стоял плечистый подмастерье, взятый мастером в личные ученики, видимо, именно из-за повышенной грузоподъёмности.

Девушки выслушали длинные объяснения преподавателя в состоянии шока.

Это невозможно было выполнить за такой короткий срок! Даже работая по звеньям! Даже если проторчать на этой поляне все выходные! Просто нереально!

Даже Янара, обычно защищавшая мастера Каринеро, возмутилась:

— Такое ощущение, что все наши преподаватели подхватили лихорадку под названием «Придумай для адептов самое невыполнимое задание», — прошептала она на ухо Олинере, под очередную оду, посвящённую беззащитным «деткам». «Как же беззащитным! — С раздражением подумала староста. — Держи карман шире! Некоторые из этих «деток» на такое были способны, что боевые заклятия отдыхали».

— Ага и передаётся она видимо через журнал... А может они просто поспорили и теперь изощряются? — внесла она ответное предложение. Хотя оба варианта, разумеется, были равно невероятны.

Янара продолжала шёпотом развивать тему озверевших преподавателей, но Олинера слушала её уже в пол-уха. Как ни ругай мастеров, (а будь её воля, она бы высказала всё, что думает про травничество и мастера Каринеро) от этого ничего не изменится. Хотя они со своими заданиями действительно все будто с цепи сорвались. Ей же сейчас надо будет распределить группу по звеньям, раздать эти самые гербарные прессы и как-то умудриться выполнить задание.

Олинера уже составила в голове примерный состав будущих звеньев, когда мастер Каринеро закончил инструктаж. Увидев, как преподаватель отходит к краю поляны, староста тут же побежала выполнять свою работу. Янара по привычке шла рядом (именно с того, что её назначили на должность помощника старосты или попросту секретаря и началась когда-то их дружба), готовая записывать в специальную тетрадь все многочисленные списки и заметки, которые её стремительная подруга, вечно решающая по пути кучу чужих проблем, просто не успевала делать. Единственным минусом данного времяпровождения было то, что не получалось отвлечься на другие более интересные вещи, поскольку в голове у Олинеры вечно крутился такой вихрь мыслей, что только и делай, что успевай за ней строчить. Хотя был здесь и положительный момент, она всегда была в курсе всех событий происходящих в группе, а любая информация была для Янары бесценна. Когда Ромаро приходил на свидание с кучей разнообразных сплетен (не верьте тем, кто говорит, что мужчины не сплетничают), она радовалась им намного больше, чем букету цветов или коробке конфет. Хотя и то и другое тоже было весьма не лишним. Девушка она или как?

Услышав как Олинера начала диктовать состав первого звена, Янара кинулась писать и начался привычный уже для всех бардак. Янара разумеется не могла знать, что тот хаос

событий, который творился практически постоянно возле Олинеры, вовсе не являлся таковым, на самом деле этот хаос был чётко организован и часто создавался деятельной старостой для того, чтобы решения проблем находились в нём самостоятельно.

Наконец, с организационными моментами было покончено, и все разбрелись группками по четыре-пять человек в разные концы поляны, теперь и девушки, могли заняться учёбой. Кроме Янары и Олинеры в их звено входили Рик (с которым девушки не то чтобы дружили, но приятно общались точно, Янара всё пыталась понять, в кого из них он влюблён, но раз за разом все её теории терпели крах) и, как это ни удивительно, Грем. Зачем он попросился к ним ни одна из подруг не знала. Но поскольку он до сих пор был тёмной лошадкой, раскрывавшейся весьма неохотно, у адепки Дариэт уже чесались руки в предвкушении добычи новой информации (а этот процесс она тоже весьма любила). А что как ни совместная работа, способствует непринуждённому разговору, из которого при желании можно узнать очень и очень много.

Четвёрка будущих гербародобытчиков внимательно вчиталась в инструкцию, прилагающуюся к выданному инвентарю (видимо, мастер Каринеро отчаялся донести необходимую информацию до адептов в устной форме).

В целом процесс сбора гербария заключался в следующем: найти растение (длинный список требований прилагается), выкопать (длинный список ругательств тоже в некоторых случаях прилагается), запихнуть в лист бумаги, расправить и поместить в гербарный пресс (длинная инструкция к нему, включающая в себя пункты о том, что его нельзя ломать, есть — интересно кто-то пытался, — жечь заклинаниями, кидаться в напарников, использовать для сушки конспектов и прочие интересные пункты, тоже прилагалась).

Что такое гербарный пресс (тот, кто знает или кому не интересно, смело могут пропустить следующий абзац).

Четверо адептов с любопытством рассматривали две его одинаковые половинки. Через какое-то время они единогласно пришли к выводу, что строение этой гениальной конструкции будет отображено в веках. Когда-то это видимо было сеткой от кровати, возможно на таких спали их предшественники, потом эту сетку разрезали на одинаковые прямоугольники, и зафиксировали края при помощи обычных, разве что, довольно широких реек, напоминающих теперь рамку. На внутренние стороны рамки прикреплялся простейший активационный контур для заклинания медленной сушки и сжатия. Вот и всё, магический прибор для быстрой сушки гербария готов. Оставалось лишь поместить между сетками листы с вложенными в них растениями, активировать магический контур, и чудо-конструкция начинала работать (разумеется гербарный пресс несколько изменён с учётом реалий магического мира, у нас он действует просто благодаря верёвке и сильному солнышку, хотя приспособление абсолютно реальное — примечания автора).

Все четверо тяжело вздохнули, разделили оборудование поровну и, не стовариваясь, отправились подальше от поляны, было очевидно, что здесь найти нормальные целые растения скоро станет невозможно, так рьяно принялись их коллеги выкапывать и вытаптывать представителей флоры на ней обитающих.

— Интересно, чем эта поляне не угодила мастеру Каринеро, к вечеру на ней ведь и травинки не останется, — озвучил общую мысль Рик, когда четверо адептов уже начали углубляться в парк.

Вопрос был скорее риторическим и отвечать на него никто не спешил. Все уже были заняты делом. Янара с Гремом искали и выкапывали растения, у них это получалось лучше

всего. У Янары — как у эльфийки (всего на четверть, но эльфийки же), да и вообще она была одной из лучших на травничестве, у Грема — как у оборотня, во всяком случае, так гласила его легенда, что он был оборотнем полукровкой, хотя в чём-то это было правдой, драконы тоже ведь оборотни. Сначала они старались выкапывать те растения, которые знали, к слову их оказалось совсем не мало, потом которые казались знакомыми, в конце же, когда от зелени уже рябило в глазах, копалось всё и без разбора, вдруг что пригодится.

Олинера же с Риком занимались дальнейшей обработкой растений. Сидя под деревом, куда будущие экземпляры гербария приносили либо сами добытчики, либо за ними бегал Рикардо, они аккуратно расправляли их на специальной впитывающей бумаге, так, чтобы все листочки и цветочки правильно сохранились, иногда даже фиксировали растения закрепляющим заклятием. Когда набиралась стопка из 10–15 таких листов, они засовывали их в гербарные пресс. Процесс был мучительный и кропотливый. Рик видел, что Олинеру это всё раздражает, такая работа, рассчитанная скорее на усидчивость и кропотливость, переносилась её деятельной натурой с трудом. Но девушка, видимо, прекрасно понимала, что Янара с Гремом соберут необходимые им растения быстрее, поэтому молчала, делая вид, что всё в порядке.

Рикардо смотрел на девушку, которая, как он планировал, станет его женой, и радовался тому, какой удачный выбор сделали его родители.

Конечно, её ещё нужно будет воспитывать, искоренить все лидерские замашки, приучить к размеренности и порядку, умению подчиняться мужу, но молодой человек не боялся трудностей, а сложная битва делает победу намного более желанной. В остальном же она его полностью устраивала. Хорошая родословная, богатые и влиятельные родители, неплохая внешность, симпатичная, но и не писаная красавица, самый лучший вариант для примерной жены. Остальные же недостатки он исправит. Капелька приворотного зелья в одном случае, капелька-другая зелья подчинения в другом. Рикардо улыбнулся про себя, продолжая в это время нудную и никому не нужную работу. Пока он побудет другом, потерпит её ужасный характер, непрекращающиеся идеи, вечную спешку, потом всё изменится. Через десять лет Олинеру Вариэльскую, а в перспективе Карилинскую, не узнает никто. Он приложит к этому все усилия.

Лорд Рикардо Карилинский был потомственным аристократом из семьи, где всё ещё придерживались старых обычаев. Власть родителей, а особенно отца, считалась беспрекословной, основные события в жизни детей определяли они же, неподчинение считалось недопустимым.

Сам Рикардо этого долго не понимал. Долгое время ему казалось, что ему можно всё. Ну в самом деле он высок, хорош собой, с прекрасной фигурой, хоть и немного худощавой, вьющимися каштановыми волосами, голубыми глазами, девки на него так и прыгали начиная лет с четырнадцати, но самое главное было даже не в этом, у него были деньги, связи, знакомства, перед ним открывались любые двери. Он мог всё.

Как выяснилось позже отец просто давал Рику возможность нагуляться, но когда он сильно проигрался в карты и его принесли домой под утро в невменяемом состоянии, обкуренного дурманом и накачанного запрещёнными зельями, и сдали разъярённому родителю... Вот тогда... тогда он впервые и узнал, что такое обездвиживающее заклятие на личном опыте. Отец сковал его им и выпорол магической плетью так, что он ещё неделю подняться не мог. Отличие магической плети от обычной заключалось в том, что она не оставляла следов на коже, а воздействовала сразу на нервы. Ничего хуже в своей жизни

Рикардо не испытывал никогда. Боль разъедала его, проникала в каждую клеточку тела, выворачивала наизнанку и начиналась вновь. Всё сильнее и сильнее, хотя казалось, что это уже просто невозможно. Но отец с блеском опровергал его представления о возможном и невозможном, с каждым ударом вознося его на всё новые и новые волны боли. И при этом Рик не мог ни пошевелиться, ни закричать, его тело замерло, как деревянный истукан.

Через месяц, когда закончился домашний арест, отец вызвал его к себе и спокойно протянул папку, где была собрана информация обо всём том, что он творил начиная с четырнадцати лет, а было там не мало: и драки, и изнасилования (да эта блондиночка была чудо как хороша, жаль, что потом пришлось её убить, никто же ей не виноват, что она увидела их лица), и дурманы, и запрещённые зелья (а кто ими не баловался, он же не злоупотреблял), и убийства, весьма неплохой способ решения некоторых проблем.

Перелистывая бумаги, собранные людьми отца, восемнадцатилетний юноша начинал понимать, что его родитель знал обо всём, с самого начала. Это ему наивному казалось, что лорду Карилинскому-старшему нет до него дела, и ему можно всё. Теперь же придётся расплачиваться и подчиниться любому решению отца.

На папку легла фотография юной немного пухленькой девушки: круглое лицо, большие голубые глаза, с пляшущими в них бесенятами, мелкие кудряшки коротких чёрных волос. В общем, ничего особенного. У него таких были десятки.

Лорд Карилинский-старший с усмешкой наблюдал за внутренними метаниями сына, он сам был таким же, ничего — поумнеет, научится делать меньше глупостей, лучше заметать следы, пока же нужно было его правильно женить. Олинера была идеальным вариантом, она не сдастся слишком быстро под его напором, а общаясь с ней, ему невольно придётся соответствовать и поумнеть, жаль, что боевого мага из него не выйдет, уровень силы не тот, совсем не тот, но хоть что-то. Ну а когда Рикардо выучится, пусть развлекается и ломает девочку на здоровье, тоже любопытно будет посмотреть.

Увидев вопросительный взгляд сына, старший лорд неторопливо, взирая с чувством превосходством на отпрыска, стряхнул пепел с сигары, выдохнул несколько колец дыма, сделал глоток коньяка и только тогда ответил:

— Это Олинера Вариэльская. Её отец лорд Вариэльский потомственный аристократ 10-м поколении, кроме того, у него огромное состояние, недвижимость практически во всех крупных городах империи, предприятия, но самое главное ему принадлежит сеть магических лавок, где продаются артефакты, амулеты и зелья со всего мира. Эти лавки — приданное его дочери, — мужчина вновь взял из пепельницы тлеющую сигару, сделал затяжку и продолжил, — в этом году она поступает в Академию Прикладной Магии, дабы потом помогать отцу. Ты поступаешь туда же. Можешь делать что хочешь, но через восемь лет, когда вы закончите академию, она должна войти сюда как леди Карилинская, желательно ещё и беременная твоим ребёнком. Тебе понятно?

— Понятно... — Рик нахмурился, обдумывая ситуацию. Избежать женитьбы, судя по настрою отца, не удастся. Да и сам факт изменения его семейного статуса молодого лорда не особо расстраивал, в конце концов жена ещё не повод менять образ жизни... Но потерять восемь лет, ради того, чтобы влюбить в себя какую-то дурёху! Вот это его действительно не устраивало. — А договориться с её отцом о браке невозможно?

Лор Карилинский-старший рассмеялся:

— Олинера — магичка, не самая сильная, но магичка. А магичку, если ты забыл, невозможно без её согласия выдать замуж. Да и не будет её никто заставлять. Родители её

балуют и во всём потекают. Решение будет принимать только она сама. И она должна выбрать тебя.

— Отец! Я всё понимаю, хорошая партия, замечательная девушка... Но зачем мне восемь лет торчать в этой дыре, это же окраины империи, почти на самой границе с остроухими!

— Рикардо, ты когда-нибудь научишься думать? — Узколобость сына начинала раздражать лорда, неужели и он был таким же эгоистичным идиотом! — Если ты планируешь потом возглавить её дело, тебе нужно образование прикладного мага и хорошее образование, а лучше, чем у Корвуса Дерэна прикладников не готовят. Он должен мне услугу и уже согласился взять тебя. Но заруби себе на носу, если я услышу хоть одну жалобу, я, как любящий отец, приеду проведать тебя, поверь мне в академии прекрасные звуконепроницаемые подвалы. Поэтому прикинься скромным, начитанным мальчиком, забудь на время обо всех своих привилегиях, учись, завоёвывай свою будущую жену, к выпуску она должна быть у тебя из рук, и учись проворачивать свои делишки тайно. И чтобы про дурманы и запретные зелья забыл — сделаешь мне внуков, тогда хоть залейся, а пока забудь. Я предупредил тебя о том, что будет, если я узнаю...

После разговора с отцом Рик метался по своим покоям, как зверь в клетке. Восемь лет! Восемь лет из-за какой-то дурёхи. Нет, сеть магических лавок это, конечно, прекрасно, и жена с хорошей родословной тоже... Но восемь лет! Чтоб его будущей супруге демоны в душу залезли, чтоб ей с вурдалаками ночью повстречаться, чтоб ей... Восемь лет! Да как она вообще могла додуматься до того, чтобы поступить в эту задрипанную академию, ведь её бы наверняка взяли в любой столичный университет. Как эта идиотка могла соблазниться на эту глушь!

Как он ненавидел её тогда! Теперь же... Нет, он не забыл, и долг у его будущей супруги перед ним был уже очееееень большим, если не сказать, огромным, и она ещё отдаст его множеством очень приятных для него способов, но Олинера действительно оказалась не самым плохим вариантом, а уж когда он её приручит, юноша даже мечтательно вздохнул, да и учёба в самом деле была довольно интересной и полезной, к тому же, он действительно научился проворачивать свои делишки тайно, слишком хорошо Рик помнил, что такое магическая плеть, а «дружа» со своей будущей супругой он мог легко за ней наблюдать и не подпускать к ней никого. Не хватало ещё чтобы его жена не была в первую брачную ночь девственницей! Это он мужчина, ему нужно удовлетворять свои потребности, а она женщина — пусть терпит и ждёт пока выйдет замуж, уж он тогда так её потребности удовлетворит, мало не покажется.

Рик в очередной раз вздохнул мечтая о том времени, когда Олинера будет принадлежать ему. Уже не так уж много времени осталось до их выпускного курса, когда он изменит свой статус с друга сначала на парня, потом на жениха, а потом и на мужа. Может быть, они даже поженятся в тайне ото всех, в каком-нибудь красивом месте. Он создаст для неё настоящую сказку, чтобы потом ей было больнее падать и ломаться. Что не сделаешь, чтобы отомстить.

Янара с Олинерой вышли из библиотеки поздно вечером. Всё это время они провозились с гербарием, приклеивая уже высохшие растения на чистые листы (какое счастье что они маги, страшно себе представить, сколько бы процесс сушки растений длился без использования заклинаний), подписывая их, если название было известно, или пытаясь его найти в справочниках или определителях, если название известно не было. В итоге они

набрали чуть больше шестидесяти готовых к сдаче в качестве образцов гербария представителей местной флоры.

Девушки медленно шли через почти пустой коридор, в сторону галереи, соединявшей здание учебного корпуса с общежитием. Грем с Риком понесли собранный гербарий на кафедру к мастеру Каринеро, дабы кто-нибудь не присвоил плоды их усилий.

Часы в центральном холле пробили десять. Тут же светильники в коридорах начали гаснуть, замерев на состоянии полутьмы. В двенадцать они погаснут совсем. Девушки хоть и чувствовали себя усталыми, но прибавили шагу. Впереди их ждали тёплые постели и целая ночь блаженства в их объятиях, а вот завтра... Уже привычный парк, листочки и цветочки, гербарный пресс, листы впитывающей бумаги, а потом библиотека и зубрёжка, зубрёжка, зубрёжка... Думать об это сейчас не хотелось совершенно.

Мастерина Альэдера вскочила со своей постели, как только первым луч солнца коснулся её лица. Она почувствовала его прикосновение так чётко, будто это был не луч, а нечто намного более весомое и материальное.

Стоило ей открыть глаза, вспыхнувшие сочной зеленью весенней травы, как тут же её губ коснулась озорная улыбка. Эльфийка потянулась, вытянулась во всю длину кровати, переворачиваясь на живот, выгнулась как кошка и одним гибким движением поднялась. Прямо так как была, в одной простой тончайшей льняной сорочке, доходящей до середины бедра, она подбежала к расшторенному окну и улыбнулась новому дню. Солнышко, ветер, весна... Жизнь. Они пьянили её сильнее самого крепкого вина.

С приходом весны её жизнь вновь наполнялась безумием, спешкой, жаждой жизни. Альэдера вскакивала с первым лучом солнца и ложилась, когда луна была уже высоко на небе, весь день она что-то делала, куда-то спешила. По коридорам больше не скользила мрачная, чуть ли не шатающаяся тень (счастье, что за иллюзиями никто не видел, как плохо ей было), теперь она бы с удовольствием бежала в припрыжку, смеялась, пела, хорошо хоть каждый раз успевала себя вовремя одёрнуть. А так хотелось... пробежаться по натёртому до блеска паркету, подпрыгнуть до ажурной арки, что украшала вход в галерею, повиснуть на ней и как следует раскататься, прокатиться на перилах центральной лестницы, залезть на крышу... Хотелось безумств, безудержного веселья, вызова... но было нельзя. Разве что... Альэдера на секунду задумалась: «Пора, определённо уже пора», — а потом забежала по комнате, собираясь в спешке на прогулку.

Удобные чёрные штаны. Светло-зелёная шёлковая блузка, классического эльфийского покроя с воротником стойкой и широкими рукавами, собранными манжетами у запястий, разумеется, с обязательной вышивкой защитных эльфийских рун зелёного и жёлтого цветов (больше напоминающих обычный растительный орнамент) в центре — в районе солнечного сплетения, на воротнике и внизу по краю. Чёрный кожаный жилет до середины бедра. Коса небрежного плетения, тут же переброшенная за спину и забытая. Лёгкие короткие замшевые сапожки.

Всё это одевалось и делалось в такой спешке, будто мастерина опаздывает, как максимум — на пожар, как минимум — на выпускной экзамен. Уже открыв дверь, она оглянулась в зеркало и лёгким движением руки навела на лицо иллюзию, заморачиваясь на что-то более масштабное не было ни малейшего желания, впереди её ждали утро, солнце, ещё не успевшая высохнуть роса, пение птиц и новый полный радости день.

Грем открыл глаза от того, что сработал оповещающий амулет. Он был настроен на внешние двери покоев миледи (хоть она и запрещала себя так называть, но мысленно он говорил о ней именно так) и срабатывал, когда они открывались. Разумом агент понимал, что так рано утром, когда нормальные люди спят (в свой законный и единственный, между прочим, выходной), открытая дверь может означать лишь то, что эльфийку вновь понесло на прогулку, но глупая надежда на то, что тревога окажется ложной, и он сможет ещё полчаса поспать, всё же теплилась в глубине души. Сосредоточившись, Грем перешёл на магическое зрение и нашёл знакомую ауру по магической метке, прикрепленной к её браслету-артефакту (уже месяц как он наконец-то научился видеть ауры и ставить на них простые маячки — что не сделаешь, когда жизнь заставляешь). Ещё пару недель назад, когда эта ара едва не тухла, теперь же ярко сияла.

Присмотревшись, агент выругался.

Сбылись его худшие опасения... Миледи покинула свои покои. Вот же... Грем не сдержался и вновь продемонстрировал довольно неплохое владение нецензурной лексикой... и не сидится ей.

Впрочем... ругаться было некогда. Молодой мужчина вскочил и принялся одеваться, даже быстрее чем это делала только что мастерица. Чёткие, уверенные, экономные движения. Никакой видимой спешки, но при этом меньше чем через минуту агент уже выходил из комнаты. Всё-таки их готовили в разведшколе на совесть, а по экстренным пробуждениям курсанты даже зачёт специальный сдавали. А уж как милорд вард Грендель-Риэр любил проверять часика в три по утрам степень усвояемости знаний по этому предмету. Грем до сих пор этих побудок забыть не мог.

Выйдя в коридор мужского крыла общежития, агент, уже принявший образ адепта, активировал защитный контур на двери и направился к выходу, прекрасно понимая, что догнать миледи в парке, куда она похоже собралась, будет намного проще. Бесшумно съехав по перилам лестницы, Грем вышел во двор и зевнул. Через чур насыщенный в последнее время ритм жизни начинал сказываться и на его, безусловно, тренированном и закалённом, но всё же живом и привыкшем хотя бы иногда спать организме. А на сон в последнее время времени вообще не оставалось. Слежка за миледи, постоянные отчёты начальству, да и учёба время отнимала, и хоть она нужна была лишь для поддержания легенды, и он, по идее, многие вещи должен был знать, некоторые предметы приходилось осваивать едва ли не с нуля.

А уж миледи в последнее время...

Как же он ошибался, когда думал раньше, что ему досталась трудная работа и непростой объект. Трудно? Вернул бы ему кто-нибудь ТО трудно. Теперь же... С приходом весны в миледи будто демон вселился, она бежала то в парк, то гулять в ближайший город, то на полигон, испытывая какие-то свои проекты, потом вновь в учебный корпус на занятия, затем в лабораторию, одну, тут же другую. И так всё время. А сама она... когда ему удавалось увидеть её без иллюзии, агент сам не мог поверить тому, что видит: сияющие глаза, счастливая улыбка, блестящие, будто живые, рыжие волосы, лёгкая, скользкая походка. Куда же делась та уставшая от жизни эльфийская леди, которую он охранял всю осень и зиму?

Видимо Грею слишком задумался... или действительно устал, но столкновение с ещё одним любителем утренних прогулок оказалось для него совершенно неожиданным.

— Прощу прощения!

— Извините, я не хотела.

Они сказали эти слова одновременно, растерявшись от неожиданного столкновения, и тут же подняли головы. Он и его вчерашняя коллега по сбору гербария Олинера Вариэльская.

— Грем?

— Олинера?

Вновь практически одновременные реплики, даже интонации у них были похожими.

— А ты что здесь делаешь в такую рань, — староста отошла от него на шаг, оглядела с ног до головы и подозрительно прищурилась.

— Да вот, не спится что-то. Решил прогуляться.

Услышав, что адепт из её группы не замышляет никаких противозаконных дел, грозящих лично ей очередной головомойкой в деканате, девушка расслабилась:

— У меня это тоже вечная проблема, в обычные дни еле заставляю себя встать, а как выходной просыпаюсь и не могу заснуть. Я тоже прогуляться хочу. Пойдём вместе. Заодно, может, ещё каких-нибудь растений найдём. Ты же в них хорошо разбираешься? Я даже взяла с собой старую сумку и лопатку, а в пресс их можно и потом запихнуть, — Олинера показала на тёмно-синюю с белым бантом тряпичную сумку с длинной ручкой, висящую на её плече и одну из лопаток, розданных им вчера. Она решительно взяла Грема за руку и целеустремлённо повела за собой, продолжая тараторить. — Ты знаешь, я терпеть не могу возиться с растениями. А сегодня проснулась и подумала, ну что-то ведь другие в этом находят... Вот я и решила попробовать самой. Обычно, мне на таких предметах Янара помогает, но мы ведь не будем всегда вместе, а некоторые растения нужны для изготовления амулетов, да и вообще...

Грем видел, что девушка смущалась, пыталась это скрыть, ради чего безумолку тараторила и смущалась уже от этого. А вообще, она была забавной. Яркая. Энергичная. Целеустремлённая. Всегда куда-то бегущая. А сегодня вот такая, встрёпанная, немного смущённая. Она совсем не походила на аристократичную леди, которой являлась, но от этого было ещё интересней. Он бы с удовольствием провёл это утро с ней, даже собирая гербарий. Но на горизонте по-прежнему маячила миледи, которую надо было найти и проследить, чтобы она не наделала глупостей, насколько это вообще возможно, и незаконченный отчёт для начальства.

Хотя девушку оставлять не хотелось, не хотелось совершенно, а уж грубить тем более. Можно, конечно, было попробовать совместить прогулку с Олинерой и слежку за мастериной, но сам Грем всегда относился к таким мероприятиям весьма скептически. Работа — работой. Личная жизнь — личной жизнью. Так он считал. И когда некоторые из его коллег, вернувшись с задания, рассказывали, об очередном своём романе, успешно совмещённом с легендой, он всегда лишь неодобрительно фыркал. Да и милорд такие вещи категорически не одобрял, если они только не приносили пользу для дела и не оставляли потом за агентом скандальную историю с повесившейся (утопившейся, наглотаившейся зелий, перерезавшей себе вены — подробный список прилагается) из-за безответной любви девицей.

Но с этой девушкой он бы действительно хотел встретиться. Только не так, скрытый личиной и легендой, а по-настоящему. Вот только... не имеет он на это права. Ни теперь, ни когда-нибудь ещё. Кто он, а кто она. Потомственная аристократка и дракон-полукровка, как и все такие же как он, лишённый второй ипостаси. Но может быть... если он просто проведёт с ней это утро, не рассчитывая ни на что, но и не отталкивая, ничего не случится.

Имеет же он право хотя бы на крошечный лучик света. А миледи? За миледи можно присмотреть и издалека — не зря же он освоил аурогностику.

Грем смотрел на всё тараторящую и тараторящую о чём-то Олинеру, которая увлекала его за собой в парк и не мог не улыбаться глядя на то, как весело подпрыгивают при ходьбе её кудряшки, играют ямочки на щеках, искрятся лукавством, радостью и какой-то внутренней решимостью её огромные глаза. Она вновь обернулась к нему, указывая на очередное растение. Их глаза на секунды встретились. Олинера улыбнулась, и Грем не смог сдержать ответной улыбки.

Мастерина Альэдера шла через парк навстречу восходу. Лёгкий утренний ветер трепал кончик косы, глаза слегка щурились от поднимавшегося всё выше и выше солнца, ветки деревьев легко касались её ладоней, будто, здороваясь. Эльфийка всё сильнее и сильнее углублялась в парк. Тропинка становилась всё более и более извилистой и, наконец... пропала, потерявшись в кустах дикой малины. На секунду мастерина замерла, затем прошептала что-то на древнеэльфийском, от чего колючие ветки расступились, образуя проход, в который она и вошла. Стоило её силуэту исчезнуть из видимости, как всё вновь вернулось к первоначальному виду.

Эльфийка же уже стояла в центре поляны. Совсем небольшая, можно даже сказать, уютная, но при этом невероятно красивая. Покрытая ковром разноцветных цветов, окружённая со всех сторон цветущими сейчас кустарниками и деревьями. Такая родная. Удивительная. По одному её краю протекал небольшой речей, заканчивающийся, овальным углублением, здесь вода собиралась и уходила под землю. У этого крошечного пруда, созданного самой природой, лежал огромный камень, где мастерина обычно и любила сидеть. Вот только сегодня она была настроена иначе.

Замерев в центре поляны, она некоторое время к чему-то прислушивалась, потом улыбнулась, словно получив ответ на какой-то тревожащий её вопрос, и только тогда решительно подошла к камню. Усевшись на него мастерина Альэдера сняла свои сапожки, стянула тонкие носки и закатала до колен брюки. Удовлетворившись полученным результатом, эльфийка спрыгнула с камня и радостно ощутила, как капельки росы остаются на её ногах, как немного колючая, но по-весеннему упругая травка щекочет ступни, как энергия, струящаяся теперь повсюду, наполняет тело, залечивает душу, согревает её, дарит ощущение радости, счастья, гармонии и одновременно веселья.

Альэдера встала в центре поляны, подставляя лицо под едва ощутимые дуновения тёплого ласкового ветра. Сейчас она чувствовала эту поляну, как саму себя. Чувствовала, понимала, принимала... Больше не было одинокой эльфийки и заброшенного куска парка, спрятанного ото всех в зарослях малины. Были два существа нашедших друг друга. Нашедших, понявших и... принявших.

Чуть слышным шёпотом мастерина начала петь старинную эльфийскую песню. С каждой нотой её голос креп, набирал силы, соединялся с магическими потоками и вибрировал с ними в унисон.

О чём она пела?

Древнеэльфийский очень труден для точного перевода. Но во многом он отражает мир таким, каким его чувствуют и понимают эльфы. Это с людьми они холодны и высокомерны, ведь люди лживы и лицемерны. Растения же... они никогда не врут. Древнеэльфийский — это язык природы. Язык, который она понимает, который отражает её суть, сущность и

первозданное величие. Позже, когда эльфы начали отдаляться от природы, пытаясь жить и в современном мире им пришлось преобразовать свой язык, оставив древний диалект лишь для избранных учёных и старинных песен, который уже мало понимали, но всё же... помнили.

Так о чём она всё же пела?

О весне. О возрождении. О первом зелёном ростке, пробившемся из под снега, назло всем ветрам и морозам. О небе, чистом и светлом, прозрачном и далёком, но при этом удивительно прекрасном. О цветущих садах. О пении птиц. О распускающихся лепестках цветов. Об утренней росе, украшающей крошечными бриллиантиками тонкие нити травы, только что раскрывшиеся бутоны цветов. О первых лучах ласкового солнца. Об улыбке влюблённых. О жизни. О Весне.

Она пела обо всём и... ни о чём, потому что всё и было создано из ничего.

Пела и кружилась по поляне, раскинув руки, ноги легко касались травы, будто взлетая над землёй, а тело повторяло движение древнего танца Приветствия. Танец Жизни. Танец Света. Древний как само мироздание и прекрасный, как восход солнца.

Она пела. Она кружилась. Она отдавала всю себя. Всё и быстрее и быстрее. Всё громче и громче. Движения становились смазанными. Ноты слишком высокими. Прыжки на грани возможностей. Но она продолжала. Выплёскивая себя. Делясь с миром и принимая его. Беря и отдавая. Улыбаясь и плача. Всё быстрее. Всё выше. Всё громче. А небо танцевало вместе с ней, повторяя безумные, понятные только им движения. Всё быстрее... Всё выше... И поляна подхватывала безумный ритм, вторя эльфийке, поддерживая подхватывая, помогая. Всё быстрее... Всё выше... В унисон природе. В унисон магии, жизни, солнцу, небу. Быстрее... Выше... Быстрее! Выше!

Быстрее!!!

...

Выше...

Миг.

И... замереть на пике. Раствориться. Исчезнуть. И... Упасть. Прямо так — на землю Утонут в разнотравном ковре и подставить лицо лучам взошедшего уже довольно высоко солнца. Улыбаясь. Плача. Принимая свою силу, такой, какая она есть — со всеми минусами и плюсами, достоинствами и недостатками. Принимая ВСЮ себя: своё настоящее, своё будущее, своё прошлое...

ГЛАВА 7. И невозможное возможно... или не будите спящего дракона

Дери рассматривала себя в зеркало, собираясь на очередной бал.

Прошло уже больше полугода с тех пор, как они украли у императора Ключ Горы Изначальной.

Многое ли изменилось за это время? Пожалуй — да.

Она никогда не жила с кем-то. Даже в детстве, в Лесу, когда они теоретически жили в одном доме, одной семьёй у каждого было своё пространство, свои интересы, своя жизнь. Иногда, ей казалось, что даже о соседях по общежитию в университете, она знала больше, чем о членах своей благородной до тошнотворности и заносчивой до... (Дери с трудом сдержала вертевшееся на языке ругательство) неприличия высокородной эльфийской семьи.

Теперь же... Теперь всё было иначе.

Раньше она не просто не знала, но даже предположить не могла, какового это: просыпаться каждый день в его объятьях, чувствовать привычный аромат горького шоколада и миндаля, смешанного с едва уловимой горчинкой от сигар, которые Шиа любил курить по вечерам, млеть от нежных поцелуев то в шейку, то в ушко, чувствовать тепло его рук, ощущать, как он крепко прижимает её к себе и... тихо таять от счастья, когда эти знакомые и такие родные губы ласково шепчут: «С добрым утром, маленькая» и нежно целуют. Нежно, бережно, ласково... и тут же уверенно и властно. Чувствовать всё это каждый день и знать, что так было вчера, так будет завтра, понимать, что готова отдать этому дракону всё: себя, свою тело, свою магию, свою душу, что она пойдёт за ним куда угодно, даже в чертоги Изначального, что он для тебя ВСЁ: и небо, и земля, и воздух, что рядом с ним её жизни наполнена смыслом, что только ему она улыбаешься, что не может больше заснуть, когда его нет рядом, что теперь она начинает тревожиться, стоит ему на пять минут задержаться на работе, что ей уже давно кажется, будто у них одна аура, одно сердце, одна душа.

Да, раньше она действительно не могла об этом даже мечтать. Теперь же у неё впервые был настоящий дом и мужчина которого она уважала, понимала, обожала... любила. Да, любила. Зачем врать самой себе.

Вот только ему она вряд ли скажет об этом. Да и не занимались они особо взаимным психоанализом. В их отношениях не было разговоров типа «А тебе нравится это?», «А почему ты сделал то?». Они и без них прекрасно понимали и чувствовали друг друга, ловя каждый вздох, каждый взгляд. Да и некогда им было разговаривать о чувствах, когда было столько интересных тем: места которые они видели, книги, которые читали, музыка, картины, города, любимые таверны, любимые парки. А как часто они до хрипоты могли спорить об очередной теории вычитанной ей в газете «Магия сегодня» или сравнивать эльфийские и драконьи города, мировоззрения, даже банальную физиологию. Вокруг было столько интересного, как тут можно говорить о чувствах! Вот и Дери о своих молчала. Молчал и Шиагрон.

Глянув в очередной раз в зеркало, эльфийка вновь закрыла глаза, позволяя визажистке, закончить лёгкий макияж, который делала скорее для того, чтобы не особо выделяться среди расфуфыренных придворных кукол. Визажистка была уже пятой за последние месяцы, но кажется ей, наконец, прислали из салона девушку понимающую значение таких понятий «умеренность» и «чуть-чуть», что ни могло не радовать.

Уже три месяца, как она посещала подобные мероприятия исключительно в качестве спутницы Шиагрона. Какую чудную интригу им пришлось закрутить, чтобы её «уволители» со столь «обожасмой» ею должности! Даже пару раз пришлось незаметно помочь объявившемуся в столице кандидату на её место в том, чтобы тот её подсел. Зато теперь она вновь была свободна и могла заниматься тем, что хотелось ей, а не очередной (на её памяти уже седьмой) фаворитке императора.

Впрочем, в том, чтобы быть всего лишь спутницей Шиагрона были и свои минусы — приходилось действительно собираться на бал, а не делать вид, заменяя половину необходимых атрибутов иллюзиями. Шиа же был в этом плане категоричен, его спутница должна быть лучшей. И ведь не откажешь, когда он ТАК просит. И если раньше, ей ещё через раз удавалось отбрыкнуться от всех этих никому не нужных заморочек, сославшись на то, что ей всё равно весь бал работать, то теперь приходилось терпеть и парикмахера, и визажиста, и портних, и даже (о ужас) личную горничную. Хорошо хоть приставала она к ней, только, когда эльфийка собиралась куда-то для парадного выхода с Шиа. Если же мастерица бежала на работу (она вновь занималась частной практикой, продавая амулеты, свёрнутые иллюзии, делая различные частные заказы), то с удовольствием заявляла всем, что она не леди, а магичка, и может ходить, как пожелает. Шиа слушал обычно эти перепалки с едва уловимой улыбкой, для него она всегда была леди, как бы сама эльфийка (точнее полуэльфийка, как он считал) это не отрицала.

— Леди! Всё готово!

Мастерица хотела по привычке поправить девушку, но потом махнула на всё мысленно рукой. Позже объяснит. А девушка действительно не разочаровала, даже не придётся ничего переделывать самой, маскируя не удачный — на её взгляд, конечно, придворные дамы те, похоже, считали иначе — макияж, более чем удачной иллюзией.

Через полтора часа Дери была, наконец, (хвала Единому!) готова. Рассматривая себя в большое зеркало, занимавшую почти половину стены её гардеробной, эльфийка не могла не признать, что да, она была великолепна, даже более чем... Но тратить столько времени каждый день только для того, чтобы выглядеть не просто красиво, а блестяще, безусловно, дорого и изысканно... нет, даже ради этого она не готова терпеть такие издевательства. Хотя, конечно, результат того стоил. Светло-зелёное платье с вышитыми по нему вручную стеблями белоснежных лилий, идеально облегалo фигуру, расширяясь к подолу и падая на пол собранными, как волны, складками. Кружевные митенки закрывали руки до середины плеча. На ногах — изящные лодочки. Волосы, по-прежнему вызывающе огненно-красные, собраны сложным узлом в высокую причёску и слегка обсыпаны серебристой пудрой. Лишь одна прядь лежала на плече, добавляя пикантности.

Окинув отражение последним взглядом Дери отправилась выбирать драгоценности. Она присела на изящный резной табурет возле её туалетного столика, стоявшего здесь же в гардеробной и на секунда задумалась, а потом рука, будто сама, потянулась к гарнитуру из жемчуга и бриллиантов, который недавно подарил ей Шиа. И откуда он всегда знает что дарить? Хотя, что взять с ментального мага... Крупные цветы ожерелья удобно легли на шею вдоль линии ключиц, последний, самый крупный, свисающий как кулон, уютно разместился на груди, прямо в ложбинке. Всё остальное: серьги, два похожих кольца, браслет было выполнено в том же стиле. Завершив последние приготовления, эльфийка подняла глаза и увидела в зеркале своего дракона.

Он стоял, оперевшись на дверной косяк сдовольным блеском в глазах рассматривал её отражение в зеркале и как-то по особенному — собственнически что ли — улыбался. Как всегда — изысканно великолепный. Тёмно-зелёный с чёрными и серебряными вставками костюм, подобранный явно к её платью, не оставлял сомнений в том, что сохранить от лорда-дракона тайну своего наряда ей опять не удалось. И вот кто он после этого?

Кто — кто? Ментальный маг, ясное дело.

— Ты так прекрасна, — наконец выразил своё восхищение он, — что я не знаю, чего мне хочется больше: запереть тебя дома и никуда не пускать или выставить на всеобщее обозрение и наслаждаться завистью всех кто будет видеть тебя, но знать, что ты моя.

— Иногда, твои собственнические замашки начинают меня пугать, — шутливо попеняла ему мастерица. Дракон между тем отлепится от косяка и начал пересекать комнату.

— Ничего не могу с собой поделаться, — он подошёл к эльфийке и склонился перед ней в светском поклоне, галантно подавая руку и помогая встать. Но уже через мгновения вся светскость и галантность были отброшены, и прежде, чем Дери успела выразить своё недовольство в ответ на его последнюю реплику, она оказалась прижата к мужской груди и заключена в крепкие объятия.

И всё вдруг стало неважным. Эльфийка потёрлась щекой о грудь дракона и прижалась ещё теснее. Её вновь окутало привычное ощущение нужности, защищённости, тепла, уюта и знакомый и уже такой родной аромат её мужчины. Сердце невольно забилось быстрее. В груди разлилось ощущение щемящей нежности. Захотелось прижаться к нему крепко-крепко и просто стоять рядом, наслаждаясь его присутствием. Как же она соскучилась! И почему стоит ей провести полдня без него, как она тут же начинает скучать? Почему этот невыносимый дракон стал для неё центром всей жизни? Невыносимый? Да. Но при этом — бесконечно любимый. Дери ещё теснее прижалась к Шиагрону, наслаждаясь этими мгновениями молчаливой близости, когда не нужно слов, не нужно страсти, достаточно просто быть рядом, быть вместе и улыбнулась сияющей улыбкой своему любимому, поймав в его взгляде отражение её собственных мыслей. Или ей это только показалось?

Где-то через час невыносимый дракон уже кружил её в танце, неторопливо скользя по натёртому до зеркального блеска паркету малой бальной залы. Бал был, можно сказать, будничным, приуроченный к какой-то совсем незначительной дате. Обычное ежемесячное представление, где у всех уже давно расписаны свои роли: кто-то искал себе выгодную партию, кто-то выискивал свежие сплетни или распространял их, или совмещал и то и другое, кто-то решал деловые вопросы, кто-то занимался поисками компромат на конкурентов, кто-то из любителей пикантных развлечений уединился в тайном уголке со своей любовницей, придаваясь занятиям совсем не приличествующим благородным лордам и благородным леди в публичном месте, кто-то просто скучал, отбывая обычную светскую повинность. Всё было как всегда.

Шиа протанцевав с ней несколько первых после открытия императором бала танцев, принёс ей бокал вина и, извинившись, отправился с кем-то пообщаться. Как всегда. Дери, недолго поскучала в сторонке, отказала паре кавалеров, побродила около фуршетного стола, так ничего и не выбрав, попыталась найти Лиру, её... почти что подругу, одну из немногих с кем она общалась в местном гадюшнике, но неутомная брюнетка, танцевала с очередным претендентом на роль её любовника.

Леди Лирисаа Мартелиинская была женой главы императорской канцелярии. С супругом у них были достаточно тёплые отношения, но в силу того, что тот был вечно занят, Лира отчаялась привлечь его внимание, и после рождения второго ребёнка, начала напропалую изменять. Впрочем, определение «напропалую» Лира приписывала своим изменам исключительно самостоятельно, Дери же, зная царившие при дворе Терриона порядки, считала её поведение в сложившейся ситуации достаточно осторожным. Вот и теперь, изысканная белокожая брюнетка с женственными формами кружилась, поднимая за собой в танце ярко-алый вихрь шёлка и кружев. Что ж... будем надеяться ей не «как всегда», повезёт. Хотя... вряд ли.

В последнее время с кавалерами Лире не везло катастрофически, как подозревала сама Дери, возможные кандидаты не устраивали её супруга, и он их тихо устранял. Ну не верила она, что такой человек, как глава канцелярии оставит столь немаловажный вопрос, как любовник жены, без своего внимания и контроля. Интересно, чью же кандидатуру он выбрал. Ведь, наверняка, он кого-то уже присмотрел, а пока маринует супругу неудачными попытками.

Как хорошо, что у неё есть Шиа! Пусть даже она и не жена, но время на неё и для неё у него есть всегда.

Размышляя обо всём этом мастерица Альэдера не спеша прошла вдоль колон, что располагались между основной частью бальной залы, предназначенной для танцев, и зоной для фуршета и игровых столов, где она и бродила всё это время, неспешно потягивая вино, и направилась на балкон — в зале было душно, а она не девушка на выданье, чтобы бояться выйти туда одной. Да и какой идиот осмелится к ней подойти?

Как позже выяснилось дураков, идиотов и прочих плохо соображающих личностей везде хватает.

Вечер был чудным.

Стояла поздняя весна. Отцветали деревья, обсыпая случайно задевших их ветки прохожих снегопадом из белых лепестков. Начинала цвести сирень.

Альэдера стояла на балконе, наслаждаясь видом на дворцовый парк, и отстранённо размышляла о том, что в такой восхитительный вечер, когда уже тепло, но ещё не душно, хочется медленно гулять по городу под руку с Шиа, вдыхая свежий ночной воздух и запрокинув голову разглядывать звёзды, прекрасно зная, что никогда не упадёшь, или сидеть на открытом балконе, болтая и наслаждаясь каким-нибудь лёгким фруктовым вином, или... Таких «или» она могла придумать очень большое количество, но на что точно не хотелось тратить этот вечер так это не на очередной приём во дворце императора.

Да, в первый раз попасть на императорский бал — интересно и волнующе, может быть ещё во второй — третий, потом же эти расписанные до мелочей и подчинённые жёстким рамкам протокола представления приедаются и не вызывают ничего кроме раздражения на то, сколько времени они отбирают и скуки от вновь и вновь повторяющихся событий. Одни и те же лица, одни и те же танцы, похожие как близнецы наряды, предсказуемые до мелочей скандалы, непрекращающиеся интриги... В самом деле, что кроме скуки и раздражения всё это может вызвать?

Дери так увлеклась философскими размышлениями, к которым в последнее время становилась склонна в минуты ничегонеделания, что не заметила, как огромный балкон, по размерам больше напоминавший маленькую террасу, опустел. Юные леди вместе со своими

старшими родственницами, выполнявшими роль дуэний, отправились на прерванную охоту, первые — за наиболее удачной и выгодной партией, вторые — за наиболее свежими сплетнями. Шушукующиеся парочки новобрачных также вернулись в общий зал, желая потанцевать, даже пара компаний курящих сигары лордов, направились к игральным столам, намереваясь там вывернуть кошельки друг у друга. Только высокий худощавый лорд, стоявший у противоположного конца заплетённой вьющими цветами решётки, не сводил с фигуры прекрасной незнакомки горящих азартом и предвкушением охоты глаз.

Он вернулся ко двору только вчера. Последних два года молодой амбициозный аристократ и боевой маг по совместительству провёл в Свободном Княжестве Оборотней, возвращая Гарлирану Карс-Лирасскому, местному герцогу и отцу их покойной императрицы, кое-какие «долги», которые ему задолжал их император. Официально лорд состоял в посольстве, неофициально же... Впрочем, об этих делах не узнает никто и никогда, кроме разве что Терриона и самого лорда Маркуса. Тайнственная же незнакомка, уже около получаса скучающая в одиночестве на балконе, как нельзя лучше подходила для того, чтобы отметить возвращение на родину и скрасить досуг. Если же госпожа будет против (а родового перстня на её руке аристократ не видел, так что леди она быть не могла), то несколько запрещённых законом, но крайне действенных в использовании зелий легко помогут создать ей кратковременную амнезию. Да и слегка испортить репутацию тоже не помещает, слишком уж эта безродная выскочка надменна и неприступна, слишком восхитительна и прекрасна... А в том чтобы медленно разрушать, осторожно ломая и аккуратно оскверняя столь утончённую и изысканную красоту, была особая прелесть, понятная лишь истинным ценителям прекрасного.

Одним глотком лорд допил свой коньяк, поставил его на небольшой столик с напитками, стоящий в углу, и плавными неторопливыми движениями начал приближаться к своей добыче.

— И о чём же прекрасная незнакомка мечтает в одиночестве? — нахальный, незнакомый голос прозвучал совсем близко. Дери обернулась. Перед ней стоял классический представитель местной аристократии, и, что удивительно, совершенно незнакомый, хотя она, в силу великолепной зрительной памяти, очень хорошо ориентировалась в местном гадюшнике: высокая, поджарая, явно тренированная фигура, светлые длинные прямые волосы, холодные голубые глаза, черты лица, вроде бы, правильные, но при этом... Никакая внешняя красота не способна скрыть внутреннего уродства, а оно проступало во всём облике её незваного собеседника: в мерзкой надменной ухмылке, в хищном прищуре глаз, в расслабленной, но при этом какой-то развязной позе, и даже его слова, казалось бы, достаточно обычные, хотя и несколько выходящие за рамки этикета, были сказаны с таким презрением и снисхождением, что Дери невольно скривилась от отвращения.

— Прекрасная незнакомка вполне довольна своим одиночеством и не желает его изменять, вам лучше поискать компанию где-нибудь ещё, уверена, ваша галантность будет по достоинству оценена в других местах, — Альэдера отступила на шаг, выпрямилась и надменно взглянула на вызвавшего такую неприязнь одним своим появлением лорда, демонстрируя один из так не любимых ей, но при этом наиболее действенных здесь взглядов, которые относились к тому немногому, чему она всё-таки научилась в эльфийском лесу, — например, в борделе госпожи Каррико. На этом... прощу меня простить. —

Эльфийка повернулась, намереваясь обогнуть фигуру лорда, но была резко остановлена. Сильная мужская ладонь резко схватила её за плечо и развернула, тут же заламывая руки за спину и фиксируя их, одновременно она почувствовала, как на запястье защёлкнулся тонкий, холодный как лёд браслет. Кромарин! В это было страшно поверить, но это действительно было так, стоило браслету оказаться на её руке, как она с ужасом ощутила, что вся её магия больше ей недоступна, в груди поселилось ощущение холода и пустоты, а её уже грубо тащили к стенке, чтобы прижать, резко перехватить руки, поднять их над головой, зафиксировать магией и торжествуя, победно взглянуть.

Всё это происходило так быстро, что она успела лишь негромко вскрикнуть. Мгновения, может быть секунды... Ошарашенная эльфийка с ужасом, растущим просто в геометрической прогрессии, наблюдала, как незнакомый, но становящийся всё более и более мерзким лорд плетёт полог невидимости, потом достаёт какой-то амулет, ломает его, активируя, и кладёт в карман (Дери не могла с точностью сказать, что это, но подозревала, что какой-то аналог звукоизолирующего заклятия).

Демон! Ситуация не нравилась ей всё больше и больше. Этот выродок и изнасилует её здесь — с него станется, и объясняй потом императору, откуда на его террасе взялся труп его поданного! Причём явно не самого простого. Дери присмотрелась к родовому кольцу на среднем пальце левой руки лорда, пытаясь разглядеть герб. Вот... — она даже не знала, каким ругательством можно охарактеризовать, ту ситуацию, в которую она попала — это только ей могло так не повезти!

Лорд Маркус Карилинский. Собственной персоной. Извращенец, беспринципный садист и просто моральный урод. И что ему не сиделось у оборотней? Демон! Демон! Демон! Куда же Шиа пропал? Где этого невыносимого дракона только носит, когда он так нужен? Она попыталась активировать колечко, отвечающее за их ментальную связь, но без магии это было невозможно. Демон! Чёртов вурдалак!

— Ну а вот теперь, поговорим! — мурлыкнул ей на ухо Карилинский, тесно прижимаясь к своей жертве и жарко дохнув на неё пьяным дыханием. Эльфийка опалила его ненавидящим взглядом, но больше ничего сделать не могла. Магии не было. Как боец она больше всегда полагалась на всякие запрещённые приёмы, способные быстро вывести противника из строя, но со скованными руками, прижатая к стене его телом... Это было невозможно. Кричать же и вырываться, как поступила бы на её месте любая знатная леди? Эльфийка прекрасно понимала, что может хоть сорвать голос, но её никто не услышит, а доставлять этому извращенцу дополнительное удовольствие совершенно не хотелось.

Дери не была боевым магом, а за последнее время так сильно расслабилась под защитой Шиа в уюте и безопасности, что потеряла всякую бдительность и подпустила этого мерзавца слишком близко. Оставалось только ждать удобного момента и делать вид, что напугана до беспамяත්ства. Или же Шиагрон наконец изволит вспомнить, что пришёл не один. Где же его носит? Впрочем, пока он её найдёт, пока сломает заклинания, сил ему должно хватить... но это время, время, время... Демон! Как же всё неудачно!

Лорд же между тем начал бесстыдно лапать её, медленно, наслаждаясь каждым мигмом, каждым ненавидящим взглядом и бесполезными попытками вырваться, которые она просто не могла сдерживать. Дери было мерзко только от того, что он стоит рядом, а уж от его грязных лап... Про то насколько грязные вещи сейчас бродят в его голове, ей даже думать не хотелось. Было ужасно, отвратительно, мерзко!

— Вот так ты мне нравишься намного больше, беззащитная, беспомощная. Прекрасное

развлечение в такого чудесный вечер, ты не находишь?

— А вы не боитесь, лорд, — с ехидством прошипела она, — что у вашего милого развлечения могут быть потом для вас очень неприятные последствия.

На её выпад Калиринский лишь расхохотался.

— Да кому нужна такая, как ты! Сразу же видно, обычная байстрючка, какого-то остроухого зазнайки, да и колечко родовое, радость моя, ты где потеряла? Или дома забыла? Можешь не отвечать, безродная шавка. Такие как ты именно за этим и приходят сюда, в поисках знатного и богатого любовника. А уж это я тебе обеспечу, вот только моя покровительство стоит дорого. Очень дорого! А когда надоешь мне у меня и друзья есть...

Лорд продолжал и продолжал рассказывать как «мило» будет продолжаться их общение, бесцеремонно раздирая платье, сминая до боли грудь, оставляя на теле красные отметины, которые потом превратятся в синяки. Эльфийка же... Она его не слышала, не ощущала, в голове с упорством метронома повторялись его слова, сказанные походя. Безродная шавка. Именно так назвал её тогда брат.

Для неё больше не было этого балкона, этого извращения, перед глазами вновь стояла та таверна, отъезжающий экипаж и стук колёс. И даже слёзы. Она вновь чувствовала, как они текут по щекам. Безродная шавка! И стук колёс в голове. Холодные зелёные глаза, так похожие на её собственные. И эти слова. Безродная шавка! Безродная шавка! Безродная шавка...

Она не заметила, когда заклинания, старательно созданные Карилинским, рухнули, даже не успела понять, как мир вновь наполнился звуками веселья, доносившимися с балкона, а мужчину оторвала от неё волна магии, больше похожая на неконтролируемую ярость. Её же эта волна окутала ласковым теплом, защищая, успокаивая, оберегая, разрушая сковывающие её руки путы. Только, когда Дери почувствовала, что вновь свободна, она, наконец, огляделась, увидев фигуру своего дракона. Неосознанный вздох облегчения вырвался из её груди. Он пришёл! Успел. Защитил. Уберёг. Он! Её дракон. Только её.

События же на балконе неслись с огромной скоростью. Карилинский, отлетевший силовой волной к дальней стене, поднялся, гневно огляделся, выискивая причину прервавшегося веселья, увидел перед собой незнакомого мужчину с перекошенным от гнева лицом, хищно улыбнулся и приготовился к продолжению веселья. Маркус был боевым магом и не привык отступать, и всегда, не взирая ни на какие трудности добиваясь того чего хотел. Сейчас он хотел заполучить в свою власть красивую игрушку, и если кто-то осмелился встать на его пути... это были исключительно проблемы этого «кого-то».

В соперника тут же полетела самонаводящаяся молния третьего порядка, успешно отбитая обычной силовой волной, потом ещё несколько атакующих заклятий, а следом за ними сфера страха, вещь, конечно, запрещённая, но действенная, очень действенная, а на глупые запреты аристократу сейчас, когда какой-то поборник нравственности готов встать между ним и его уже пойманной игрушкой, было глубоко плевать. Сфера окутала противника плотным коконом, въедаясь в ауру, искажая её. Казалось, победа была уже близка. Новое боевое заклятие уже было готово сорваться с его пальцев, когда... всё изменилось.

Дери видела магическим зрением, как Шиа на чистой силе отбивал заклинания Карилинского, даже не усилив обычные щиты, его глаза пылали такой ненавистью, а магические волны, подпитываемые яростью выплёскивались в окружающее пространство с такой силой... С каждой минутой их мощь всё усиливалась, заставляя сердце эльфийки

сжиматься от страха, за своего любимого. Когда же фигуру Шиа окутало призрачное сияние и Дери с ужасом узнала одно из запрещённых заклинаний школы Тайного Знания, в эту секунду она, кажется, вообще разучилась дышать.

Призрачно-сиреневая паутина заволокла всю его ауру, прилипла к ней, мгновенно расползаясь и смыкаясь в сферу, поглощавшую, разрушавшую, сминавшую того, кто был для неё всем. Страх, ужас, волнение все эти эмоции внезапно пропали. Ярость. Дикая, безумная ярость. Вот, что она чувствовала в эти мгновенья. Сейчас... вот сейчас она была готова вырвать Карилинскому сердце голыми руками! Нет! Это слишком просто. Эльфийка кровожадно сощурила глаза нацелившись на свою жертву. Её больше не волновало, что она слабее этого гада физически, что у неё по-прежнему нет магии. Теперь у неё была ЦЕЛЬ! Этот мерзавец посмел покушаться на ЕЁ дракона. Да она ногтями ему глаза выцарапает!

Стремительной и бесшумной походкой (туфли были безжалостно выброшены) она приближалась к месту схватки, идя вдоль стены, так, чтобы Карилинский ничего не заметил, он же уже плёл новое атакующее заклинание. Эльфийка попыталась определить, что это будет, когда... Аура дракона засияла с такой силой, что на неё стало даже больно смотреть, волны чистой, ничем не прикрытой мощи и ярости одним ужасающим по силе ударом раскололи сковывающую их сеть, она треснула и уже через мгновение осыпалась, будто стеклянная.

Дери не смогла сдержать радостной улыбки. Да! Да! Да! Любимый мой, родной, всегда знала, что ты у меня самый лучший! Она вновь отступила к стене собираясь насладиться зрелищем втаптыванья мерзавца Карилинского в грязь. Но втаптывать там было уже нечего, этот гадёныш подошёл слишком близко к уже почти сломленному, как он думал сопернику, видимо, чтобы ударить наверняка, и, когда аура дракона преодолела сковывающую её сферу и выбросила в окружающее пространство чудовищную по своей мощи волну силы, просто отлетел вновь к стене, рухнув на пол сломанной куклой. Вот уж действительно мерзавец, даже удовольствия от его избиения получить не удалось! Дери начала подходить к Шиа, и только когда она увидела его лицо, эльфийка поняла, как именно он разрушил сферу.

Всё тело дракона было напряжено, зубы крепко, до скрежета сцеплены, глаза зажмурены, по напряжённому лицу ручьём катился пот, цепочка рун на его лбу сияла, татуировка старейшин на солнечном сплетении светилась так, что прожгла рубашку, а на скулах, шее, даже руках, начали появляться мелкие, но явно весьма прочные чешуйки, а уж когда вместо ногтей, на руках появились когти, чёрные, немного загнутые на концах, даже на вид невероятно острые, Дери поняла, что Шиа сейчас в сию минуту в шаге от полной трансформации, только заклинания старейшин ещё удерживали его, и это именно Дракон разрушил сферу страха, именно он, в попытке защитить свою добычу (эльфийка уже знала, выпытала, как-то у Шиа, что его Дракон всегда будет её защищать, потому, что воспринимает, как СВОЁ, свою добычу, своё сокровище) практически вырвался на свободу.

Впрочем, теперь уже не имело значение «почему», намного более актуальным вопросом — становилось «как». Как это остановить? Альэдера сильно сомневалась, что Террион обрадуется, если лишится половины дворца. А уж как это осложнит ситуацию между двумя государствами, и так не самую простую. Ведь получится, что драконьи Старейшины нарушили одну из изначальных договорённостей. В испуге она смотрела на своего любимого и просто не знала, что делать, но стоило полудракону открыть глаза, горящие, практически заполненные огненными искрами, но всё равно родные и любимые, как все вопросы, сомнения и прочая чушь вылетела из её головы.

Когда балконная дверь вновь отворилась, выпуская из бального зала новых желающих подышать свежим воздухом, всё что смогли лицезреть находящиеся среди вошедших две главные сплетницы — это бесстыжую красноволосую магичку целующуюся со своим любовником драконьим посланцем. Ох, эти маги, что с них взять!

О том, что в шаге от того места, где прошли вошедшие, лежало бесчувственное тело лорда Карилинского, прикрытое спешно наброшенным пологом невидимости и для надёжности ещё и скованное обездвиживающим заклятием (будет лорду сюрприз, когда очнётся), охочим до сплетен кумушкам было лучше не знать, хватит с них и того что они увидели. Хотя, если бы они только могли представить, какая сплетня уплыла у них прямо из под носа, наверняка бы даже локти научились кусать от досады, пусть анатомически это и невозможно...

Шиа же продолжал и продолжал целоваться со своей леди, свою половинку (в этом после случившегося у него больше не было сомнений). Ему было откровенно наплевать на появившихся у них зрителей, на шепотки придворных сплетниц, на всё. Какое вообще мог иметь значение весь мир, когда в его объятьях была ОНА, живая, тёплая, родная и ЕГО, только ЕГО. Теперь всё было хорошо, он успел, не опоздал, уберёг, защитил. Вот это имело значение. И ещё её губы, её дыхание, тепло хрупкого тела и глаза, самые родные и любимые.

Бессвязные мысли продолжали и продолжали проноситься вихрем в голове Шиагрона, а он всё целовал и целовал свою любимую. А где-то в глубине сознания, куда не доступен вход даже для самых умелых менталистов, согласно рычал его Дракон, подтверждая, одобряя и поддерживая.

В Рионнелионе наступало ранее утро.

Дери задумчиво сидела в одиночестве на балконе, потягивая коньяк из широкого бокала, пытаясь согреться при помощи алкоголя. На улице было зябко. Эльфийка съёжилась в кресле, забравшись туда с ногами, так чтобы закрыть полами махрового халата Шиагрона, даже кончики пальцев ног.

Всю эту неделю, прошедшую с момента последнего императорского бала она честно пыталась вести себя как обычно. Вот только... получалось у неё это с трудом.

К хорошему, как выяснилось, привыкаешь очень быстро.

Только теперь, сравнив свою жизнь до встречи с Шиа и после, она могла понять, в каком постоянном напряжении жила все те годы после своего побега из Леса. Одиночество. Постоянная настороженность. Чувство, что если что-то случится, прийти на помощь будет просто некому. Непрекращающийся страх ошибиться: подпустить к себе кого-то слишком близко, быть обманутой, да банально заболеть и не иметь возможность себя защитить.

Все эти страхи жили в глубине её души, запрятанные в самые дальние уголки сознания твёрдой рукой её воли, но по-прежнему живые, причиняющие боль и беспокойство. И самый тайный, самый страшный из них — чувство, что тебя выбросили, отреклись, отказались, посчитали недостойной. Эти тайные демоны её сознания появились в тот миг, когда Лирстэлиэн объявил ей родительский ультиматум, на который бы она не согласилась никогда, и, облив презрением, ушёл. Все эти годы они были с ней, медленно, но верно подтачивая силы.

Ведь наши страхи они, как паразиты, выедают нас изнутри, становясь с каждым днём всё сильнее и сильнее. Мы их не видим, не чувствуем, иногда даже не осознаём их

существования, но постепенно их присутствие начинает сказываться. Так и эти «демоны». Они жили внутри неё. Невидимые, неосознанные, даже не материальные, плод её собственного сознания, но теперь Альэдера понимала, что они подтачивали её силы сильнее, чем это могла бы сделать болезнь или даже банальный удар из-за угла.

Только теперь, почти избавившись от всех этих негативных порождений её же сознания и в один миг столкнувшись с ними всеми вместе вновь, она могла понять, насколько её жизнь рядом с Шиагроном стала другой. Вот только... как вернуться к ней опять? Забыть, сделать вид, что ничего не было? Но как освободиться от ощущения того панического страха, что она испытала, находясь в мерзких лапах Карилинского? Как забыть эти проклятые слова... Безродная шавка. Слишком резким оказался контраст. Слишком внезапным нападение. Слишком много всего всколыхнулось в её душе. И вновь забыть это всё теперь? Пока у неё это просто не получалось.

— Ну и сколько это будет продолжаться?

Дери резко подняла глаза, чтобы увидеть стоящего в дверях Шиагрона, одетого в одни лишь тёмно-фиолетовые шёлковые пижамные штаны. Ему явно не нравилось то, что он видел. Это можно было легко понять, только взглянув на него. Руки — сложены на груди, на переносице обозначилась недовольная складка, а в глазах застыл вопрос и беспокойство. Эльфийка не смогла ответить на этот взгляд и отвела глаза.

— Что продолжаться? Мне просто не спалось.

В ответ Шиа лишь фыркнул, давая понять, что он думает о её словах, потом одним скользящим движением пересёк разделяющее их пространство, поднял Дери на руки и уже вместе с ней уселся обратно на кресло. Его большая ладонь коснулась лица девушки, на миг, будто не удержавшись, нежно погладила по щеке, потом подняла её лицо, аккуратно, но твёрдо удерживая под подбородком, не давая отвести взгляд.

— Что продолжаться? — С издёвкой переспросил он. — Дери, не делай из меня идиота, я прекрасно вижу, что с тобой последнее время творится, демон знает что, и конкретно тебя спрашиваю, сколько ещё ты собралась изводить себя? Если день-два, то я, так и быть, потерплю, но если ты собираешься и дальше мучить и себя и меня, я наплюю на все обещания, которые тебе давал, пойду и прикончу таки этого ублюдка Карилинского.

— Ты с ума сошёл, — от его слов эльфийка аж встрепенулась, — Террион только и ждёт повода, чтобы отыграться на нас после истории с Ключом. Это тогда он не смог ничего доказать, но теперь наверняка будет начеку. Калиринский не стоит этого! — горячо с беспокойством зашептала девушка уже даже не пытаясь отвести взгляд.

На эту эмоциональную тираду Шиагрон лишь хмукнул.

— Ну, рассуждать здраво ты не разучилась. Это радует. Тогда давай будем логичны. Калиринский — моральный урод! Это факт. Он не стоит даже ноготка на твоём мизинце. Тоже факт. А ты изводишь себя уже неделю. Я всё понимаю, ты испугалась, я чудовищно виноват перед тобой, но этого больше не повторится, я обещаю. Маленькая, ты слышишь меня?! Я смогу тебя защитить! — В его глазах вновь горели огненные искры, а ещё безумная решимость и уверенность. В себя. В них. И от этой уверенности Дери вдруг стало так тоскливо. Как ей вернуть эту уверенность в собственных силах себе? Она отвела его ладонь от своего лица и опустила взгляд.

— Дело не в тебе, Шиа. Ты ни в чём не виноват. Я наоборот, очень благодарна тебе, что ты вовремя появился и Калиринский... что он не успел ничего сделать. Я сама виновата, я слишком расслабилась рядом с тобой, привыкла к тому, что не надо быть постоянно

настороже и стала неосторожна...

— Посмотри на меня! — Девушка медленно подняла голову, но взглянуть в его глаза, так и не могла решиться, — Дери! Посмотри на меня! — Эльфийка несмело, будто была совсем юной девушкой, подняла глаза, и всё-таки робко поймала его взгляд. — Ты ни в чём не виновата! И это моя обязанность, моё право и привилегия делать так, чтобы ты ничего не боялась, потому что ты — моя. И так будет всегда! Я никогда тебя не оставлю. Я никому не позволю причинить тебе боль. А сейчас я уже просто не могу смотреть, как ты себя мучаешь. Поэтому, либо ты сейчас рассказываешь мне всё сама, либо я пойду найду Калиринского сниму блок с его памяти, который поставил в ту ночь, так и не просмотрев по твоей просьбе его воспоминания, и наконец разберусь, что с тобой происходит. Правда я не могу тебе обещать, что потом он останется жив, но если честно мне уже плевать!

— Ты обещал мне! — в гневе Альэдера вырвалась из его объятий, вскочила на ноги, в её глазах вдруг вновь появился привычный вызов.

Дракон этот вызов принял и тоже поднялся, подошёл к ней, но не притронулся даже пальцем. Они стояли рядом, совсем близко, на расстоянии ладони, так что ощущали ауры друг друга, но при этом всё же по отдельности, и гневно сверкали глазами. Не понимая и не пытаясь понять. Он хотел помочь, и не понимал, почему его отталкивают. Она же... она просто не знала, как объяснить то, что её мучает. Да и даже если рассказать? Как он сможет ей помочь? Да никак!

— Ты готов нарушить своё слово? — наконец бросила она.

— Дери, — Шиагрон еле сдержался чтоб не закричать, но всё-таки взял себя в руки, — мне уже всё равно, пусть я буду бесчестным мерзавцем, но наблюдать за тем, как из-за этого извращенца ты медленно изъедаешь саму себя изнутри, я не смогу. Поэтому, да, если ты не оставляешь мне выбора, я нарушу своё слово.

— То есть оно как обычно ничего не стоит?

— Стоит, маленькая. Но если ради того, чтобы помочь тебе мне нужно его нарушить, я это сделаю. Ты для меня дороже собственной чести. И можешь воспринимать это как угодно!

— Шиа, ты вообще понимаешь, о чём ты просишь? Я не хочу, не могу и не буду тебе этого рассказывать. Это никак не связано с Калиринским, я могу поклясться тебе в этом чем угодно, и я сама со всем справлюсь! И ты ничего мне не обязан! Я могу хоть сейчас аннулировать твою клятву, и ты больше ничего не будешь мне должен.

— Дери, ты идиотка? При чём здесь клятва? Какая к демонам может быть клятва, когда я вижу что тебе больно! И если это из-за Калиринского...

Он не успел договорить. Она не успела ответить. Он получил все ответы сам.

Ментальные маги никогда не пользуются своим даром в повседневной жизни. Если у них, конечно, есть честь. У Шиа она была, и несмотря на то, что Дери обвиняла его в обратном, она прекрасно знала, что он никогда не использует свои способности против неё. Но в некоторых ситуациях... когда ты находишься на эмоциональном пределе и не можешь полностью контролировать свои способности, это происходит помимо воли, само собой.

Он увидел, почувствовал, будто это его трогали грязные противные руки, будто это ему шепчут оскорбления на ухо. Убить! Это было единственное желание, которое билось в сознании Шиагрона. Убить. Уничтожить. Растоптать. Такая мразь не должна существовать, не должна дышать, думать, чувствовать. Голодная, безудержная ярость затопила его сознание. В голове мелькали тысячи вариантов того, как именно Калиринский будет

умолять его о смерти. Но когда его сознание провалилось в другое, намного более старое, но при этом куда более значимое для его девочки воспоминание и он увидел холодные зелёные глаза, показавшиеся ему смутно знакомыми, услышал решительное «нет» Дери, а потом полный презрения голос и слова «безродная шавка», раз за разом повторявшиеся в сознании его любимой. Шиагрон, наконец, действительно понял — Калиринский был лишь следствием, а не причиной. А потом она просто перестала сопротивляться, показав ему всё. Свои страхи. Свою неуверенность и чувство одиночества. Глухую боль от того, что её бросили и презрение к самой себе.

Они вынырнули из её воспоминаний вместе. Оба были растерянны и не понимали, что делать дальше. Оба не знали что сказать, всё так же продолжая стоять рядом, и всё так же боясь сделать последнее движение навстречу. Она сделала шаг первой. Назад. Потом ещё один. Отошла, опустила голову, будто пытаясь закрыться, защититься от всего мира. Шиагрон хотел догнать, успокоить, прижать к себе, но её слова его опередили.

— Я побуду одна, ладно. Я... мне нужно подумать. И не придавай особого значения тому, что ты увидел.

Эльфийка развернулась и ушла. Оставив растерянного, злого на весь мир дракона один на один с собственными мыслями.

Значит, безродная! Что ж он заставить их всех взять эти слова обратно. Впервые за последнюю неделю Шиагрон, наконец, знал, что он должен делать, и был полон решимости привести свой план в исполнение немедленно.

ГЛАВА 8. Психотерапия по драконьи или неожиданные откровения

Лорда вард Грендель-Риэр вышел из портала прямо посреди библиотеки, решительно огляделся, выискивая свою цель, и, наконец, заметил её. Раньше, чем Альэдера, задумчиво наблюдавшая за садом в открытое окно, смогла хоть что-то понять, дракон стремительно подошёл к ней, подхватил на руки и вновь исчез в портале, конечную точку которого знал лишь он один.

— Шиа? Что происходит? Куда ты меня привёл? — было первое, что смогла вымолвить растерянная эльфийка, стоя перед дверьми незнакомого здания. Дракон лишь загадочно улыбнулся, открывая перед своей спутницей дверь, и жестом приглашая её войти:

— Увидишь! — было единственным, что он сказал.

Идя по совершенно пустому и совершенно обычному коридору, Дери растерянно озиралась, пытаясь понять, куда она попала и что задумал её дракон. На данный момент только эти методы познания мира могли ей помочь разобраться в том, что происходит. Расспросить же идущего с ней рядом представителя крылатого народа... То, что все её расспросы будут проигнорированы, было для мастерины очевидным. Что-что, а нагнать загадочности, Шиа любил и умел.

Коридор петлял и изгибался. Он был достаточно узким, без единого окошка. Единственным источником света служили небольшие потолочные светильники, горящие в режиме минимальной яркости. Обычный дощатый пол, выкрашенные серой краской стены. Можно было бы принять это место за тайный ход, но всё же, кое-где попадались двери, ведущие в небольшие (Дери пару раз удалось удовлетворить своё любопытство, заглянув в них) комнатки. Когда же эльфийка мельком увидела в одном из помещений различные чистяще-моющие принадлежности и несколько однотипных рабочих халатов, она окончательно убедилась, что находится в одном из хозяйственных коридоров какого-то административного здания.

Такая планировка, когда в толще стен создавался узкий коридор для слуг с несколькими выходами в основное здание и различными хозяйственными коморками, была модной больше ста лет назад. В современных зданиях ничего подобного увидеть было нельзя, ну если не говорить, конечно, о всевозможных тайных ходах, которых в любом замке было более чем достаточно. А вот обнаружить такие коридоры в старых зданиях было вполне возможно, вот только чаще всего они были заброшены. Использовались по назначению эти хозяйственные лабиринты лишь в нескольких административных зданиях, где обслуживающему персоналу было удобно перемещаться между залами и этажами, минуя различные делегации и высокопоставленных гостей, и зданий этих было не так уж и много.

Дери уже почти закончила составлять в голове их список, когда Шиагрон открыл для неё одну из дверей, ведущую в залитую ярким утренним солнцем залу. Интерьер здесь разительно отличался от того, что она только что видела. Натёртый до зеркального блеска паркет, персиковые стены, роскошные бронзовые шторы. Но это всё не имело особого значения. А вот огромный, дубовый стол, стоящий в центре комнаты... Эльфийке было достаточно лишь рассмотреть эмблему, искусно выполненную на его обращённой к зрителям стенке, чтобы понять, куда именно привёл её дракон. Дери даже на секунду замерла, не веря собственным глазам...

Последнему же было явно не до рассуждений своей длинноухой половины. Не давая девушке прийти в себя, он с насмешкой оглядел эльфийку, тихонько фыркнул, видя её удивлённый, ничего не понимающий взгляд и, положив её ладошку на свой локоть, решительно повёл вперёд к тому самому предмету мебели, который удостоился столь пристального внимания мастерины.

Стоило паре достигнуть своей цели, как в стене, противоположной той из которой вышли они, появилась дверь явив миру новое действующее лицо. Это была стройная высокая брюнетка. Уже не молодая, но по-прежнему довольно привлекательная. В выражении её лица достаточно явно отражались и прямой бескомпромиссный характер, и упрямство, и невероятное раздражение... Пожалуй, если бы она была кошкой, то сейчас бы рассерженно лупила себя хвостом по бокам, но, к несчастью, женщина не относилось к виду оборотней и была лишена подобной возможности отражения своего отвратительного настроения. Всё что ей оставалось это тихо скрежетать зубами.

Брюнетка молча кивнула в знак приветствия ожидающей паре, выразив своё отношение к происходящему ещё и недовольным взглядом, направлен он был в основном на Шиагрона, Дери же удостоилась скорее толики женского любопытства смешанной с присущей многим особям прекрасного пола по отношению друг к другу надменностью и скрытой ото всех завистью. Торопливой походкой, стуча высокими каблуками по паркету, хозяйка данного учреждения всё же преодолела оставшееся расстояние и подошла к столу с другой стороны, и, проведя над его поверхностью рукой, проявила книгу- артефакт.

Дери неверяще смотрела на всё новые и новые подтверждения своей догадки и ничего не понимала. Тем временем книга открылась на последней странице, явив взору присутствующих...

— Шиа? Как я это должна понимать? — если этот... невыносимый в общем, дракон решил в качестве её вывода из депрессии ТАК пошутить, то сейчас у этого дракона станет не хватать какого-нибудь органа. Хвоста, например.

Перед Дери лежал стандартное супружеское соглашение. Уже почти полностью заполненное.

— Так и понимать. — Шиагрон весело улыбнулся, взял лежащее рядом с книгой перо и... расписался.

На шутку это походило всё меньше и меньше...

— Шиа, ты обалдел? Ты что творишь?

— Вообще-то женюсь на тебе. Твоя очередь, маленькая. Подписывай.

Возмущению мастерины не было предела. Возмущению, удивлению и чему-то ещё, что она боялась даже как-то назвать. Возмущению от того, что её просто ставят перед фактом, удивление, что этот самый факт уже практически состоялся, а вот что касается «чего-то ещё», нет об этом Дери не могла признаться даже самой себе, не дай Единый её почти супруг что-то ментально прочитает. Дракон же в это время... Нет! Он ещё и улыбался! Гад крылатый! И пусть только кто-нибудь попробует поспорить!

— Что подписывать???

— Супружеское соглашение, — Шиагрон вновь протянул эльфийке перо и беззаботно улыбнулся.

— Шиа, какое к демонам соглашение? С какого... — Дери с трудом сдержалась, чтоб не выругаться, — Ты вообще на мне жениться не собирался! И что вдруг поменялось? Да ты даже моего согласия не спросил!

— А зачем? Я и так знаю, что ты согласна. Так что, подписывай.

Нет. Это надо быть таким наглым! Интересно, драконы все такие, или это исключительно ей так повезло.

— Шиа... Ты... ты... ты с ума сошёл! Зачем тебе это? Ты даже ни разу не сказал, что любишь меня. Какой, к вурдалаку, замуж? Да я вообще не собиралась, туда — Дери честно попыталась уйти, но была тут же схвачена и водружена на изначальную позицию.

— Подписывай, маленькая! Я дома тебе всё подробно расскажу. И как я НЕ люблю тебя, и как ты меня НЕ любишь, и как ты ни разу никуда не собиралась.

— Да ты вообще обещал меня отпустить через семь лет!

— Собирался, если ты сама захочешь. Ну, так захочешь — разведёмся. Подписывай, давай!

— Ты сумасшедший... — Дери выдохнула это почти шёпотом и всё же потянулась за всё ещё протягиваемым ей пером.

— Разумеется, любой здравомыслящий человек никогда бы не стал жениться на тебе.

Эльфийка услышала эту фразу, уже склонившись над раскрытой книгой. Вот зря он это сказал!

— ЧТО!?! Шиа, а ты уверен, что хочешь домой? — возглас прозвучал тихо, но весьма и весьма угрожающе, даже регистраторша на неё покосилось, непонятно только с уважением или осуждением, однако Шиа не повёл даже бровью:

— Ты подписывай, подписывай, а дома разберёмся!

— А может я передумала... — Дери с ехидством глянула на дракона, замерев над книгой с пером в руках.

Как показывал их опыт, это препирательство могло бы продолжаться бесконечно долго, но ситуацию спасла в конец расвирепевшая регистратор:

— Молодые люди! Вы собираетесь расписываться или нет?

Ответили они одновременно и одинаково:

— Мы не люди!

— Да хоть призраки! Расписывайтесь и идите ругайтесь где-нибудь в другом месте, наше учреждение предназначено для других целей.

— Да? Ну ладно. — Дери, сама не ожидавшая этого от себя неожиданно успокоилась и, поставив размашистую с завитками подпись, выпрямилась. — Доволен? Теперь мы можем идти?

В ту же секунду книга засияла искристо-белым светом, озаряя сначала их лица, потом распространяясь дальше, наконец, свет обнял пару полностью, начал сгущаться по контуру, потом превратился в кольцо, вспыхнул в последний раз яркой вспышкой и потух.

Дери заморожено наблюдавшая за этой картиной так и стояла поражённая. Со стороны всё это выглядело совершенно иначе, чем когда ты находишься в эпицентре событий. Перед ними же уже лежала книга с подтверждённым магической печатью империи супружеским соглашением.

— Как законный представитель Рестарионской Империи подтверждаю, что супружеское соглашение вступило в силу. Поздравляю с созданием союза. — Официальным голосом объявила госпожа регистратор.

— Вот теперь всё! — усмехнувшись ответил Шиагрон и прежде чем хоть кто-то успел что-то понять, довольный дракон подхватил свою законную добычу на руки и решительным шагом направился к двери.

— Моя леди готова отправиться домой? — насмешливо спросил Шиа её уже в дверях.

— Я не леди! — привычно огрызнулась Дери.

— Леди маленькая, леди. Леди вар Грендель-Риэр.

Последнюю фразу госпожа регистратор, чье раздражение от ранней пробудки и незапланированного рабочего дня переросло в удивление и даже любопытство, разобрала с трудом:

— Что? Леди? Нет, Шиа! Какая, к демонам, леди. Отпусти немедленно, я хочу развестись!

Такого госпожа Калирэн Остэроне, являвшаяся не только регистратором, но и начальником центрального отделения оформления супружеских соглашений, не видела давно, если не сказать — никогда.

Лес шумел тихо, будто напевая забытую всеми песню. Совсем недалеко, начинались предгорья, уводящие взгляд пытливого наблюдателя вдаль, туда, где в кружевной дымке облаков высилась горная цепь. Величественная и монументальная, уходящая далеко за горизонт. Вот только наблюдать эту красоту было некому. Вокруг на несколько взмахов крыла дракона, на несколько полётов эльфийской стрелы, на несколько десятков лиг — не было никого. Ничто не нарушало первозданную гармонию этого места.

Точнее... не должно было нарушать.

И когда эту самую гармонию была безжалостно прервана мгновенной вспышкой открывающегося портала и оттуда не вышла, а скорее вывалилась, страстно целующаяся пара всё: и лес, и горы, и поляна на мгновение, будто напряжённо замерло. Однако... пришельцы не несли угрозы, напротив были забавны и любопытны, и их простили за непрошенное вторжение. Лес приветствовал их, чуть склонив ветки ближайших к ним деревьев, горы — дуновением ветерка, поляна — легкими, почти незаметными прикосновениями травы.

Хотя, откровенно говоря, ни Шиа, ни даже Дери, которой вроде бы эти материи должны были быть ближе, ни на что из перечисленного внимания не обратили. Весь их мир сосредоточился друг на друге. Прикосновениях. Ласках. Поцелуях. Жарких. Страстных. Ненасытных. Потом — нежных, ласковых и вновь... обрушивающихся будто смерч. А ведь началось всё с простого и понятного многим мужчинам желания Шиагрон прекратить препирательства, а, как известно, поцелуй — это самый надёжный и приятный способ их избежать. Впрочем, очень скоро они забыли и о том из-за чего спорили и о том, что начали целоваться только лишь для того, чтобы этот спор прекратить. Все мысли вылетели из головы у обоих, унесённые страстью, как порывом штормового ветра.

Через некоторое время они всё же оторвались друг от друга, однако Шиа не спешил отпускать свою леди далеко, просто прижал её к себе и уже безо всякого намёка на страсть, нежно обнял, поудобнее устраивая её голову на своём плече. Эльфийка вновь удивлённо огляделась. Она даже не заметила, когда они вошли в портал. Пейзаж не казался ей знакомым, хотя однозначно впечатлял

— Ты опять не скажешь мне, где мы? — Дери подняла лицо на своего (теперь уже совсем) дракона и смущённо улыбнулась. За недавние препирательства, да ещё и при свидетелях, теперь было стыдно, но она действительно была в последние дни несколько выбита из колеи, и столь неординарный поступок стал для неё, мягко говоря, неожиданным.

— Почему же, скажу. Но несколько позже. К тому же вдруг ты снова решишь удрать от меня сломя голову, в самый ответственный момент.

Девушке стало стыдно её больше, но она честно попыталась сделать вид, что всё в порядке

— Ну, знаешь, это было несколько неожиданно. И вообще, тебе не кажется, что твой последний поступок нуждается в некоторых комментариях... — Дери сверкнула глазами. Осторожно высвободившись из объятий дракона, она скрестила руки на груди и, задрав голову, храбро встретилась с его взглядом. Лучшая защита — это нападение? Что ж, проверим.

Шиагрон глядя на эльфийку, лишь насмешливо улыбнулся. Хотя в этот момент её привычные возмущения вызывали у него скорее умиление, за последнюю неделю он успел по ним порядком соскучиться.

— Нуждается, нуждается. Только всё я, к сожалению, сейчас объяснить не смогу.

— Тогда объясни мне хотя бы не всё! Хоть что-то! Мне уже надоело искать объяснения всех твоих поступков самостоятельно. У меня, конечно, богатая фантазия, но знаешь, перед последней ситуацией пасует даже она.

— Иди сюда. — Дракон вновь притянул эльфийку к себе. Обнявшись, они неспешно шли вдоль леса и разговаривали.

— Я постараюсь тебе всё объяснить, но честно предупреждаю, что некоторые вещи я смогу рассказать тебе лишь на территории Горы.

— Шиа, не тяни кота за хвост, иначе я за твой однажды потяну. У твоего дракона же есть хвост?

— Хвост? Есть, конечно. — Шиагрон мысленно улыбнулся, представляя себе эту картину, но решил не отвлекаться. К тому же если когда-нибудь она на это всё же решиться... на подобный аттракцион полгоры сбежит. Зачем лишать себя и других удовольствия. — Только я всё же предлагаю про анатомию и морфологию драконов поговорить в другой раз.

— Рассказывай, давай, а то я и на физиологию могу перейти! С чего вдруг ты воспылил страстным желанием на мне жениться, а год назад говорил о том, что это невозможно. Тебе не кажется, что это несколько противоречит друг другу.

— Ни капельки, маленькая. Видишь ли, на данный момент мы женаты исключительно по законам империи. На территории Горы наш брак не будет действителен.

— То есть как? — Дери аж споткнулась.

Нет! Ну это надо! Она тут, значит, уже почти привыкла к тому, что она его жена, смирилась, можно сказать, а теперь выясняется, что всё как было так и остаётся, и, как только закончится срок его ссылки, обо всяких отношениях можно забыть. Она честно хотела высказать ему всё, что думает о происходящем, но Шиа вовремя успел предотвратить возмущённую тираду.

— У нас просто всё совсем по-другому. Ты, конечно, знаешь, что Великая Гора, государство закрытое, так же как и Светлый Лес, попасть просто так к нам на территорию невозможно, а все торговые отношения осуществляются исключительно на приграничных территориях. Даже о том, что я тебе расскажу, за пределами Горы знает очень ограниченное количество людей, ну или других существ.

Мы не женимся. У нас в принципе не существует такого понятия как свадьба и супружеский союз.

— То есть, вы живёте по отдельности?

— Нет. Конечно, у нас есть семьи. Но, помнишь я тебе говорил, что нашу, как и

эльфийскую численность регулируют Стехриэны, — Эльфийка сосредоточенно кивнула, — основной механизм регулирования у эльфов это плотная привязка к Лесу, у нас же... у нас численность регулируется иначе. Наши супружеские союзы, как здесь говорят, бываю двух видов.

Первый — непостоянные или неначертанные, такие семьи называются просто парами и в них рождаются только полукровки и то не часто. Чаще всего они заключаются с представителями других рас, хотя бывают и между двумя драконами. В общем-то, неначертанный союз ничем особым от вашего супружеского соглашения не отличается. Разве что там надеваются специальные браслеты, которые запечатываются каплей крови друг друга. Снимаются они соответственно по обоюдному желанию или после смерти одного из пары.

Второй — начертанные союзы. Они постоянные и возможны лишь однажды за всю нашу весьма долгую жизнь. Разорвать начертанный союз невозможно. Узнать их можно тоже по браслету, только уже татуировке. Он чем-то похож на мой, — дракон продемонстрировал запястье, где по-прежнему темнели руны показывающие, что его клятва всё её в силе, — только шире и рисунок особый, я тебе потом покажу. Называются такие семьи половинками и только в них рождаются чистокровные, способные превращаться драконы.

— То есть нам никогда не быть вместе, и даже если мы... поженимся ещё раз у вас, в Горе, у тебя никогда не будет сына-дракона, — со всё более и более нарастающим ужасом спросила Дери. На ресницах её глаз замерли слёзы, но она честно сдерживала их усилием воли. Хотя и с огромным трудом. Одно дело предполагать то, что твой мужчина с тобой на время, другое — услышать это от него.

От осознания того насколько всё плохо эльфийка даже беспомощно опустила на огромный камень, которые при их приближении к горам стали встречались всё чаще и чаще. Шиа присел перед ней на корточки и, взяв её ладони в свои и попытался успокоить, насколько это было возможно в данной ситуации.

— Маленькая, я бы очень хотел сказать, что ты моя половинка, но я не знаю ответа на этот вопрос. Но я тебя честно предупреждаю, последний шанс разорвать наши отношения у тебя будет, через семь лет, когда закончится условленный срок моего пребывания здесь. Если же ты поедешь со мной, то больше я тебя никуда не отпущу. А какой у нас будет союз начертанный или неначертанный мне, если честно, всё равно.

— Подожди... я могу быть твоей половинкой?

— В принципе, да.

— То есть среди половинок встречались и представители других рас?

— Реже чем драконы, но, да, встречаются.

— Так... Стоп! А какое отношение ко всему этому имеют Стехриэны? Ведь ты начал именно с них.

— А вот этого я, прости, не могу тебе сказать.

— Хорошо, не говори. Хотя, — Дери на минуту задумалась, — это и так понятно. Это Стехриэн подбирает половинки, ведь так?

— С чего ты взяла?

— Если бы это было обусловлено физиологией, то ты бы уже знал твоя ли я половинка, но ты не знаешь, то есть самостоятельно определить не можешь. А в этом случае остаётся только один вариант — Стехриэны.

— Вот объясни мне, как ты каждый раз умудряешься любое своё обещание не выполнить, но при этом и ничего не нарушить.

— Сама не знаю. То есть я права. — Эльфийка сказала это сосредоточенно и нахмурившись. А потом уже совсем другим, заинтересованным тоном, будто перебив саму себя, — Подожди, а какой им смысл сводить драконов с другими видами, ведь ты начал с того, что они контролируют рождаемость, но, по идее, должны контролировать ещё и, скажем так, качество потомства. А ведь если кровь другая, то дракон наверно получится слабее.

Шиагрон, понял, что теперь его половинка (да, хоть он и сказал ей, что не знает, боясь дать лишнюю надежду, но сам был в этом уверен) долго не оставит эту тему. Вздохнув, он сел у ног эльфийки, облокотившись спиной частично на камень, частично на её ноги и удобно вытянувшись, начал объяснять.

— Ты рассуждаешь, как твои эльфийские предки. Это исключительно точка зрения остроухих.

— Шиа! Выбирай выражения!

— Прости. Твои ушки я обожаю, — Шиа примиряющее поцеловал девушку в ладонь, — честное слово. Ну, так вот, это эльфы придерживаются той точки зрения, что чем чище кровь, тем лучше. Наш же Стехриэн считает, что немного смелого эксперимента никогда не бывает лишним.

— Он сам тебе это сказал?

— Нет, на самом деле, это одна из теорий.

— То есть половинки подбираются как наиболее удачные сочетания признаков. А включение в этот список избранных представителей других народов — смелый эксперимент в пику соседу из Леса.

— Возможно и так. Всё закрываем тему. Ты и так вытянула из меня слишком много.

Дери хищно улыбнулась.

— Не вытянула, а додумалась, сопоставив очевидное. Ладно, закрыли, так закрыли. Но ты всё-таки можешь объяснить, зачем ты на мне сегодня женился? Мне уже просто интересно.

Дракон удивлённо обернулся, встретившись взглядом со своей женой (да, теперь уже женой):

— Дери, ты всё-таки странная женщина.

— Скорее нетипичная. И всё-таки?

— Маленькая, — ладонь и пальчики эльфийки вновь были нежно перецелованы, — ну что странного в том, что мне хочется пусть даже на время дать любимой женщине своё имя, иметь официальную возможность её защищать и называть своей... Со своим уставом в чужой монастырь не ходят, и если для того чтобы все знали, что ты моя и я люблю тебя, мне надо жениться, я если понадобится ещё сто раз тебя отволоку к этой светящейся книге.

Глядя на сидящего у её ног дракона и слыша эти слова... Дери, кажется впервые поняла, что такое настоящее счастье. Она улыбнулась ему светло и искренне:

— Родной, а со слова любимая ты не пробовал начать?

На что Шиа лишь искренне изумился:

— Маленькая моя, я тебе говорил это сотню раз.

— Если и говорил, то явно на драконьем. — Поддела она его, по-прежнему улыбаясь. — Ты часто на него в постели переходишь.

— То есть... — дракон не договорил, на секунду он удивлённо замер, а потом... просто сгрёб свою жену в охапку, усадив на колени и крепко прижав к себе, начал покрывать всё лицо быстрыми короткими поцелуями. В щёки. В губы. В глаза. В шею. Снова в щёки. В нос. Опять в губы. Быстрые. Короткие сумасшедшие. — Люблю. Ты поняла? — В перерывах между поцелуями шептал он. — Безумно люблю! Да как ты вообще могла подумать иначе? Глупенькая! Я же без тебя жить уже не смогу. Не отпущу, слышишь? Никуда не отпущу! Даже если не захочешь поехать к драконам со мной — силком увезу! — он хотел поцеловать её в губы последний раз и отпустить, но... просто не смог оторваться.

Поцелуй был сначала нежным, потом... безумным, всепоглощающим, заставляющим забыть обо всём, отдать себя, раствориться друг в друге, показать всю ту любовь, о которой они так долго молчали или не понимали. Сумасшедший. Безудержный. Искренний. Непредсказуемый. Как поток горной реки. Как солнце в зените. Он ломал привычные рамки, заставлял забыть обо всём мире, увидеть истину и... утонуть друг в друге.

Всё что существовало для них в эти мгновенья(?), минуты (?), часы(?)... это прикосновения, сводящее с ума желание принадлежать друг другу, раствориться, отдаться, раскрыться друг перед другом до конца, ничего не утаивая, ничего не приукрашивая... Ведь, когда ты любишь, принимаешь своего любимого таким, какой он есть, со всеми его недостатками, всеми поступками, которые он совершил в прошлом, всеми страхами, которые ему ещё предстоит преодолеть. И сам раскрываешься перед ним полностью, без остатка. Ведь ты — это он. А он — это ты. И ты знаешь, что никогда, ни при каких обстоятельствах он не обманет твоего доверия, не причинит тебе намеренной боли. А он знает, что ты всегда сделаешь тоже для него. Это и есть любовь.

Они целовались и не могли и не хотели остановиться. Каждый раз обещали себе, что вот, вот сейчас я прикоснусь к её/его губам в последний раз и всё. И каждый раз этот «раз» оказывался предпоследним.

— Я тоже люблю тебя. Очень сильно. — прошептала Дери между поцелуями. На мгновение они замерли... а потом вновь кинулись с головой в бушующее море собственной страсти, нежности и любви.

Дери уютно устроилась на ложе из травы, которое они как-то всё же умудрились создать, правда заклинание сработало лишь с третьей попытки. Но попробовал бы кто-нибудь из её преподавателей стихии земли правильно произнести формулу, когда... сзади к тебе прижимается сильное, безумно волнующее тебя тело любимого мужчины, покрывающего всё до чего он может дотянуться поцелуями и недвусмысленно растягивающего твои брюки с ещё более недвусмысленной целью добраться туда, где уже и так всё изнывает без его ласк и прикосновений. Когда эти нахальные руки всё же осуществляют свои диверсионные намерения и начинают творить там, демон знает что, от чего по твоему телу прокатываются волны жара, удовольствия и безумного всё нарастающего и нарастающего желания...

Попробовал бы кто-нибудь в таких условиях правильно произнести нужное заклинание.

Когда с губ вместо слов древнеэльфийского срываются лишь тихие стоны, ты непроизвольно выгибаешься, подчиняясь не своей воле, а умелым и знающим каждую клеточку твоего тела рукам, горячим, нежным губам. Когда ты плавишься в его руках, не зная, не понимая ничего, кроме того, что ты любишь этого мужчину больше жизни, что сходишь с ума лишь от одного его присутствия рядом, что он для тебя ВСЁ.

И когда заклинание всё же срабатывает (что в данных обстоятельствах вызывает у тебя искреннее удивление), и вы, обнажённые, падаете на поддерживаемое магией ложе, так и не оторвавшись друг от друга, и твоё тело извивается под любимым мужчиной моля о большем, а он, усмехнувшись и хитро блеснув глазами, жадно целует тебя, а его руки ласкающие, гладящие, проникающие туда, где сейчас так пусто и горячо, с каждым движением всё ближе и ближе подталкивают тебя к заветной пустоте, и когда твоё тело, окончательно утратившее всякий контроль, выгибается навстречу этим движениям, когда с губ срываются стоны мольбы и удовольствия... когда внутри всё сжимается, напрягается до предела, тело выгибается так, что это кажется невозможно и вдруг... вдруг внутри что-то обрывается, как будто струна лопаётся на самой высокой ноте, в этот миг ты безвольно замираешь, запрокинув голову и тихо постанывая от счастья и удовольствия... Ты лежишь, подчиняясь ласковым рукам своего мужчину, нежно гладящими тебя и слышишь тихий страстный шёпот...

В такие секунды ты понимаешь, что уже не сможешь жить вдали от него, что теперь, узнав это счастье — быть рядом с любимым, ты никогда не сможешь согласиться на что-то меньшее, что теперь жизнь без него будет просто существованием, серым и тоскливым, а радоваться каждому дню, улыбаться, смеяться, загораться от страсти и умирать от удовольствия, теперь ты будешь только в его объятьях.

А потом... потом всё вновь перестаёт существовать. Твои руки сплетаются с его, он нависает над тобой, чтобы уже через мгновение скользнуть внутрь и вновь и вновь доводить тебя до безумства, сводить с ума до такого состояния, что ты будешь царапать его спину и кричать в голос, задыхаться и вновь цепляться за него, как за последнюю соломинку, связывающую тебя с реальным миром, а потом, когда всё безумство схлынет, оставив после себя чувство неги и умиротворённости, ты будешь лежать в его объятьях, тихо тая от нежности.

Вновь и вновь прокручивая в голове те бессвязные обрывки, всё-таки сохранившиеся в её памяти, о недавно творящемся на этой безлюдной поляне безумии, Дери улыбалась. Она тесно прижималась к Шиагрону, положив голову ему на плечо и наблюдая за ним из под полуопущенных ресниц, таяла от нежности к этому невероятному, невыносимому, но такому любимому дракону. Он же лишь ещё крепче прижал её к себе и поцеловал куда-то в макушку.

— Я хочу, чтобы ты кое-что носила, — наконец проговорил он.

— Мы всё-таки дошли до обручальных колец? — тон эльфийки был скорее ехидным, чем заинтересованным.

— Вот ещё, даже не надейся. Если я когда-то и буду что-то носить, то только браслет. Я хочу, чтобы ты одела вот это, — с этими словами Шиа снял со своего пальца родовой перстень, что-то прошептал над ним на драконьем, от чего тот засиял и стал уменьшаться в размерах, и одел этот светящийся ободок на средний палец правой руки эльфийки, не забыв эту самую ладонь поцеловать. Кольцо ещё некоторое время сияло, потом вспыхнуло в последний раз и погасло.

Дери с любопытством рассматривала своё новое украшение. То, что это был родовой перстень, не вызывало никаких сомнений, точнее скорее даже печатка. Выполненная из мирикария, традиционно используемого драконами для ювелирных украшений и при изготовлении оружия, этот металл лучше всего воспринимал магию, обладал свойствами аналогичными серебру, но в несколько раз усиленными, кроме того, имел повышенной

прочностью. Единственным недостатком являлось то, что все его обнаруженные на сегодняшний день месторождения находились в драконьих горах, а представители крылатого народа свои секреты хранили, ещё надёжнее, чем столь лелеемые ими сокровища. Так что о цене этого колечка было лучше даже не задумываться.

— Это родовой перстень моего рода. Он создан нашими магами, — Дери при этих словах увеличила примерную цену колечка ещё так раза в два-три, — с его помощью я всегда смогу найти тебя, а некоторые господа сразу поймут с кем будут иметь дело, если тронут хотя бы волосок на твоей голове.

— Шиа, не преувеличивай. Я просто растерялась, и он застал меня врасплох, неужели ты думаешь это первый мужчина, решивший ко мне приставать.

— Маленькая, мне всё равно кто и как пытался к тебе приставать когда-то, я даже попыток не допущу.

— А ты собственник! — шутливо попеняла она ему, проведя ноготками по груди.

— Я дракон.

— Что, в принципе, одно и то же. Хорошо, я буду носить твоё кольцо, доволен. Но даже не надейся, что я перестану работать и превращусь в благовоспитанную леди. — Эльфийка приподнялась и уперлась в грудь дракона.

— Любимая, я не ставлю перед собой невыполнимых задач.

— То-то же! Потому как в противном случае, я превращу твою жизнь в чертоги демонов, причём исключительно от скуки.

— Хорошая моя, я не враг самому себе. — Дракон поднял руки, показывая, что не собирается ограничивать её ни в чём.

— Вот-вот! — Покрутив новое украшение на пальце, Дери прищурившись посмотрела на Шиагрона. — Это же твоё кольцо, что ты тогда сам собираешься носить?

— Маленькая, я это кольцо заказывал специально для того, чтобы не выделяться на фоне имперских лордов, у нас родовые перстни не носят.

— А что носят?

— Ничего. У нас для этого есть фершхеры.

— Что-что?

— Руны на лбу.

— А... так вот как они называются! То есть рисунок родовой.

— И родовой в том числе. Но вообще, в нём отражается вся информация о драконе.

— То есть в течение жизни он меняется?

— Да, моя хорошая, меняется.

— Не надо смотреть на меня с такой снисходительностью! Мне правда интересно.

— Любимая, хорошо, что ты не шпионка, ты у меня информацию выведываешь на раз.

— Вот ещё! — Возмутилась Дери и решила закрыть эту тему, а то неизвестно до чего можно договориться. Её внимание вновь обратилось на кольцо. — Я надеюсь это единственная побрякушка, которую ты намерен заставить меня носить.

Шиа наблюдавший за своей леди с усмешкой лишь в очередной раз хмыкнул:

— Вообще-то нет. Я написал своему другу. Он артефактор. Он сделает для тебя милый защитный браслетик с парочкой атакующих заклинаний. Но это будет чуть позже, недели через две. Обещаю, тебе понравится.

Откровенно говоря, против защитного артефакта Дери была совсем не против, собственных сил на создание атакующих заклинаний у неё никогда не хватало. Приходилось

выкручивать более хитрыми способами.

— А друг — дракон? — с любопытством спросила она, вновь устраиваясь на его груди, подперев голову кулачками. Шиа молча терпел все её ёрзанья, ожидая пока она устроится, а потом крепко обнял.

— Ну, разумеется! Стал бы я связываться с человеческими магами, — с возмущением заметил он.

— Шиа, что за высокомерие! Ты мне моего брата-эльфа напоминаешь, когда говоришь такие вещи.

— Милая, что за сравнения? — теперь уже был порядком возмущён сам Шиагрон. Вот ещё, его с остроухим сравнили!

— Сам виноват. С людьми никогда нельзя быть ни в чём уверенным. Иногда они могут увидеть простейшее решение проблемы, которая нам кажется неразрешимой. И вообще, люди, несмотря на свою низкую жизнеспособность, очень гибкая и легко приспособляющаяся к новым условиям раса, сам же говорил. Поверь мне, когда-нибудь ты в этом убедишься.

Дракон слушал возмущённую тираду с явно читаемой на лице снисходительностью.

— Я искренне надеюсь на то, что у тебя низкие способности к прорицанию.

— Можешь вздохнуть спокойно. — Выговорившись, Дери успокоилась, да и запал прошёл. Ну, хочет её дракон думать так, его право, в конце концов, у него есть свой жизненный опыт и право на своё мнение. Так что спор продолжать она не стала. — Нулевые. Но вообще я говорила серьёзно. Сам же прекрасно знаешь — не бывает правил без исключений.

— Хорошо-хорошо, маленькая. Но браслет ты будешь носить?

Дери уже и забыла, про браслет. Нет, вообще она была только за, кто же отказывается от авторского драконьего артефакта, но повыламываться то она должна. Женщина она всё-таки или нет!

— Ну, если он мне понравится, то я подумаю...

— Рrrrrr... — Шиа, легко разгадавший все мысли своей половинки, резко перевернулся и подмял ехидно улыбающуюся эльфийку под себя, — вредина, ведь сама меня провоцируешь!

— Ну... может быть и провоцирую, — согласилась эльфийка. А идея начинала ей нравиться. Что ж, можно и попровоцировать. Она начала медленно гладить пальчика грудь своего мужа (пусть и на семь лет, но мужа же) медленно спускаясь всё ниже, потом поднимаясь снова вверх, зарылась ими в его волосы. Дери так увлеклась своими манёврами, что не заметила ответной атаки противника. Мrrrr! Как приятно. Шиа перехватил её руку и медленно, глядя ей в глаза, перецеловал каждый пальчик, слегка прикусывая их и щекоча языком.

— Так что там, с браслетом, — наклоняясь, прошептал он ей в самое ухо, нежно покусывая его кончик.

— Ну... Я думаю. А ты этому совсем не помогаешь, — капризно промурлыкала она.

— Маленькая, я же сейчас так помогу, что ты забудешь, о чём думала.

— Угрозы, угрозы... сплошные угрозы. А где же действия?

— Любимая, ты меня точно провоцируешь!

— Можешь даже не сомневаться! — Дери лукаво улыбнулась и попыталась вывернуться из объятий.

— Ну всё!

Беглянка была схвачена, водружена на законное место в объятиях дракона и наказана. Впрочем, сама Дери совсем не возражала против такого наказания. Поцелуй был, как всегда, невероятным. И как этот невыносимый мужчина всегда заставляет её хотеть его, просто прикоснувшись к ней.

Поцелуи становились всё безумнее, взаимные ласки всё откровеннее... желание вновь захлестнуло их с головой, унося с собой любые проявления здравого смысла.

Они были счастливы, они обожали и любили друг друга, делясь этой любовью со всем миром. Ничто и никто не имел для них значения в эти минуты. Ни случайные свидетели, которые могли нагряться на поляну, ни драконы, которые могли пролететь в небе, ни эльфийские пограничники, привыкшие добросовестно нести свою службу, ни император, плетущий очередные интриги в своей столице, ни совет Четырёх, заседавший при Светлом Повелителе, даже Стехриэны, даже они, были для них сейчас абсолютно безразличны.

Безразличным было и то, что поляна, на которую Шиагрон, так символично привёл свою возлюблённую, но так и забыл это объяснить, находилась на границе трёх государств. Это была единственная точка на карте, где Светлый Лес, Великая Гора и Рестарионская Империя пересекались. Ничейная земля, так и оставшаяся нетронутой, в память о подписании мирного договора о ненападении друг на друга. Место, действительно, символизирующее их отношения. Но даже это не имело уже значения.

Даже неиссякаемое любопытство Дери сдалось, вытесненное страстью, нежностью, любовью, безумным желанием принадлежать друг другу, раскрыться без остатка, стать одним целым. В этом безумном вихре было безразлично всё. Даже, когда острый край молодой ещё травы порезал руку девушки, это осталось незамеченным. Пара лишь вновь перекатилась на ложе, поглощённая друг другом.

Вот только лесу, да-да, тому самому эльфийскому Лесу, чей дух или, как их называли драконы, Стехриэн наблюдал за творившемся на поляне безобразием, было далеко не безразлично. Лес был возмущен. Лес был разгневан! Его дочь, его потерянное дитя, со всё ещё спящей магией, покинула его, чтобы полюбить врага? Презренную крылатую рептилию! Мерзкого холонокровного гада! Неужели она не понимает, что им никогда не быть вместе, что он погубит её, оставив умирать в одиночестве, что...

Упавшая на траву капля эльфийской крови стала для возмущенного Стехриэна той единственной возможностью вернуть блудную дочь в лоно Леса, которую он не намерен был упускать. Невидимая, лёгкая как ветер, живая как сама жизнь, магия заструилась по поляне, впитывая тёплые ещё красные капли, связывая себя с их хозяйкой, активируя её спящую сейчас эльфийскую магию, делая её такой, какой ей было предназначено стать изначально. Вот так. Наконец-то!

Ни Дери, ни Шиа всего этого не заметили, отдаваясь своей любви без остатка. Им было безразлично всё. Довольный же дух Леса, смотрел на занимающуюся любовью пару теперь уже совсем иначе. Процесс был запущен. И теперь, пусть и не сразу, пусть даже через несколько лет — что эти годы значат для высшего существа — её магия проснётся, и его дочь вернётся домой, как и всякая достойная эльфа. Скоро. Совсем скоро...

Пара же продолжала и продолжала придаваться вечному, безумному танцу страсти, не зная, не ведая, даже не предполагая, что с этого момента их расставание было предречено.

ГЛАВА 9. Детские воспоминания или дипломатическая переписка

Мастерина Альэдера так и лежала в центре поляны, приходя в себя после танца. Её глаза были закрыты, а перед глазами всё ещё мелькали картины прошлого, на её лице блуждала едва уловимая улыбка, дыхание было спокойным и глубоким, почти как у спящего человека, а в выражении лица отражались полный покой и спокойствие. В магическом же плане на поляне всё было далеко не так спокойно.

Аура эльфийки заканчивала настройку на местный парк. Теперь до конца осени она будет в относительной безопасности, представители местной флоры будут подпитывать её энергией, пусть и не так эффективно как бы это делал эльфийский лес, зато намного более безвозмездно. Отдать свою свободу за возможность жить дальше... Нет, даже в минуты полного отчаяния Альэдера не была согласна на такое.

Тонкие нити энергии парка продолжали латать её ауру, налаживая стационарный канал для передачи сил. С этого момента её больше не будет мучить безумная эйфория, больше похожая на опьянение, которым, по сути, она и являлась. От переизбытка магии тоже можно опьянеть, теперь некоторое время она сможет жить нормальной жизнью. Нити продолжали и продолжали ткать своё кружево, а мастерица по-прежнему пребывала в мире прошлого.

Но всему рано или поздно приходит конец. Вот и этот длительный процесс настройки и обновления ауры одной слишком свободолюбивой и гордой эльфийки был закончен. Она почувствовала это по едва ощутимым колебаниям энергии, её нити легонько, будто шутя, толкнули девушку напоследок.

Мастерица Альэдера открыла глаза.

Перед ней по-прежнему была знакомая до боли (за последние годы она приходила сюда столько раз, что уже сбилась со счёту) поляна, над головой по ярко голубому небу проплывали клочья радостно бегущих куда-то облаков, а окружающий её парк тихо жил своей жизнью: издали слышались голоса адептов, вышедших на очередную охоту за растениями, поскрипывания старых деревьев, шуршание травы на ветру.

Всё было настолько предсказуемым, однотипным. Вся её жизнь превратилась в замкнутый круг. Одни и те же события, одни и те же разговоры, похожие до одури лица, повторяющиеся проделки адептов. Временами ей казалось, что это всё ненастоящее, что она просто попала под заклинание иллюзорного сна и видит длинные-длинные тоскливые видения. Вот только магу было лень придумывать для них разные сюжеты и теперь она так и живёт, бродя по кругу, ожидая, когда прекрасный принц из сказки найдёт её и разбудит поцелуем. Вот только её сон — это реальность и единственное, что может его прекратить, это прогулка в чертоги Единого. Что её удерживало от этого? Временами ей казалось, что лишь гордость и упрямство.

Тяжко вздохнув мастерица Альэдера поднялась, привела в порядок одежду при помощи заклинания, обулась, сплела новую иллюзию и вновь отправилась бродить по своему иллюзорному сну, совершая одни и те же, предусмотренные сценарием действия.

Эльфийка прошептала условную фразу кустам, открывая проход, и скрылась из виду. Маленькая поляна вновь вернулась к своему одинокому существованию. Так было всегда. Одна лишь мастерица могла проникнуть на её территорию. Вот только...

Сегодня привычные, незыблемые, казалось, правила были жестоко опровергнуты.

Стоило мастерине отойти от своего тайного убежища достаточно далеко, как на поляну вышел... эльф. Совершенно типичный, абсолютно правильный эльф: высокий рост, золотистые волосы, широкие плечи, поджара фигура. Да. Совершенно типичный. Настолько, что если бы здесь сейчас присутствовал кто-то из адептов, это типичного представителя вида эльф благородный сверхвысокомерный могли бы и на ленточки разорвать. Последний же... огляделся, подмечая невидимые простым смертным мелочи, прошёлся по чужому тайному убежищу и зловеще улыбнулся. Его ждало весьма интересное развлечение. Через мгновение, неизвестный вновь скрылся в кустах, сверкнув напоследок холодными зелёными глазами.

Леди Вариэльская, больше известная в стенах этой академии просто как Олинера, староста, отличница и вообще, очень положительная девушка (для педагогов) и зубрилка и зануда (для некоторых адептов), медленно брела по заброшенной части парка, не знавшей руки садовника, кажется, с основания академии, вслед за Гремом. Он уверенно вёл её по местной чаще, ориентируясь так, будто бывал здесь не раз. Хотя, наверное, все оборотни так могут, потому как место для прогулок было явно не самым подходящим. Грем в самом деле очень много знал о растениях и честно выполнял возложенную на него миссию, рассказывая о них.

— Вот смотри, — он осторожно надковырнул лопаткой, отобранной у неё ещё во время первой попытки, потерпевшую сокрушительную неудачу, выковырять из земли первый приглянувшийся девушке цветок, очередной редкий представитель местной флоры, имевший вид низенького стелящегося побега с мелкими, скорее даже крошечными, длинными листочками тёмно-зелёного цвета, — это селлагинелла, даже не знаю, как она здесь прижилась, это одно из древнейших растений, обитает в основном в очень влажных местах, видишь, у них нет корней, а только выросты, через них она впитывают воду, правда, такая система несовершенна, поэтому современные растения используют для минерального питания корень. Селлагинеллу применяют в медицине, как компонент некоторых лекарственных зелий, в основном от кожных заболеваний, а также от болезней желудочно-кишечного тракта...

Олинера честно пыталась сделать вид, что ей интересно, но даже такая «дикая» флора не вызывала у неё ничего кроме безразличия, даже тот факт, что ей нужны эти знания, не помогал.

Девушка и в самом деле совершенно не любила возиться с растениями, можно даже сказать, это занятие не вызывало у неё ничего кроме отвращения. Что поделать, минусы детства, проведённого в аристократической семье.

В их загородном поместье, где семья Вариэльских проводила большую часть времени, была огромная оранжерея. Каких там только растений не было: большие и крошечные, с цветами самых невероятных форм и обычные стелящиеся коврики, на подобии того, что держал сейчас в руках Грем, кактусы и лианы, водоросли (огромный аквариум) и эпифиты с воздушными корнями. Оранжерея была гордостью её матери.

Леди Вариэльская старшая, в отличие от дочери, пошедшей в отца и им же воспитанной, магическим даром не обладала, как и особыми талантами тоже, зато обладала классической красотой, лицом с идеально правильными чертами, зелёными глазами, унаследованными от прабабки, бывшей оборотнем, длинными золотистыми волосами, высокой стройной фигурой и весьма расчётливым умом. Выйти замуж за одного из самых

знатных лордов империи, обладающего к тому же огромным состоянием, но не вызывающего у него ни то что любви, даже симпатии, казалось ей намного более привлекательным, чем провести жизнь в какой-нибудь глухой провинции, рядом с понравившимся ей боевым магом пограничником.

Олинера знала эту историю в подробностях, разумеется, совсем не из маминых уст. Однажды, когда ей было лет двенадцать, девочка нашла на чердаке старые тетради, одна из которых оказалась дневником леди Таризки Шальтеринской в замужестве Вариэльской. Впрочем, из материнских уст она не могла узнать ничего в принципе, поскольку женщина не испытывала никаких чувств не только к мужу, но и к дочери. Единственным, что занимало её внимание были цветы.

В их доме они были везде. Все комнаты были заставлены свежими, только что срезанными букетами, вокруг дома был парк с огромным розарием и цветниками, ну и, конечно, жемчужиной коллекции была оранжерея, огромная, со стеклянным потолком, с зоной для гостей, где её мать принимала наиболее почётных посетителей. Она отдавалась этому хобби (временами Олинера думала, это уже скорее навязчивая идея) с такой страстью, что у неё не оставалось времени больше ни на что: ни на мужа, ни на дочь, ни на домашние дела. Она могла находиться в оранжерее или парке часами, то подрезая зелёные побеги, то поливая пересаженные цветы или просто любясь ими из плетёного кресла.

Сейчас, Олинере было на это уже наплевать, они с отцом привыкли и смирились с этой страстью матери и смогли адаптироваться к массивной флористической атаке её подопечных. В детстве же... В детстве она так ждала маму, чтобы она поиграла с ней, почитала сказку, расчесала волосы, да даже просто посидела рядом. Но мама никогда не приходила. Всё её время занимали её цветы и светские развлечения. До дочери ей просто не было дела. А маленькая Лин ждала, каждый вечер отказываясь ложиться спать, пока мама не пожелает ей спокойной ночи. Но она не приходила никогда, а утром на все её вопросы лишь отмахивалась.

Когда девочка немного подросла, она решила всеми силами завоевать внимание мамы. Сначала она, чтобы сделать ей приятное, рисовала её любимые цветы, на что мать каждый раз лишь сухо благодарила, не глядя, бросала рисунок на первый попавшийся стол и возвращалась к своим делам. Потом она решила пойти дальше и прочитала книгу по ботанике, девочка не поняла там большую часть, но выучила целые отрывки наизусть. Однако, та, для кого это всё делалось, осталась равнодушна ко всем стараниям, она послушала дочь ровно две минуты, сделала замечание за испачканное в пыли платье и отправила к горничной переодеваться.

Таких попыток было много. Все они заканчивались одинаково неудачно. Лин было, девять, когда она, наконец, придумала, как сможет заслужить мамину любовь...

Ночью девочка пришла в оранжерею. Она долго рассматривала притаившиеся в темноте растения, казавшиеся теперь, когда их окутала своим покрывалом ночь, то ужасными чудовищами, то, наоборот, сказочными героями, то и вовсе целыми замками. Сегодня Лин пришла сюда не просто так, она хотела сделать маме сюрприз. Девочка собиралась вырастить при помощи магии, которую у неё обнаружили совсем недавно и которую она (в тайне от взрослых) потихоньку тренировала, одно деревце. Заклинание ускоренного роста растений было не таким уж трудным, но требовало огромного запаса магической энергии, но ради сюрприза для мамы маленькой девочке было не жалко ничего, даже если потом ей станет плохо и она неделю проваляется в постели.

Лин осторожно, чтобы ничего не задеть, брела между рядами каких-то растений, в темноте она с трудом разбирала, что это. Оранжерея была наполнена таинственными тенями, листья едва слышно шуршали, касаясь друг друга, в огромной клетке тихо ухала серебристая сова, от чего девочка каждый раз вздрагивала. Было страшно. Девочка постоянно испуганно замирала от очередного, показавшегося ей слишком громким шороха. Сердце будто то уходило в пятки, то подпрыгивало, норовя, вырваться из горла. Белоснежная ночнушка до пят путалась и очень мешала, её кружевной подол волочился по полу. Со стороны девочка проходила на маленькое приведение.

Наконец, цель была достигнута. Крохотное, меньше тридцати сантиметров в высоту деревце с жёлтыми, округлыми, как маленькие монетки, листочками (именно поэтому девочка называла его монетным) стояло на резной подставке возле мамино любимого кресла в тонком мареве, которое Лин уже научилась видеть, магического кокона, помогающего растению акклиматизироваться в новых условиях. Девочка знала, что это заклинание ставил маг земли, и даже примерно поняла, как он это делал. Ничего вот она выучится и тоже научится так делать, и тогда мама точно будет любить её больше всех. Пока же у неё была другая задача. Лин осторожно дотронулась до узловатого ствола и погладила тёмную шероховатую кору, посылая внутрь дерева лёгкий магический импульс, растение едва ощутимо отозвалось. Контакт был налажен.

Монетное деревце появилось у леди Тариэки Вариэльской совсем недавно, его привезли откуда-то издалека её знакомые, знавшие о страсти леди к диковинным растениям. Да точно, так они и сказали, диковинным растениям. Лин хорошо запомнила эту фразу. Деревце было очень красивым, но таким маленьким, что до сих пор росло в обычном цветочном горшке. Мама не отрывалась от него уже месяц, всё время кому-то его показывала, не уставая восхищаться, брала с собой на прогулки по парку, что-то ему рассказывала. Лин даже немного завидовала ему, хоть няня и говорила, что зависть это не хорошо. Но с его помощью она сможет, наконец-то завоевать мамину любовь. Девочка улыбнулась, представляя, как завтра мама обрадуется, увидев своего любимца большим и красивым, и обязательно похвалит её и, может быть, даже поцелует, и с воодушевлением принялась за работу.

Заклинание было выучено до полного автоматизма. Наверно, даже если бы её разбудили посреди ночи и спросили его, она бы без запинки протараторила нужную формулу. Не зря три дня её зубрила. Лин всё боялась, что в последний момент испугается, но слова легко, без запинки всплывали в голове. Детский голос звучал в практически абсолютной тишине оранжереи, как звонкий колокольчик. Магия девочки откликнулась на её призыв и послушно потекла в сторону монетного деревца.

Девочка сосредоточенно шептала слова, деревце начало подрастать, но совсем чуть-чуть, силы всё уходили и уходили, внутри появилось какое-то странное ощущение, Лин начало подташнивать, оранжерея начала кружиться, маленькая магичка зажмурила глаза, надеясь, что так ей будет проще, но даже так, в темноте собственного внутреннего мира ей было тяжело, перед глазами мельтешили какие-то светящиеся мушки, слова начинали произноситься всё труднее и труднее, собственный голос стал едва различим. Мушки мельтешили перед глазами всё быстрее. В голове нарастал какой-то гул... Наверное, это жужжат мушки. Интересно, они теперь будут жить в моей голове и всё время жужжать? Это было последнее, что успела подумать Лин, прежде чем провалиться в темноту.

Олинера до сих пор помнила, как проснулась на следующее утро. Судя по яркому

солнцу день уже был в разгаре, из её гостиной (у девочки уже были стандартные взрослые покои, состоящие из спальни, ванной, гардеробной и гостиной, конечно, она скорее выполняла функцию игровой комнаты, но тем не менее название сохранялось) доносились приглушённые голоса, разговор явно вёлся на повышенных тонах.

Оглядевшись, Лин заметила на прикроватной тумбочке чашку с каким-то отваром, видимо оставленным для неё. Взяв её в руки, девочка сунула туда свой нос и тут же уловила ощутимое покалывание от магических потоков, вплетенных в структуру питья. Видимо, это были восстанавливающие зелье, её наставник по магическому искусству, приходивший к ней два раза в неделю, рассказывал ей о таком. Одним махом Лин выпила всю чашку и почувствовала приятное тепло от того, что магия распространялась по телу, восстанавливая её резерв, проясняя сознание и побуждая к действиям.

Осторожно и неуверенно девочка спустилась с высокой кровати, придерживаясь за мебель, чтобы в случае чего можно было за неё ухватиться, она подошла к двери, ведущей в гостиную, прижала ухо к щели и, наконец, смогла разобрать слова.

— Она будет наказана! — голос мамы был ещё более холоден, чем обычно, — Она своим дурацким волшебством уничтожила ценнейшее растение!

— Таризка! Она — ребёнок! — Отец? Странно, когда он успел вернуться? Глава семейства появлялся в доме редко, проводя большую часть своего времени в постоянных поездах, поэтому Лин и считала его практически чужим человеком. И неожиданное заступничество стало для неё полной неожиданностью. — И, между прочим, твоя дочь. А тебе некогда уделить ей даже пять минут своего драгоценного времени, да она бежит за тобой как собачонка, желая угодить, а тебе наплевать!

— Она уничтожила моё золотце! — капризно воскликнула женщина, — Ты это понимаешь? Это же редчайший экземпляр! А тебе нет до этого никакого дела!

— Ты сама себя слышишь? — голоса становились всё громче, теперь Лин услышала бы их наверное и с кровати, — Твоя дочь пострадала, пытаюсь сделать тебе приятное, заработала серьёзнейшее магическое истощение, неизвестно, восстановится ли её магия в полном объёме или нет, а всё что тебя волнует это то, что пострадало твоё «золотце»! Ты просто свихнулась на своих растениях!

— Как ты не понимаешь!? Это был карликовый калиррарис золотиственный! Карликовый! — Ой! Так вот как Монетка называется, девочка всё время забывала, но следующие слова привели её в ужас. — А она вырастила его до двух метров, да меня же все засмеют, как я теперь смогу взять его с собой на прогулку!

Единый! Что же она натворила! Она же хотела, как лучше... Она же не знала... Мама теперь никогда её не простит. Лин стало жутко, когда она представила, что теперь будет. Но от размышлений о том, как сильно её накажут, девочку отвлекла следующая реплика отца:

— Таризка! ТВОЯ ДОЧЬ ПОСТРАДАЛА! Ты не хочешь хотя бы зайти и поинтересоваться её самочувствием?

— Вот ещё, видеть её не желаю, она превратила моё «золотце» в уродца! — от пренебрежения, звучавшего в голосе, Лин аж вздрогнула. Всё было напрасно, она сделала только хуже, теперь мама её ненавидит. — Ты сам то, очень много времени ей уделяешь? Она наверно даже не помнит, как ты выглядишь, только и знаешь, что ездешь по своим предприятиям и поместьям! Сколько месяцев в году ты вообще дома бываешь?

— Довольно! — это было сказано холодно, едва слышно. Но все возражения тут же прекратились. Наверно так, отец разговаривает со своими служащими, слуги говорили, что

его слушаются всегда. — С этого дня ты больше не занимаешься воспитанием дочери. Она уезжает со мной, гувернантку уволишь, я сам подберу ей новую. Вещи пусть соберёт её горничная. А теперь можешь идти и дальше оплакивать своё золотце, к ребёнку я тебя больше не подпущу ближе чем на три метра и то в моём присутствии.

Лин в шоке замерла, не зная, как реагировать на эту новость.

— Как ты можешь! Я же мать!

— Ты не мать, ты чудовище! Эгоистичное, самовлюблённое, помешанное на своих цветах чудовище.

Ответа на эту фразу не последовало. Сильно хлопнула дверь, ведущая из гостиной в коридор, а девочка слышала чёткие шаги отца. В ту же секунды она побежала обратно в кровать.

Мужчина вошел в её спальню, когда девочка уже вновь устроилась в кровати и взяла в руки чашку, делая вид, что всё это время пила лекарство. Девочка рассматривала его будто впервые. Мартирэн Вариэльский не отличался впечатляющей внешностью. Среднего роста, с обычными чертами лица, крепкого телосложения. Для Лин, с детства влюблённой в мать и пытающейся добиться её внимания любыми способами, он всегда оставался просто одним из людей из её окружения, как один из постоянных маминых гостей или как продавец в лавке с книгами, куда она часто ездила с гувернанткой. Вроде бы он был, но никогда его существование не занимало её мыслей, никогда ей в голову не приходило искать его внимания. Сегодня же девочка увидела его совсем другим. Увидела добрые глаза, усталую улыбку и магию, у отца была магия, как же она раньше об этом не подумала!

— Ты всё слышала? — спокойно спросил он, присаживаясь на краешек её кровати.

Почему-то врать в этот момент совсем не хотелось, и Лин смущённо кивнула.

— Ты поступила очень плохо, Лин, — устало сказал отец, девочка понурилась прекрасно понимая, что он прав, она чуть не убила монетку, и естественно заслужила любое наказание, — ты вычерпала весь резерв, ради какой-то глупости, тебе вообще нельзя ещё практиковаться, пока резерв не стабилизировался, а ты вчера израсходовала его полностью. Пообещай мне, что больше никогда не будешь использовать магию, не посоветовавшись со мной.

Лин слушала отца и не могла поверить... Её не будут ругать? Но как же... Разве так бывает?

Оказалось — бывает. И не только это, но и многое другое.

С того дня, который, как она думала, станет самым ужасным днём её жизни, всё изменилось. Папа действительно увёз её с собой, нанял новую гувернантку и стал очень много времени заниматься с ней сам. В то место, которое девочка раньше называла домом они приезжали, но очень редко, и отец и правда не позволял ей оставаться с матерью наедине. Но это было уже неважно... Теперь центром её жизни стал папа, любящий, поддерживающий, понимающий. Он был её солнцем и её луной. Самым прекрасным и самым любимым. Они вместе гуляли, вместе ездили по различным предприятиям, вместе занимались, папа рассказывал ей о многих тонкостях своих дел.

Позже, когда она подросла, Лин начала помогать отцу. Её занятия отклонялось от классического образования юной аристократки всё дальше и дальше. Бухгалтерия, юриспруденция, делопроизводство и конечно магия. Общая теория, артефакты, основы алхимии, ей нравилось всё. Из забитого застенчивого ребёнка она превращалась в уверенную в себе девушку, которая точно знала, чего она хочет. А хотела Олинера не просто помогать

отцу, она хотела быть такой же как он, профессионалом, знающим в своей области, если не всё, то очень многое... Она и в эту академию поступила исключительно для этой цели.

Хотя, надо признать, тут ещё сыграл роль размер её магического резерва, который после того случая так и не восстановился полностью. В столичные высшие магические заведения с таким резервом не брали, а быть там белой вороной, взятой только ради знатного имени, Олинера не желала. Она и так сможет всего добиться. Величина резерва это ещё далеко не всё, этим резервом ещё надо уметь пользоваться, а уж этому она научится. К тому же никто не запрещал ей совершенствоваться в немагических областях, а для будущего управляющего это немаловажно.

Да. Она изменилась. От той маленькой девочки, что когда-то пришла ночью в оранжерею, больше не осталось ничего, даже имени, отец никогда не называл её Лин, как это делала мать, постепенно отвыкли и другие. Единственное, что напоминало о том дне, это её ненависть к цветам. Их она ненавидела до сих пор, хотя и понимала, что это глупо и нерационально.

Олинера встряхнулась, возвращаясь из своих воспоминаний, ей снова нужно было возвращаться к своей роли. Ещё когда она только сказала отцу, что намеренна учиться здесь, он предупредил её, что в академии ей придётся играть, претворяться, дабы не выделяться слишком сильно. Разве могла Олинера подвести отца? Разумеется, она очень быстро научилась не выделяться среди других.

Сейчас она ещё этого не понимала, но Мартирэн Вариэльский был очень мудрым и достаточно прозорливым человеком, он прекрасно видел, что из-за того, что круг общения его дочери ограничивается только взрослыми, она совершенно не умеет общаться со сверстниками. У девочки просто не было подобного опыта. И дав ей такое задание, он понимал, что очень скоро навязанная роль хоть немного, но изменит её. А всё, чего он хотел, чтобы его девочка научилась быть не только магичкой, управляющей, но и другом, и даже, возможно, любимой. Сам он этому, к сожалению, не смог её научить.

Олинера, конечно, о плане отца не знала. Но старалась изо всех сил. Первое время ей было тяжело, но постепенно она привыкла. Впрочем, девушке ещё предстояло понять, что маска правильной всезнающей старосты, её друзья (а ведь за эти годы у неё действительно появились друзья: Янара, Рик, Ромаро) сильно изменили её, сделав из помешанной на своей цели аристократки, вполне обычную девушку, умную, энергичную, эрудированную, но при этом добрую и отзывчивую.

Грем стоял, облокотившись на дерево и молча смотрел на неё. Было в его взгляде что-то странное, что-то слишком серьёзное, слишком пронизательное... На миг Олинера даже подумала, что под маской обычного, довольно посредственного адепта кроется кто-то другой, намного более взрослый, знающий и опытный. Но через секунду... наваждение рассеялось, и эта мысль показалась ей абсурдной. Это же Грем! Просто Грем. Хотя... этот взгляд. Если бы она встретила человека с таким взглядом... Как жаль, что это было лишь наваждение...

— Тебе совсем не интересно... — это был не вопрос. Утверждение.

— Прости. Я совсем не люблю цветы. — Это было странным, но рядом с ним она не боялась быть собой. Не боялась быть откровенной. Впрочем, он действительно был сейчас немного другим. Немного настолько, что это было невозможно выразить словами, но интуитивно девушка чувствовала это очень чётко.

— Что же ты делаешь, с букетами от кавалеров. Ведь на каникулах, когда ты

возвращаешься домой, тебя наверняка ими задаривают?

— Задаривают. Только они делают это не для того, чтобы понравиться мне, а для того чтобы получить титул и деньги моего отца. Поэтому я спокойно отдаю их прислуге. Ведь это не настоящие подарки, не от всего сердца. Понимаешь?

— Понимаю, — юноша улыбнулся, блеснув жёлтыми глазами, он больше не останавливался нигде и не пытался ей ничего рассказать об очередной флористической редкости, они просто шли между деревьями и разговаривали, — в таком случае не буду дарить тебе цветы. А что же тогда это был за порыв с утра?

— Ну... — на миг Олинера замаялась, — хотела в очередной раз попытаться преодолеть собственную нелюбовь, но как видишь — не получилось.

— Жаль, что я не смог тебе помочь.

— Ты помог — только в другом.

В то утро юноша и девушка гуляли очень долго. Мастерина, к радости агента, постоянно находилась в одной точке, от которой он старался особо не удаляться, погода была чудесной, а девушка, шагающая рядом, с каждой минутой казалась всё интереснее и интереснее. Жаль лишь только, что дальше легкого флирта, в который постепенно превращалась их беседа, эти отношения не зайдут.

Тропинка извивалась под их ногами, то исчезая, то появляясь вновь. Между кронами деревьев виднелись клочки облаков. Они же продолжали наслаждаться обществом друг друга. Ни он, ни она не замечали, что с каждым словом, с каждым взглядом их маски тают, превращая их в таких какими они были на самом деле. И пусть разговор так и не коснулся каких-то важных вещей, оба по привычке старались обходить некоторые темы, они всё же поняли друг друга, ведь иногда взгляды могут сказать намного больше слов...

Мастерина Альэдера вышла из своего убежища уже совершенно спокойной. Об утраченном чувстве безграничного счастья, она совсем не жалела, магическое опьянение это, конечно, весело, но совсем не безопасно — никогда не знаешь, сколько может выдержать твоя психика. Теперь, все магические каналы её ауры были стабилизированы и работали, как отлаженный механизм. Всё-таки лес, пусть даже и такой, искусственный, никогда не навредит своей дочери.

Коснувшись рукой ствола дерева, она послала парку тёплую волну благодарности. Деревья едва слышно отозвались ласковым шелестом. Они всегда были ей рады. Улыбнувшись им на прощанье, эльфийка направилась в сторону главного корпуса академии.

Грем находился где-то метрах в тридцати от неё. Что удивительно, сегодня он был не один. Неужели мальчик наконец решил попробовать нарушать инструкции? И кто это у нас с ним? Эльфийка прислушалась. Вот как! Мастерина даже улыбнулась уголком губ. Олинера Вариэльская. Занятно... Будет весьма любопытно за ними понаблюдать. Грем будет наблюдать за ней, она — за ним. Интересно существование.

Откровенно говоря, это глупое наблюдение совсем не являлось для неё проблемой. Особенно теперь. Сейчас, когда ей в полном объёме была доступна и эльфийская магия, а не только слабенький практический дар, доставшийся ей от рождения, она могла бы совершить многое, даже создать портал через полконтинента. Вот только смысл?.. Смысла не было. Она уже давно привыкла довольствоваться тем, что есть, и не мечтать о несбыточном. А для магической энергии всегда можно найти применение.

Составляя в голове список дел на ближайшее время, первым пунктом в котором значилось зарядить накопители, основательно растроченные за зиму, мастерица Альэдера незаметно для себя (зато весьма заметно для Грема, которому спешно пришлось менять курс их с Олинерой движения) покинула территорию парка. Уверенной походкой она направлялась в свои апартаменты на преподавательском этаже, ей нужно было забрать кое-какие книги, а уже потом можно будет отправиться к себе в мастерскую.

Поднявшись к себе, эльфийка окинула обе комнаты, в которых царил лёгкий беспорядок (результат поспешных сборов), внимательным взглядом и отыскивала необходимую ей литературу. Практически автоматически она произнесла заклинание чистоты, убравшее всю пыль со всех поверхностей, и отлевитировала разбросанную одежду в шкаф. Уже на выходе мастерица заглянула в почтовый ящик.

Это был её личный письмообменник, пользовалась им она ради переписки с одним единственным человеком, остальная немногочисленная почта приходила на адрес академии. Сегодня, как это ни удивительно (письма приходили хоть и регулярно но не особо часто) корреспонденция в шкапулке была. Прихватив неожиданную добычу, представлявшую собой совершенно чистый конверт из плотной кремовой бумаги, мастерица Альэдера отправилась по намеченному маршруту, планирую прочесть послание по дороге. Однако в коридоре её отвлекла болтовнёй одна из коллег. Госпожа Лириина Аликаро, преподаватель истории (всякой, какая только изучалась в академии), спешила в город, где собиралась потратить выходной на поход по модным лавкам, о чём с радостью и рассказывала своей единственной слушательнице в лице мастерицы иллюзий.

Альэдера выслушала её с вежливой улыбкой, но от предложенного совместного времяпрепровождения тактично отказалась. Хотя девушка действительно вызывала у неё симпатию и, может быть, если бы та просто пригласила её попить кофе, то мастерица и согласилась бы, но целый день бродить по лавкам... Нет, на такой подвиг её мог сподвигнуть только один невыносимый дракон. Что б ему там икнулось! Может быть когда-то, ещё в Лесу ей и нравилось заниматься подобными вещами, но ведь ей тогда и заняться нечем было, а студенческая жизнь и весьма умеренные доходы быстро привели её в чувства.

Добраться до письма удалось лишь в мастерской. Вот только строчки, написанные знакомым мелким почерком, поведали неожиданную информацию.

Здравствуй, вредная эльфийская леди!

Знаю, что ты терпеть не можешь, когда тебя так называют, но я всегда говорил тебе, что ты намного больше леди, чем большинство аристократок, окружающих меня каждый день, за исключением лишь одной, но она для меня вне конкуренции.

Надеюсь, ты уже пришла в себя после наступления весны и сможешь адекватно воспринимать мои новости.

Намечается новый раунд внешнеполитической игры. Ты удивишься, но на этот раз я ни при чём. Заваривают всю кашу твои остроухие сородичи. Я знаю, что новость покажется тебе абсурдной, мне она самому такой кажется, но, тем не менее, подобная информация поступила ко мне из нескольких источников. Ведутся переговоры между эльфами и драконами о подписании договора. Условия и уступки каждой из сторон держатся в строжайшей тайне, но вард Грендель-Риэр, который, несмотря на всё твоё фырчание, по-прежнему интересуется тобой, один из самых активных участников этих событий.

Как это отразится на империи и общем балансе сил, мне сейчас трудно

прогнозировать. Чего хотят эльфы? Каких уступок добьются драконы? И хотя наш договор с Горой всё ещё в силе, я не знаю, к чему приведёт подобный союз.

Ты писала, что дракон приставил к тебе нового агента, приглядишься к нему повнимательней, если появится возможность расспроси, я знаю как ты умеешь вытягивать информацию.

И прошу тебя, будь осторожной! Хотя ты и говоришь, что вард Грендель-Риеру ты безразлична, но я сильно сомневаюсь, что он останется безучастным, если с тобой что-то случится. А других возможностей повлиять на него, лично я, на данный момент не вижу. Твоё же местоположение вычислить вполне возможно, если это сумел сделать твой дракон, то смогут и эльфы.

Лири передаёт тебе привет. У нас всё замечательно. Приезжай летом к нам в гости, хотя бы инкогнито, она будет тебе очень рада, можно будет провести время где-нибудь за городом.

Ещё раз прошу тебя, береги себя. И прекрати спрашивать меня в каждом письме о здоровье, в конце концов, для мага я ещё совсем не стар.

Ответь мне, как только сможешь.

С наилучшими пожеланиями, Террион.

Перечитав несколько раз письмо мастераина задумалась, новости её совсем не обнадеживали, а учитывая то, что её брат недавно вошёл в совет Четырёх... ничего хорошего ждать не приходилось, с того станется не только похитить её, чтобы подразнить ненавистного дракона, но и убить у него на глазах. Была бы ещё уверенность, что она действительно всё ещё не безразлична лорду вард Грендель-Риэр... Сама бы она за эту уверенность отдала очень многое.

Эльфам доверять нельзя, драконов тоже лучше опасаться. Хорошо хоть Террион её предупредил. Террион... Эльфийка хмыкнула. Разве могла она предполагать тогда, что он станет одним из её самых надёжных друзей и поддержит тогда, когда весь мир будет рушиться под ногами...

ГЛАВА 10. Окончание истории или когда не хочется жить...

Срок, отведённый Шиагрону на его ссылку, подходил к концу. Через два дня уже должен был прибыть новый глава посольства. Как ей рассказывал Шиа, это был один из его хороших знакомых лорд Далиан вард Террис-Шэн. Он даже показал ей через их канал ментальной связи некоторые свои воспоминания о нём. В отличии от её мужа, чьи тёмно-каштановые кудри Дери так любила перебирать, новый посол был классическим брюнетом с синими глазами, почти такой же высокий, судя по тому, какой был угол зрения в воспоминаниях, только более... изящный, что ли, если бы не руны на лбу и тёмные волосы, его можно было бы принять за эльфа.

Озвучивать подобные соображения дракону Дери не стала, прекрасно помня, как он реагирует на любые сравнения с «остроухими», но всё же разницей в габаритах поинтересовалась.

— Маленькая, — Шиа даже рассмеялся, — я же боевой дракон, а он дракон-исследователь, ему такие «габариты» и не нужны.

Дери на это объяснение лишь кивнула. Лекцию о ширдах она выслушала намного раньше, когда по настоянию мужа начала изучать драконий язык и наткнулась на это слова в одной из книг. В тот вечер, сидя в кресле у любимого ими камина, Шиа и рассказал ей о них.

— Ширды... — дракон на минуту задумался, — ну это что-то вроде, сословий. Но это очень грубо.

— То есть это группы драконов? — увидев подтверждающий кивок, Дери продолжила, — А какие ширды бывают?

На секунду задумавшись, мужчина начал перечислять:

— Боевые драконы или войны. Драконы-исследователи или учёные. Драконы-искусники, что-то вроде ваших ремесленников, только всё что мы производим делается при помощи магии, так что сюда входят и артефакторы и алхимики и вообще все прикладные магические таланты. Это основные. И ещё две малочисленные. Драконы-ведущие — наши лидеры, способные вести за собой, управлять и повелевать. Из них состоит Совет Старейшин и к ним относится Верховный Повелитель. Вступают в должности старейшины драконы-ведущие в двести лет. До этого они получают образование.

— Двести лет зубрёжки? — Дери ужаснулась от такой перспективы.

— У каждого из них есть наставник из действующих старейшин, плюс они заканчивают все три магические академии, иногда и не по одной специальности в каждой. Это уже зависит от их наставника.

— Ужас. Бедные драконы! А последняя ширда?

— Драконы-видящие. Их единицы. Это Хранитель Горы Изначальной и его ученики. Сейчас их трое. Они слышат стехриэна и могут с ним общаться, плюс подтверждают браки и проводят некоторые церемонии. Кстати, наверняка узнать к какой ширде относится дракон, можно только с их помощью. Это происходит после второго совершеннолетия в пятьдесят один год.

После этого разговора она узнала о Горе ещё очень многое и даже прочитала драконью альтернативу Хроник Изначального, где действительно всё примерно так и описывалось, как ей рассказал Шиа, только намного более высокопарным языком.

Теперь же она собиралась посетить «логово врагов» и сама. Было ли ей страшно? Откровенно говоря — да, и это ещё слабо сказано. Шиа было легко говорить, среди драконов он один из сильнейших к тому же лорд.

Кстати, с титулами в Горе тоже было интересно. Если у людей и эльфов это было исключительно наследуемые понятия, то у драконов — титул, любой, нужно было заслужить. Единственное, что не могла понять эльфийка, так это то, как её дракон при его любви к нарушению всех мыслимых и немыслимых правил, сумел стать лордом. Его невыносимейшее же на все её вопросы об этом лишь нагло улыбалось, обещая раскрыть сию тайну лишь на смертном одре. На все её угрозы обеспечить дракону этот исключительный миг любимый муж, как обычно, только смеялся. А бедная эльфийка изнывала от любопытства.

Наверно, это могло случиться в любой другой день... но случилось именно так.

В тот вечер она разбирала свои вещи, решая, что оставить здесь, что взять с собой (дом в котором они жили, супруги выкупили ещё три года назад, решив, что лишним он не будет). Шиа пришёл, как обычно, около семи. На улице тихо и безумно красиво падал снег. Огромные, ажурные снежинки медленно кружились, опускаясь вниз, окутывая город белоснежным, пушистым покрывалом. Они создавали ощущение сказки и приближающегося праздника. Близился день зимнего солнцестояния.

Когда Шиагрон вошёл в комнату, превратившуюся за эти годы в её кабинет, эльфийка стояла на верхней ступеньке стремянки, проводя ревизию верхних полок. Высоты она, как любой представитель её расы, не боялась, и могла на этой лестнице хоть танцевать.

От чего это случилось? Почему её голова вдруг закружилась и она резко, в одно мгновения начала падать... Ответ на этот вопрос она узнала позже, когда изменить нельзя было уже ничего. Впрочем, эта ситуация была предрешена давно, ещё в момент их встречи...

Шиа подхватил её уже у самого пола, одним молниеносным движением оказавшись рядом, но она всё-таки немного ударилась головой о пол. Перед глазами было темно, тело отказывалось слушаться... а дракон... Дракон обеспокоенно осматривающий её ауру магическим зрением, вдруг... отшатнулся. Он отскочил от неё на другой конец комнаты, неверяще... шокировано смотря на неё. Только чудом Дери смогла подставить руку и не удариться вновь.

— Ты эльфийка... — он произнёс это, как ругательство, как самое страшное оскорбление, — у тебя аура чистокровной эльфийки!

— Шиа, тебе не кажется, что на восьмой год совместной жизни, это несколько странное заявление. Раньше тебя это не особо волновало, скорее наоборот, — голос был ещё слабым, но злость придала ей силы, и кое-как Дери удалось сесть.

— Значит... это правда! Ты... Ты ничего не понимаешь? — несколько мгновений... или целую вечность он испуганно (девушка никогда не думала, что это слово вообще применимо к её дракону), именно испугано пытался что-то понять, а потом...

Татуировка его клятвы на руке засияла. Красное свечение осветило его искажённое в гримасе боли лицо. Дракон тихо зарычал, отходя к выходу, удирая, как последний трус:

— Ты должна вернуться в Лес, — наконец, прошипел он, — Это единственный выход. Я ухожу от тебя! Мы не можем быть вместе. Документы на развод подашь сама, — бросил он ей, а потом... вновь приглушённо зарычал и... исчез. Растворился. Дери непонимающе

смотрела и не могла ничего понять.

Он ушёл?

Но... как же?

Ведь этого не может быть? Правда!

Но он ушёл...

Ушёл из дома, где вообще невозможно было построить портал.

Ушёл...

Страшная реальность начала доходить до её, будто затуманенного сознания.

Ушёл...

Первая слеза скатилась по её щеке.

Дери не понимала, не верила... Пошатываясь, она поднялась на ноги и вновь согнулась пополам, от дикой боли.

Сила.

Безумная огромная сила бурлила, клокотала внутри неё. Она подпитывалась той болью, что росла в её груди, перемешивалась с ней и грозила вырваться наружу.

А в голове билось лишь одно: «Ушёл. Ушёл. Ушёл».

За окном начал завывать ветер. Тихий снегопад превращался в метель.

Ушёл.

Горячая слеза скатилась по другой щеке.

Ушёл. Ушёл. Ушёл!

Слёзы падали из её глаз, крупными каплями, чертя влажные дорожки на искажённом болью лице, превращаясь в поток. Тело эльфийки (теперь уже истинной) сотрясалось в рыданиях. Она выла, как раненная волчица, до крови царапая ногтями пол. Ушёл. Ушёл...

Ушёл!

Вьюга. Безумная зимняя вьюга билась в агонии за окном.

Такая же вьюга бушевала в её душе.

УШЁЛ!

БРОСИЛ!

ПРЕДАЛ!

ИСЧЕЗ...

Слёзы? Разве их бывает так много? Они заливали её лицо.

Больно!

Она не знала, что бывает так больно.

Почему ей больно... а он ушёл?

Глухой, полный боли вой раздался на весь дом.

УШЁЁЁЁЁЁЁЁЁЁЁЁЁЁЁЁ!

Вот только... его никто не слышал.

Дом был пуст.

И только вьюга за окном, сносящая всё на своём пути, вторила безудержным рыданиям эльфийки.

Ведь ОН ушёл...

В ту ночь она так и не смогла заснуть.

Думала ли она, что можно проплакать всю ночь напролёт? Однозначно, нет. Подобный бред казался ей всегда глупой придурью романтических девиц.

Могла ли предположить ещё вчера, что весь её мир рухнет, погребя её под своими осколками? Что обычный тихий вечер превратится в полную безумных рыданий ночь... Что этот невыносимый, подлый, но всё ещё безумно любимый крылатый гад предаст её в тот момент, когда она будет верить ему полностью и безоговорочно, больше чем самой себе... Предаст, выкинет, как ненужную, использованную вещь, и... уйдёт. Просто уйдёт, растворившись в магическом мареве портала.

Нет. Даже в страшном сне ей не могло привидиться подобное.

Часы на первом этаже пробили три часа утра, когда эльфийка безвольной тенью себя прежней спустилась вниз.

Слёз больше не было. Осталась только пустота и боль. Тупая, безнадежная боль.

Сил тоже больше не было. Никаких. Ни физических, ни душевных, ни даже... магических, резерв был опустошён. Она этого ещё не понимала, но всё её силы забрала буря.

Альэдера бездумно брела по дому, пытаясь понять, что ей делать дальше и... не понимала. Как она сможет жить без него? Не видеть его глаз, не чувствовать по утрам горячего тела рядом, не целовать его на прощанье, когда он уходит на работу, не спешить по вечерам домой, чтобы только скорее упасть в его объятия...

Неужели всё это было ложью? Безупречной, выверенной до последнего взгляда, последнего вздоха ложью. Разве такое возможно сыграть?

Почему же тогда он ушёл?

Не думая и даже не понимая, что она делает, эльфийка натянула какой-то плащ и как была, в лёгких домашних туфлях, вышла на улицу. Метель стихла. В морозном воздухе стояла звенящая тишина. Весь город был погребён под завалами снега. Девушка с безумной решимостью шагнула в это море. Идти было трудно. Ноги увязали в снегу. Снег был везде. Он проникал под одежду, скрипел под ногами, сверкал безупречной нетронутой белизной вокруг. Альэдера до сих пор не знала, где она бродила в ту ночь. Почему не упала, не сдалась, не замёрзла в пушистой ледяной постели.

Пришла в себя эльфийка в какой-то таверне. Как она попала туда? Почему пьёт какую-то дурнопахнущую дрянь?

Впрочем, это было неважно.

Больше ничего в её жизни не было важным. В безумном отчаянье она пила стакан за стаканом и с каждым глотком всё отчётливей понимала, что она больше не хочет жить. Зачем? Ведь это не имеет смысла. Общий зал таверны, тонуший в клубах дыма, начал шататься перед её глазами. Спасительная и непроглядная тьма окутывала её сознание. Сделав последний, обжигающий горло глоток, эльфийка всхлипнула и уронила голову прямо на барную стойку.

Просыпаться было трудно. Ресницы слиплись и не давали векам открыться, глаза болели, про голову вообще лучше не вспоминать. Кое-как Дери всё же удалось проснуться и приподняться.

Где она?

Чужая комната, обставлена просто, без изысков. Кровать, умывальник, зеркало, стол. Мебель явно не первой свежести. Никаких безделушек или книг. Трактир. Последнее, что она помнила — это трактир. Неужели она заснула прямо за барной стойкой, как какая-то опустившаяся алкоголичка? И что она тогда делает здесь? Наверно, это комната над трактиром. И почему Шиа её не ищет?

Шиа...

Вихри картинок пронёсся в её голове. Глаза вновь наполнились слезами. Дери спрятала лицо в ладони, пытаясь скрыться от них, но это было невозможно. Неужели это правда? Этот полный призрачного голоса и его слова «Я ухожу от тебя». Картина в голове до ужаса напоминала другую, не тревожившую её память уже столько лет «пошла прочь безродная шавка» и холод зелёных глаз бывшего брата... Что ж, в этот раз её не прогнали, в этот раз от неё просто сбежали. Можно сказать, она растёт, с горечью подумала Альэдера, бывшая леди Варис, бывшая леди вар Грендель-Риэр. Почему же все они её бросают? Что же в ней не так?

Эльфийка упала на подушку, закрывая глаза. Ей было больно. Она не хотела видеть этот мир, не знала, как в нём жить, не знала... зачем жить... Тихие безнадёжные слёзы медленно ползли по её щекам. Они не приносили облегчения — выплеснуть ту боль, которая поселилась в её груди, было невозможно. Они просто были. И она не хотела их останавливать. Ей было всё равно...

Когда дверь со скрипом отворилась, эльфийка даже не пошевелилась. Ей не было дела до окружающего её мира. Вошедшего мужчину она заметила лишь в тот момент, когда он грубо развернул её к себе, заломил руки над головой и предвкушающее и похабно оскалился (назвать это улыбкой язык не поворачивался). Она безразлично оглядела его. Пожалуй, среднего роста, короткая стрижка, лёгкая щетина, достаточно невзрачные черты лица, тренированное тело. Наверное, какой-то наёмник, судя по количеству шрамов. Впрочем, какая разница...

Чужие руки начали шарить по телу срывая одежду, не оставляя сомнений в том, зачем сюда пришёл этот незнакомый мужчина. Через несколько мгновений на эльфийке больше не было одежды, только прозрачное кружевное бельё. Мужчина одобрительно хмыкнул и провёл раскрытой ладонью по её коже сверху вниз, беззастенчиво шаря, ощупывая, сжимая её безвольное тело. Леди Альэдера вар Грендель-Риэр (пока что ещё) лежала неподвижно, как кукла. На её лице не дрогнул ни один мускул. Неподвижные, стеклянные глаза смотрели прямо перед собой. Она даже не пыталась сопротивляться. Зачем? Если ей всё равно не хочется жить. И какая разница, что с ней будет... Единственным, что можно было принять в ней хоть за какое-то движение — были слёзы, по-прежнему произвольно текущие по её лицу.

Кровать начала тихо поскрипывать, когда мужчина забрался на неё и начал расстегивать пояс на штанах. Она уже думала, что сейчас эта пошлая и никому ненужная прелюдия закончится, и он наконец-то выполнит, то зачем пришёл и оставит её в покое, когда... всё изменилось.

Мужчина тяжело и неодобрительно вздохнул, отодвинулся и закутал эльфийку в одеяло:

— И что же столь трагического произошло в вашей жизни леди, что вместо огненной нимфы, которой восторгался весь двор, я вижу холодную, безразличную ко всему женщину? И куда подевался ваш дракон?

Голос показался Альэдере смутно знакомым. Пытаясь сосредоточиться, она начала внимательней всматриваться в его лицо. Но, как оказалось, это была лишь иллюзия, скрывавшая действительно достаточно хорошо знакомого ей, да и не только ей, человека.

Его Императорское Величество Террион III.

Собственной персоной.

Интересно, а он то что забыл в этой второсортной таверне на краю города, где она заснула. Или она уже в другом месте? И где она в таком случае находится?

Эльфийка села, крепко прижав одеяло к груди, и оглядела комнату цепким взглядом. Иллюзия? Они что издеваются? Или это была проверка на профпригодность, которую она с треском провалила? Впрочем, учитывая то, что её резерв по-прежнему был почти полностью пустым, ничего удивительного в этом не было.

Комната же, между тем, медленно меняла свои очертания, приобретая истинный вид. Мастерина Альэдера сидела на огромной кровати, под бордовым с вышитыми золотыми цветами балдахином. Бельё явно постелили другое, попроще. Судя по кричащей роскошью обстановке комнаты, намного попроще. Видимо, всё-таки опасались, что она может что-то заподозрить. Ну, хоть какое-то облегчение для её уязвленного профессионального самолюбия. Эльфийка чуть скривившись пробежала глазами по позолоченной, изогнутой мебели, причудливым статуэткам, каким-то кричащим пуфикам. Пусть всё это и было дорого и изысканно, но не в её вкусе. Последним с иллюзией рассталось окно, в которое был отчётливо виден... дворцовый парк.

— Мы во дворце? — через мгновение эльфийку посетила безумная идея, которую она всё же решила озвучить, — только не говорите, что это комната вашей фаворитки!

Террион, насмешливо наблюдавший за ней из большого кресла, стоящего в дальнем от неё углу рядом с небольшим, уже сервированным столиком, едва заметно улыбнулся:

— Могу и не говорить, но это действительно так. Леди присоединится к завтраку?

— Леди бы может и присоединилась, но несколько неподобающе одета, вашими стараниями, — последнюю фразу, конечно, говорить не стоило, Дери это прекрасно понимала, но просто не смогла сдержаться. Однако, видимо император сегодня был в хорошем настроении.

— Тебе всё-равно нужно было снять грязную одежду, так что считай, что я выполнил работу твоей горничной.

— Неужели ваша казна настолько опустела, что приходится самому выполнять функции прислуги? — Дери уже стало даже интересно, как скоро её поставят на место. Суицидальные у неё какие-то развлечения, но уж лучше так.

Террион промолчал, но улыбнулся так... ехидно, что эльфийка сразу вспомнила об одной вечно раздражающей её детали его биографии, эмпатических способностях. Вот, демон! Он всё понял и теперь сидит и нагло над ней насмехается! Вот же... его вреднейшество! Взял бы и поддержал девушку в её попытке закончить жизнь под его разгневанной рукой. Обидно!

Размышления неудавшейся смертницы были прерваны вдруг посерьёзневшим императором:

— Одевайся и иди сюда. Нам нужно поговорить.

Вот же помешанный на работе человек! Дери оглянулась, рядом на пуфике действительно лежал длинный бархатный халат тёмно-зелёного цвета, похоже даже новый.

— Отвернитесь, хотя бы!

— Не хочется напоминать, но я там и так уже всё рассмотрел. Кстати, бельё я оценил!

Альэдера гневно сверкнула глазами, но препирательство прекратила. Хочет — пускай смотрит! Он действительно думает, что может её этим смутить. Ну так простите, Ваше Императорское Величество, но вы опоздали на пару-тройку десятков лет.

Эльфийка скинула одеяло, выпрямилась и медленно и совершенно спокойно (спокойствие было, понятное дело, наигранным) надела незапланированную обновку и пересекла комнату, присоединившись к первому лицу империи. Мастерина изящным

движением протянула руку к ещё дымящейся чашке кофе и с неожиданным даже для неё самым азартом приготовилась к грядущему сражению... то есть разговору.

Разумеется, Альэдера не могла знать, что все её эмоции, были сильно преувеличены сидящим напротив эмпатом. Террион раздувал любой возникающий у неё эмоциональный проблеск, как угли потухающего костра, превращая безвольную, сдавшуюся женщину в подобие живого существа, заставляя её жить. Это был один из тех редких случаев, когда он использовал свои, так тщательно скрывааемые способности кому-то во благо.

— О чём вы хотите поговорить? — прервала эльфийка затянувшуюся паузу.

— Видете ли леди вар Грендель-Риэр, ничто человеческое мне не чуждо, и меня гложет любопытство, что же должно было вчера произойти между вами и вашим супругом, что вы чуть не разнесли мне столицу.

Император ещё не успел договорить свою фразу, а глаза его собеседницы потухли и он почувствовал такую неприкрытую боль и тоску, что даже на секунду пожалел, что не закрылся щитами. На секунды, не больше. Желание получить информацию всегда было у императора сильнее, чем временные неудобства, связанные с их получением. Как истинный политик и интриган, возведший это мастерство едва ли ни в искусство, Террион всегда считал, что ценнее информации, может быть только секретная информация. Сегодня же он чувал (а чутьё его подводило очень редко), что за вчерашним буйством стихии кроется что-то, что от него тщательно скрывают, а это императора не могло устроить никак.

Эльфийка же... Глядя на неё Террион понимал, что все его усилия прошли даром. Девушка поставила чашку с кофе обратно на стол и в нарушение всех правил этикета опёрлась на него локтями, спрятав лицо в ладонях.

— Я больше не леди вар Грендель-Риэр. Не называйте меня так, пожалуйста... — слова прозвучали тихо едва слышно, но император их всё же расслышал.

— Что же должно было произойти, что вы решили уйти от своего дракона, — император, действительно, был порядком озадачен. Девушка же лишь подняла на секунду полные боли глаза и таким же тихим шёпотом ответила:

— Я не решила. Он сам от меня ушёл.

— Это невозможно! Он дракон. Этого просто не может быть.

Террион терпеть не мог, когда рядом происходит, что-то недоступное его пониманию. А этот случай относился именно к таким. По всем его прикидкам сидевшая напротив девушка была если и не половинкой дракона, то парой точно. Что же должно произойти, чтобы дракон бросил свою пару без видимых причин? Ему уже не было дело до политики. Он должен был знать. А куда приткнуться это знание он и потом найдёт.

Альэдера о переживаниях императора, конечно же понятия не имела, она немного помолчала, но всё же ответила:

— Может... Очень даже может.

Глаза Терриона хищно блеснули:

— Я предлагаю сделку. Ты явно не знаешь многого. Расскажешь мне всё в подробностях, а я объясню, всё что пойму.

Если бы Альэдера только знала, на что она согласилась. Ей пришлось рассказать императору ВСЁ! Абсолютно всё. Про вчерашнюю ночь. Про их с Шиа знакомство. Даже про тот день на поляне, после их поспешной свадьбы. Временами ей было неудобно и стыдно рассказывать постороннему человеку некоторые подробности, но такие мелочи как приличия уже не могли остановить Терриона. Вопросы сыпались из него иногда быстрее,

чем эльфийка успевала на них отвечать.

Когда он замолчал и о чём-то задумался, Альэдера уже так устала, что даже не подумала его о чём-то спрашивать. Она обессилено откинулась на спинку кресла и медленными глотками начала пить окончательно остывший кофе. Слова Терриона застали её врасплох.

— Я могу рассказать вам, что произошло. Вопрос лишь в том, хотите ли вы это знать, — предупреждение звучавшее в голосе собеседника показалось ей странным, но девушка так устала, что не обратила на это внимания.

— Наверно, всё-таки хочу. Хотя бы буду знать, из-за чего страдаю.

Император кивнул:

— Хорошо. Скажите Альэдера, как ваше настоящее имя?

Для эльфийки этот вопрос прозвучал, как гром среди ясного неба:

— Что вы хотите сказать?

— Ведь вы не полукровка, как утверждают ваши документы, как вы старательно хотите всем казаться, вы чистокровная эльфийка. Ведь так?

— Откуда вы... Почему вы так решили? — девушка была порядком сбита с толку. Про её эльфийское прошлое мало кто знал. Она не любила рассказывать об этом.

— Потому что это единственное что может всё объяснить? Так как вас зовут на самом деле? — Глаза императора горели таким азартом, что где-то девушка ему даже позавидовала, может быть, ей бы тоже было интересно, если бы эта история не касалась её напрямую:

— Альэдеризна леди Варис ан Летериэн, — наконец сказала она.

— Так вот куда делась погибшая младшая дочь рода Варис. Занятно! Что ж. Последний вопрос. — Эльфийка при этих словах уже готова была облегчённо вздохнуть, но новый вопрос её порядком удивил. — Когда вы покинули Светлый Лес?

— За день до своего совершеннолетия, — недоумённо произнесла она.

— Что ж. Что-то подобное я и предполагал. И, разумеется, ваши родители не потрудились рассказать вам, ЧТО происходит, после совершеннолетия.

Император уже не спрашивал, он утверждал, но она всё же ответила.

— Единственное, что мне удалось узнать, это то, что глава рода выбирает для дочери или сына рода наставника по магическому мастерству, а мне не хотелось, чтобы за меня решали другие, я предпочла сбежать.

— Как и всякая бунтарка, — Террион был вновь спокоен и даже доволен, — В день совершеннолетия происходит ритуал «Представления и Соединения» юного эльфа или эльфы Лесу. В результате в тебе бы проснулась эльфийская магия, что в общем-то и произошло, как я понимаю, вчера.

— Но как?

— Я могу лишь предположить, но, вероятно, когда вы оказались на Срединной Поляне, именно так она называется, ты где-то неосторожно поранилась и сущность Леса, Стехриэн, почувствовал тебя и провёл ритуал так, как смог. В результате магия просыпалась намного дольше, чем этого требовалось, но теперь вы леди Варис действительно полноценная эльфийка и дорога вам в Светлый Лес.

Простые в общем-то и логичные слова доходили до сознания Альэдеры с трудом.

— Допустим... Но Шиа, почему он ушёл? Неужели только из-за глупых предрассудков. — теперь поступок дракона казался ей ещё более низким. Неужели, только из-за того, что она оказалась чистокровной эльфийкой, можно было перечеркнуть все их

чувства, все их планы, всё... Как могла она в нём так ошибиться?

Террион же смотрел на девушку уже с откровенным сочувствием. Азарт от решения неразгаданной загадки прошёл, на его место пришло осознание всей безвыходности ситуации:

— К сожалению для вас обоих, эти «предрассудки» совсем не глупые, — император говорил медленно, тщательно подбирая слова, — Никогда, не одобрял политики эльфов держать свою молодёжь до последнего в неведении, но ты же жила со своим драконом, уж он тебе должен был рассказать, реальную картину возникновения нашего мира, особенно когда вы украли у меня Ключ, не удивляйся я понял это не так давно, и мстить уже не собираюсь, в некотором смысле вы даже сыграли мне на руку.

Раскаяние было промелькнуло на лице эльфийки, но дела давно минувших дней её сейчас не волновали, она напряжённо и непонимающе впиалась взглядом в собеседника:

— Он рассказывал. Кратко. Но это здесь при чём?

— Вспомни, что он тебе рассказывал?

Это разговор Альэдера помнила совершенно чётко:

— Наш мир образовался в результате столкновения двух противоположных существ, — начала она, рассказывать, как по написанному, — Они были равны друг с другом и не уступали один другому ни в чём. Единый, появившийся посреди этой схватки, разделил их, изолировал друг от друга, они стали Стехриэнами Леса и Горы. Кажется, так.

Император кивнул:

— Слово «противоположных», тебе ничего не говорит? — Спросил он, но видя полнейшее недоуменное на её лице, всё-таки пояснил. — Эльфы и драконы враждуют не просто так. Это даже не вражда, просто единственный способ выживания. Ваши народы, ваша магия... они противоположны друг другу и губительны друг для друга. Если бы дракон оставался рядом с тобой дальше, после того, как проснулась твоя магия, вы бы начали убивать друг друга своим присутствием, точнее он тебя, потому что даже теперь, он намного сильнее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дери слушала, слышала, понимала и... не хотела верить.

— Но... он же сказал, что Гора принимает союзы с представителями других рас, — она зацепилась за эту мысль, как за последнюю соломинку.

Во взгляде императора читалась уже откровенная жалость.

— Принимает, — подтвердил он, — Со всеми... кроме эльфов. Потому что это невозможно. Это не союз, а замедленный акт самоубийства.

То есть сколько то времени у них есть?

— Да какая мне разница! Сколько я буду умирать? — весь облик эльфийки отражал решимость и надежду. Террион смотрел на неё и не мог поверить, что ещё два часа назад эта самая девушка не хотела жить.

— Трудно сказать от десяти до сорока лет.

Глаза девушки загорелись лихорадочным, немного безумным блеском, она даже приподнялась в кресле:

— Как я могу попасть в Гору?

Император лишь покачал головой, ему было жаль лишать её надежды, но её действительно не было:

— Ты не сможешь туда попасть, Стехриэн не пропустит тебя, но даже если пропустит,

ты не выживешь там, сама энергетика будет убивать тебя ещё быстрее, да и Шиагрон... он никогда не согласится на такое. Плюс его клятва беречь тебя.

— Вчера она засияла, — вдруг растерянно вспомнила эльфийка, — она засияла так, что ему было больно.

— Как только он всё понял, руны начали сигнализировать о том, что теперь его присутствие рядом с тобой противоречит условиям клятвы.

— Но ведь я могу её разорвать!

— Не можешь. Ты должна возвращаться в Лес. Теперь нормально существовать ты сможешь только там.

— Почему?

— Тебе нужна энергия Стехриэна, теперь это твой персональный дурман, без неё у тебя будет магическое истощение. — Террион хотел промолчать, но всё же добавил, с огромным и искренним (в кои-то веки) сожалением, — Мне жаль, но он прав и вам действительно никогда не быть вместе.

Слова прозвучали, как приговор. Смертный? Или приговор к жизни лишённой всего? Ей даже не оставили выбора. Она была бы готова прожить эти пусть двадцать, да даже десять лет рядом с ним, зная, что её любят, отдавая свою любовь в ответ, но всё уже было решено за неё.

Дракон? Нет, она больше не считала его виноватым. Он был такой же жертвой обстоятельств, как и она. Но кто же тогда виноват? Единый? Стэхриэны? Или просто этот мир? Зачем нужно было вообще создавать его таким? Зачем нужно было столкнуть их друг с другом, подарить это бесконечное безумное счастье, чтобы потом забрать. Забрать без всякой надежды, даже её призрака, на то, что они когда-нибудь смогут хотя бы увидеться, хотя бы просто посмотреть друг другу в глаза. Самые любимые на свете глаза со всполохами огненных искр.

Террион уже давно оставил её одну. Альэдера не заметила этого. Она всё так же сидела в кресле с пустой чашкой уже выпитого кофе и так и не могла понять, кто же во всём виноват.

А в это время... над цепью Драконих Гор в ярости метался огромный огненный дракон. В его распоряжении было всё небо, огромные пространства манящие его когда-то неограниченной свободой. Теперь он знал, что эта свобода тоже может быть клеткой. Клеткой, навсегда отделившей его от единственной, рядом с которой он был счастлив и... действительно свободен.

Старейшины, Хранитель, да хоть сам Единый, они все могли говорить всё что угодно, но он знал, что она ЕГО, его любимая, его сокровище, его половинка... Жуткий утробный рык, полный бессильной ярости пронёсся над горами, отряжаясь эхом от скал. Где-то внизу рухнул на землю с диким грохотом обломок скалы. Испуганно взлетел в небо коршун, спасаясь от намного более страшного хищника. Дракон в ярости взвился высоко в небо, рассекая крыльями облака, удаляясь всё дальше, всё выше, в малодушной попытке убежать, скрыться...

Говорят, драконы не умеют плакать. И это правда. Шиа не плакал. Он с дикой скоростью летел в высь, отдавая себя ветру и небу, мечтая лишь об одном — сложить крылья и упасть камнем вниз. Когда-нибудь он так и сделает, когда почувствует, что её больше нет. Пока же... ему оставалось только глухо рычать от несуществующей боли и пытаться найти

выход, прекрасно зная, что его нет.

На несколько мгновений дракон завис в воздухе, а потом начал медленно, по спирали спускаться вниз.

День Терриона, несмотря на незапланированное объяснение с одной эльфийской леди, был, как всегда, насыщен делами и событиями. Император просмотрел текущую корреспонденцию, выслушал доклады советников, отдал необходимые распоряжения.

Уже поздним вечером, идя по одному из тайных коридоров в свой личный кабинет, вернее даже сказать — убежище, о котором не знал никто, мужчина неторопливо размышлял. В его голове переплетались тысячи событий, каждому из которых была отведена своя роль, какую то информацию он использует сейчас, над какой-то подумает, какую-то просто запомнит на будущее, никогда нельзя знать, что и когда может пригодиться.

С людьми было точно так же. Террион привык ими управлять, подталкивать к необходимым ему поступкам при помощи своего дара, или просто говоря то, что им хочется слышать. Заставить другого человека или нечеловека сделать то, что нужно лично тебе не так уж сложно, просто нужно к каждому подобрать ключик. Для кого то, этот ключик деньги, для кого-то — власть, для кого-то — страх, вариантов было множество. И император всегда умел их правильно находить.

Зачем ему понадобилась эльфийка. Террион усмехнулся. Она была интересным персонажем. Теперь, когда злость от проигрыша в той партии прошла, он мог понять иронию. А проиграть из-за одного крошечного неучтённого фактора, который он сам же ввёл в игру, действительно было злой иронией. Впрочем, теперь, когда он досконально разобрался и в эльфийских и драконих тайнах многие вещи приобрели для него совершенно другое значение.

Эльфийка же... Она была любопытна. И она, и её история. Помочь ей? А почему нет. Она относилась к той породе женщин, ради благосклонности которых можно сделать многое, предать, убить, выполнить любой каприз даже самого злейшего врага, многое, очень многое. И иметь такой козырь в рукаве совсем не будет лишним, особенно когда не знаешь, когда начнётся новый раунд внешнеполитической игры и какие фигуры будут в ней участвовать.

Его Императорское Величество Террион III так старательно убеждал себя в том, что его желание помочь попавшей в трудную ситуацию женщине продиктовано исключительно корыстными мотивами, что почти сам поверил в это, но в глубине души... в глубине души он прекрасно знал, что во всём виноват один её единственный взгляд, взгляд полных боли, отчаянье, тоски и обречённости.

Он слишком часто видел такой же взгляд совершенно других глаз во сне.

Как он ненавидел эти сны! Ненавидел эти глаза. Ненавидел! Но они по-прежнему регулярно появлялись в его снах. Это даже могло бы быть забавно.

Он был политиком, игроком, интриганом. Скольких он своей волей отправил в Чертоги Изначального... Террион даже не задавался целью это считать. Кто-то из этих людей смерть действительно заслуживал, кто-то стал пешкой в очередной его комбинации, кем-то же просто приходилось жертвовать.

Испытывал ли он муки совести? Однозначно нет. Он не выбирал себе этого пути, его выбрали для него ещё до его рождения, и не ему было противоречить Судьбе или воле Изначального (кто там за всем этим стоит?). Это была его жизнь, его работа, и он старался

делать её хорошо. Ну а люди... Большинство из них были для него лишь фигурками на шахматной доске его воображения. А в любой партии даже самой беспроегрешной всегда приходится чем-то жертвовать.

Микариэль же. Император на миг вспомнил бывшую жену. За эти годы он возненавидел её облик до глубины души, но даже в своих мыслях, он никогда не «смотрел» ей в глаза, безумно ненавидимые им глаза. Иногда он действительно думал, что просто ликвидировать её было бы проще. Но ему, как это ни глупо, стало жаль её, чужую пешку, оставленную на его милость. Отец всегда говорил маленькому Терриону, что жалость никогда не доводит до добра. Как же этот старый хитрец был прав. Мужчина зло выругался и продолжил свой путь.

Преодолев ещё три поворота, император прикоснулся к незаметной ни для кого кроме него двери, произнёс едва слышно заклинание, вливая в него свою магию, и оказался в небольшой комнате в форме шестигранника.

Здесь всё было совершенно привычно. Рабочий беспорядок на письменном столе, смятый плед на удобном диване, початая бутылка коньяка и единственный бокал. Сюда он приходил отдыхать или работать над документами, которые не мог показать никому, здесь хранил свои самые страшные тайны, здесь было его самое надёжное убежище ото всех.

Террион налил себе бокал коньяка и уселся в огромное разлапистое кресло. Что ж эта история была даже в чём-то забавной.

Микариэль. Она была красивой и послушной девочкой. Изысканная, прекрасная, немного избалованная, немного самоуверенная, достаточно легко управляемая. Совсем не худший вариант жены для будущего (тогда) императора.

Они заключили супружеский союз, когда Терриону едва исполнилось двадцать, отец был ещё жив, хоть и болел, на их свадьбе настоял естественно он, впрочем, наследник особо не противился, уже тогда он не гнушался использовать ни свой дар, ни многоходовые интриги для достижения своих целей. А цель в то время у него была одна — Ключ Горы Изначальной. Отец передал этот проект в его руки в день совершеннолетия. И это был достойный подарок от достойного предшественника. Его свадьба и первые годы супружеской жизни совпала с активным поиском бередившего воображение молодого интригана артефакта. Потом умер отец и ему пришлось вникать сразу во все дела... Демон! Мужчина до сих пор не знал, когда упустил переломный момент.

Террион не мог сказать, что любил Микариэль, но их брак не доставлял ему неудобств. Супруга была послушна и достаточно легко внушаема, даже без магии, а уж с его возможностями эмпага проецировать на неё чувство удовлетворённости своей жизнью и легкую влюблённость в него не составляло для императора никаких проблем. Другое дело её отец. Пока был жив старый император он даже носа не высовывал, но стоило Терриону взойти на престол после его смерти, как тут же активизировался. Это время и так было для молодого императора не самым простым, а уж незапланированные проблемы с тестем вообще не входили в его планы.

Герцог Свободного Княжества Оборотней, Гарлиран Каррисский, ушлый и хитрый лис, как в прямом, так и в переносном смысле этого слова, доставлял массу неудобств. Микариэль была его младшей и любимой дочерью, рождённой от третьей жены, которая была наполовину эльфийкой. Из-за крови остроухого народа Микариэль и не унаследовала вторую ипостась отца, зато была воспитана матерью в традициях Светлого Леса, какими она себе их представляла. Впрочем, результат Терриона вполне устраивал. Сначала. Потом же ситуация изменилась.

Микариэль начала меняться, стала активно участвовать в политической жизни империи. Первоначально Террион не придавал этому значения, но когда из-за её вмешательства были сорваны несколько крупных проектов, началось внутреннее расследование. По его результатам и стало известно, что Гарлиран способен управлять своей дочерью через родовой артефакт (был у оборотней и такой). Каким образом герцогу удалось настроить его на свою неимеющую ипостась дочь, было вопросом отдельным, но факт оставался фактом. Кроме того удалось узнать, что отец снабжал его жену совершенно ненужными — с точки зрения Терриона, конечно — амулетами от эмпатического воздействия (и как этот проныра только узнал, да и где нашёл тоже вопрос интересный), да и другими опасными игрушками. Так именно его супруга, как выяснилось приложила руку к смерти его последней любовницы. Понятное дело, что её было не особо жалко, но Террион привык сам разбираться с этими вопросами, да и шпионка ему была ещё нужна, можно было бы ещё эльфам парочку ложных сведений подкинуть.

Микариэль становилась опасной. Избавить её от амулетов и ненужных игрушек было несложно. Внушить нужные эмоции — тоже. Но изолировать её от действия родового артефакта не смог бы никто. Обычно, оборотни заключали союз только друг с другом, в этом случае либо девушку принимали в клан, тогда её ауру настраивали на новый артефакт, либо они были из одного клана. В Рестарионской Империи такого артефакта не было, да и не нужен он был, большая часть населения были людьми или полукровками, В случае же с Микариэль все маги в один голос твердили, что родовой артефакт не может на неё влиять ни каким образом, но старому лису удалось всех перехитрить.

Выход? Выходов из этой ситуации было не так уж и много. Понятно, что супруга была не особо виновата, обычная пешка шпионящая для своего отца, выполняющая кое-какие поручения. Дело было не в этом. Какой-то хвостатый герцог решил, что сможет мутить воду в его дворце... Нет. Этого Террион оставить просто так не мог. Убрать Гарлирана Карс-Лиасского? К сожалению, сейчас это было не возможно. Да и кто поручиться, что наследник не в курсе, а старший сын оборотня ненавидел младшую сестрёнку люто, об этом Террион знал хорошо. Что же оставалось. Убить супругу, чтобы показать, оборотню его место. Способ, конечно, беспроегрышный, но лишаться жены так и не получив наследника было совершенно нерационально... Прикидывая и так и этак молодой император, наконец, нашёл выход, который устроит всех, даже его почти бывшую жену.

Ему казалось он учёл всё. Микариэль была тайно допрошена и обыскана. Все «подарки» её отца были конфискованы и спрятаны в личный тайник Терриона (он, конечно, не дракон, но сокровища тоже уважает, особенно сокровища врагов), вся её прислуга была заменена, окружение контролировалось, с молодой императрицы не спускали глаз ни днём ни ночью. Хотя, ей было всё равно, в гневе император внушил ей такое спокойствие и равнодушие ко всему, что его не могло потревожить ни что. Даже когда, отослав прислугу и охрану, он приходил каждую ночь в её покои дабы зачать ребёнка, он не мог больше достучаться ни до её тела, ни до её эмоций. Микариэль замкнулась в своём мире, как в коконе, и окружающее пространство её не волновало. Подобное равнодушие невероятно раздражало привыкшего к пылким и отзывчивым любовницам Терриона, и когда прислуга сообщила, что императрица понесла, он вздохнув с облегчением смог к ним вернуться.

Всю беременность Микариэль провела в полном равнодушии ко всему, и император уже успокоился, решив, что супруга стала безобидна и при надлежащем контроле достаточно безопасна, и с её устранением можно повременить, но во время родов всё изменилось.

За месяц до исторического события императрица отправилась с узким кругом приближённых (понятное дело состоящего их охраны и сотрудников тайного отдела) в уединённое поместье в нескольких днях конного пути от столицы. Всё шло по плану. Роды начались в срок. Император был просто невероятно доволен, когда узнал, что родилась двойня, всё-таки его мучения были не напрасны. Вот только... во время родов эмоциональный блок Микариэль рухнул и теперь в её сознании всё запуталось, установки отца, приказы мужа, девушка начинала сходить с ума. Единственное чувство сохранившее остатки её разума был материнский инстинкт. Уж его-то Террион в своих расчётах никак не мог принять во внимание. Но его жена действительно не отходила от двойняшек, она сама кормила их, сама вставала по ночам.

Император все эти дни пребывал в полном растерянности. Он просто не знал, что делать, не знал сможет ли сознание Микариэль вновь восстановиться, сможет ли он её вообще показать людям без боязни, что она начнёт биться головой о стенку, не причинит ли она вреда детям, он ничего не знал.

Это было трудное решение и трудный разговор. Он состоялся между супругами в одно из просветлений сходящей с ума женщины. В эти часы она всё понимала, и то что её использовали, и то что она опасна для детей, и то что она больше не может быть императрицей. Всё. Даже то, что она не сможет воспитать своих детей сама. Понимала, но не могла принять. Сколько раз Террион жалел, что всё же решил с ней объясниться, дождался пока она придёт в себя, сможет его адекватно воспринимать, с каждым годом всё чаще и чаще... Но тогда ему казалось, что как бы то ни было, но Микариэль была его супругой и заслужила право попроситься с детьми. Какого демона, вурдалака и прочую нежить подери, он вообще мог до этого додуматься! А главное, зачем решил подсмотреть, дурацкая привычка всегда быть в курсе! Он не мог забыть её глаза в тот миг, просто не мог...

И главное, в чём он был виноват? Микариэль осталась жива, у неё даже появился шанс начать жизнь сначала и не сойти с ума, после того, как зелье забвения (понятное дело запрещённое) стёрло все её воспоминания. Дети... Всё равно аристократки редко занимались воспитанием детей. С точки зрения логики, здравого смысла, разума... он не был виноват. Но этот взгляд... Этот ненавистный, раздирающий душу взгляд стал для Терриона персональным кошмаром.

Он не знал настоящих причин, все придуманные оправдания при разговоре с сами собой не котирировались, не мог предвидеть последствий, но точно знал, что завтра он пойдёт и заставит одну невыносимую эльфийку жить, хоть ему и очень хочется отомстить её дракону (впрочем, судя по всему жизнь отомстила ему так, что сам бы Террион даже не додумался). Заставит... И он это знал. Не из-за мести, не из-за политики... Из-за одного единственного взгляда, демон его подери!

ГЛАВА 11 «Фаворитка» его величества или «надо снова научиться жить»...

Альэдера до сих пор не могла бы сказать, спала ли она в ту ночь, или нет. Временами её сознание отключалось, погружаясь в омут безрадостных мыслей и увязая в нём, временами... ей казалось, что она заснула, но потом понимала, что всё так же сидит в злополучном кресле и не знает, что ей делать.

Рассвет застал её у окна.

Эльфийка задумчиво смотрела из него вниз на мощённую брусчаткой дорожку, задаваясь одними и теми же вопросами, главным из которых по-прежнему оставался: «Что ей теперь делать?»

Если верить Терриону, а она, как это ни удивительно, была склонна ему верить, ей нужно возвращаться в Лес. Но это было нереально. Стоило лишь вспомнить основное условие её возвращения, высказанное Лирстэлиэном в их последнюю, точнее предпоследнюю, встречу и всякое желание даже пытаться туда вернуться пропадало. Принести клятву послушания и превратиться в куклу одного из безразличных ко всему эльфийских лордов, терпеть чужие прикосновения, засахаренное в вежливости признание, лицемерие и ложь, после того как она узнала, что всё может быть совершенно иначе... что можно любить, радоваться жизни, быть откровенной, не бояться быть отвергнутой... Эльфийская леди судорожно сглотнула пытаясь справиться с вновь подступившей слишком близко истерикой. Она не имела никакого смысла.

А может быть правда... Открыть окно. Взобраться на подоконник, взлететь вверх при помощи заклинания левитации и...

— Я не думаю, что это выход.

Альэдера резко обернулась. В двух шагах от неё стоял император, он явно только недавно проснулся и ещё не успел толком привести себя в порядок, легкая щетина на лице, взъерошенные волосы, помятая и расхристанная одежда. Неужели его величество изволили спать не раздеваясь? И откуда он знает, о чём она думала? Ах да эмпатия... Демоны бы её побрали. А впрочем... какая ей разница.

— Почему же? — лицо эльфийки не выражало ни единой эмоции, только полное безразличие. Щиты от эмпатического воздействия она даже не думала начинать строить... во-первых, с её магией творилось непонятно что, а во-вторых... ей было просто безразлично. Так что её собеседник, надо полагать, мог наблюдать весь депрессивный спектр её чувств, ну а если ему не нравится, пусть сам закрывается, уж за столько лет он наверняка научился строить такие щиты виртуозно.

— Ты готова так легко сдаться? — лицо императора выражало лишь лёгкую заинтересованность, — ну прыгай, я посмотрю, а вот когда тебя будут заново собирать мои целители, а делать они это будут на живую без всяких обезболивающих зелий и заклятий, я постою рядом и покомментирую, даже время не пожалею потратить. Как тебе перспектива?

— А так чтоб сразу нельзя?

— Нет, не получится. Разве я могу упустить такое развлечение? — Террион ухмыльнулся и тут же резко сменил тему. — Кофе?

Альэдера последний раз с тоской взглянула вниз и последовала за императором к до боли знакомому столу, который уже вновь был накрыт. Интересно, когда успели...

— У меня есть к тебе деловое предложение, — начал с места в карьер Террион, стоило им усесться по своим местам, эльфийка даже кофе толком отпить не успела.

— В чём оно заключается? — осторожно поинтересовалась она. Решительный настрой императора ей совсем не нравился, не отвяжется ведь, по взгляду видно.

— Мне нужно чтобы ты некоторое время поизображала мою нынешнюю фаворитку.

— И что же с ней случилось? Кто у вас сейчас? — Альэдера на миг нахмурилась припоминая, — Всё ещё Аринэра Виртеринская или я уже отстала от последних сплетен?

— Дери, — эльфийка от этого обращения аж поперхнулась, — давай ты не будешь со мной претворяться глупее, чем ты есть на самом деле, я же обещаю не причинять тебе вреда.

Император был совершенно спокоен. Красноволосая леди некоторое время пыталась прожечь его долгим испытывающим взглядом, но вскоре сдалась и опустила глаза.

— Не называйте меня так больше, пожалуйста. Если хотите, — она запнулась и честно попыталась подавить, подступившие слишком близко эмоции, — можно Альэдера.

— Как скажешь, Альэдера, — Террион был совершенно спокоен и доволен, — кстати, своим фавориткам я разрешаю обращаться ко мне по имени.

— Я надеюсь, вы не думаете, что я буду выполнять для вас все обязанности фаворитки?

— Даже не смею льстить себе такой надеждой.

— Так что же случилось с предыдущей?

— Да ничего, неплохая была девочка, и в постели изобретательна, единственный недостаток, оказалась шпионкой. Ей очень удачно — для неё — удалось покончить с собой и теперь я не знаю, с кем ещё она была связана, а узнать это мне необходимо. Предположительно её послали по указанию герцога Карс-Лирасского, но мне нужно знать наверняка и желательно всю цепочку посредников.

— Главы Свободного Княжества Оборотней? Шиа... — эльфийка на миг сбилась, но постаралась сделать вид, что всё в порядке и продолжила, — Шиагрон, когда-то говорил, что у вас очень непростые отношения.

Император смерил собеседницу недоверчивым взглядом:

— Осведомлённость этого пронырливого дракона иногда меня просто бесит... А больше он ничего не говорил?

— Зачем это вам? — ситуация начинала порядком беспокоить эльфийку.

— Интересно из чьей памяти почерпнуты сведения.

— Я и так могу вам сказать. Из памяти лорда Карилинского.

— Вот так... И где же они умудрились столкнуться. Просто так дракон ни к кому в память не лазил, это не в его стиле, только по необходимости, а заподозрить этого мерзавца в том, что его могут использовать на благое дело ни как не мог.

— Это вышло случайно. Карилинский... Вы же знаете его... Для него слова «нет» не существует, а о том, кто я, он, видимо, не знал.

Бедный Террион аж подавился:

— Маркус додумался к тебе приставать и грязно домогаться?

— Более чем. Пренеприятнейший тип, должна заметить, — Альэдеру даже передёрнуло от неприятных воспоминаний.

— И где же это эпохальное событие имело место быть. Только не надо говорить, что у меня в парке.

— Хуже... на балконе малой бальной залы.

Император был порядком обескуражен, если не сказать удивлён:

— Странно... и почему мой дворец всё ещё стоит... — задумчиво протянул он.

— В основном потому, что я успела вовремя вмешаться. Я тоже, знаете ли, опасалась, что если на вашем балконе перекинется дракон, вам это не понравится.

— Перекинется? — Террион напряжённо замер, — то есть он начал превращаться, а ты его остановила?

Эльфийка кивнула.

— А можно поинтересоваться, что именно ты сделала?

— Ничего особенного... Просто подошла и поцеловала. Только учтите, Карилинский об этом не помнит.

— Понятно... — император на несколько секунд задумался, а потом вернулся к обсуждению, как ни в чём ни бывало. Но то, как он резко сменил тему, совсем не понравилось Альэдере. Что же такого нашёл император в её словах? Но остановить Терриона, когда у того есть цель было практически невозможно, вот и эльфийской леди пришлось подчиниться и не задавать ненужных вопросов, на которые всё равно не ответят.

— Об этом мы поговорим потом. А пока... Ты согласна сыграть роль моей фаворитки.

— Если это не подразумевает полного вхождения в образ, почему бы и нет. Но учтите, попробуете залезть ко мне в постель — пожалеете.

— Тебе не кажется, что ты не в той ситуации, чтобы угрожать, тем более мне, — императора вдруг перешёл на злое шипение. Ещё несколько дней назад эльфийка могла бы его испугаться, но теперь даже гнев императора не имел особого значения, и на его злобный взгляд она лишь пожала плечами.

— Как раз таки я — в той, — совершенно безразлично ответила девушка, — Не поверите, но мне теперь абсолютно всё равно, что со мной будет.

Террион на это заявление, как это ни удивительно промолчал. Он с удивлением рассматривал сидящую напротив него девушку, явно что-то прикидывая в голове.

— Об этом поговорим потом, — наконец решил он, — Иллюзию сама создать сможешь?

— Я видела вашу Аринэру несколько раз, но для подробной иллюзии этого будет недостаточно.

— С этим решим, твой приемник тебе поможет.

— А вы не боитесь, что он может проболтаться, — как это ни странно эльфийке в самом деле стало любопытно. Террион был слишком интересной личностью, для того чтобы оставлять кого-то равнодушным.

— Нет. После полукапли зелья забвения, он забудет всё, что делал в течении последних трёх часов, так что об этом можешь не волноваться.

— И часто вы так делаете?

— Приходится. Но согласись, это намного более гуманно и рационально, чем убирать каждый раз ненужных свидетелей.

— Может быть в чём то вы и правы. Меня вы тоже потом заставите выпить зелье.

— Зачем? Ты и так знаешь слишком много. Тайной больше, тайной меньше. А убить тебя я всегда успею.

— Так может не стоит тянуть?

— А может, стоит прекратить мечтать о том, чтобы сдать? — зло бросил мужчина, — Всегда считал тебя достаточно сильной для того, чтобы смотреть правде в глаза, не разочаровывай меня. У тебя отняли смысл жизни? Найди другой. Многие люди живут так и

не узнав, что такое истинная любовь, но живут же. Ты хотя бы узнала, что это. Хотя бы имей смелость начать жить! Прыгнуть со скалы ты всегда успеешь!

Эльфийка гневно сверкнула глазами, но промолчала (она бы и не смогла сказать хоть что-то под всё нарастающей и усложняющейся волной эмоций). Жить? Найти смысл жизни? Увидеть его в чём то другом? Ведь раньше она так и жила. Одна... От этого слова вновь стало больно. Нет. Не думать. Смысл жизни. Раньше смыслом жизни для неё всегда была работа. А теперь... Что будет с её магией? Придёт ли она в норму? Хочется верить, что да. Тогда у неё будет дело. Пока же... Пока она действительно может просто попробовать. Возможно, в чём-то император и прав.

— Что вы хотите, чтобы я сделала, — наконец спросила она.

— Вот это уже конструктивный разговор.

Император покидал покои своей фаворитки одновременно довольным и озадаченным.

С одной стороны ему удалось убить двух зайцев. Занять мысли эльфийской леди делом и решить проблему с самоубийством любовницы. А решать её было необходимо, во-первых, ему действительно хотелось размотать цепочку шпионской сети, ну и, во-вторых, пока не было ни малейшего желания искать новую фаворитку, надоели они ему: своими амбициями, капризами (кто бы их выполнял, но ведь всё равно ноют) и глупыми разговорами. С эльфийкой же этих проблем не предвиделось, да и просто пообщаться с ней было интересно. Последнее Терриона, откровенно говоря, порядком удивляло.

Но сейчас нужно было думать не об этом.

В голове так и мельтешили мысли об упомянутом его новой «фавориткой» эпизоде. Кто-то другой может быть не нашёл бы в нём ничего особенного, ну пристал один аристократический мерзавец к девушке, ну оказалась она занята (бывает), ну оказался обозлённый ревнивец драконом (это, конечно, уже мало вероятно, но тоже представить можно), ну чуть не перекинулся он (так дракон же), но император слишком много времени провёл изучая культуру и обычаи эльфийского и драконьего народов, и он понял то, что сама эльфийка видимо не знала, иначе не стала бы рассказывать так спокойно.

А информация была, что называется, из ряда вон, она смогла остановить превращение лорда в дракона! Подумать только...

Это могло значить лишь одно. Альэдеризна леди Варис ан Летериэн чистокровная эльфийка (что теперь не вызывало никаких сомнений) действительно была предназначена своему лорду-дракону. Мало того... она не просто пара, она — половинка. Только половинки имеют друг над другом такую власть.

Это было невозможно, нереально, но... не подлежало сомнению. Но такие пары подбирает Стэхриэн... Мысли метались в голове императора, как взбешённые. Неужели это всё-таки возможно? Или драконий дух решил развлечься наблюдая за тем, что будет делать пара в столь безвыходной ситуации? Всё возможно... Но эльфийку надо пока поберечь.

Забавно. Впервые он просто решил помочь человеку, не исходя ни из каких политических мотивов, но политика, как выясняется, дама ревнивая, всё равно настигнет.

Так или иначе, Дери пока надо спрятать. Её возвращение в Лес и скорейшее замужество (Альэдера успела рассказать императору об условиях «любимых» родственников) никак не совпадали с любыми возможными планами Терриона. Поэтому — однозначно прятать, а ещё сделать так, чтобы она смогла хоть как-то жить. Какая-то зацепка мелькнула в голове императора. Он совершенно точно читал о чём-то подобном. Вот только где? Об этом тоже

необходимо было подумать. Об этом и многом другом.

А пока... Пока его ждали обычные рутинные дела, которые, тем не менее, требовали его внимания.

Следующим утром (около десяти часов) леди Аринэра Виртеринская изволила «вернуться» из короткого путешествия к своим родителям, которых она навещала с разрешения своего венценосного любовника.

Выйдя из индивидуального портала на Дворцовой площади фаворитка императора слегка одёрнула юбку и не оглядываясь на следовавшую за ней охрану уверенно прошла в закрытую для всех часть Дворцового парка, калитка в которую отворилась от одного прикосновения её изящной руки.

Все немногочисленные прохожие успевшие её рассмотреть в эти мгновения с жадностью пересказывали соседям о том, какое платье на ней было надето, какая была прическа, какая... К вечеру все кумушки обсудили, что платье было тёмно-красное, с вот таким декольте (бесстыдница!) и, не поверите... РАЗРЕЗОМ! Вот аж до сюда! А волосы! Чернючии, густые, распущенные. СРАМ! Глазики огромные синие, так и зыркает по сторонам. А уж охранники...

Альэдера же в это время пила фруктовое вино наедине с императором, пересказывая ему события дня, и мало кто бы мог поверить, но ни он ни она действительно даже не планировали претворять в жизнь все те позы и рекомендации, которые столь воодушевлённо обсуждали тихим шёпотом горожане.

Император Рестарионской Империи Его Императорское Величество Террион III как обычно заканчивал свои официальные дела около семи часов вечера. Лёгкий сигнал о том, что в почтовый ящик пришло письмо застал его уже поднимающимся из кресла. Озадаченно мужчина протянул руку и извлёк из резной шкатулки в одном из ящиков стола неподписанный конверт. Мелкий, будто летящий почерк, которым было написано обнаруженное внутри письмо, был ему более чем хорошо знаком.

Здоровья Вам, Ваше Императорское Величество (нет, я не устану об этом напоминать)!

Со мной уже всё в порядке и я пришла в себя. Хочется верить, это не станет для Вас поводом втянуть меня в очередную интригу...

Надеюсь, у Вас всё хорошо и поданные радуют заговорами, сплетнями, закулисной борьбой и прочими столь любимыми для вас развлечениями. Что же касается новостей... Мне о происходящем судить ещё труднее, чем Вам. Единственно, что могу сказать, связаться со мной никто не пробовал и новых людей в моём окружении тоже не появлялось. С Гремом (так зовут агента), я, разумеется, поговорю, но сомневаюсь, что это даст результат, насколько я смогла понять за эти годы инструкции агентам приходят очень краткие и ограниченные, основной поток информации идёт отсюда. Знать бы ещё зачем нужна эта слежка. Лично меня ни один из предложенных Вами вариантов не устраивает, разве что, таким образом он выполняет клятву оберегать меня?

В ближайшее время мне предстоит много работы, поэтому раньше, чем на каникулах, выбраться не смогу, но приеду обязательно. Так что готовьте моё любимое чёрное вино и передавайте Лире привет. Кстати, почему она не написала в этот раз сама, где мои заслуженные придворные сплетни. И предупреждаю Вас Ваше Величество, если вь

поддадитесь на её уговоры родить Вам третьего ребёнка, я лично перечитаю вам учебник по медицине и магической энергетике.

И я НЕ ЛЕДИ!

Когда же Вы запомните, что к аристократии я больше не имею ни малейшего отношения, помнится, вы сами помогали оформлять мне документы на развод. Впрочем, сердиться на Вас бесполезно.

От меня всем наилучшие пожелания. Если будут новости, пишите. В крайнем случае, убегу порталом в то место, о котором мы говорили раньше. Сил сейчас у меня хватит. Надеюсь, наша договорённость на этот счёт в силе?

С наилучшими пожеланиями мастера Альэдера Летериэн.

Закончив читать Террион улыбнулся. На минуту он представил, как рыжеволосая эльфийка склонилась над листом бумаги, легко выводя своим любимым магическим пером строчку за строчкой.

Это действительно было забавно. Он никогда не мог предположить, что решение помочь эльфийской леди обернётся для него самого такими переменами в жизни.

Распутать шпионскую цепочку им тогда удалось буквально за несколько дней. Террион был доволен, как никогда, параллельно сотрудникам Тайного Отдела удалось изъять прелюбопытнейшие документы. С этого момента лояльность герцога Карс-Лирасского стала решённым делом, особенно после того, как доверенные люди тихонько намекнули ему о том, какие именно сведения попали к его бывшему зятю. Больше хитрый лис не беспокоил императора, затаившись в своей норе, впрочем, годы сейчас у него уже были не те и правил в основном его старший сын, так что возможно в скором будущем козни оборотней и возобновятся.

В остальном же... Мог ли он подумать, что забота о рыжеволосой, как выяснилось, девушке станет для него значить так много. Террион до сих пор не мог забыть, как он первый раз увидел её в истинном облике, когда Дери смыла красную краску и выпрямила волосы и он увидел её с традиционной эльфийской косой. Не узнать в ней чистокровную эльфийку в этот момент было невозможно, даже не глядя на ауру. А уж холодное и отстранённое выражение лица, что теперь стало её постоянным спутником, как нельзя лучше соответствовало традициям её остроухих предков.

«Забавно, правда? Я всю жизнь бежала от своей эльфийской природы, от всех традиций и канонов, но они всё же догнали меня, настигли тогда, когда я этого уже не ждала и не боялась», — кажется так, сказала она тогда, разглядывая себя в зеркало огромного трюмо.

Может быть это действительно было забавно. Хотя самому Терриону глядя на то, в кого превратилась молодая женщина уже почти десять лет украшавшая его двор, было откровенно грустно. Нет, она по-прежнему было прекрасна, возможно даже более утончённой красотой чем прежде, вот только тот внутренний огонь, что горел в ней раньше постоянно погас и никак не хотел зажигаться вновь.

Впрочем о том, как выглядит эльфийка мог знать лишь он один, все остальные видели лишь нужную им личину. Да, мастерица элюзий осталась жить во дворце, выполняя роль его фаворитки, и после раскрытия заговора. Она не поднимала тему своего отъезда, он не хотел настаивать. Зачем? Ему было интересно. Имеет же право император на свои маленькие слабости?

Долгое время Террион воспринимал её просто, как интересный экземпляр для практики

своего дара, но в какой-то момент... понял, что каждая её искренняя улыбка, каждая светлая эмоция, стали для него значить слишком много. Из далекой чужой эльфийки она превратилась для него практически в младшую сестру, и отказаться теперь от этой иррациональной дружбы было выше его сил. Особенно после того, как Дери (он был единственный кому она по-прежнему позволяла себя так называть) познакомила его с Лирой.

Кажется, это была первая вещь, которую эльфийка у него попросила, до этого девушка не настаивала ни на чём, что для привыкшего к женским капризам Терриона было порядком в новинку. Даже в этот раз от него не требовали, хотя эти попытки он всегда пресекал, нет, его просили с искренней надеждой на чудо. И отказать мужчина (а в эти минуты он чувствовал себя не императором, а действительно просто обычным мужчиной) не смог.

В тот же вечер леди Лирисаа Мартелиинская была удостоена высочайшей аудиенции императора (к сожалению для неё — тайной). Террион потребовал с женщины клятву крови, как гарантию сохранения инкогнито своей гостью. Когда же девушки увиделись... иллюзия надетая на эльфийку упала и через секунду они сжимали друг друга в объятьях что-то бессвязно бормоча.

В тот вечер Террион оставил их одних. Уже позже, он познакомился с Лирой ближе. Яркая, открытая, эмоциональная, она не могла оставить его равнодушным. Пожалуй, леди Мартелиинская относилась к тем немногим женщинам эмоции которой не могли не волновать, даже хуже того, Террион подсел на них, как наркоман.

В какой момент он понял, что эта жгучая брюнетка стала значить для него слишком много? Сейчас он, наверно, уже и не вспомнит этого. Но с каждой новой встречей, с каждой новой её улыбкой он всё отчётливей понимал, что не отпустит её никуда.

Она пришла в его спальню сама. Смущающаяся. Боящаяся получить отказ. Робкая, как совсем юная девушка. Террион же... на тот момент он уже понимал, что за один её поцелуй, за любую возможность коснуться хотя бы её пальчиков, он готов на многое. Обычно... затащив очередную фаворитку в постель он закрывался от их эмоций самыми сильными щитами, в ту же ночь, всё было по-другому. Он купался в её чувствах, смаковал их, как изысканное вино и сам в ответ просто был счастлив, как самый обычный человек.

Это продолжалось в течение года. На людях Дери в образе уже другой девушки изображала его фаворитку, ночью же он встречался с той, любовь к которой стала для него откровением. Сжимая её в своих объятьях он начинал понимать Альэдеру, если бы его лишили этого счастья, ему бы тоже было трудно вновь начать жить.

Но вечно то хрупкое равновесие, в котором они втроём существовали, длиться не могло.

Стояла середина зимы. Эльфийке с каждым днём становилось всё хуже и хуже. Её организм требовал эльфийской магии. Но где её взять среди заснеженного города? Террион не знал. В какой-то момент они с Лирой уже начали бояться, что до весны огненная — некогда — леди может и не дотянуть, но всё же... девушка продержалась.

Император прекрасно понимал, что ещё один год она может просто не выдержать, необходимо было искать выход. О том, чтобы отправить её в Лес мужчина даже не помышлял, но и оставить ситуацию так как есть Террион не мог, и он искал.

В конце концов, выход был найден. Мужчина вспомнил о нём случайно, просто вдруг перед глазами будто всплыла страница из мемуаров одного мага. В ту же ночь вместе с Лирой они нашёл рукопись полностью.

Это была история жизни мага-артефактора. Его мать была эльфийкой и после его

рождения не смогла жить без Леса и ушла, но через много лет, уже после смерти его отца они встретились. Она ушла из Леса ради него, он же чтобы продлить годы её жизни построил вместе с друзьями академию, посадив вокруг неё огромный парк, который на большую часть состоял из эльфийских растений. Там, в академии, его мать и прожила до самой смерти, преподавая вместе с сыном. Существовало это учреждение и до сих пор, Террион только сейчас понял, о каком именно заведении шла речь. И это... это действительно был выход, хотя бы временный. Энергия эльфийских растений это, конечно, не тоже самое что энергия Стехриэна, но хотя бы что-то.

Через месяц в Академии Прикладной Магии таинственным образом исчез мастер иллюзий. Исчез он, понятное дело, за весьма приличное вознаграждение, золото, как любил говорить Террион, решало если не все проблемы, то очень многие. Уговорить же пребывающую в меланхолии эльфийку на смену местопроживания оказалось не таким уж сложным делом.

Так в академии появилась новая местная знаменитость — мать Альэдера, от которой никто никогда не знал чего ждать.

Сам Террион обзавёлся постоянной и любимой фавориткой. Муж леди Лирисаы Мартелиинской неожиданно подал в отставку и с радостью принял новое назначение, возглавив посольство к оборотням, уезжая он предусмотрительно развёлся, после оччччень тонкого намёка императора. С тех пор Лира была с ним всегда. За эти годы она родила ему двоих сыновей, наследовать трон они, разумеется, не могли, но так было даже лучше, наследник у него был, а двое темноволосых хулиганов и их мать, непревзойдённая Лира стали для него тем, ради чего стоило жить, тем что заставляло его каждый день просыпаться с улыбкой, теми кто любил его, несмотря на все его недостатки, которых у него было великое множество.

Дери же... эта история тянулась уже слишком долго и Террион даже не рисковал вмешиваться. Когда двое тигров намерены бросится друг на друга, действительно, лучше посидеть в сторонке. Единственное, что он мог сделать, император уже выполнил — вся доступная ему информация об эльфах, которую он тайно собирал все эти годы была скопирована им лично и тайно передана в Гору милорду вард Грендель-Риэр лично в руки. Не ради дракона, всё же этого холоднокровного гада сам Террион хотел пришить с завидным постоянством, нет, ради одной рыжеволосой эльфийки, что не могла без него жить.

Теперь глядя на сгущающиеся тучи в эльфийско-драконих отношениях он как никогда был благодарен судьбе, что ему так и не удалось выполнить заветную мечту и план его отца, сначала благодаря вмешательству этой неугомонной парочки, в один из их первых совместных вечеров Дери подтвердила его догадку об этом, теперь же мешали обычные логические рассуждения, попасть между двух таких огней... нет, Террион никогда не был самоубийцей.

Мастерина Альэдера обо всём этом уже не думала. Её письмо Терриону было написано и тут же отправлено, а углубляться в воспоминания... для этого у неё теперь было слишком много дел.

Девушка легко отбросила косу за плечо и вновь углубилась в работу, она вновь поднялась на преподавательский этаж и делала новый амулет уже здесь сидя у едва тлеющего камина. Потoki магической энергии послушно извивались в её «руках»,

складываясь так, как того хотела эльфийская леди.

Впереди её ждало лето и много дел, очень много. А мысли о драконе... Для этого у неё будет полная тоски и холода зима.

ГЛАВА 12. В гостях у остроухих или все тайны эльфийского гостеприимства

Синие!

Девушка в ужасе рассматривала своё отражение, надеясь на то, что вот... вот сейчас, она закроет глаза и всё это окажется глупым розыгрышем друзей, наложивших какую-нибудь иллюзию на зеркало, или её сном, или... Но алхимия, как выяснилось, шуток не терпит, и сколько ни мечтай о несбыточном, её длинные до талии волосы так и оставались... насыщенно синего цвета.

В каком же месте она ошиблась? Ведь всё десять раз перепроверила!

Катаризэлла Эйтенхан в раздражении кинулась к своему рабочему столу, заваленному многочисленными справочниками, конспектами, её собственными пометками. Оставлять это всё в лаборатории было просто небезопасно. После того как она нечаянно сожгла довольно безобидным (вроде бы) зельем библиотечный справочник, за который пришлось выплатить приличную компенсацию, рабочий стол вместе со всеми книгами пришлось перенести в её спальню, правда теперь образовавшийся в ней хаос мог сравниться пожалуй только с бардаком, царящим в квартире её наставника мастера Риэноро, но уж лучше так.

Девушка наконец отыскала свой рабочий блокнот и... её ярко синие теперь волосы чуть не встали дыбом от ужаса. Латрин. Она должна была положить латрин. А вместо этого...

Что ж... теперь, когда алхимическая справедливость была восстановлена, а результат эксперимента стал понятен и логичен и не нарушал больше привычную картину мира, можно было найти в ситуации положительные стороны. Во-первых, алхимия обогатилась новым зельем для окраски волос, это, несомненно, был самый важный плюс, нужно будет заодно узнать насколько стойким окажется цвет (Катаризэлла даже сделала соответствующую пометку в рабочий блокнот). Во-вторых, теперь уж точно её причёску невозможно назвать обычной. Ну и, в-третьих, она всё-таки больше не блондинка, так что, как ни крути, а спор она выиграла.

Через полчаса девушка бодренько шагала в сторону центральной площади Альтарисса (столицы Альтарисской ризэсты), где у неё была назначена встреча с друзьями из училища. Да, пусть этого никто и не понимал, но она продолжала туда ходить, хотя давно и освоила программу полностью и могла сдать все экзамены экстерном, но ей слишком сильно нравилось общаться с людьми, так же как и она болеющими одной страстью — алхимией, и отказаться от этого... Нет, увольте. Наставник, которого был не только её персональным учителем, но и работодателем (Катаризэлла подрабатывала после занятий в его лаборатории при алхимической лавке), её прекрасно понимал и относился к её учёбе с пониманием.

Жизнь налаживалась! Спор она выиграла. Завтра к наставнику придёт новый сборник зелий по боевой алхимии. По слухам там такие вещи описаны! Погода была чудесной. Девушка просто обожала это время: конец весны и начало лета, когда жара ещё не разъярилась и на улице просто комфортно тепло. Впереди её ждала прогулка с друзьями. Катаризэлла улыбнулась.

В этот момент в зеркальной витрине женского магазина одежды отразилась девушка среднего роста одетая по меркам местных модниц просто возмутительно просто: в тёмные, почти чёрного цвета брюки, светло-голубую рубашку (если уж синюю гриву никак не

спрячешь, будем это подчёркивать) и обычные чёрные замшевые туфельки без каблучков. Волосы были собраны в высокий хвост и рассыпались по плечам, а тёмно-зелёные глаза весело сверкали на солнце.

Впрочем, сама Катариэлла свои глаза не очень любила, несмотря на то, что ими восхищались все кому не лень. Они достались девушке от отца, бросившего маму ещё до её рождения. Она никогда не рассказывала про него, но светло-золотистые волосы и чуть заострённые уши и так говорили девушке слишком много о том, чья именно кровь течёт в её жилах.

Эльф.

Демонов эльф!

Нет, она не осуждала маму. С самого детства, большую часть которого Катариэлла провела за кулисами театра, где её мать играла едва ли ни с юности, она видела и слышала слишком много подобных историй. Богатый лорд. Юная провинциальная актриса. Для него лишь лёгкий флирт. Для неё ожившая сказка, которую можно сыграть не на сцене, а пережить в реальности. Заканчивались все эти истории примерно одинаково. Слезами в гримёрке и очередной волной сплетен. Местные кумушки не дремали никогда. Чего девочка не могла понять уже тогда, почему они соглашаются. Ведь всё понятно с самого начала.

Однажды она спросила об этом у мамы. Некоторое время она молчала, пристально смотря в доверчивые глаза дочери, а потом заговорила:

— Конечно, понимают. Но каждый раз ты думаешь — а если повезёт... если это твой шанс, а ты его упустишь! И каждый раз с головой бросаешься в очередное приключение, а потом плачешь...

Я ведь тоже думала, что никогда не поддамся этому искушению, никогда не соглашалась ни на что. Не принимала цветы, отсылала обратно подарки... До тех пор пока не появился Он. Твой отец был неповторимым... мужчиной, я влюбилась в него даже раньше, чем он со мной заговорил. Тогда... я ведь тоже понимала, что это невозможно, что он уедет, а я останусь одна, но это пресловутое «А что если...»

Я не о чём не жалею. Не жалею что поддалась, не жалею, что родила тебя, большего счастья Единый не мог мне подарить, единственное, о чём я жалею... что он так и не увидел тебя. Несмотря ни на что, он был совсем не таким, как о них говорят...

Это был единственный раз, когда её мама хоть что-то рассказала об её отце. Сколько потом Катариэлла не пыталась узнать хоть что-то ещё — всё было бесполезно. Да и видела она её с каждым годом всё реже и реже. Мариэна Эйтенхан была любимицей как публики, так и режиссёра и постоянно пропадала то на репетициях, то на спектаклях. Но она была так счастлива от этого, что у Кати даже мысли не рождалось о том, чтобы её осудить. Сцена, публика, лёгкий флирт, короткие романы, заканчивающиеся по обоюдному согласию, всё это было необходимо женщине как воздух.

Впрочем, очень скоро Катариэлле и самой стало очень сильно некогда. С мастером Риэноро её познакомила мама. Он переехал в соседний с ними дом и женщина попросила его иногда заходить к девочке, пока она будет на гастролях, тогда Кати и узнала впервые, что такое алхимия. Очень скоро её магия стала для неё всем, а любимый учитель, у которого в силу его одержимости их общей страстью не было ни семьи, ни детей, заменил отца.

И вот теперь... Она действительно было счастлива. Даже очень. Катариэлла вновь улыбнулась и ускорила шаг.

Девушка не замечала, как вдалеке за ней следует неприметно одетый человек, как он

отдаёт сигнал юркому мальчишке, тут же понёсшемуся куда-то вперёд, как... Хотя, нет, как мимо неё на бешеной скорости пронёсся наёмный экипаж она заметила, это было просто невозможно не заметить и то, как этот экипаж врезался в открытый прилавок хлебной лавки на углу, тоже.

Девушка подошла к месту происшествия минут через пять, попыталась протиснуться мимо, но сюда уже сбежалась куча людей, и образовался забор. И вот чего она точно не заметила в этой сутолоке так это того, как тонкая иголка воткнулась ей в шею. Не заметила... Просто перед глазами вдруг всё поплыло, голова закружилась, кто-то из толпы подхватил её под локоть, и сознание провалилась в темноту.

Этим «кем-то» оказался тот самый неприметный мужчина, что шёл за ней от самого её дома. Он подхватил девушку под руку и отвёл к поджидающему в подворотне экипажу. Но она этого видеть уже не могла, впрочем... даже если бы и могла...

Девушка никогда бы даже не смогла предположить, что встретиться с настоящим отцом ей всё же придётся, причём, к сожалению, в самое ближайшее время.

Летние экзамены мастера Альэдера любила.

Теорию на них она почти не спрашивала, только если в совсем запущенных случаях, когда уже надо хоть за что-то удовлетворительно нацарапать, причём иногда действительно нацарапать, закрыв глаза, чтобы не видеть этого позора.

Что поделат магия она штука странная, у человека могут быть блестящие способности в одной области и просто нулевые в другой, впрочем, это не только к магии относится. Плюс ко всему, для создания иллюзий необходимо было не только знание плетений и формул, но и воображение, без него обойтись было нереально. Вот и приходилось некоторым особо приземлённым адептам страдать, пересдавая иллюзии по пять, а то и десять раз, в зависимости от настроения мастерины.

Но это была уже суровая быль... впрочем, по подсчётам мастерины этот год должен был быть удачным, курсы подобрались довольно интересные, будет возможность и задание с подвохом дать и посмеяться, может быть даже вместе, а может только ей одной, тут уж как пойдёт.

В мастерскую иллюзий, где за партами уже сидела вся группа (с её предварительного разрешения) мастерица вошла с радостной улыбкой на лице. От чего тишина в аудитории стало не просто мёртвой, но ещё и напряжённо-настороженной. Да, загоняла она деток... вон как вскочили при её появлении, ну да ничего, в жизни всякое пригодится.

Сама Альэдера придерживалась того принципа, что хороший учитель кроме того, что должен разбираться от и до в своём предмете, ещё должен быть строг и требователен, а то детки они такие, на голову сядут и заметить не успеешь. Во всяком случае, с первым её курсом было именно так. Зато может быть во многом благодаря им, она и смогла вновь начать чем-то интересоваться.

Этих же «детешек» она гоняла в течении всего года, и хоть всех тонкостей за это время не объяснишь и не отработаешь, но глядишь что-нибудь да получится.

— Добрый день, господа адепты, присаживайтесь. Адептка Вариальская, огласите вердикт деканата о готовности вашего курса к экзамену.

Олинера дисциплинировано вскочила и отчиталась по стандартной форме:

— Адепты четвёртого года обучения специализации Прикладная магия на экзамене присутствуют в полном составе в количестве двадцати семи человек. Допуск к экзамену

получен всеми.

Девушка подошла и положила на её стол справку из деканата, подписанную и с печатью, как полагается.

— Чудесно. Ну что ж, в этом году у меня хорошее настроение, поэтому делаем так, кого интересует тройка, тянете билеты с теорией, пишете, сдаёте. Кому что посерьёзней — настраивайтесь ещё и на практику, задания я раздам лично каждому.

Ответом на слова мастерины был тяжкий-претяжкий вздох.

Ну так господа адепты, никто и не обещал, что будет легко, злорадно улыбнулась она про себя и достала билеты.

В это же время...

Катаризэлла в бешенстве металась по своей темнице. Синие волосы развевались вихрем за её спиной, глаза гневно сверкали, в голове же и вовсе... в общем, приличные мысли там если и были, то очень мало. В основном на тему, что она сделает с тем шутником, который её украл и запер непонятно где, причём где было это «непонятно где» не знала и она сама. Да, да именно так она думала, во всяком случае, старалась, отодвигая как можно дальше страх и чувство беспомощности. Кат знала, что если поддастся им, то не выберется отсюда никогда. Вот и продолжала совершенно сознательно себя накручивать.

Девушка очнулась в этих... скажем, покоях, потому как на обычную комнату данные помещения не тянули, уже почти трое суток назад. Ощущения были, сказать честно, те ещё. Голова гудит, во рту всё пересохло и дикая пустота в груди. Последнее объяснилось очень быстро. Кромариновые браслеты. Чтоб им! И замок магический. Вот... демон! Сколько Катаризэлла не шипела, но поделаться тут ничего было нельзя, во всяком случае, пока. С остальным же пришлось разбираться подручными средствами, то есть освежающей ванной с маслами обнаруженными на полочке, парой-тройкой чашек травяного чая и лёгким завтраком, появившемся на прикроватной тумбочке, стоило ей только выйти из ванной завёрнутой в пушистый халат.

Разобравшись с собственным самочувствием Катаризэлла отправилась на разведку, если кому-то сильно не повезёт, то боем. Первая комната, где она очнулась представляла собой классическую спальню, оформленную в серебристо-белых тонах, на вкус девушки скучновато, хоть бы синего добавили или фиолетового. Так, а тут у нас что? Девушка распахнула створки встроенного шкафа и попала в гардеробную комнату.

Ну и коллекция! Пленница удивлённо осмотрелась. Сколько же тут одежды? Платья, платья, опять платья. В основном шёлковые, иногда бархатные, но совсем редко. Расцветка и фасон сильно напоминали эльфийские. Кто-то является ярым поклонником моды остроухих или всё ещё хуже, чем кажется на первый взгляд? Интересно, что здесь были собраны все оттенки пастельных цветов, кроме зелёного. Точнее нет, светло-зелёного платье было, но всего одно, девушка нашла его в самом конце комнаты возле зеркала на магическом манекене. Травянистого оттенка, изысканное, длинной в пол, отделанное серебряной вышивкой и янтарям с серебристыми кружевными перчатками до середины плеча. Оно явно предназначалось для какого-то торжественного мероприятия.

Чей же это гардеробчик? Катаризэлла вновь в задумчивость оглянулась. Интересно, хозяйка сильно обидится, если я позаимствую себе костюмчик. Вот бы ещё найти хоть какие-нибудь брюки. Искомое всё же нашлось, чуть ли ни в самом дальнем углу комнаты.

Традиционная белая эльфийская рубашка с вышивкой в виде растительного орнамента и тёмно-синие шелковые расклешенные брюки. А очень даже ничего. И зачем же было прятать такую красоту? Ух ты тут ещё и ботиночки эльфийские припрятаны! А хозяйка особа весьма и весьма запасливая. Вот только обилие слова «эльфийского» во всей обстановке настораживало пленницу с каждой минутой всё больше и больше. Что ж теперь оставалось найти выход.

Искать пришлось долго, очень долго. В конце концов дверь была найдена, но на ней не было ни ручки, ни замочной скважины, она запиралась магией. Впрочем, было бы глупо надеяться, что об её изоляции не позаботятся. Окна? Окна представляли собой вообще непроходимую преграду. За стеклами непроницаемой стеной отгораживающей её от внешнего мира разрослись кусты непонятного происхождения, хотя, как раз происхождения то понятного, но кому от этого было легче.

Выхода не было. Её спрятали качественно, даже слишком.

Без магии, без людей, без возможности хоть как-то связаться с внешним миром она просидела в своей темницы три дня. За это время Катариэлла со страшной силой возненавидела все оттенки белого и серебряного, которыми были оформлены покои, а ещё поняла, что самая страшная пытка, которую только могли изобрести — это пытка безделием. Она уже переделала всё, что только можно было придумать: со скуки перемеряла почти все платья, вспомнила все стихи которые знала, читала наизусть отрывки из большой алхимической энциклопедии, даже песни петь пробовала... Хоть бы книжку какую оставили, или листы бумаги... Но мечтать было бесполезно, кричать, ругаться, бить посуду тоже. Её никто не слышал, никто не приходил. Еда появлялась на журнальном столике сама по себе, самостоятельно же исчезала грязная посуда. Всё что ей оставалось это метаться из угла в угол, задаваясь вопросом, кому и зачем она понадобилась, и строить планы мести.

Вынужденное одиночество было нарушено самым неожиданным образом.

Заломив по комнате очередной вираж, Катариэлла поняла что чуть не врезала в какой-то посторонний предмет. Резко замерев на месте, она подняла голову, чтобы увидеть...

Эльф?

Прямо перед ней действительно был эльф. Самый что ни на есть настоящий, а не какая-то иллюзия из тех, что она видела на площади. Как и говорила её мама достаточно один раз увидеть оригинал, чтобы понять, что подобную красоту передать невозможно.

Вот только «красота» эта исторгала отнюдь не положительные эмоции. Эльф окинул девушку оценивающим взглядом, в котором легко читалась скорее скука, чем нормальное в такой ситуации любопытство, и явно неудовлетворённый осмотр перевёл взгляд в сторону окна. Катаририэлле видеть подобное пренебрежение было странно и даже обидно. Что она ему сделала плохого?

Впрочем, девушке эльф разглядывать себя не мешал, скорее даже с каким-то брезгливым высокомерием ожидал и позволял это. Видя подобные эмоции, Кат удостоила незнакомца лишь коротким взглядом, всё же любопытство ей в отличие от нового действующего лица этой безумной пьесы было совсем не чуждо: светло-золотистые волосы, тонкие, но при этом какие-то хищные черты лица, заострённые уши... и глаза — на них взгляд Катариэллы будто споткнулся — холодные зелёные глаза.

ЕЁ ГЛАЗА!

Осторожность? Беспомощность? Страх? Обида? Непонимание?

Всё это будто смыло чудовищной эмоциональной волной.

Шок.

Да, сначала был именно он.

— Вы?..

Поняв, что девушка его узнала, её «гость» вновь вернул к ней свой взгляд и изобразил нечто похожее на улыбку, лишённую даже намёков на искренность, и фальшивым тоном произнёс:

— Светлого дня, дочь. Рад приветствовать тебя в Светлом Лесу. Надеюсь, ты оценила наше гостеприимство — произнёс он с сарказмом, который даже не пытался сдержать и издевательски поклонился.

Значит правда... И ей ничего не показалось.

Глаза Кат недобро вспыхнули.

О скольких вещах одновременно может думать человек? Катариэлла никогда не задавалась этим вопросом, но если бы её спросили, то, наверное, ответила бы: «О двух, ну, максимум — трёх». Вот только в эту самую секунду все её невысказанные предположения были жестоко опровергнуты. За каких-то пару мгновений в её мозгу пронеслось много, слишком много.

Ей было четыре, когда она впервые задала маме этот вопрос: «А где наш папа?», ответом ей тогда был лишь виноватый взгляд и просьба подождать. В десять маму она уже не спрашивала, «добрые» кумушки-соседки уже давно ей всё объяснили, и она даже смирилась, вот только от картины как отец её соседок возится с ними по выходным во дворе, отчего-то начинало щипать в глазах. В двенадцать, Кат ненавидела всех мужчин, а соседские мальчишки старались обходить её стороной — дралась она с ними ни на шутку. В четырнадцать, в её жизни появился учитель и смог не только заразить их общей страстью — алхимией, но и заставить ершистого подростка, которым она тогда была, наконец, хоть немного поверить окружающим её людям.

Он!

Всё это было из-за него. Детские слёзы, непроходящая обида, постоянно чувство пустоты.

Он!!! Только он!!!

Холодный огонь в глазах девушки начал разгораться, превращаясь в испепеляющую ярость. Она безумным потоком хлынула в её сознание, не позволяя ни увернуться, ни спрятаться, будто лава, хлынувшая из жерла вулкана и устремившая свои огненные реки вниз, туда, где её никто не ждал.

Да как он только посмел?! Похитил её из собственного дома, запер здесь непонятно насколько, ещё и рассматривает теперь так, будто она нечто противное и дурнопахнущее!

Да кто он собственно такой?!

Отец?

Её настоящий отец мастер Риэnero. Этот же напыщенный аристократ может рассчитывать, только на её ненависть.

Точно — ненависть! Лава в сознании забурлила, вскипела и... схлынула. Оставляя после себя лишь пустоту. Нет — он даже ненависти не достоин. Этот премерзкий субъект эльфийской наружности не достоин НИ-ЧЕ-ГО.

Точно!

Ярко-изумрудные глаза девушки недобро сощурились, она выпрямилась и гордо вздёрнула подбородок:

— Я Вам не дочь! Верните меня немедленно домой. У вас нет ни малейших прав удерживать меня здесь насильно, — в голосе Кат сквозил холод и безразличие.

Эльф же наблюдая за сменой эмоций на её лице, будто бы даже получал от этого удовольствие. Впрочем, затягивать этот никчёмный разговор он не собирался

— У меня на тебя есть любые права. Любой Страж Леса это подтвердит.

Катаризэлла замерла. Стражами Леса называли некую помесь жрецов и общественных судей. Эти эльфы выбирались самим Лесом и подчинялись лишь Повелителю. Именно они проводили все обряды, они же могли выполнять и некоторые общественные функции. Но задуматься о внутреннем устройстве эльфийского общества надолго ей не позволили, её собеседник — даже в мыслях язык не поворачивался назвать его отцом — продолжил говорить:

— Надеюсь, ты понимаешь какой чести ты удостоена и будешь благонравна и послушна, как и подобает истинной дочери Великого Светлого Дома. Впрочем, учитывая твоё воспитание, надежды на это мало. Радует только, что огорчать меня своими человеческими замашками ты будешь недолго, к концу месяца я уже выдам тебя замуж.

Кат слушавшая все предыдущие оскорбления с полным безразличием подскочила как ужаленная:

— Что?!!!

Но отвечать девушке никто не стал. Прислушавшись к чему-то, недоступному ей, эльф насторожился и не прощаясь исчез.

— А ну стой!

Но Катаизэлла вновь была одна.

Да как он... Да как он только посмел?! В ярости она схватила первую попавшуюся статуэтку и запустила её в стену. Изящная вещица разлетелась на мелкие осколки. Вот только легче от этого девушке не стало. Эх, если бы можно было также запустить голову её родителя... Жаль только, что данный план был неосуществим... А вот другие... Воодушевившись Катаризэлла надолго задумалась. Она непременно найдёт, как отомстить своему «папеньке», даже если для этого потребуются подождать.

Тем временем...

Олинера, как обычно шла отвечать последней. Негласное правило академии гласило: староста уходит с экзамена вместе с преподавателем. И если дожидаться окончания экзамена ей было не сложно, группа у них была дружная, и пока последний человек не сдавал экзамен никто не спешил расходиться, девушка и сейчас была абсолютно уверена, что все кто выходит из аудитории так и остаются в коридоре, обсуждая кому что подалось и переживая за тех кому ещё не посчастливилось «отстреляться», то сидеть и ждать до последнего, когда наконец можно будет получить задание и ответить, вот это действительно действовало на нервы. Первое время. Потом же Олинера научилась извлекать из этой ситуации плюсы: в конце концов, на любом экзамене и увидеть можно много интересного, и весь предмет в сжатом виде заново прослушать, да и преподаватели тоже живые — к концу экзамена они устают и не так внимательно слушают.

Правду говорят, не можешь изменить ситуацию, измени своё отношение к ней. Вот подтверждая эту истину, адептка Вариэльская с интересом наблюдала за тем, как мастерица Альэдера быстро отсортировала на «уд» и «неуд» троечников и с воодушевлением принялась

за основное звено.

Сегодня на эльфийке вновь была та же личина, что и на первом их занятии, помнится Янара тогда была потрясена ей до глубины души. В голове у Олинеры даже мелькнула мысль не истинное ли это лицо эльфийской леди (а что леди это точно, как говорится, рыбака рыбака...), но было тут же отвергнуто, в конце концов, если бы у неё была такая внешность стала бы она её прятать. Никто бы не стал. Хотя, зависит от причин... мастерица может быть и стала бы, логика у неё иногда было просто сумасшедшая.

В очередной раз адептка Вариэльская убедилась в этом, когда села отвечать.

— Так теорию опустим, я и так верю, что ты её выучила. Показывай, что с иллюзией получилось, какая тебя досталась?

— Трёхмерная иллюзия весеннего луга.

— Чудесно. Разворачивай.

Олинера тяжело вздохнула. Вот не нравилось ей что-то в своей работе. Вроде всё правильно, всё на месте... и в тоже время какое-то ощущение незавершённости так и преследовало её, сколько она ни рассматривала своё творение. С тяжёлым сердцем девушка опустила плетения в специальный прозрачный куб, величиной полтора на полтора метра (такие же только поменьше стояли на их столах) и, задав последнюю команду, активировала иллюзию.

Что про неё сказать... это действительно был весенний луг. Зелёное разнотравье растений, порхающие бабочки, жужжащие пчёлы, ясное голубое небо. Олинера в который раз проверяла все мелочи и не могла ни к чему придраться, все цветы получились правильными, птицы вроде бы тоже, даже с формой листьев она не ошиблась, но всё равно... что-то было не так.

Мастерица рассматривала её работу достаточно долго, обычно ей хватало пары секунд, сейчас же прошло... ну двадцать точно. А это плохо... Или хорошо? Олинера сама не знала, никакой видимой закономерности в поступках мастерицы она (да и никто) не видел. Эльфийка могла взглянуть на иллюзию лишь мельком, молча поставить оценку и выпроводить без всяких комментариев из аудитории, и уже позже за дверью, когда приговорённый (как все думали) к лишению стипендии адепт открывал зачётку, он видел невероятное... витую надпись «отлично». Могла мастерица за эту же самую «отлично» и долго пытаться, давая дополнительные задания, могла без право на передачу поставить «уд» и даже не выслушать. Какая у неё была логика? Сама Олинера этого не понимала.

Наконец эльфийка оторвалась от созерцания её работы:

— Ты знаешь в чём твоя главная ошибка?

— Нет, — опустив голову Олинера приготовилась к грядущим неприятностям.

— У тебя всё идеально, — по тону адептка легко поняла что это «идеально» комплиментом не было, скорее наоборот, — Идеальные цветы, идеальные листья, идеально симметричные ветки. В то время как в природе такого не бывает. Цветы даже на одном растении будут чуть-чуть, но разные, ветки — в некоторых местах надломанными, трава где-то слегка примятой. Понимаешь о чём я говорю?

— Да, — Олинера, наконец поняла, что ей самой не нравилось. Именно эта «идеальность» и резала глаза.

— Хорошо. Поступим так. Сумеешь исправить всё за три минуты и пятёрка твоя. Нет — не обессудь, «хорошо» и никаких передач.

Адептка кивнула:

— Я постараюсь.

Олинера подошла к кубу и попыталась отбросить волнение. Она привыкла быть лучшей и очень хотела это доказать, в первую очередь самой себе, она и училась хорошо не только потому что ей нравилось, но и потому что хотела быть лучшей во всём. А теперь ей просто надо сосредоточиться.

Девушка так погрузилась в работу, что не услышала, как открылась входная дверь, не увидела как эльфийка мельком взглянула на вошедшего мастера Дерэна и поздоровавшись с ним открыла её зачётку. Зато когда иллюзия начала достраиваться сама собой, вот этого она не заметить не могла. Чуть-чуть подправились ниточка здесь, чуть-чуть ослабилась здесь, перекинулась тут, всё становилось на свои места. Олинера же смотрела и ничего не могла понять. Что вообще происходит? Её размышления прервал голос мастерины:

— Адептка Вариэльская вы можете быть свободны. Ваша зачётка.

В растерянности Олинера кивнула и взяла зачётную книжку. Эльфийка окликнула её уже у двери:

— Да и, адептка Вариэльская, будьте добры сказать своим одногруппникам, чтобы они не устраивали дебатов под моими дверями, перенесите это мероприятие в парк. Через тридцать секунд в коридоре не должно быть никого.

— Хорошо, мастерица Альэдера, я всё сделаю.

На то чтобы выполнить распоряжение мастерины у адептки Вариэльской ушло около пяти минут. Только когда она последней вышла из здания академия, то, наконец, открыла зачётку. Но там... страница этой сессии была закрыта иллюзией, простенькой, такую и она могла разглядеть. Это было изображение обычного листа. Стоило ей прочесть надпись, как иллюзия мигнула и исчезла, перед Олинерой вновь была обычная страничка её зачётной книжки с последней оценкой «отлично» и витой росписью мастерины Альэдеры. Записку же... записку Олинера тут же восстановила по памяти и бросилась искать того, кому она была предназначена.

Грем нашёлся практически сразу, он возвращался в здание.

— Грем! Грем!!! Постой! — Олинера со всех ног кинулась ему наперерез.

Стоило адептке Вариэльской покинуть аудиторию, как взгляд мастерины Альэдеры переместился на незваного гостя. Несколько минут они изучали друг друга. Она насмешливо, даже не думая вставать из-за стола, чтобы поприветствовать, он с плохо скрываемым презрением, совершенно не уместном на лице мастера Дерэна.

Наконец мастерица прервала затянувшееся молчание:

— Должна заметить Лирстелиэн, совершенно отвратительная иллюзия, — под лёгким порывом магии эльфийки личина слетела с её гостя и перед ней предстал её бывший брат, собственной высокомерной персоной, — Чем я обязана такой чести?

Но её «гостя» было трудно смутить. Он едва заметно передёрнул плеча и уверенно преодолел проход между партами, остановившись в паре шагов от своей жертвы:

— Должен заметить Альэдеризна, совершенно отвратительное времяпрепровождения, — вернул ей реплику он, — с каких пор благородной эльфе позволено так себя вести и так убого выглядеть.

Лёгкая гримаса презрения вновь появилась на безупречном лице.

Бывшая леди Варис даже позволила себе улыбнуться, хотя... скорее оскалиться.

— Твоими стараниями, я больше не благородная эльфа, так что можешь не переживать. — Поза эльфийки неуловимо изменилась, став напряжённой, даже хищной. — С чем пожаловал, братец, прости, но лицемерие твоей персоны резко ухудшает моё настроение.

Эльф замер в нескольких шагах от сестры и непринуждённо уселся на первую парту.

— А с тем и пожаловал, сестрица, чтобы вернуть своё.

Мастерина внешне оставалась совершенно спокойной, но глаз с брата не спускала ни на мгновение:

— Не припомню, когда это успела тебе задолжать.

— Успела сестрица, успела, — на миг он замолчал, а потом с недовольством продолжил, — С тех пор, когда проснулась твоя магия, все твои права, а главное обязанности, как младшей дочери рода Варис были восстановлены автоматически. Так что рад тебе сообщить сестрёнка, сегодня ты возвращаешься в Лес.

Глаза мастерины сверкнули не просто злостью, неприкрытым гневом.

Да сколько же можно!?

Когда её в конце концов оставят в покое?

Её магия проснулась уже тридцать лет назад, а «любимые» родственники надумали предъявлять права именно сейчас. Не поздноато ли?!

Во что её собираются втянуть на этот раз? Почему выбрали именно этот момент...

Стоп. Нужно успокоится и просто подумать.

Точно — переговоры! Терреон писал ей о переговорах между Лесом и Горой.

Но её то скромная персона здесь каким боком замешана. Что-то раньше она была для своих эльфийских родственников исключительно «безродной шавкой», а теперь смотри ты, сам лорд Варис младший пожаловал! Его презрительнейшество! Кривится, ручки свои боится запачкать, а всё туда же.

— Каким это образом и с какой это стати? В чертогах изначального я видала ваш Лес! — тем не менее довольно спокойным тоном ответила Альэдера, а вот не нахамить было выше её сил.

Разговор начал эльфу порядком надоедать:

— Твоя магия проснулась и теперь ты снова принадлежишь роду, так что я думаю самое время сделать вот это.

Она не успела ничего понять. Лирст одним стремительным движением пересёк разделявшее их пространство и схватил за руку. Её прежнее родовое кольцо скользнуло на средний палец холодным чужим ободком. Демон! Нет только не это! И почему она попросила тогда Терриона вернуть Шиа через посольство кольцо рода вард Грендель-Риэр, может так бы был хоть какой-нибудь шанс. Впрочем... Если всё так как говорит братец...

Мысль не успела сформироваться в её голове. Стоило кольцу оказаться на её пальце, как оно запульсировало и сжалось, посылая по её магическим каналам энергетический импульс. «Как знакомо, — пронеслась в её голове последняя связная мысль, — Раньше её наказывали с помощью этого колечка регулярно. Вот только тогда поводок был у отца, теперь же он достался Лирсту, Демоны б его забрали. Жутко интересно за какие заслуги».

Но через мгновение все её «ностальгические» воспоминания о детстве уже не имели значение. Родовая магия была сильнее воли одной эльфийской мастерины. Сознание эльфийки начало меркнуть, скатываясь по спирали в воронку крошечной тьмы.

Лирстелиэн младший лорд Варис торжественно ухмыльнулся. Эту пьесу он сыграет как

по нотам. Две главные пешки уже стояли на своих местах.

Через несколько минут комната была уже пуста. Что такое для истинного эльфа открыть портал в здание ограниченном какой-то человеческой магией, тем более, когда было время подготовиться и создать брешь в защите — всего лишь небольшая головоломка.

Новый раунд игры начался.

Грем и Олинера опоздали лишь на несколько минут. Впрочем... их присутствие всё равно бы ничего не изменило.

В руке агент держал измятый листок, исписанный торопливым почерком Олинеры:

«Грем! Напиши своему дядюшке, ко мне пожаловали родственники. Не вздумай вмешиваться!

Олинера, берегись Рика Карилинского, он опасен.

И да, помните, не всё в этом мире так, как кажется.

Прощайте!»

Это дурацкое слово «прощайте» так и вертелось в голове обоих.

Олинера ничего толком не могла понять, но было совершенно ясно, что с мастериной что-то случилось, да и Грем... нужно было видеть его лицо, когда она нашла его отчитываемого сторожем и отдала записку.

Агент вар Шиэндр понимал почти всё, но самое главное он понимал, что игра началась, началась намного раньше, чем планировалось. Хорошо ли это? Плохо ли? Неизвестно. Оставалось лишь пожелать миледи и милорду удачи и улыбки Стехриэна. Вот только эта глупое «прощайте»...

Несколько часов спустя.

Великая Гора — это целый город, столица Драконьих Гор. Снаружи она опоясана гигантским серпантинном, служащим посадочными площадками для своих крылатых обитателей, внутри же расположены залы. На верхнем центральном ярусе — дворец, дальше — покои приближённых родов, ниже — различные государственные структуры, ещё ниже — казармы дворцовой стражи, а ещё и ещё ниже, уже не в горе, под ней — секретные лаборатории.

Туда нельзя было попасть в ипостаси дракона, только в человеческом облике. Секретность, особенно на нижних ярусах была запредельного уровня, да и охранные заклинания не давали расслабиться.

Их было трое. Один боевой дракон. Один дракон исследователь. И... человек.

Каждый из них думал о своём. Десятки, сотни раз, что они собирались здесь вместе они спорили до безумия, кричали, пытаясь что-то доказать, едва не бились об каменные стены от отчаяния, танцевали некое подобие ритуальных танцев, когда всё получалось... Эта лаборатория видела многое. Но сегодня... они молчали.

Огромное (для человека) каменное помещение, тонуло в полумраке, единственным источником света служил каменный очаг, любимый некоторыми алхимиками и артефакторами больше, чем магические горелки, что располагался в центре комнаты. Выточенные в стенах ниши и даже целые шкафы, скрывали множество непонятного, а

подчас даже пугающего оборудования. Четыре длинных прямоугольных рабочих стола, расположенных квадратом вокруг очага, являлись яркими примерами такого последствия бурной рабочей деятельности, как лёгкий или не очень (что в данном случае более верно) творческий беспорядок.

Лорд Далиан вард Террис-Шэн один из лучших артефакторов Горы и по совместительству лучший друг небезызвестного нам дракона в очередной раз перепроверял все расчёты, сидя за северным рабочим столом, он то просматривал бумаги со своими записями, то вскакивал и выписывал очередную формулу на огромную школьную доску и пересчитывая её уже там. Пока всё сходилось, но алгоритм был безумно шатким, зависящим от множества неучтённых факторов. Магия, расчёты — в этом он помочь своему другу мог, но что касается остального... остальное ляжет на плечи Шиагрона, как, впрочем, и многое другое за эти годы.

Мог ли он тогда тридцать лет назад предположить, что балагур и шалопай Шиа превратится в один день в замкнутого и жёсткого милорда вард Грендель-Риэр (титул ему дали, насколько знал Далиан, за возвращение дубликата Шиэрраши Дгеризт Стехриэнши). Могли даже подумать, что его закадычный друг и собутыльник вернётся не просто повзрослевшим — другим. Что за непомерно короткий срок — что такое для драконов несколько десятилетий — этот «другой» добьётся практически невероятного и станет не просто милордом, одним из первых лиц Горы. Нет. Подобное не приходило в голову никому.

Сам милорд вард Грендель-Риэр в это время сидел в старом кресле, расположенном в самом дальнем углу лаборатории, с нетронутым бокалом чёрно-фиолетовой жидкости в руке и в очередной раз просчитывал все варианты. Лицо его больше напоминало каменное, брови были напряжённо сдвинуты, а взгляд смотрел куда-то в пустоту. В уме драконий лорд вновь скользил вдоль разветвлений огромного лабиринта событий, одни из которых уже произошли и могли внушить хоть какую-то надежду на то, что всё удастся, другие... другим ещё лишь предстояло случиться, не без его, Шиагрона, прямого или косвенного вмешательства.

Жалел ли он о том, что его жизнь сложилась так? Нет. Он ни на секунду, ни на миг не мог усомниться в том, что встреча с Ней была самым важным событием в его жизни. И он вернёт её. Вернёт и больше не отпустит от себя даже на шаг, чтобы слышать её голос, сжимать её ладошку с тонкими пальчиками и никогда больше не просыпаться в немом ужасе со страшной мыслью, что где-то там ей плохо, холодно, может быть, даже страшно, а он не может защитить, да что там защитить, он даже подойти к ней без риска для её жизни не может.

Челюсти милорда сжались ещё крепче. Не думать. Сейчас об этом думать было нельзя. Всё это будет потом. Пока же у него есть ЦЕЛЬ. И он сделает всё, для её осуществления.

Третьим существом, находившимся в лаборатории, был... мастер Корвус Дерэна. Милорд впервые привёл его сюда через неделю после их разговора в его квартире. Чем он руководствовался? Судить было трудно. Всё что было сказано ему, им нужен свежий взгляд на проблему. Когда же мастер-артефактор узнал, что именно эти двое безумцев собрались осуществить... это было на грани возможного, точнее сначала Корвус, узнав все факты честно сказал, что против таких сил идти невозможно, теперь же... Да, он тоже внёс свой вклад в грядущие события. Разделить ритуал на два этапа предложил именно он, он же внёс некоторые коррективы в центральный артефакт. Даже Далиан, отнёсшийся вначале к идее

появления человеческого мага скептически, остался доволен.

Что же касалось его нанимателя... Корвусу не понимал, как прекрасная эльфийка могла столько лет страдать по этому каменному истукану, впрочем, его коллега как-то обмолвился, что раньше Шиагрон был совершенно другим... Возможно. Хотя видя конечный результат, верилось с трудом.

Так или иначе прекрасные глаза мастерины давно перестали занимать его воображение. Намного больше его занимало то, что происходило в этой лаборатории. Если всё удастся, это будет действительно на грани безумия, на грани фантастики, за пределами гениальности. Мастеру Дерэна даже не будет жаль, что обнародовать эти исследования, да и вообще все знания, которые он здесь получил, будет невозможно, участие в таком проекте стоит намного больше, чем признание коллег, деньги (хотя последнего милорд обещал как раз с избытком), слава. Это возможность соприкоснуться с чудом, увидеть, хотя бы одним глазом, издали, то, что раньше считалось невозможным. Лично для него это было главным, что могло случиться в жизни.

Каждый из них продолжал перебирать в голове волновавшие их мысли, а время шло. Они молчали и... ждали.

— Шиагрон, ты уверен, что всё рассчитал верно? Почему ты считаешь, что Лирстелиэн появится в ближайшее время?

— Уверен. Около четырёх суток назад из Альтарисса пропала незаконнорожденная дочь младшего лорда Варис.

Далиан лишь покачал головой.

— Ты очень сильно рискуешь. У нас нет права на ошибку.

Шиагрон нахмурился ещё сильнее, но промолчал. Он знал это и так. Знал. Но другого выхода не было, а время истекало.

Старые часы на одной из полок продолжали громко тикать. Но мерный ход часов не нарушал воцарившей в лаборатории тишины и не мешал каждому из мужчин дальше размышлять о своём. Пламя в очаге тихо потрескивало, угли почти прогорели, темнота, становилась ещё гуще (впрочем, волновало это разве что мастера Дерэна, глаза драконов легко перестраивались). Казалось, время тянется хуже патоки, растягивая секунды, превращая минуты в часы. Но они молчали и продолжали ждать.

Внезапно... милорд вард Грендель-Риэр замер, перстень на его руке сменил цвет. Далиан и Корвус напряглись. Оба знали, сейчас Шиагрон принимает ментальные послания от своего секретаря.

Наконец взгляд его стал осмысленным.

— Игра началась.

Шиагрон вард Грендель-Риэр одним глотком опустошил свой, казалось забытый уже, бокал, встряхнулся и встал.

— Нас ждёт много работы.

Леди Альэдериэна, младшая дочь рода Варис (как выяснилось) очнулась внезапно, как от толчка. Просто магия рода перестала удерживать её сознание, и она очнулась. Эльфийка огляделась пытаясь понять, где же она находится. К несчастью место была знакомым, даже слишком. Городской дом рода Варис мало изменился за прошедшие десятилетия. Если она не ошибается, одни из гостевых покоев на третьем этаже.

Её всё-таки вернули в Лес. Вот же... Дери долго пыталась подобрать подходящее ругательство, но перед данной ситуацией даже её богатый лексикон нецензурной лексики пасовал. Интересно, это злая ирония судьбы, или издевательства Единого. Она столько лет бежала от того, чтобы вновь попасть в эту клетку... но всё оказалось бесполезным.

С раздражением эльфийка подняла к глазам свою правую руку. Так и есть родовой перстень рода Варис совсем как когда-то сиял на её пальце. Пленница даже не пыталась его снять. По опыту она знала, что это не возможно. Вот только почему её перстень по-прежнему функционирует как детский?

В отличие от человеческих родовых перстей, которые были лишь красивой игрушкой для аристократов, эльфийские кольца выполняли ещё пару любопытных функций. В первую очередь через них Светлый Повелитель мог призвать к себе любого из подданных. Во вторую же — до совершеннолетия юные эльфы носили, так называемые детские перстни, которые были и маячком, и элементом контроля, и наказания. Подчинялись все детские персти главе рода.

Как же Дери в своё время ненавидела этот кусок метала! Если бы не он — она бы сбежала намного раньше. Кстати эльфийка так и не поняла, почему смогла снять злополучное кольцо не в день совершеннолетия, когда по идее ей должен был перейти контроль над её оковами, а на два дня раньше. Как не понимала и того, какого демона, перстень опять функционирует в старом режиме?

Если она правильно поняла, то во время церемония признания её Светлым Лесом кольцо должно было превратиться в так называемую взрослую версию. В теории, раз её магия проснулась, то ритуал эту она прошла, пусть и альтернативным путём. И почему же в таком случае кольцо по-прежнему может на неё влиять. Вопросы одни вопросы. Хотя даже если она получит на них ответы, не изменится ничего. Магическую нить тянущуюся от кольца в сторону кукловода Дери видела слишком хорошо.

Наконец, эльфийка собралась с мыслями и приподнялась с дивана, куда её сгрузил «заботливый» родственник (мог бы и на кровать кстати положить, вся шея затекла) Альэдериэна огляделась внимательней. Искала она не выход и не графин с водой, хотя пить хотелось. Нет, целью её поисков был совершенно иной... объект. Обнаружился он практически сразу.

Младший лорд Варис ан Летэриэн стоял облокотившись на арку разделявшую покои на две зоны: спальную и жилую. Наблюдая за её пробуждением он ухмыльнулся с отчётливо видимым презрением и превосходством.

— Добро пожаловать домой сестрёнка, — издевательски прошипел.

Стоило её увидеть его взгляд, услышать голос... вся обида испарилась. Злость. Бешенство. Ярость. Эти эмоции подходили ей сейчас намного больше. Она не хотела возвращаться сюда, её приволокли насильно, ну так пусть теперь не обижаются. Эльфийка выпрямилась, перекинула ногу на ногу и с вызовом блеснула глазами:

— Дом, братец, это то место где тебя любят и понимают, впрочем... — губы девушки издевательски изогнулись, — тебе этого не понять. Я надеюсь теперь, когда ты на своей территории и можешь меня не бояться мне наконец объяснят какого демона мои высокоуважаемым эльфийским родственникам от меня опять понадобилось.

Альэдериэна хамила специально, ей нужно было потянуть время. Ну и заодно получить хоть какую-то моральную компенсацию, потому как судя по тому, что магия ей не отвечает, дела её обстоят хуже чем отвратно. Жаль только что братишка на её издевательства никак не

прореагировал, но ничего она терпеливая и словарный запас у неё большой.

— Расскажу, непременно расскажу, сестрёнка. И можешь даже не пытаться взывать к моей жалости, ты сама виновата во всём.

Как хорошо что Альэдериэна в этот момент сидела, и ничего не пила — точно бы поперхнулась. Взывать? К жалости? Его? Интересно, как можно взывать к тому, что не существует в природе?

— Жалости? Лирст, ты никак с дуба рухнул или с чего повыше. Откуда у такого бесчувственного эгоиста как ты может быть жалость, поверь, я давно вышла из возраста, когда можно жить иллюзиями.

Лицо эльфа на миг дёрнулось. Но больше никакого эффекта на её слова не последовало. Досадно... Что он там рассказывает?

— ...бесчувственного эгоиста? Уж кто бы это говорил! Ведь это ты, маленькая дрянь, во всём виновата.

Ух ты какая экспрессия под конец! Мы умеем испытывать эмоции? Неожиданно! Надо бы разобраться.

— Лирст, помилуй, ты преувеличиваешь мои способности. В чём я по твоему виновата конкретно перед тобой?

Да-да. И позу повызывающей. Вот так! И прогнуться не забыть.

Эльф в ярости впился в нахалку глазами, в комнате явственно расслышался скрежет его зубов.

— Ты... ты... — глаза эльфа сверкали от плохо сдерживаемого гнева, но он всё же взял себя в руки, — нет, это не важно. Важно другое. Горный Повелитель вместе с твоим драконом затеяли грандиозную компанию по налаживанию контактов между нашими народами.

Дери напряглась. Значит всё-таки переговоры... Террион как обычно оказался прав. Но она то почему опять причём? Шиа ещё ладно. Он сейчас высоко взлетел. Но она... Последние тридцать лет мастерица Альэдера вела тихую и спокойную жизнь. Не поведёшь тут её, когда по полгода умереть от отсутствия сил хочется.

— И что же ты видишь в этом плохого? Эту глупую вражду давно пора попытаться хоть как-то прекратить.

Лирст от последних слов взвился как змея:

— Глупую? — почти прокричал он, — Да что бы такая безмозглая курица как ты понимала. Ты женщина и по определению не можешь думать.

Ну вот, дошли и до привычных оскорблений. Интересно он сильно огорчится, если узнает, что в некоторых областях она теперь знает намного больше его.

— Ну-ну, Лирст. Как благородно! А кроме грубых эпитетов ты на что-нибудь способен, или это всё на что хватает твоего словарного запаса.

Эльф замолчал, Альэдериэна видела, каких усилий ему стоило сдержаться, мужчина напрягся, борясь с собой, а потом... резко сменил тему на нейтральную:

— Драконы предлагают построить город на пограничных территориях. — почти нормальным голосом начал он, — Свободный Город. Куда смогут попасть все: драконы, эльфы, полукровки и даже люди.

От удивления Дери даже паясничать прекратила. Это же потрясающе! Да она первая

туда переедет. Хотя... Мастерина с грустью оглядела свою темницу. Переедешь тут, как же. Сбежать отсюда теперь будет в разы сложнее, учитывая то, что родовой перстень перестал теперь быть обычной безделушкой и Лирст, как старший родственник может контролировать и её, и её магию, и её перемещения. Но об этом можно и потом подумать, пока же...

— Не вижу поводов для огорчения. С экономической точки зрения очень верная идея. Лорд Варис изволили скривиться. Уже даже не пытаюсь это скрыть:

— Не стоит притворяться, что ты хоть что-то понимаешь в экономике. Хотя она сейчас дело десятое. В качестве гарантии договора драконы потребовали брак между милордом вард Грендель-Риэр и... младшей дочерью рода Варис.

Глаза эльфийки расширились. От удивления? От счастья? Она точно это слышала? Или у неё начались слуховые галлюцинации. Вроде бы нет. Но тогда... Где-то глубоко в душе эльфийки вспыхнула надежда. На чудо, на счастье, на то что она снова сможет увидеть своего дракона, прикоснуться к нему. Глупая, хрупкая и, она прекрасно это понимала, не имеющая ничего с реальностью надежда, ведь даже если они поженятся, они не смогут находиться рядом. Но зачем тогда...

— То есть мной? Но все говорили мне, что мы не можем находиться рядом, что я просто умру. Мне врал? — Альэдериэна требовательно впила в глаза собеседника, — Лирстелиэн? Скажи мне?

На удивление эльф ответил:

— Не поверишь сестрёнка, но в кои-то веки тебе сказали правду. Поговаривают, что дракон всё-таки создал какой-то браслет позволяющий вам быть вместе, брачный браслет.

— Так значит...

Маленькая звёздочка надежды, пылавшая в её душе, начала разрастаться настоящим пожаром, заполняя всё её существо искрящимся светом. Светом, которому через мгновение предстояло погаснуть.

— Даже не надейся. Замуж за драконьего милорда пойдёшь не ты.

Казалось Лирстэлиэн получает особое удовольствия разбивая хрупкую надежду его собственной сестры на счастье на тысячи осколков.

— А кто же интересно мне знать, — напряжённо спросила Дери.

— Младшая дочь рода Варис, — эльф был просто необычайно доволен собой.

— Насколько я понимаю, с тех пор как во мне проснулась эльфийская магия этот титул снова принадлежит мне. Да и колечко это подтверждает. Не так ли, братец? — она прошипела это сквозь зубы, но на самом деле хотелось кричать. Они столько лет не могли быть вместе и вот теперь, когда осталось сделать лишь шаг, всё рушится.

Эльф видя её бешенство довольно улыбался. Мерзавец! Одним словом мерзавец!

— Так, сестрица, — её собеседник это практически пропел, — Но это продлится недолго. Видишь ли. Я не намерен отдавать драконам этот город. В городе построенном драконами будут жить эльфы и только эльфы. Чудесная месть, ты не находишь.

Альэдериэна нахмурилась:

— Поясни.

— В супружеском договоре, который уже подписан есть прелюбопытнейшее уточнение, если Гора не примет этот брак Город отходит эльфам. Навсегда. Они то думают, что вард Грендель-Риэр получит тебя. Но он этого не дожждётся, сестрица. Никогда.

Спрашивать про остальное не хотелось, но она должна была знать. Сердце с каждой

новой фразой бывшего брата сжималось от тревоги, но показывать этого эльфийка не собиралась. Издевательски улыбнувшись она продолжила как ни в чём ни бывало:

— Интересненько. А кого же он в таком случае он дожждётся?

— Моей незаконнорожденной дочери Катариэны Варис ан Летериэн.

Дери показалось, что время остановилось.

Это был конец.

Всеми!

Она не нуждалась в продолжение беседы, всё и так уже было понятно.

«Единый! Стехриэны! Да хоть кто-нибудь! Дайте мне силы не показать насколько мне больно. Он... он не достоин этого».

Надвигающаяся истерика была отложена. Больно. Очень больно. Значит... будем хамить.

— Лирст? Bravo! А ты у нас оказывается не такой уж правильный мальчик, ая-яй, как же ты мог, с презренной человечкой!

Лицо братца аж перекосила от ярости.

— Уж кто бы говорил! Драконья полстилка!

— Подстилка это братик у тебя, а я люблю быть сверху. Но это детали. Каким же боком твоя милая и, я уверена, глубоконелюбимаю тобой дочь получит титул младшей дочери рода Варис. Просвети ка меня.

— Очень просто, любимая сестрица. Ты умрёшь.

Слова упали в мёртвую тишину. Впрочем, это было ожидаемо.

Странно... Ей совсем не было страшно. Скорее обидно.

— Умру, — эльфийка замолчала на миг пытаюсь справиться с эмоциями, сглотнув она продолжила, — да ты, я смотрю, падаешь всё ниже и ниже, на родную сестру руку поднимать. И как же ты меня убьёшь? Сейчас? Или через час? И зачем было тащить меня в такую даль для этого? Кстати завешание мне уже писать?

— Завешание? Да что у такой безродной шавки может быть?

— Но-но-но. Я тут как выяснилось снова леди Варис, так что — поаккуратней со словами. Так что там... ах да, ты меня убивать собрался, — Альэдериэну несло, и она сама это понимала, но остановится, ну уж нет... — И как ты это, дорогой, собрался делать. Учти, издевательств над моим бранным телом я не потерплю.

— Можешь не переживать, дорогая, твоего бранный тела не останется.

— Какие многообещающие перспективы.

— Смейся-смейся! Я нашёл потрясающий ритуал. Вся твоя сила перейдёт ко мне. Вся! А ты умрёшь! От тебя останется только пепел. Так что радуйся, сестричка радуйся последним дням.

Лирст окончательно вышел из себя. Дери же... порыв схлынул. Внутри осталась только пустота.

— Зачем тебе ещё магия, ты и так сильный маг, — совершенно безразлично спросила она.

— Потому что это ТВОЯ магия! И она будет моей, потому что ты быть моей уже не можешь.

Альэдериэна от последней фразы пришла в ступор. У неё больная фантазия? Или она просто что-то не так поняла?

— Не буду твоей? И каким же это образом ты собирался меня подчинить, братец.

Глаза эльфа налились ярость. В один миг он бросился через комнату опрокидывая девушку на диван и нависая над ней. Она впервые видела его таким. Страшно? Да ей всё-таки стало страшно. Потому что казалось убьют её прямо сейчас и без всяких ритуалов. Всё её тело было распластано под ним, руки заломлены над головой, а прямо перед ней сверкали безумные, бешенные глаза и тонкие надменные губы шептали отвратительные признания совсем рядом с её:

— Ты должна была быть моей. Вся! Я нашёл тебе идеального мужа, закрывавшего бы глаза на твои измены, отвадил всех твоих кавалеров. В ночь после совершеннолетия ты должна была стать моей, а ты как последняя тварь сбежала. Как ты могла?

И даже потом!

Это ведь я писал тебе письма прося вернуться! Я! Родителям было наплевать! А ты отвергла меня! Двуличная сука! Я прощал все твои проделки, прикрывал перед родителями, а ты ушла к людям! Как ты вообще могла там жить! Ты должна была быть моей. Покорно раздвигать передо мной ноги, слушаться каждого слова и быть рядом, со мной не с ним.

А ты легла под дракона! Как? Как ты вообще могла до такого додуматься? У тебя вообще мозгов нет! Шлюха!

Дери слушала всю эту тираду с широко открытыми глазами. Всю её била нервная дрожь. Было мерзко. Тело казалось грязным и липким от его прикосновений. Как вообще такое возможно? Он болен? Или сошёл с ума? Что за бред?

— Лирст, с тобой всё нормально? Ты... ты вообще о чём говоришь? Я же твоя сестра.

— Сестра! Ах сестра! Да ты... плевать мне, что ты моя сестра, хоть дочь! Я хотел тебя долгие годы, я сделал всё чтобы ты стала моей, а ты сбежала!

— Лирст, очнись! Я. Твоя. Сестра. Родная. По-моему это ты умом тронулся. Разве можно... любить свою сестру.

— Любить? Дорогая не заговаривайся. Я тебя хотел! Хотел обладать тобой, трахать, если тебе так понятней, но любить... ты с ума сошла. А теперь ты и вовсе... драконья подстилка, ещё и выброшенная.

Дери слушала его и не могла поверить.

Наверно с ней всё-таки что-то не так. Почему всю жизнь её преследуют одни извращенцы, причём как оказалось с рождения. Не смей реветь, идиотка!

— Какое разнообразие! — Змеиный шёпот? Братец, мы тоже так умеем. — Безродная шавка, шлюха, драконья подстилка. Честно, я сама от себе в восторге. Так что ж ты дорогой теряешься. Ты же меня и сейчас хочешь, я же чувствую, правильный ты мой. Так что тебе мешает, давай, я же даже сопротивляться не смогу, стоит тебе приказать этому милому колечку и я вся твоя. Что же ты? Кстати, ты со всеми только при помощи магии, что просто так уже не дают? Стареешь братик. Стареешь.

— Чтобы я... после твоего дракона. Да никогда. Кстати, расскажи брату по секрету какого это спать с чешуйчатым и холоднокровным.

— Восхитительно, милый. Просто восхитительно. Хочешь расскажу в подробностях. А могу даже показать.

— Какая же ты мерзкая дрянь! Но это ненадолго. Ты умрёшь. И больше никогда не увидишь своего дракона. Никогда. Ты не стала моей, но и его не будешь. Никогда.

Одним движением Лирстэлиэн поднялся с неё, бросил напоследок презрительный взгляд и исчез.

Альэдериэна леди Варис ан Летериэн так и лежала неподвижно на диване.

Пришибленная. Разбитая.

Больно, холодно и мерзко. Да именно так она себя чувствовала.

Может быть это даже хорошо, что скоро она умрёт. Зачем жить, когда вся её жизнь... всё вокруг... Слова не подбирались. Мысли путались. В полном бессилии эльфийка свернулась клубком на диване и тихо заплакала.

ГЛАВА 13. Расставания и встречи или две пленницы рода Варис

Утро началось для Олинеры со стука в дверь. Кое-как ей удалось разлепить глаза, накинуть халат и отправиться встречать нежданного гостя, давая ему про себя весьма нелестные характеристики. Дверь отворилась с лёгким скрипом, но коридор был пуст. Выйдя наружу девушка оглядела всё доступное пространство, но оно радовало абсолютной тишиной и блаженным утренним безмолвием. Раздражённо бурча что-то под нос адептка вернулась в комнату и отправилась досыпать, посылая на голову утреннего шутника или шутницы всевозможные кары. Вот же не спится кому-то.

Мужской силуэт проявился в её комнате совершенно неожиданно. Хорошо хоть она халат снять не успела, а то бы совсем неприлично получилось. Впрочем, стоило ей идентифицировать личность незваного и непропущенного (что характерно) гостя, как ругаться ей расхотелось. Это был...

— Грем? — удивлённо спросила она, — Что случилось? И почему ты бродишь по академии под пологом невидимости и, кстати, где ты этому научился.

Юноша наконец полностью прорисовавшийся в заполненной рассеянным утренним светом комнате, грустно улыбнулся:

— Я пришёл попрощаться.

— Прощаться? — удивилась она, — Но учебный год ещё не закончился. Направления на практику выдадут только через два дня.

— Я... мне нужно уезжать.

Олинера нахмурилась. Уезжать? Она сама не ожидала, что от этого известия ей станет так больно и тоскливо. Девушка нерешительно сделала шаг и встретилась взглядом с его карими глазами. Он смотрел на неё... Это был более чем странный взгляд. Серьёзный. Колючий. Жёсткий. Да и сам Грем... Напряжённый, сжатый как пружина, готовая распрямится в любую секунду. Но в тоже время...

Юноша, хотя нет, скорее мужчина, нерешительно шагнул к ней и осторожно, бережно, едва касаясь, взял за руку. Он молчал. Но его глаза... они менялись и говорили слишком много. Неприкрытая нежность, горечь, сожаление и ещё очень много того, что Олинера так и не смогла понять. Она смотрела на него не отрываясь, боясь прервать этот миг. Но мысли... они помимо её воли появлялись в её голове.

Что-то во всей этой ситуации было неправильным, странным. Вчерашнее исчезновение мастерины Альэдеры, на которое никто толком не прореагировал, странное поведение Грема, его сегодняшнее появление... И этот взгляд. Восемнадцатилетний мальчишка не может так смотреть! Не должен.

— Грем? Ты... Ты ведь совсем не тот, кем хочешь казаться? Так ведь?

Дракон-полукровка Алеард вар Шиэндр смотрел на девушку с грустью и обреченностью. Всё было не так, не то. Как бы ему хотелось рассказать ей правду, прекратить врать, иметь возможность быть рядом, защищать, оберегать. Вот только это было невозможно. Не сейчас.

В какой момент он понял что эта девушка стала значить для него слишком много? Когда провожал её после их первой совместной прогулки до дверей её комнаты? Или когда

стал слишком часто наблюдать за ней на занятиях? Или может быть когда вновь столкнулся с ней в библиотеке? Или... Грем не мог ответить на этот вопрос, но чётко понимал одно, ради неё он был готов на многое, если не на всё. Вчера же... наверно, он впервые в жизни так испугался.

Новые указания поступили к нему уже несколько дней назад и о том, что миледи скоро исчезнет, Грем был в курсе, хотя милорд рассчитывал, что это произойдёт позднее, поэтому все эти дни агент если и наблюдал за мастериной то издали, в основном просто отслеживал её ауру. Но когда он увидел вчера испуганно бегущую к нему через внутренний двор академии девушку, собственное задание было последним, о чём он подумал. Это было непрофессионально, где-то даже глупо и опасно, но тем не менее оставалось фактом. Единственное что его волновало в тот миг это её испуганные глаза и чуть дрожащий голос.

С той минуты у него оставалось меньше суток. Грем был уверен, что уже утром, максимум ближе к обеду, получит приказ о возвращении в Гору. Весь вечер они гуляли вместе с Олинерой по парку, непринуждённо болтая, а он... он запоминал каждую чёрточку её лица, каждую непослушную прядку волос, каждую мелочь, что собираясь вместе делали её такой, какая она есть. И только одно беспокоило агента в эти минуты. Рик Карилинский.

Алеард ванн Шиэндр был не просто агентом — одиночкой. Его учили многому, но одним из самых главных уроков было для него умение не просто смотреть — видеть. Рик Карилинский не понравился Алеарду с самого начала, что-то было в нём неправильное, «что-то» тщательно скрываемое и настораживающее. Но лорд Карилинский не входил в зону интересов милорда и Алеард предпочитал просто не обращать на него внимания. Но всё изменилось после той прогулки по парку, когда в его мыслях всё чаще и чаще стала появляться голубоглазая кудрявая девушка, а глаза помимо воли стали постоянно её искать... вот тогда он и обратил внимание на то, какие странные взгляды бросает Рик на Олинеру, когда этого никто не видит.

А уж вчерашнее предупреждение мастерины стало для Грема последней каплей. Решив для себя, что он выполняет распоряжение миледи, агент ван Шиэндр, проводив девушку до двери её комнаты, отправился выяснять правду. У него оставалась лишь одна ночь.

Ментальные способности, есть почти у всех драконов, в большей или меньшей степени (как им ещё общаться в ипостаси дракона), у полукровок с ними хуже, но Грему повезло, небольшой дар ему всё же перепал. До тех фокусов, которые проделывал милорд, мужчине, конечно, было не дорасти никогда, но незаметным проникнуть в сознание пьяного или спящего человека он мог запросто, что собственно и проделал вчера.

Грем не любил использовать ментальную магию, ему всегда казалось это мерзким. Обычно Алеард предпочитал другие методы получения информации, даже если они и были более трудоёмкими, но в эту ночь у него не было лишнего времени и лишнюю брезгливость пришлось отодвинуть подальше. Проникнув в сознание своей жертвы Алеард в очередной раз убедился в правильности своих убеждений. Это было... Агент ванн Шиэндр до сих пор не мог понять, почему лорд Рикардо Карилинский до сих пор жив. Ему хотелось убить его, растерзать, и медленно разрывать мёртвое тело на кусочки, драконья кровь бурлила в жилах полукровки, пытаясь подчинить сознание, будоража, толкая на опрометчивые поступки, вот только он не имел права.

Из комнаты этого... этого... субъекта Алеард убежал едва ли не на пределе своих возможностей. Уже остыв он принялся соображать, как он может защитить девушку, которая стала значить для него слишком много, настолько что одна мысль о том что это

ничтожество может к ней прикоснуться заставляла скрежетать зубами от ярости и подвешивала успешное выполнение уже практически оконченного задания на волосок. Выход был один.

Грем вновь взглянул на растрёпанную со сна Олинеру и в душе горько улыбнулся. Как он хотел сейчас обнять её, прижать к себе и не отпускать никогда. Но благо великой Горы было превыше всего. Эта мысль, приносившая раньше облегчение и надежду в самых безвыходных ситуациях, вдруг окрасилась для него злым сарказмом.

Пауза затягивалась. Что сказать ей? Как ответить на её неожиданный вопрос? Впрочем... ответ был один. Он не имел права втягивать её в свою полную непостоянства жизнь.

— Всегда знал, что ты очень умная и наблюдательная девушка, — с горечью произнёс Алеард.

Олинера прищурилась:

— Это значит да?

— Это значит, что это единственный ответ, который я могу дать на твой вопрос.

— То есть да. Ты поэтому теперь уезжаешь.

Помедлив, он всё же ответил:

— Да.

— А исчезновение мастерины Альэдеры... — Олинера на секунду замерла от внезапной догадки, — Ты был здесь из-за неё. Да?

Алеард молчал. Просто смотрел на неё с каким-то безумным отчаяньем и молчал. Девушка же с каждой минутой становилась всё злее и злее, и отсутствие у собеседника какой-либо реакции на её слова никак не способствовало ликвидации этого факта.

— Это из-за тебя она пропала? Так? Кто тебя послал? Зачем?

— Олинера, — стушевался он под её напором, — ты всё поняла наоборот. Я охранял её. И там куда её забрали ей тоже не причинят вреда, за этим проследят.

— Тогда зачем ты пришёл?

— Ты помнишь предупреждение мастерины Альэдеры.

— По поводу Рика. Да помню. Но я так и не поняла, причём здесь он. Неужели он хочет мне как-то навредить?

— Я понимаю, тебе трудно мне доверять, но, пожалуйста, просто выслушай, хорошо.

Грем на минуту замолчал собираясь с мыслями, а потом начал рассказывать. О плане лорда Карилинского старшего. О том, как Рик собирается его выполнить и, наконец, о том, что станет с самой Олинерой, если этот план сработает. Он говорил глухим безэмоциональным голосом, пытаясь не думать о том, что именно произносит, не акцентировать своего внимания на желание развернуться немедленно и всё же пойти и придушить эту аристократическую сволочь прямо в его постели, Впрочем, получалось плохо.

Девушка в шоке села, даже скорее рухнула на свою кровать и смотрела на собеседника огромными испуганными глазами.

— Грем, ты... ты говоришь глупости, Рик никогда не интересовался мной как девушкой, а уж жениться... — пыталась убедить скорее саму себя Олинера, но в этот раз Алеард не уловил подтекст, он был слишком занят борьбой с собственными эмоциями.

— Глупости!? Хорошо! Будут тебе глупости! — Олинера увидела как юноша выпустил свою силу, над его ладонью засверкал переливающийся огненными искрами шар, и произнёс, — Клянусь силой, дарованной мне Единым, что всё сказанное здесь является

чистой правдой, что я рассказал тебе, всё что имею право рассказать и не утаивал ничего.

Запястье мужчины вспыхнуло серебристыми рунами, которые тут же пропали. Клятва была услышана и подтверждена. Он не врал. Впрочем... наверное, Олинера понимала это с самого начала. Просто не хотела верить. Но тогда... Как ей теперь быть?

Девушка не успела продолжить свои рассуждения. Грем присел перед ней на корточки и протянул тонкий браслет с голубым кристаллом в центре.

— Я очень прошу тебя, прими это от меня, как прощальный подарок. В нём нет никакого подвоха, просто этот браслет сможет предупредить тебя, если тебе будет грозить опасность. Мне будет намного спокойней оставлять тебя с ним. Пожалуйста.

Олинера явственно слышала мольбу звучащую в его голосе.

— Почему это для тебя так важно? — тихо, почти шёпотом спросила она.

— Я... я очень привязался к тебе, хотя и не имею на это право. Можно я надену его?

От этого признания девушка замерла. Некоторое время она колебалась... Всё же принимать такой подарок от мужчины она не имела права, но с другой стороны... Это ведь Грем.

Несмело Олинера кивнула:

— Хорошо. Спасибо тебе.

Браслет защёлкнулся на запястье девушки с тихим щелчком. Грем что-то прошептал над ним и поцеловав её руку поднялся. Их взгляды вновь встретились. Его — полный горечи, обречённости и тревоги. Ёе — полный искренней признательности и сожаления. Молчаливый разговор? Последнее прощание? Или признание в чём-то большем? Что было в этом взгляде? Пожалуй... всё. Они так и смотрели в глаза друг другу. Звук его первого шага раздался в комнате как-то слишком громко. Потом второй. Алеард двигался к двери спиной. А их глаза продолжали свой диалог. Дверь. Агент почувствовал её спиной. Вот и всё...

— Прощай.

Он думал, что это будет последнее, что он скажет. Но Олинера резко изменила его планы. В один миг она вскочила с кровати, на которой сидела, и пересекла комнату.

Её первый поцелуй. Робкий. Нежный. И полный горечи. Его объятья. Сильные, такие уютные, такие родные. Почему он отстранился?

Грем взглянул в её глаза последний раз и скрылся за дверью.

Когда Олинера через секунду открыла её и выбежала вслед за ним, коридор уже был пуст. И только тонкий браслет на её руке подтверждал то, что всё происходящее ей не привиделось.

Альэдеризна леди Варис ан Летеризн встретила своё первое утро после возвращения в Светлый Лес стоя у окна. Перед глазами до сих пор стоял странный-странный сон.

Тёмная комната. Огромное кресло возле догорающего камина и мужской силуэт. Она узнала бы его из тысячи. Это был Он. Она знала совершенно точно. Он.

Во сне Дери сделала несмелый шаг ему навстречу, другой, третий. И... упёрлась в невидимую стену, которая не пускала её дальше. Она попробовала пройти, сделала одну попытку, другую, но они не увенчались успехом. Он был так близко, но даже здесь во сне — недоступен. Оставалось лишь...

— Шиа? Шиа! — закричала она.

Мужчина обернулся на её голос.

— Маленькая? Ты всё-таки пришла... — его голос дрогнул. Но он так и остался сидеть

на месте, видимо зная, что приблизиться друг к другу им не удастся. — Не пытайся подойти, этим ты только причинишь себе вред.

Руки эльфийки беспомощно опустились.

А глаза... Она жадно скользила взглядом по его фигуре, боясь пропустить даже чёрточку. Он был... такой далёкий, чужой, но в тоже время... по-прежнему её. Совсем коротко стриженные волосы (раньше он предпочитал другую причёску), знакомые черты лица, освещённые отблесками камина, приобрели за эти годы ещё большую суровость и глаза... родные, любимые... по-прежнему таящие в себе мерцание огненных икр.

Наверное, это лучший подарок перед смертью. Просто увидеть его, хотя бы так, во сне.

— Это ведь сон, да? Ты мне просто снишься? — тихо прошептала она.

— Мы снимся друг другу... — её дракон грустно улыбнулся.

Дери молчала. Она не знала, что говорить.

— Почему ты ушел от меня тогда? — всё же начала она, голос слушался плохо, слова раздавались едва слышно.

— Прости меня, — произнёс он устало и обречённо (обречённо... самое точное слово об их отношениях), — Я не мог больше находиться рядом, моё присутствие стало бы тебя убивать. Но ведь тебе и так это всё уже объяснили.

Всё так... Террион говорил так же.

— Почему так несправедливо?

— Я не знаю, маленькая. Но я все эти годы ищу способ это исправить.

— Но... это же невозможно.

— Не бывает ничего невозможного. Раз мы встретились, раз полюбили друг друга, раз... — Шиагрон замолчал не находя слов, или же их напротив было слишком много, но через несколько секунд продолжил — способ есть, тебе нужно просто потерпеть. Запомни только одно. Чтобы ни случилось, ты должна выжить. Я вытащу тебя, и мы будем вместе. Обещаю.

Всё это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Эльфийка не верила, просто не могла.

— Это ведь просто сон...

Но дракона этим была не смутить:

— В следующий раз мы встретимся уже в реальности.

— Когда?

— Скоро, совсем скоро, — уверенно пообещал он.

— Я сейчас у эльфов.

— Я знаю. Так нужно.

— Шиа, кому нужно? Лирст собирается меня убить.

Но дракон даже бровью не повёл:

— Он думает, что собирается тебя убить. Это мы разработали ритуал, который он хочет провести, а потом просто сделали качественную подделку и через подставных лиц продали ему. Провести его должен обязательно эльф и обязательно твой близкий родственник, чтобы силе было куда уйти. Но в пергаменте не всё является правдой, ритуал не убьёт тебя, просто лишит эльфийской магии, ты станешь такой, какой была в момент нашей встречи, и мы снова сможем быть вместе.

— Разве такое возможно?

— Всё возможно, маленькая. Главное ничего не бойся и, чтобы ни случилось, борись до

последнего, даже думать не смей о том, чтобы сдаться.

— Хорошо, — эльфийка на несколько мгновение опустила глаза, а потом резко подняла и испытывающе посмотрела на своего — да, да своего, против правды не попрёшь — дракона — Шиа, ты... ты вспоминал обо мне.

— Маленькая, я не мог вспоминать, потому что не забывал никогда. Ты для меня всё, и так будет всегда. Я люблю тебя. По-прежнему. Даже, наверно, ещё больше. Всё будет хорошо. Верь мне. Осталось совсем чуть-чуть.

Дери ловила каждую интонацию, каждый нюанс его речи, но он действительно был искренен. Может быть, это всё же правда?

— А потом мы будем вместе?

Шиагрон (или галлюцинация с его образом) не был подвержен подобной неуверенности. Он знал, он был уверен:

— Будем, всегда. Даже на шаг от себя не отпущу.

На миг эльфийка вновь услышала в его речи нотки того обаятельного наглеца, с которым впервые познакомилась на балу, от этого она даже улыбнулась.

— Шиа... какой же ты...

Дракон тоже ответил улыбкой. Ласковой, понимающей такой:

— Невыносимый?

Но Дери отрицательно покачала головой:

— Нет... любимый.

Они замерли, смотря глаза в глаза друг другу. Наслаждаясь этим мигом, растягивая его. Мгновения понимания, гармонии и... любви. Безумной, способной преодолеть всё.

Сколько это длилось на самом деле? Альэдеризна даже не рискнула бы предположить. Минуты? Или может быть часы? Время перестало иметь смысл. Но конец приходит всему. Силуэт дракона начал расплываться.

— Шиа? Шиа!? Что происходит.

Дракон её паники не разделял, но в глубине глаз вновь появилась безумная тоска, которую она заметила в первые мгновения их встречи. Но едва ли кто-нибудь ещё смог бы это разглядеть, внешне он был совершенно спокоен:

— Действие зелья заканчивается. Береги себя, маленькая, и... до встречи.

Слишком оптимистичный прогноз на её взгляд, но огорчать своего дракона не хотелось:

— До встречи, — Альэдеризна шептала последние слова, а её глаза продолжали всматриваться во всё удаляющуюся и удаляющуюся комнату. Совсем скоро она превратилась в едва заметный огонёк, а потом и вовсе растаяла в темноте.

Разглядывая в окно между побегими вьющегося по окну кастариса (растение семейства Вьюнковых с бело-фиолетовыми цветами) до боли знакомый сад Альэдеризна никак не могла прийти к окончательному выводу. Что это было? Сон или всё-таки... правда.

Зелье «Общего сна» действительно существовало, но относилось скорее к разряду приятных развлечений, поскольку у него был очень ограниченный радиус действия. Неужели Шиа как-то удалось его изменить? Но почему он тогда не пришёл к ней в сон раньше? Да и всё что он сказал... Единый, пусть это действительно не будет обычным сном, пусть всё то, что он сказал во сне, окажется правдой. Ведь это...

От переполнявших её эмоций эльфийка начала метаться по комнате. Неужели скоро всё закончится... И она снова сможет обнять своего дракона. Шиа... От воспоминаний о встрече

с ним слёзы подступили к глазам и одновременно на лице сама собой расплылась улыбка. Как она хочет к нему! От переполнявших эмоций эльфийку потряхивало. Она то мерила шагами комнату, то замирала на месте. Казалось, все тридцать лет их разлуки вдруг куда-то стёрлись и из зеркала на неё вновь смотрит всё та же немного сумасшедшая эльфийка. Дери лукаво улыбнулась собственному отражению и сверкнула глазами.

Пришла пора освежить знания о планировке объекта «усадебная эльфийская обыкновенная».

Вся её магия, инициированная Лесом, была ограничена родовым кольцом, человеческая похоже тоже практически вся перекрыта, интересно надолго Лирсту на это сил хватит, ведь ладно эльфийскую часть магии удерживать, для этого есть кольцо, но с классической то всё намного сложнее, он явно ставил на неё блок пока она спала, поэтому и не всю магию удалось заблокировать, просто не хватило либо знаний, либо возможностей. Знать бы ещё, сколько этот блок продержится...

На удивление, возможности передвигаться по дому её не лишили. Хотя запрет на все выходы за пределы родового гнезда стоял жёсткий, стоило ей только подойти к одному из них, как перстень начинал предупреждающе светиться, что это значит Дери помнила хорошо, даже слишком, первая попытка ощутимая болевая волна, вторая — получасовая отключка, на счёт третий эльфийка достоверно не знала, но справедливо полагала, что ничего хорошего. Поэтому стандартные методы тут не годились. Теперь оставалось только узнать сохранился ли её тайник в гардеробной, или его уже давно обнаружили и уничтожили.

Эльфийка уверенной походкой направилась в сторону покоев младшей дочери рода Варис, так не любимых ей когда-то. Состояние у неё было достаточно странное. Все эмоции куда-то ушли. Остался лишь какой-то сумасшедший азарт и холодная решимость. Все варианты развития событий она уже давно прокрутила в голове, сейчас же, медленно идя по лестнице, она просто рассматривала два основных, наиболее вероятных.

Вариант оптимистичный — в сон к ней действительно приходил Шиа, и всё, что он сказал — правда (многовато «если», но предположим), тогда ей остаётся лишь не раздраконить раньше времени Лирста, чтобы он не прибил её ненароком до ритуала. Ритуала... От одной мысли о нём начинало знобить. Эльфийскую магию Дери было не жаль, вреда от неё ей было намного больше, чем пользы, но вот неизвестные факторы риска, главным из которых всё же была её возможная смерть, ей решительно не нравились. Но при таком развитии событий вероятность смерти была лишь возможной, а не вероятной.

Вариант пессимистичный был ещё хуже. Зелье модифицировал Лирст с сотоварищами, и Шиа знать не знает ни о каком ритуале, а братишка — чтоб ему... всего хорошего — просто хочет, чтобы она лишний раз не дёргалась и не угробила себя сама раньше, чем случится знаменательное событие. Кстати, весьма реальный вариант. Вот только думать об этом не хотелось совершенно.

Внешние двери её бывших покоев нашлись быстро. Располагались они на втором этаже восточного крыла. Стоило магии дома почувствовать её перстень, как створки тут же распахнулись, пропуская её внутрь.

Что сказать... Бардак в комнатах был феноменальный. Неужели братец поселил сюда свою незаконнорожденную дочурку? Что ж пойдём искать новых родственников. Может, хоть на этот раз повезёт, и они, то есть она, окажутся вменяемыми?

Катаризэлла бесилась от безделья. Она привыкла к тому, что все её дни были заполнены от и до. Теперь же хотелось, откровенно говоря, завывать от тоски, в этой скучной белоснежно-серой комнате, не несущей ни капли информации о своём владельце. Разве можно так жить? Нет ни нормальных книг (нормальных, разумеется, в понимании Катаризэллы, то есть каких-нибудь справочников, в идеале, по алхимии, но сейчас бы ей сошла даже обычная энциклопедия или банальный научный словарик), ни блокнота с карандашом, чего уж говорить про алхимические реактивы и оборудование. Столько времени и коту под хвост. Слов нет, как обидно.

Катаризэлла вдруг почувствовала, что что-то в комнате изменилось. Что-то... Только вот что? А потом она поняла. Сквозняк! Кто-то открыл дверь! Учитывая то, что её «восхитительный» родитель приходил только через портал, да и все вещи появлялись здесь аналогичным образом, то событие и впрям было неординарным. Практически одним прыжком девушка вскочила с дивана, на котором она лежала, выдёргивая нитки из одной из серебряных лент, украшающих подушки, и резко обернулась в сторону входа. К ней действительно пришли гости...

Незнакомка на миг застыла в дверях, словно позволяя Катаризэлле себя рассмотреть, или же она сама занималась тем же (а что, пусть и эльфийка, но женщина же всё-таки, а какой женщине не свойственно любопытство). Кат же это стихийное явление было свойственно однозначно, и она его с лихвой удовлетворила. Что сказать... эльфийка, как эльфийка. Правда, цвет волос редкий для представителей этой расы — почти рыжий, а вот глаза... Не узнать эти глаза девушка не могла, слишком часто видела почти такие же в зеркале, вот только выражение у них было совершенно нетипичным. Если в глазах её придурочного папаши прочесть нельзя было ничего кроме презрения ко всему и каждому и чувства собственного величия, то в этих застыло эмоций столько, что хоть весь спектр по ним составляй: боль, надежда, тоска, ожидание чего-то, решимость и ещё... любопытство.

Как интересненько! Кат даже мысленно потёрла руки. Кажется, ей попался эксклюзивный экземплярчик. А такие она любила, даже очень.

Её гостя, тем временем, сделала несколько шагов вперёд и двери за ней захлопнулись. Катаризэлла даже вздрогнула от этого звука, а ещё обругала себя кучей всяких нехороших слов, которые она вроде как даже знать не должна. Вот же... идиотка, надо было не рассматривать нежданную гостью с открытым ртом, а быстренько бежать на выход, хотя бы из комнаты вышла. А выпустит её эта рыжеволосая или не выпустит, это ещё факт науке неизвестный. Хотя... кто ей сказал, что эти двери единственное, что отделяет её от свободы, там же, наверняка ещё не один замок впереди, может договориться с незнакомкой выйдет и понадежней. Размышления юной естествоиспытательницы были прерваны неожиданно:

— Ну и как тебе этот чудовищный интерьерчик?

Вскочившая с дивана девушка смотрела на Дери огромными глазами, в которых застыло просто невыносимое любопытство. Барышня была... экстравагантной. Цвет волос уж точно. Странно... как это Лирста припадок не хватил, когда он это увидел. Представив себе лицо брата в момент эпического воссоединения семьи, Альэдериэна даже невольно улыбнулась. Но тут же вновь сосредоточилась. Ей нужно было разобраться, что собой представляет новая родственница и удалить её отсюда подальше. Дракон у неё один, и делиться она им не собирается, даже несмотря на то, что одному невыносимому ящеру она ещё долго этого не

скажет. Это во сне Дери растерялась, а уж при встрече всё ему припомнит: и то, что не написал ни строчки, и то, что она с ума сходила... В общем, там много наберётся. И в этот раз он точно хвоста не досчитается — пусть потом полгода регенирирует. А организовать выход дочери Лирста, а в том, что это именно она у Дери никаких сомнений уже не было, будет вполне возможно. Это у эльфийки кольцо и принадлежность к роду и Лесу, а для девушки, даже несмотря на то, что магия заблокирована кромарилом (браслеты Дери разглядела почти сразу, больно хорошо запомнила, какая это дрянь), покинуть дом рода Варис вполне реально.

Первая фраза если честно вырвалась совершенно случайно:

— Ну и как тебе этот чудовищный интерьерчик?

Выражение на лице её собеседницы сменилось с заинтересованности на удивление.

— Если честно отвратительно.

Дери про себя лишь фыркнула. Знала бы она, как эльфийка в своё время сама бесилась от невозможности что-либо изменить даже в своей комнате и эти платья пастельных цветов... От одних воспоминаний противно становилось. Хотя теперь, когда у неё есть активированный перстень и её эльфийская магия работает, она могла бы здесь сделать всё что угодно, хоть выкрасить стены в малиновый цвет. Жаль у неё сейчас нужные силы заблокированы, а то и правда, похулиганила бы.

— Ты Катариэна, дочь Лирста.

— Я Катариэлла, — с нажимом на окончание сказала её новая родственница.

Хмм... как интересно, братец её даже не признал, имя то человеческое.

— Значит, это Лирст тебя уже переименовал.

— Я Альэдериэна, его сестра, получается, что твоя тетя, можешь называть меня Дери.

Выражение лица племянницы очень чётко отражало, что она думает о таком родстве, но продемонстрировать ещё как-то, скажем в словесной форме, девушка свои эмоции не стала.

— И зачем ты пришла?

— В общем то, я пришла в свою, уже видимо, бывшую комнату, но для разнообразия можно и с тобой пообщаться. А интерьерчик и правда могли за эти годы обновить, вот за что не люблю эльфов, почти семьдесят лет прошло с тех пор, как я отсюда удрала, а никто даже не подумал тут что-нибудь изменить.

— Сколько? — опарашено выдохнула Кат, — А сколько же вам лет?

— Через год будет сто тридцать. Да ты не пугайся для эльфов это пустяки, мы долго живём, и, кстати, можешь и дальше называть меня на ты, родственники вроде как. И давно ты сюда попала?

— Пятый день. А ты, правда отсюда сбежала?

— Правдивей не бывает, — говоря это Дери продолжала задумчиво рассматривать комнату. Несмотря на устроенный здесь Катариэллой беспорядок, она могла честно сказать, со дня её ухода не изменилось ничего.

— А как тебе это удалось?

Девушка честно пыталась скрыть свою заинтересованность за обычным любопытством, но удавалось ей это плохо. Дери даже улыбнулась:

— Желаешь повторить попытку? — с усмешкой спросила она.

Полные надежды и восторга глаза Катариэллы сказали ей ответ раньше, чем прозвучали утвердительные слова. Впрочем, вопрос был скорее риторическим.

Тайник они нашли почти сразу. Разве что пришлось повозиться отодвигая один из шкафов, раньше Дери делала это при помощи заклинания левитации, но сейчас ей рисковать не хотелось, а Кат было и нечем. Но результат стоил затраченных усилий. Все её маленькие женские секретки ждали её на своём месте. С Катариэллой же при виде того, что хранилось в тайнике чуть не случился припадок... от счастья.

— Ты приготовила зелье «Отворенья тысячи дверей»! Вот как ты сбежала! — в полном восторге воскликнула она, глядя на хранившиеся здесь пузырьки, склянки, пучки трав, горелку и много ещё чего интересного. Глаза девушки при этом так сияли, что сама Дери не взялась бы сказать, чему она больше радовалась, тому, что ей предоставится возможность сбежать отсюда, или что она нашла ответ на интересующий её вопрос. А его любопытная племянка задала уже несколько раз, но Альэдеризна лишь улыбалась. Вот только, следующая фраза повергла в шок уже саму эльфийку, — А где ты нашла вытяжку сториндрэна?

Немая пауза затянулась минуты на полторы точно.

— А откуда ты знаешь рецепт этого зелья?

— Я то — понятно откуда. Я алхимией занимаюсь с ранней юности, — не без гордости заявила девушка, — Но что там всё таки со сториндрэном? Я жутко хотела проготовить это зелье, но у меня без него не получилось, а аналогов я не нашла.

От такого заявления Дери чуть не упала. Это явно было не бахвальство или хвастовство и уже тем более не ложь. А девочка то совсем не так проста, как кажется, с удивлением поняла она. Как Дери хотела бы видеть лицо Лирста, когда он это поймёт! Да... от осознания того, какое Единый ему «счастье» подкинул, Лирстика может и удар хватить. Вот уж действительно, каждому своё: кто-то, имея такую целеустремлённую дочь, был бы счастлив, её же братишка — что б ему — будет в ужасе. Впрочем, она ему эту возможность предоставлять не собирается, а Катариэллу надо действительно убирать отсюда и срочно, и уже совсем не потому, что она мешает её планам. Дери искренне захотелось познакомиться с ней поближе, узнать. Было у эльфийки предчувствие, что в её высокомерной семейке наконец-то появился ещё хоть кто-то адекватный. Поэтому ей нужно было подумать. А пока...

— Если я тебе покажу переделанный рецепт, сможешь его приготовить?

Ну да, вопрос точно глупый. Кат смотрела на неё такими счастливыми глазами, что сомневаться в её согласии и готовности не приходилось.

Через два часа на перевёрнутом на бок камоде была сооружена подпольная алхимическая лаборатория. Рецепт Дери пришлось вспоминать из головы, и писать от руки. Листы в тайнике у неё тоже были припрятаны — это была особо утончённое наказание её родителей, запереть её в комнате и отобрать любые приспособления для рисования, поскольку рисовать в юности Дери любила до самозабвения. Посидев так пору раз эльфийка начала делать запасы. Так и появилось её тайное место, превратившееся с годами в настоящие стратегические запасы. Разумеется, перед побегом самое ценное она прихватила с собой, но и того, что осталось, сейчас им было более чем достаточно.

Катариэлла всыпала в небольшую чашу последний ингредиент, медленно размешивая его, зелье как и следовало из описаний, которые она читала до этого, приобретало необходимый прозрачно-голубой цвет. Глаза девушки вспыхнули торжеством, будто говоря: 'Получилось!', а руки продолжали привычную отточенную до мелочей работу. Дери была

вынуждена признать, что сама она так не смогла бы, она тогда помнится смогла сварить что-то путнее лишь с четвёртой попытки и то в полную силу состав не вошёл, тут же всё было идеально. Что значит человек занимается своим делом!

Но как бы ни была приятна эта картина, долго наслаждаться ей долго эльфийка не могла.

— Где оно должно настаивать по правилам? — то, что Кат знала классический вариант зелья, Дери уже поняла, хотя оно, разумеется, было запрещенным и малоизвестным, но подробности ей сейчас не были нужны.

Девушка оторвала влюблённый взгляд от чаши и непонимающе уставилась на собеседницу, и только спустя секунд тридцать вникла в суть вопроса:

— Аааа... здесь. Лучше его вообще не двигать.

— Хорошо. Пойдём тогда в комнату поговорим, — со вздохом сказала эльфийка поднимаясь.

Через десять минут они сидели на том же диванчике, где лежала Катариэлла при появлении эльфийки. Дери уже рассказала вкратце суть проблемы, и возмущению девушки не было предела:

— То есть меня собираю выдать замуж, исключительно для того, чтобы эльфы смогли утереть нос драконам. А они не многовато о себе возомнили! Да кто они вообще такие! Да...

— Кат, меня вообще убить собираются, так что давай потом их всех обругаешь, когда будешь подальше отсюда.

— То есть как... убить?

— Там всё не совсем понятно, но единственный вариант, при котором ты выходишь замуж за Шиа и это является соблюдением договора — это моя смерть. Так что... Лучше скажи мне вот что... нужно чтобы ты как-нибудь привлекла к себе внимание во дворце, можно рядом. Это не принципиально, главное чтобы тебя заметил Светлый Повелитель.

— Зачем?

— Видишь ли... все последние годы один хороший друг присылал мне вести о том, что происходит в Лесу, в том числе и о Повелителе, — Дери улыбнулась про себя вспоминая какими комментариями сопровождалась обычно эти послания. Да, в обычной жизни Террион мог быть весьма несдержан, а порой даже эмоционален. Но девушка её улыбки разделить не могла, она смотрела на неё настороженно, ожидая продолжения. Наконец, эльфийка вновь заговорила — В одном из писем он упоминал о том, что о Повелителе можно сказать много негативного, но он человек слова. А суждениям своего друга я верю. Если договор, из-за которого мы с тобой обе здесь, действительно был подписан, а по всему выходит, что был, то на нём стоят подписи Светлого Повелителя и Верховного Повелителя. И вряд ли обычные, наверняка они сопровождалась либо клятвой крови, либо ещё чем-то подобным. А вся эта афёра, которую хочет провернуть мой братец, шита белыми нитками, так что Разнделиэн не стал бы так рисковать. Скорее это закулисные игры самих эльфов с целью либо возвысится, либо отвлечь внимание Повелителя от каких-то их собственных дел. А может быть и то и другое, а может и что-то третье. В любом случае... Светлый Повелитель — единственный из доступных нам сейчас существ, кто хоть как-то сможет разобраться во всей этой неразберихе. Ну, или хотя бы вернуть тебя домой. Добраться до границы Леса сама ты не сможешь, а уж тем более преодолеть её.

— А ты со мной разве не пойдёшь? — прервала монолог эльфийки Катариэлла.

— Нет, меня дом не выпустит.

— Как же ты сбежала тогда раньше?

— Тогда моя эльфийская магия ещё не была активирована, и мной нельзя было управлять через родовое кольцо, как выясняется, я выбрала безумно удачное время для побега. Днём позже и мне бы ничего не удалось. — Альэдеризна грустно вздохнула, но тут же выкинула все посторонние мысли из головы и продолжила, — Так что на счёт идей, о том, каким способом ты сможешь привлечь внимание Раэнделиэна? Учти, скандал нужен громкий.

Катаризэлла слушала рассказ новой родственницы в полном шоке. Всё это было для неё слишком. Эльфы, драконы, Повелители, какие-то интриги... Как она вообще оказалась во всё это замешана? Она же не принцесса, не леди, обычная ученица алхимика, пусть талантливая, но обычная же. И тут... оказаться замешанной в подобном! Вот уж «повезло» с родителем, так повезло. Век бы его ещё не видела! И откуда он вообще про неё узнал? Жила себе, никого не трогала.

Но в одном Альэдеризна была права — сейчас нужно было выбираться отсюда и как можно скорее, посокрушаться о несправедливости жизни она и потом успеет. Что же касается способа, способ у неё имелся. Вот только были у неё опасения, что после такого её не домой проводят, а в ближайшие места лишения свободы, или вообще на месте прибьют. Но кто не рискует... тот не проверяет собственные экспериментальные зелья.

— Хорошо. У меня есть способ, но мне нужна будет твоя помощь. В зелье нужно будет добавить одно заклинание, оно простенькое, даже твоих урезанных сил должно хватить.

— Хорошо. Напишешь формулу — я сделаю, — спокойно согласилась эльфийка.

Хм... спокойно. Знала бы она, в чём собирается участвовать, точно бы такой спокойной не была. Кат улыбнулась про себя весьма и весьма злорадно. Так что не будем пока подвергать психику новой родственницы таким встряскам, потом всё узнает.

Побег Катаризэллы из пренеприятнейшего для обоих городского дома рода Варис был назначен на утро. У них уже всё было готово и Альэдеризна даже сходила и проверила наличие запасного выхода (он по-прежнему существовал и по-прежнему запирался автономно от сообщающейся с родовыми кольцами основной защиты дома, хоть и довольно сложным магическим замком), но было решено дожидаться утра, чтобы Катаризэлла добралась к Светлому Дворцу ближе к полудню, когда там будет присутствовать максимальное количество придворных и прочих завсегдаев этого места. Подробную карту Дери ей уже тоже нарисовала и заставила выучить наизусть, все-таки собственная память это наилучший источник хранения информации.

Каким образом девушка собралась устраивать во дворце грандиозный переполох, Альэдеризне так и не было сказано, хотя... учитывая то, что в алхимии сама Дери разбиралась достаточно прилично... В общем, эльфийка примерно представляла ожидаемый эффект. Единственное, о чём она жалела, что не увидит этого зрелища собственными глазами, впрочем, она ведь может скоро вообще больше ничего не увидеть. Интересно Чертоги Изначального действительно существуют или это тоже придумано исключительно для Хроник Единого? В драконьих летописях об этом не было ни слова, а сейчас вопрос становился весьма актуальным. Дери в очередной раз нервно простучала ногтями какой-то безумный ритм по деревянному подлокотнику кресла, пытаясь не думать о плохом.

Она находилась всё в тех же гостевых покоях. Уже давно стемнело, но она не спешила

зажигать свет. Полчаса назад её даже почтил своим высочайшим вниманием «обожаемый» братец, хорошо хоть она вовремя вернуться успела. Не то чтобы она сильно боялась, но афишировать своё знакомство с Катариэллой раньше времени совершенно не входило в её планы. Он кажется ей что-то рассказывал, видимо даже не очень приятное, но Дери так была занята собственными мыслями, что обратила на его монолог едва ли больше внимания, чем на жужжание докучливого насекомого.

Эльфийка встала, несколько раз прошлась вдоль комнаты и вновь уселась в то же кресло. Не думать о плохом не получалось никак. Думать о хорошем было вообще лучше не начинать. Так что же тогда делать? Сойти с ума. Это было слишком безумное ожидание. Игра со смертью с вероятностью выживания около десяти процентов. Интересно, какова вероятность того, что она не умрёт в ближайшие дни? Хотя вероятность её жизни при любом раскладе довольно невысока...

Иногда Дери на полном серьёзе казалось, что её жизнь в последние годы — это запутанный лабиринт, выбраться из которого невозможно. Всё, пожалуй, действительно было предрешено уже в тот момент, когда на Срединной поляне двое влюблённых самозабвенно отдавались друг другу, праздную великое счастье своей взаимной любви. Да. Именно тогда. Ведь в тот день, когда они оба были счастливы как никогда, начала пробуждаться её эльфийская магия, будь она проклята, нависая над их судьбами чёрной тенью, чтобы разлучить их и всё разрушить. Да, именно разрушить. Потому что сама она уже давно выхода не видела.

В самом деле, какой у неё был выход? Вернуться к эльфам и жить под диктовку чужой воли. Нет уж — спасибо. Сдаться и принять такую судьбу она могла ещё в день собственного совершеннолетия, да и, как выясняется, в этом случае ей грозит ещё и быть любовницей собственного брата-извращенца. Это надо было вообще до такого дойти! Даже она не могла предположить, что он падёт так низко. И главное ведь, сам он не видит в этом ничего особенного! Будто это в порядке вещей! Слушая его безумные рассуждения Дери действительно не могла понять, кто из них сошёл с ума. Может быть всё-таки она. Может это с ней что-то ненормально, а весь остальной мир воспримет планы её брата, как эталон для подражания.

С другой стороны... жить так, как жила она последние годы, было не выходом. С каждым разом её сила становится всё больше и больше, и колебания между почти полным нулём и безумной магической мощью однажды её просто убьют. Однажды... Максимум через два-три года. Дери сама прекрасно понимала это.

Вот и получается. В Лес можно — но бессмысленно. В академию можно — но недолго. А все остальные варианты обречены на провал. Лабиринт. Лабиринт, каждая из дорог которого приводит в тупик. Вот она — вся её жизнь. А впереди лишь крошечный лучик надежды на то, что вчерашний сон окажется не сном, и всё что, рассказал там Шиа действительно правда и им всё всё-таки удастся... Огромное количество «если»...

Так сколько у неё процентов выжить в такой игре со смертью? Сама она думала, что меньше одного.

Эльфийка встала и медленно побрела к кровати. Она легла прямо так, не раздеваясь, только скинула туфли. Сон не шёл. Она всё пыталась себя убедить поспать, мечтая, что вдруг Шиа вновь ждёт её там, но одновременно и боялась того же, что она увидит его, но что-то пойдёт не так. Лишь во второй половине ночи её веки сомкнулись, чтобы погрузить свою хозяйку в беспокойный сон, полный сумбурных, обрывочных картинок и безумной

мешанины её собственных мыслей.

ГЛАВА 14. Когда секунды становятся роковыми... или последние капли магии

Они прощались стоя у уже открытой двери для прислуги. Солнце только-только поднялось над горизонтом, раскрашивая всё в радостные светящиеся цвета, будто в противовес настроению обеих девушек.

Дверь была уже открыта, одной из них уже нужно было идти, второй поскорее уничтожить все следы преступления, но ни одна, ни вторая не спешили этого делать. Они молчали. Пытаясь рассказать друг другу в одном взгляде то, что невозможно рассказать иногда за целую жизнь. Они могли бы стать подругами, либо просто общаться... И может быть даже смогут сделать это в будущем. Может быть. Но скорее всего — этого не будет. Обе это понимали. Катариэлла — чисто интуитивно, поскольку эльфийка не рассказала ей и половины информации, Альэдериэна — довольно реально и осознанно. Она же и прервала затянувшееся молчание:

— Тебе нужно спешить. Времени в запасе не так уж и много.

Кат вздрогнула.

— Да я знаю. Может быть... — она запнулась, — ты всё же пойдёшь со мной?

В ответ эльфийка лишь грустно улыбнулась.

— Видишь перстень, — она протянула Катариэлле правую руку, — Это родовой кольцо рода Варис. Свечение означает предупреждение. Эти стены не пропустят меня, пока тот, в чьи руках находится старший перстень, не отменит приказ. Сейчас это мой брат. Если вернётся отец — станет он. Но вряд ли от этого что-то изменится. А тебе лучше поспешить. Во дворце Светлого Повелителя мне будет от тебя намного больше пользы.

— Ты так уверена, что я просто не сбегу?

— Уверенна. Ты умная девушка. А тот вариант, который мы с тобой продумали, для тебя единственная возможность отсюда выбраться. А теперь — тебе пора. Ничего не забыла?

Катариэлла в полной растерянности отрицательно помотала головой. Дери попыталась ей улыбнуться на прощанье, но попытка была откровенно говоря жалкой:

— Ну, вот и хорошо. Береги себя. Я рада, что у меня появился хоть один нормальный родственник.

Зелёные глаза Катариэллы отчего-то наполнились слезами. Дери же лишь взяла её за руку и на прощание пожала:

— А теперь — иди, — сказала она и легко толкнула девушку наружу, туда, куда сама она попасть не могла, — Светлого тебя дня и лёгкой дороги.

Катариэлла шла чётко следуя указанному маршруту. На ней было довольно простое (для эльфов разумеется) платье, бывшее раньше формой одной из служанок. В общем-то... вполне ничего, серебристо-серого цвета, с завышенной талией и длинной в пол. Лёгкая, летящая ткань. Под грудью располагалась фиолетовая широкая лента. Через плечо была перекинута тканевая сумка чуть темнее платья с какой-то эльфийской вышивкой.

В брюках, конечно, было бы удобней, но за неимением лучшего, можно было и это потерпеть. На голову предусмотрительная родственница одела ей шёлковый шарф, в качестве компромисса с желаниями самой Катариэллы, опять же, фиолетового цвета, вся её синяя грива была собрана в пучок и покрыта этим аксессуаром. Ндааа... какая жалость, что

тёмно-синий цвет волос в этот сезон не является трендом моды среди эльфийских служанок. Кат лукаво улыбнулась, представляя себе эту картину.

Эльфийский город лишь на первый взгляд сильно отличался от обычного человеческого. А так... Те же улицы, только виляющие из стороны в сторону, как запутанные тропинки. К её собственному удивлению, они и правда оказались покрыты вырезанной из дерева и обработанной каким-то специальным составом деревянной плиткой. Смотрелось такое покрытие, надо признаться, бесподобно. Те же дома, только с огромным количеством древесины в отделке. Те же деревья... Хотя, нет. Деревья были явно не те же. Огромные, пышные кроны, стволы, обхватить которые не представлялось возможным, гигантские корни, выступающие над землёй... Да... Это производило впечатление.

Дом рода Варис располагался ближе к окраинам Алистемилиэна, так называлась столица. В переводе это означало что-то вроде цветка распустившегося на самой верхней ветке дерева. Как объяснила Дери, у особняка было такое расположение из-за того, что раньше это было поместье, находящееся недалеко от столицы, полученное в награду за заслуги ещё одним из первых представителей древнего рода Варис. Но со временем столица росла, наступала на границы владений со всех сторон, и, в конце концов, было решено часть участка продать, вложив полученные деньги в другие предприятия. Дом же так и остался родовым гнездом рода Варис. Чтоб этому роду... а в особенности её папаше, Кат даже запнулась, подбирая максимально достойное наказание за её мучения. Волос последних лишится! Вот!

Солнце поднималось всё выше. Его лучи, пробиваясь между кронами, освещали дорогу. Чем ближе Катариэлла подходила к центру города, тем чаще на деревьях стали встречаться всякие маленькие заведения: то небольшое кафе, то лавка, то и вовсе самый настоящий танцкласс. Они располагались на открытых террасах, установленных или на ветках дерева, или же прикрепленных прямо к его стволу. Забраться туда можно было по сложной системе лестниц. Иногда на одном дереве могло быть и несколько таких террас.

Чем больше времени проходило, тем больше существ появлялось на улицах. Да именно существ, потому что кроме эльфов можно было разглядеть и полукровок, и людей, и даже изредка оборотней. Как ей объяснила новая родственница слухи о том, что в Лес нельзя попасть представителям других разумных рас, несколько преувеличены. Нет, попасть — можно, выйти — нельзя. Обычно сюда попадали либо рабы, купленные в одном из княжеств, где рабство было легальным, либо люди (иногда оборотни), добровольно подписавшие магический договор о том, что не покинут пределы Светлого Леса до самой смерти. Обычно для таких целей выбирались те, у кого были хотя бы средненькие магические способности, поскольку в обществе эльфов на магии было завязано абсолютно всё. Становились эти люди обычно прислугой или рабочими на эльфийских предприятиях. Максимальная карьера, которую мог сделать в Светлом Лесе неэльф, была должность секретаря у не особо зажиточного эльфа, какого-нибудь художника или поэта, которому нет никакого дела до того, что происходит вокруг.

Катариэлла вспоминала всё, о чём ей говорила Альэдеризна, и убеждалась в правдивости её рассказов. Город же вокруг неё по мере её движения к центру продолжал незаметно меняться. Постепенно... улицы стали выпрямляться и расширяться. Дома были всё изящней, со всё более изощренными узорами по стенам. Деревья всё выше и всё более густо населены, но теперь уже это были рестораны, различные магические мастерские, закрытые клубы, дорогие магазины. Всё только проверенное и лучшее. Здесь не признавали

полумер. Но миг Катариэлле даже стало не по себе, настолько она была здесь чужой и не к месту. Казалось, все здесь могут думать исключительно о собственной неповторимости и прекрасности. Тфу... Среди прохожих стали всё реже попадаться люди, а даже если они и встречались, то были преисполнены такого чувства собственной значимости, словно работали не прислугой, а кем-то архиважным и знаменитым.

Дворец она не могла увидеть до последнего, поскольку он стоял в низине, когда же увидела... это было незабываемое зрелище.

Начать с того, что он располагался в своеобразной чаще, отгороженной от территории остального города ажурной деревянной оградой, настолько тонкой, что казалось, если на неё дохнуть — она рухнет. По этим причудливым изгибам плелась цветущая лиана с серебристыми, белыми и нежно-голубыми цветами.

В центре чаши находилось идеально округлое озеро. Дворец стоял полукругом вокруг него. Огромный, но при этом воздушный и изящный. Длинные, высокие проёмы окон. Множество балконов. По бокам башни. И вся это украшено настолько впечатляющими резными украшениями, что сама бы Кат в жизни не сказала бы, что это дерево, но по логике вещей это всё-таки было так. Пожалуй, она могла бы любоваться этой картиной вечно, но её отвлек стражник.

— Эри, — холодно бросил он, — позвольте увидеть ваше приглашение.

Эри — так в Лесу называли всех девушек не являющихся эльфийками, к этому обращению она была готова. А вот к полному равнодушию и брезгливостью взгляду оччень даже симпатичного стражника — нет. Хотя, где она видела несимпатичных эльфов. Вон даже папочка её, уж на что гад, а ведь красивый зараза, как не знаю кто.

Катариэлла опустила глаза, дабы не выдать собственное раздражение и тихо пробормотала, делая лёгкий реверанс:

— Мне велено передать срочное послание от лорда Варис секретарю Светлого Повелителя лично в руки. Вот, можете взглянуть на печать и разрешение.

Стражник взял протянутое письмо и написанное от руки разрешение на проход. Кат замерла, боясь даже вздохнуть. Это был самый опасный момент. Письмо писала Альэдериэна и ей действительно нужно было его передать, но уже потом, когда она попадёт к Повелителю, а вот разрешение было подделано, хотя сама Дери уверяла, что у неё подпись брата всегда великолепно получалась. Хотя на взгляд Кат, такое вообще невозможно написать, не то что подделать? Впрочем, лицо стражника разглядилось и взгляд несколько смягчился, если можно так сказать, а если уж быть совсем непредвзятым наблюдателем, то из настороженного он стал просто безразличным.

Катариэлла сделала ещё один реверанс и поспешила пройти внутрь. Если бы она пришла сюда просто так, то наверняка бы могла разглядывать всё здесь часами — один только парк можно было рассматривать вечно. Но сегодня у неё не было такой возможности, поэтому, как только она скрылась от взглядов стражников, тут же изменила направление своего движения, свернув на другую дорожку, ведущую в совершенно противоположную сторону.

Перед глазами была схема нарисованная Дери, а в голове отсчитывались секунды, уже было половина двенадцатого. В полдень Повелитель начнёт приём официальных прошений, она должна была успеть раньше чем он начнётся это безусловно важное для кого-то, но точно не для неё мероприятие. Шаг. Другой. Третий. Нервы начинают подрагивать. А что если что-то пойдёт не так и у неё не получится? Поворот. Эта аллея или другая. Нет, эта!

Вон впереди статуя водяной девы. Нет, спешить нельзя, иначе это может привлечь лишнее внимание. Средний темп. Медленно, но верно. Ага. Вот об этом дереве говорила её рыжеволосая родственница. Да, точно!

Идея заключалась в том, что здесь можно было достаточно легко осуществить свой замысел, но при этом ей не куда особо убежать и её в любом случае поймают. Вот... страшно то как! А если её действительно в тюрьму посадят? Интересно, какой-тут срок за осквернение эльфийского дворца. А может её в гневе вообще на месте прибьют.

Девушка собралась, перешагнула через выступавший над землёй корень и достала из сумки нужную колбу. Пробка долго не поддавалась её усилиям, но всё-таки выскочила. Жидкость неопределённого цвета вылилась на белую каменную стену дворца, приобретая совершенно иную окраску, параллельно активировалось заклинание увеличение площади покрытия зелья. Это была одна из её лучших находок. Рецепт она разрабатывала под руководством учителя, действительно для покраски зданий, но им с наставником так и не удалось изменить цвет на что-то менее психоделическое. Единственное, чем могла обрадовать Катариэлла Светлого Повелителя, так это то, что сиреневый цвет с ярко-фиолетовыми разводами всё же смоётся, правда сама она точно не скажет когда... Матрица заклинания дублировалась, распространяясь по всему зданию. Всё было сработано чисто. Ни единого непрокрашенного участка. А наставник говорил: «Неудачно зелье! Неудачное зелье!». А получилось очень даже чудесненько. Да... Кат оглядела деяния рук своих — такой дворец ей нравился намного больше.

Ну... вот и всё! Осталось дожидаться охраны. Девушка уже собралась усесться их ждать на ближайшем достаточно удобном корне, как увидела незнакомца, причём там, где его быть не должно было и в помине. Он сидел на одной из веток того самого дерева, возле которого она осуществляла свою диверсионную деятельность.

Её часы показали без пятнадцати двенадцать.

Выпроводив Катариэлла, Дери ещё раз прошла по пустому дому. Интересно, где родители. Не то чтобы она хотела их видеть, скорее бы было верно сказать обратное, но куда-то же Лирст их дел. Полное отсутствие прислуги её не удивляло, братец наверняка их всех распустил, на то время, которое она будет здесь находится. Зачем ему лишние свидетели.

Альэдериэна зашла на кухню, это помещение она любила гораздо больше, чем все остальные. Хоть слуги с ней и не разговаривали больше необходимого из-за жёсткого запрета родителей, но там всегда можно было, пока никто не видит, стащить пару пирожных или вообще послушать тихонько под дверью, как сплетничают кухарка с горничной. Сейчас кухня была пуста, хотя открыв холодильный шкаф можно было раздобыть еды на любой вкус. Дери собрала себе на поднос еды, заклинанием зажгла печь и сварила целый кофейник кофе. Теперь можно было идти бездельничать.

Поднос был перенесён в библиотеку. Как и весь дом она мало изменилась с момента её побега. Высокие до потолка стеллажи, расставленные строго по тематике книги, магические светильники в форме цветов, расположенные строго симметрично друг другу, несколько столов для чтения из светлого дерева и светло зелёные кресла вокруг них. Окна были огромными и пропускали максимум света. Занавески и шторы эльфы не признавали. В таких усадьбах вообще о соседях было говорить бессмысленно, а слуги воспринимались скорее как предмет интерьера, а в городе предпочтительней было пользоваться лёгкой магической

завесой или же простеньким заклинанием для зазеркаливания поверхности.

Несколько секунд эльфийка стояла у окна, сравнивая открывающийся вид со своими воспоминаниями, а после тихонько фыркнув отправилась выбирать книгу. Есть в библиотеке было строжайше запрещено не говоря уже о кофе, и сегодня Дери собиралась, наконец, выполнить это тайное желание своего детства. Раньше ей с этим постоянно не везло, всё время кто-то застукивал. Конечно, это было по-детски, но демон их всех возьми, может ей жить осталось несколько дней, а она будет отказывать себе в такой малости.

Литература здесь была практически вся на эльфийском и древнеэльфийском. Выбрав сборник старинных легенд Альэдериэна, наконец, смогла устроиться в кресле и погрузиться в чтение. Эту книгу она помнила очень хорошо. Безумно красивые истории любви и ненависти, предательства и дружбы. Помнится в детстве юная Дери всегда недоумевала, почему сейчас такого не происходит, почему эльфы из легенд ведут себя так свободно и открыто в то время как они, их потомки, скованы по рукам и ногам правилами, нормами, законами.

Звук открывающейся двери застал её врасплох. Подняв глаза эльфийка увидела Лирстелиэна. Он застыл в дверной проходе, наблюдая за тем как она пьёт кофе с книгой в руках.

— Решила выполнить детскую мечту, — скривил он губы в презренной усмешке, — ты всегда обожала нарушать правила.

Альэдериэна на миг замерла, ей было неприятно видеть бывшего брата (да, он так и остался бывшим, теперь более чем когда-либо) и разговаривать с ним не хотелось. Пару глотков кофе предоставили ей хоть какую-то возможность собраться с мыслями.

— Ну, как выясняется, ты тоже любишь этим заниматься. Вот только я никогда своего стремления не скрывала и всегда открыто в этом признавалась, за что бывала регулярно наказана, а ты строил из себя идеального мальчика, согласного во всём с родителями, но при этом правила любишь нарушать ничуть не меньше чем я.

Эльф скривился ещё больше, на его безупречном лице отразилось признание и неприязнь:

— И что тебе дала твоя честность? Куда она тебя привела? К людям? Нет уж, уволь, от этих недолговечных мотыльков я предпочитаю держаться подальше. Да и чего ты у них нахваталась? Благородная эльфа не должна себя так вести.

На эту тираду Дери лишь фыркнула.

— Да-да я помню «безродная шавка», «драконья подстилка» и так далее, — голос её сочился неприкрытым сарказмом, — Чего же ты тогда, братец, пришёл, если тебе со мной так противно общаться.

— Мы уходим, пойдём, переоденься, — сквозь зубы бросил эльф.

— Что это тебя уже и мой внешний вид не устраивает.

— Не в коей мере, — лицо Лирстелиэна исказилось от с трудом сдерживаемого гнева, но он всё же сдержался, — Одежда ждёт тебя наверху. Сама оденешься или мне помочь?

Взбрыкнуть хотелось невероятно, но от последней перспективы Дери чуть не затошнило. Нет уж, она лучше сама справится.

С независимым видом эльфийка поднялась и отправилась в спальню. Когда она проходила мимо гостиной, часы там пробили одиннадцать.

Катаризлла смотрела на невольного свидетеля её преступления и понимала, что сердце

уходит в пятки, вот только непонятно от чего от ужаса или... от чего-то другого. Начать с того, что это был эльф, нет, не так, это был самый невероятный эльф, которого она только видела, хотя видела она их пока не так уж много, но это уже незначительные мелочи. Высокий. Широкоплечий. С поджарой фигурой. Сразу видно, что с детства приучен к развлечениям с ножами, шпагами и прочими железьями, так вдохновенно любимыми всеми особями мужского пола. Волосы просто нереального цвета — белоснежные. И последний штрих — синие-синие глаза с притаившимися в глубине смешинками. Катариэлла рассматривала его и понимала, что просто не знает, как себя вести, что сказать, да и вообще, она же даже не могла предположить, что такое совершенство существует.

Мужчина же, казалось, искренне наслаждался её растерянностью, посмеиваясь про себя. Одним неуловимым движением он спрыгнул с ветки дерева на землю и без малейшей заминки шагнул к ней:

— И как следует понимать сей эксперимент? — лицо его было строгим, но к собственному удивлению Кат не испугалась.

— А почему я не видела вас, когда шла? — с совершенно искренним удивлением спросила она.

— Потому что не должна была видеть, — эльф слегка улыбнулся, подняв один уголок губ, и продолжил, — Так с чем связан столь смелый дизайнерский проект?

Катариэлла была так обескуражена, что сама не заметила, как выпалила правду:

— Мне нужно попасть к Повелителю и отдать ему письмо... лично в руки.

Улыбка на губах незнакомца из иронично превратилась в насмешливую:

— Ты так уверена, что попадёшь к нему?

— После такого, — Кат самодовольно кивнула на дворец, — уверена.

Лицо незнакомца стало бесстрастным, но в глазах был отчётливо виден внезапно вспыхнувший интерес:

— А на письмо взглянуть можно?

Катариэлла колебалась, в конце концов, она решила пойти на компромисс:

— Если не будете вскрывать.

— Договорились.

Мужчина протянул руку. Кат достала из сумки конверт и передала ему. Несколько мгновений эльф изучал его, а потом резко сломал печать и развернул.

— Что вы делаете? — Катариэлла была просто в шоке.

Что же она теперь будет делать? Как же... Она же должна отдать письмо Повелителю!

А этот... нахал уже читал послание, одновременно говоря:

— Ты же хотела отдать письмо Повелителю, считай что отдала, и, кстати, новый цвет моего дворца можно было и со мной согласовать.

Девушка застыла на месте. Все гневные реплики, которые уже были готовы сорваться с её губ так и остались произнесёнными. Повелитель?!

В этот момент... в этот момент Катариэлла совершенно не знала, чему удивиться сильнее. Шок от того что перед ней сам Повелитель, растерянность, ведь её застали на месте преступления, стыд, собственно, по той же причине. Задетая гордость профессионала (это же её лучшее, уникальное, между прочим, зелье!). Страх подвести Дери, ведь она должна ей помочь. Эта грустная эльфийка — единственное существо в этом проклятом Лесу, кто отнёсся к ней с симпатией и пониманием. Пришедшая же внезапно в голову мысль и вовсе не порадовала девушку, а что если у Альэдериэны будут проблемы из-за того, что Кат здесь

устроила? Именно последнее соображение заставило её сказать:

— Это моё собственное зелье и леди Альэдеризна не имеет к нему никакого отношения.

Но эльф не обратил на её слова никакого внимания. Он внимательно читал письмо и хмурился с каждой строчкой всё сильнее и сильнее. Закончив, мужчина резко поднял глаза. Холод и сосредоточенность — именно таким был его взгляд, направленный на Кат. От неожиданности девушка даже невольно вздрогнула.

— Ты знаешь, что в этом письме? — настороженно спросил Повелитель. Да, сейчас перед ней стоял уже именно Светлый Повелитель, и не ответить ему не было никакой возможности.

— Частично. Само письмо я не читала, но Альэдеризна кратко ввела меня в курс дела.

— Что ж... в таком случае мои планы несколько меняются. А ты идёшь со мной.

— Куда?

— Спасать твою невезучую родственницу. Вард Грендель-Риэр пол-леса разнесёт, если с его половинкой что-то случится. А я давно мечтаю прищучить этого прохвоста Вариса-младшего. Где ты говоришь Альэдеризна сейчас находится?

— В городском доме рода Варис.

Эльф кивнул и тут же развернулся и быстрым шагом направился в неизвестном направлении, Кат поспешила следом.

— Куда мы идём?

— Сейчас построю портал и перенесёмся. Место я примерно помню, — кротко бросил Повелитель, — Приготовься!

Они вышли на небольшую лужайку. Подчиняясь воле эльфа, магические потоки начали перестраиваться, образуя портал.

— Нам туда. Поторопись! Я должен вернуться к двенадцати.

Катаризелла с удивлением взглянула на часы. Это было крайне самонадеянное заявление, решила она. Часы на её руке показывали без пяти минут полдень. Впрочем, он повелитель, наверное, ему можно опаздывать.

Девушка смело шагнула в портал. Эльф проследовал за ней.

Альэдеризна не спеша поднялась в гостевую комнату, в которой впервые очнулась. Торопиться ей было некуда. Если Лирсту так важно время, пусть сам её поторопит. Она поднялась на третий этаж, ступени лестницы закончились как-то слишком быстро, Дери бы с удовольствием поднималась по ней до вечера. Неужели сейчас всё решится? Эта мысль набатом билась в её голове.

Дверь отворилась как всегда легко. На кровати её ждало белоснежно-белое платье.

Очень символично! Что ж... всё действительно решится именно сегодня.

Чуть дрожащими руками Альэдеризна коснулась шёлковой ткани и подняла наряд. Прямое двухслойное платье с широкими рукавами, собранными лентами на запястьях, и разрезами по бокам. Сложный вышитый цветочный орнамент был едва заметен, лишь при движении он слегка переливался серебром. Братец как всегда предпочитает традиционные вещи, горько усмехнулась Альэдеризна.

Её преподавательская форма быстро упала на ковёр. Платье легко заскользило по коже, мягко обнимая фигуру. Взглянув на себя в зеркало эльфийка невольно поёжилась. Совсем неплохо для последнего в жизни наряда. Поддавшись минутному порыву, эльфийка распустила косу, и её волосы мягкими, чуть вьющимися волнами упали на спину.

Она встретила глазами со своим отражением. Сейчас всё решится. В чём то это даже было хорошо, затянувшееся ожидание выматывало похуже, чем самый изощрённый противник. Глаза эльфийки в зеркале были полны отчаянья и усталости. В голове вновь мелькали варианты развития предстоящих событий, сама же она уже прощалась. С этим миром, с солнечным днём, с лёгким шелестом ветра (всё же в этом мире было много прекрасного) и с Шиа. Сейчас она как никогда чётко помнила его глаза, наполненные огненными искрами, его улыбку, его проникновенное «маленькая» и такие любимые объятия.

Казалось, она видела его последний раз вчера, а не тридцать лет назад. Тело всё ещё помнило его руки, губы вдруг даже слегка закололи в ожидании поцелуя... И запах. Самый родной на свете запах. Нет. Его она уж точно не сможет забыть никогда. Слезы подступили слишком близко. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Но она не будет плакать. Если ей сегодня суждено умереть, она умрёт с улыбкой и гордо поднятой головой. И да, Единый, спасибо тебе за то, что Шиа был в моей жизни, за то, что я хотя бы узнала, какое это счастье — любить и быть любимой.

Альэдериэна запрокинула голову, пытаясь выкинуть все мысли и не думать ни о чём, но беспорядочные обрывки так и мелькали в её голове, не давая сосредоточиться. Что-то не давало ей покоя, не давало даже шанса надеяться на то, что она переживёт этот день. Эльфийка грустно улыбнулась, пытаясь отогнать дурные предчувствия, и направилась к выходу.

Как вдруг...

Кромарин!

Одно это слово вспыхнуло в голове, будто огненными буквами. Как же она раньше не поняла. На запястьях у Катариэллы были кромариновые браслеты. Вопрос, зачем братцу ставить самый сложный магический блок на её человеческую магию, не перекрыв при этом её полностью, если он мог спокойно одеть ей кромарин. Отличия в этих способах было только одно. Время возвращения магии. После кромарина магия могла вернуться в ту же секунду, а могла и через полчаса. А это значило...

Но сформулировать свою мысль Альэдериэна не успела. Вокруг неё, с ней стали сразу происходить несколько событий. Сознание вновь начало уплывать, а рядом открылся портал, куда её лишаящееся воли тело и начало падать.

Видимо Лирсту надоело ждать, эта мысль ещё мелькнула в сознании младшей дочери рода Варис. А дальше... наступила темнота.

Солнце стояло в зените.

Это было первое, что поняла Альэдериэна, когда открыла глаза. Пейзаж вокруг радовал полным несоответствием с тем, который эльфийка помнила до пробуждения. Впрочем, это было бы даже странно, учитывая то, что Дери помнила, как уже практически без сознания начала проваливаться в портал. Демонов Лирст! Сколько можно ей сознание отключать, нашёл игрушку, как же, оказывается, ей было чудесно без этого идиотского родового перстня на пальце.

Дери попыталась пошевелить рукой, дабы убедиться в наличии этого самого перстня на пальце, но фокус не удался. Руки были зафиксированы над головой. Ноги, как показал более детальный осмотр, тоже не были свободны. Эльфийские лианы. Заклинание весьма надёжное, можно было даже не думать выбраться без посторонней помощи, чем больше она

будет вырываться, тем сильнее побеги будут затягиваться. Вот... Лирст!

Дери извернула голову так, чтобы добиться максимального обзора, повернулась в другую сторону и поняла, что помнит это место. Срединная поляна! Демоны бы её побрали. Значит «обожаемый» братец планирует провести ритуал здесь, доказательство этого факта эльфийка рассмотрела вокруг себя. Хотя она и лежала на траве, но та была явно подстрижена (есть в эльфийской магии и такое заклинание), а вот вокруг неё были выжжены символы, переплетающиеся между собой в сложную конструкцию. Все рассмотреть с такого ракурса Альэдеризна не могла, но даже так ей были видны и драконьи, и эльфийские, и даже человеческие руны.

Это могло значить только одно... догадка появившаяся в её голове перед тем, как она потеряла сознание — верна. Лирст усовершенствовал ритуал и теперь собирается забрать не только её эльфийскую магию, но и человеческую. А для неё это означает только одно — смерть. Вот почему не было кромариновых браслетов, вот почему её мучили такие ужасные предчувствия и чувство обречённости. Братец переиграл Шиа, и она... всё-таки умрёт.

Странно... наверное, ей должно быть страшно, может быть она даже должна умолять Лирста сохранить ей жизнь... Но всего этого не было. Ни страха, ни отчаянья. Лишь чувство обречённости. Где-то в глубине души она знала, что всё кончится именно так, ещё когда только узнала о ритуале из уст братца.

Что ж... это тоже какой-то итог.

Больше не нужно будет цепляться за давно ненужное ей существование, бороться, и даже вспоминать... да, вспоминать тоже не нужно будет.

Знать бы ещё только, что ждёт там, впереди. Или не будет никакого «впереди», и она просто перестанет быть... Исчезнут все её мысли, память, чувства, боль и даже любовь. Всего этого просто не станет. И только немногие друзья будут вспоминать одну сумасшедшую эльфийку, рискнувшую пойти против традиций, бросить вызов всему чему её учили с детства и даже влюбиться во врага.

Знакомый и ненавистный до звёздочек перед глазами голос прервал её рассуждения.

— Ты вовремя очнулась. До полудня осталась пара минут. Надеюсь, тебе хватит этого времени, чтобы попрощаться с этим миром, — глумливо пропел Лирстелиэн над её головой, — уверен, ты оценила мизансцену.

— Вполне, — эльфийка была совершенно спокойна, — Долго дорабатывал ритуал.

Да. Холодно и отстранённо. Вот так. Она не покажет ему, что чувствует, что, ей демоны побери, больно, что она готова отдать даже свою последнюю минуту за то, чтобы увидеть в последний раз своего дракона. Нет. Она родилась леди, и пусть всю жизнь отрицала этот факт, но умрёт она как леди, без жалоб и просьб о пощаде.

А ведь он так надеется на это. Дери поняла это когда Лирст обошёл её вокруг и стал в ногах. Его глаза ждали, предвкушали, надеялись на её последнее унижение.

— Не особо. Твой дракон оставил мне достаточно подсказок.

Он бросил это «твой дракон» с таким презрением смешанным с тщательно скрытым раздражением, что Дери, даже несмотря на своё состояние, еле сдержала улыбку. Да, братец, — дракон. Да — мой. Да — любимый. Тебе им не быть никогда. Но об этом она говорить не стала, нужно было всё-таки разобраться с тем, что происходило вокруг неё все эти годы.

— Ты знал с самого начала, ведь так? — продолжила она.

— То что вард Грендель-Риэр специально подсунул мне свиток с ритуалом?

Естественно. Но он сильно ошибается, если думает, что сможет использовать меня для того, чтобы лишить тебя эльфийской магии, а потом долго и счастливо жить с тобой в Горе. Нет, дорогая, ты умрёшь по-настоящему и до конца. Так что попрощайся с небом, цветочками, собственной магией, ах, да, и своим драконом тоже. Какая жалость, что вы так и не смогли увидеться. Думаю, он бы оценил. Но в твоём распоряжении сегодня только я, так что — прощай сестрёнка, буду вспоминать о тебе каждый раз, когда буду пользоваться твоей магией.

Дери молчала. Она смотрела на брата и задавалась лишь одним вопросом. Во что же ты превратился Лирст? Неужели это то, чему учит благородное эльфийское воспитание? Измываться над собственной жертвой, желать изнасиловать родную сестру, упасть так низко, что тебя даже ненавидеть нельзя... В таком случае, какое счастье, что она была другой. Спасибо тебе за это, Единый!

Дери улыбнулась, медленно и с чувством полного превосходства:

— Прощай. Счастья желать не буду, ты всё равно не понимаешь что это такое, желаю тебе пережить сегодняшней день, да и всему Лесу тоже. Драконы в гневе страшны... Так что... может, скоро встретимся, братишка.

Эльф зло сверкнул глазами, но не ответил.

Время пришло.

Он всё также молча подошёл к ней и нарисовал белой краской на груди знак концентрации, а рядом отрицания. Всё правильно. Теперь она центральная фигура ритуала. Отдающая сторона. Лёгкий магический импульс прошёлся по ауре эльфийки, разрушая блок, стоящий на человеческой части её магии. Но ей осталось слишком мало времени. Заклинание полностью распадётся как раз тогда, когда ритуал будет уже идти. Он всё рассчитал. Глаза Лирста блеснули торжеством. Эльф отошёл от будущей жертвы и занял своё место в специально для этого предназначенной точке у её ног. Верно. Принимающая сторона. Что ж удачи тебе Лирст! Альэдеризна горько улыбнулась и отвела взгляд.

У неё остались секунды, чтобы посмотреть последний раз на прозрачное как никогда небо, на плывущие по нему облака, услышать шелест травы, почувствовать лёгкое едва ощутимое дуновение ветра и попрощаться с Ним... Пусть так, пусть на расстоянии, наверное, так даже лучше. Спасибо тебе... Спасибо тебе, Шиа! За то... что был в моей жизни. За то... что любил. За то... что любить тебя было также просто, как дышать. Спасибо тебе, любимый... И прощай...

Магия Лирста полилась ровным потоком, активируя символы один за другим, рисунок начал светиться жутковатым, хоть и действительно красивым кружевом. Эльф замер на своём месте, сосредоточившись на ритуале. Он повторял магией каждый символ, каждую чёрточку, напивал её силой и ждал. До полудня остались секунды. Рухнул блок на ауре сестры. Усилием мысли он отдал команду кольцу прекратить удерживать её эльфийскую магию. Секунды. Пять. Четыре. Три. Вдох.

Полдень.

Солнце стояло высоко в небе.

По небу плыли облака.

Дери смотрела на них во все глаза, огромные зелёные глаза цвета весенней травы, но видела перед собой лишь его лицо, его глаза, слышала будто совсем рядом его голос... Слёзы. Они всё-таки начали катиться по её щекам. Крупные и горячие. Но это было неважно.

Как сквозь сон эльфийка чувствовала, как силы покидают её, на груди, там, где горели символы, всё жгло, во всём теле была лишь слабость. В глазах начинало темнеть.

Так просто? Всё это будет так просто...

Последние капли? Или у неё ещё много магии? Не понять.

Где-то вдали, будто в другой Вселенной, слышался надрывный мужской крик... Лирст? Зачем же так кричать, ты же сам этого хотел. Как темно... Неужели наступила ночь? И почему так путаются мысли.

Смерть. Да я знаю, ты совсем рядом. Сейчас, я лишь посмотрю последний раз на небо... прозрачное голубое небо... с белыми-белыми облаками... и мы пойдём.

Спасибо тебе Единый! За то, что я жила. За то, что любила. Спасибо тебе за Него, за моего любимого дракона.

Последний, едва слышный вздох вырвался из груди.

Темнота.

Вокруг была только темнота.

И никаких тебе Чертогов Единого.

Рисунок уже не светился, а пылал. Златоволосый эльф с трудом справлялся с потоком сил. Чужая магия жгла, будто мстя за хозяйку. Лорд Варис корчился от боли, его руки намертво вцепились в траву, а из горла вырывался только надрывный крик. А рядом... рядом совершенно неподвижно лежала его сестра... Альэдериэна леди Варис ан Летериэн. В её глазах так и застыло безграничное голубое небо.

Солнце стояло в зените над Срединной поляной. Был... полдень.

— НEEEEEEEEEEEEEEEEЕЕТ!

Полный боли крик пронёсся над лесом. Безумная волна силы вырвалась на свободу, снося на своём пути всё: камни, деревья и... одного самолюбивого эльфа.

На поляне стоял милорд вард Грендель-Риэр. Его глаза пылали бешенством и отчаяньем, а сила клубилась в жилах, сводя с ума.

НЕТ. НЕТ! НЕТ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Катарииэлла вышла из портала возле знакомого и совершенно не привлекательного для неё лично дома и огляделась. Вроде бы с момента её ухода не изменилось ничего.

Эльф вышел следом, лёгким магическим пасом захлопнув за собой пространственную дверь, и стал внимательно сматриваться в дом. Около минуты он напряжённо его изучал, а потом произнёс:

— В доме никого нет. Они уже ушли.

Кат испугалась до ужаса. Как это нет! Куда ушли? Но она не рискнула задавать все эти вопросы, видя что Повелителю не до неё, уж что-что а рабочий процесс девушка уважала. Эльф присел к самой земле, шепча что-то, видимо, на древнеэльфийском. Лицо его было сосредоточенно, все мышцы напряжены. Кат не могла толком рассмотреть, что он делает, из-за блокировки магии её магическое зрение было очень нечётким, но всем своим существом ощущала, что что-то весьма масштабное, магия вокруг просто кипела.

Наконец мужчина поднялся:

— Я нашёл след перемещения, сейчас построим портал по эти координатам и пойдём. Говоришь, твой отец хочет провести ритуал и забрать у Альэдериэны магические силы?

— Он мне не отец, — коротко огрызнулась Кат, но потом всё же сбавила тон, — Я

никогда не считала и не буду считать лорда Лирстелиэна Варис своим отцом. И да, он действительно собирается убить свою сестру, по крайней мере, так он сказал ей.

Эльф задумался.

— В данном случае возможны варианты. Но есть очень большая вероятность того, что ритуал начнётся в полдень, поэтому поспешим.

При последних словах эльфа открылся портал, мужчина жестом пропустил её вперёд, как и в прошлый раз. Катариэлла сразу поняла, что этот переход намного мощнее, чем предыдущий. Куда же они попадут? Но размышлять было некогда, и Кат шагнула вперёд. Повелитель практически сразу за ней.

Милорд вард Грендель-Риэр уже несколько часов находился в своём рабочем кабинете в Верхнем Дворце. Приём по текущим вопросам был закончен, письма разобраны, секретарь отпущен. Он ждал. Всё что можно было сделать было сделано. Оставалось лишь дожидаться, когда его люди сообщат о начале ритуала и забрать после него Дери. Потом он сможет одеть ей браслет, который свяжет их навсегда, и всё наконец-то будет хорошо.

Он уже с трудом мог поверить, что это «хорошо» когда-нибудь в его жизни будет, настолько привычным стало постоянное напряжение, работа за пределами возможного и каждодневный изматывающий и подтачивающий силы страх, что однажды её аура просто не вынесет невыносимых энергетических колебаний и он перестанет ощущать тонкую ниточку, тянущуюся к его браслету, одетому на ней до сих пор. Шиагрон уже не мог представить, что когда-то всего этого в его жизни не было. Что он просто спешил домой каждый вечер к любимой женщине, засыпал, прижав её гибкое стройное тело к себе, и был просто счастлив. Оказывается в этом «просто» было так много, но понять это возможно только теперь, когда от бывшего счастья остался лишь пепел и воспоминания, демоны бы их побрали!

Милорд никогда не верил в предчувствия, намного больше он доверял логике и математическим расчётам. Эта самая логика, говорила ему, что сейчас бояться нечего, все фигуры расставлены и остаётся только ждать, но интуиция, предчувствия, неважно как это назвать, твердили об обратном. Сегодня ему было беспокойно почти с самого утра. Это беспокойство сейчас достигло такого апогея, что он не мог сосредоточиться ни на чём. Оставалось лишь ждать.

Наконец... шкатулка с почтой засветилась. Донесение от одного из агентов, находящихся в Лесу. Эту почту он контролировал лично, не доверяя ни одному секретарю. Рука молниеносно достала послание развернула конверт. Глаза быстро пробежали по скудным строкам.

Хруст.

Огромный кулак со всего маха врезался в каменную стену.

Каменная крошка осыпалась на пол.

Лицо превратилось в жуткую маску. Он едва сдерживал вырывающийся наружу рык. Письмо оказалось скомканным и через мгновение над дворцом уже парил золотисто-огненный дракон, направляясь в стороны границы с Лесом.

Страх.

Ему ещё никогда в жизни не было страшно.

И безумный вихрь вопросов в голове.

Что значит исчезновение Дери из дома брата? Где она теперь? Он чувствовал нить своего браслета. Она была жива. Но почему она исчезла. Неужели Варис-младший решил

Шёпот, едва слышный шёпот. Но он прекрасно понимал, ответа ему не дожидаться. Её аура сказала ему слишком много. Да, она больше не была эльфийкой. Но и её... больше не было.

Проклятые эльфы! Проклятый Лес!

Нет! Нет. Нет...

Шиагрон вард Грендель-Риэр продолжал стоять на коленях возле остывающего тела своей любимой и не видел, не мог, да и не хотел, как на поляне открылся ещё один портал. Светлый Повелитель и его спутница вышли на поляну пытаясь понять, что происходит.

Они тоже опоздали. На минуты. Может быть секунды. А может быть... на целую жизнь

ГЛАВА 15. Прогулка в безвременье или тет-а-тет с галлюцинациями

Катаризэлла смотрела во все глаза и не могла поверить. От испуга она вцепилась в руку Повелителя, ища хоть какой-то поддержки.

Они опоздали.

Безумное рычание дракона, склонившегося над лежащей на земле Альэдеризной и невероятные вихри магии, всё ещё бушующие в пространстве, не могли оставить сомнений.

Всё было кончено.

Каких-то пара минут.

Единый, за что!

Слёзы катились по щекам девушки, а рука так и продолжала сжимать до боли кисть эльфа.

Медленно — им больше некуда были спешить — они подошли к лежащей на земле эльфийке и дракону. Не эльфийке, её телу, но Кат даже в мыслях не смогла это произнести.

Пара замерла в нескольких шагах от круга, исчерченного сложными замысловатыми символами.

Время замерло.

Дракон поднял голову, на его лбу горели руны. Несколько мгновений его взгляд блуждал, а потом впился в них взглядом.

Это было страшно.

Взгляд полный боли отчаянья и... безумия. Казалось, он видел не их, а смертельных врагов.

Рык.

Он зарычал как раненный зверь.

В испуге Кат отступила на несколько шагов, увлекая за собой и своего спутника, а потом...

В глазах этого... существа (было трудно подобрать более подходящее слово) вспыхнула надежда, последняя, такая же безумная как и ярость, но... всё-таки надежда. Руки его изменились, обрастая чешуёй и когтями. Взмах. Резкий быстрый взмах по обоим своим запястьям и тёмно-бордовая кровь потекла по его рукам. Она падала на грудь его любимой, окрашивая её кожу, платье, собираясь лужицей и растекаясь. Быстрые чёткие движения дракона было трудно разглядеть. Что он пишет? Зачем? Он сошёл с ума?

Но Шиагрона не волновало уже ничего. Закончив чертить своей кровью символы на груди Дери, он поднял голову к небу и зашептал:

— Стехриэнши Дгериэши Антариэста! Рааври этта риэт деллиари! — голос стал громче, — Стехриэнши Дгериэши Антариэста! Терриаэт шиэрру даллиэррэши! — и уже крик, — Стехриэнши Дгериэши Антариэста! Литарро шиирру дгет!

Кат заморожено смотрела на происходящее, она не успела понять, когда на поляне появилось новое действующее лицо. Рука Повелителя дёрнула её вниз и она также как и мужчина опустилась на одно колено.

— Встаньте.

Голос женщины был спокоен и мелодичен. Плавной походкой она шла босыми ногами по поляне и... грустно улыбалась. Катаризэлла жадно рассматривала её из под

полуопущенных ресниц. Она никогда не видела ничего подобного. Чёрные прямые волосы, спускающиеся почти до земли, пропорциональная, выверенная, будто до миллиметра фигура, в довольно простом развивающемся серебристом платье с безумными разрезами по бокам, лицо с невероятно тонкими чертами и огромные глаза фиолетового цвета со слишком большой для человека радужкой. Но она и не была человеком.

Дракон будто не слышал слов женщины. Он продолжал стоять на одном колене, опустив голову, сжимая в своей руке, безвольную холодеющую кисть своей половинки.

— Ты звал меня, мой дракон? — улыбнулась... Стехриэнши (!). Это... это Стехриэн драконов, о котором ей рассказывала Дери. Вот кого призвал дракон!

— Я прошу милости и помощи, Стехриэнши Дгериэши Антариэста, — чётким голосом проговорил он.

Женщина прищурила глаза и пару мгновений рассматривая ауры обоих и что-то прикидывая:

— Отойди, — приказала Стехриэнши Дракону, затем скользящим движением подошла и села рядом с телом Альэдерины. Руки её коснулись висков эльфийки, а губы начали что-то быстро шептать...

Смерть.

Ей всегда казалось, что за гранью смерти всё же что-то есть. Чертоги Изначального... Или другое перерождение... Но здесь не было ничего. Лишь темнота. Темнота и непроглядный мрак. И ещё ГОЛОС. Будто бы знакомый и даже какой-то родной, но она никак не могла его вспомнить. Голос звал, просил, умолял. А она всё прислушивалась и не могла ничего понять.

Темнота мягко обволакивала её сознание, лаская, успокаивая. Вот так. Только она и темнота.

Хорошо. Спокойно. И совсем не больно.

Вот только этот голос... Он никак не давал расслабиться, слиться с темнотой и раствориться в ней.

Голос. Со временем она привыкла к нему. Начала воспринимать как должное. А голос становился всё громче. Всё настойчивей. Он не сдавался. Он звал. В какой момент она смогла разобрать обрывки слов? Трудно сказать. Здесь не было времени. Обрывки складывались в слова, потом в фразы, и вот однажды... она всё же услышала:

— Маленькая! Любимая! Возвращайся! Я тебя очень жду.

Маленькая?..

Это слово цепляло, будило какие-то смутные воспоминаний. Маленькая... маленькая... Что же это могло значить? Маленькая...

И снова голос.

— Дери, любимая, я знаю, ты слышишь, просыпайся. Возвращайся ко мне.

Дери...

Альэдера...

Альэдеризна леди Варис ан Летериэн...

Так её звали. Но этот голос...

Сверху зажглась светящаяся точка. Её сознание устремилось к ней должно быть из чистого любопытства. А где-то в одной из огромных спален апартаментов милорда вард Грендель-Риэр Альэдеризна леди Варис ан Летериэн открыла глаза, чтобы тут же заснуть,

но в этот раз самым обычным сном.

Ей снилась её жизнь. Вся с самого начала. А рядом чувствовалось чьё-то присутствие. Ей нужно было просыпаться. Вот только это было так тяжело...

Глаза всё же открылись. С трудом. Было ощущение, что веки у неё как минимум — чугунные.

Свет.

Вся комната была залита светом. Он струился к ней из огромного, во всю стену окна.

Звук разбившейся чашки и...

— Маленькая?

Мужской силуэт склонился над ней быстрее, чем она успела хотя бы раз вздохнуть.

— Маленькая? Ты проснулась? Маленькая! Скажи хоть что-нибудь! Хотя бы моргни.

Шиа? Это был Шиа! Но что же он здесь делает? И где она сама?

— Мы умерли?...

Едва слышный шёпот. Голос слушался плохо, но кое-как ей удалось прошептать эти слова.

Беспокойство на лице дракона начало постепенно уменьшаться, казалось, он будто даже выдохнул от облечения.

— Подожди я сейчас дам попить, — к её рту поднесли чашку — видимо уже другую — с каким-то травяным настоем, — И нет, мы не умерли.

Шиа даже позволил себе по-доброму улыбнуться. К нему стремительно возвращалось хорошее настроение. А вот Альэдериэна действительно не могла понять ничего.

— Значит — я брежу, — сделала она новое предположение.

Дракон поставил чашку на прикроватный столик и вновь повернулся к ней. Его рука осторожно едва касаясь сжала её кисть, но большего он себе не позволял (странно...).

— Нет, не бредишь, — между тем ответил он, — ты жива, уже почти здорова, и мы сейчас находимся в Горе.

Дери нахмурилась, пытаясь понять как её последние воспоминания могли привести к такому итогу. Не получалось никак. В мысль о том, что она всё же умерла, а это какие-то изощрённые издевательства Стехриэнов, Единого или ещё какого демона, верилось пока намного больше. Но даже если это галлюцинации никто не мешает ей с ними поболтать, тем более они приняли такой приятный для неё вид.

— Ничего не понимаю. Я помню, как умирала. Как же я выжила?

Дери отчётливо услышала, как дракон скрипнул зубами, но никак иначе его эмоции не проявились.

— Тебя вернула Стехриэнши. Я призвал её, хотя и не имел права.

— Почему не имел?

— Потому что это право есть лишь у ширды Видящих, и то Стехриэнши не всегда откликается на их зов.

Дери понимала лишь одно, она ничего не понимает, какие-то очень заумные у неё галлюцинации... А может так и должно быть?

— Расскажи мне всё с самого начала, я ничего не понимаю, — попросила она.

Дракон, по прежнему легонько поглаживающий её кисть, нахмурился, а потом всё же ответил:

— Я обязательно тебе всё расскажу, но не сейчас. Это очень долгий разговор, а тебе

нужно отдохнуть.

Дери безумно хотелось топнуть ногой и сказать, что это всё бред, но постепенно её и в самом деле начало клонить в сон. Она не хотело возвращаться в темноту, ей нравились её галлюцинации, но это было неизбежно.

Разговор состоялся не на следующий её приход и даже не на тот, что следовал за ним. Кажется, это было седьмое или восьмое пробуждение. Шиа как всегда ждал в кресле возле кровати, как и полагается приличной галлюцинации, с чашкой горячего бульона с сухарями и привычным отваром.

— Привет, — эльфийка улыбнулась и попыталась сесть на кровати. Сегодня ей удалось это даже с первого раза.

— Привет, маленькая. Я принёс тебе покушать, — дракон привстал, поправляя ей подушку и помогая устроиться поудобнее.

Дери благодарно кивнула ему за заботу:

— Спасибо, — и принялась за еду, переносной столик с которой уже стоял у неё на коленях.

— Ты сегодня наконец расскажешь мне, что произошло?

Дракон на пару мгновений задумался:

— Хорошо, — всё-таки сказал он, — только сначала ты поешь, и если устанешь — сразу же прервёшь меня. Договорились?

— Уже ем, — Дери принялась с удвоенной скоростью работать ложкой, периодически бросая из под ресниц взгляды на Шиагрона, дабы проверить, что тот никуда не ушёл. Наконец, бульон был съеден, отвар выпит, Альэдериэна переставила столик обратно на тумбочку и выжидающе уставилась на дракона.

Некоторое время он собирался с мыслями, а потом всё же начал:

— Скажи, маленькая, тебе всё удалось вспомнить?

— Откуда ты знаешь, что...

— Что пока ты была в безвременье, ты ничего не помнила? Мне пришлось звать тебя ментально. Когда я понял, что обычными словами я не дозовусь тебя никогда, то начал звать тебя ментально и успел поймать несколько мыслей. Сейчас ты всё вспомнила?

В ответ Дери зло сверкнула глазами:

— Отчего же сам не посмотришь? — насупившись бросила она.

Шиа пересел ближе и взял девушку за руку и легко поцеловал, коснувшись костяшек её пальцев губами:

— Не сердись, это был единственный способ вернуть тебя обратно, ты же знаешь, что я никогда не использовал на тебе свои ментальные способности и, уверяю тебя, и дальше не буду.

Очень хотелось поругаться ещё, но какой смысл ругаться с собственными галлюцинациями, пусть лучше в самом деле что-нибудь расскажет, хоть какое-то развлечение.

— Ладно, что там с объяснениями.

Дракон улыбнулся, потёрся щекой об её раскрытую ладонь, потом резко отстранился и начал говорить:

— Ты помнишь тогда, после нашей свадьбы, на поляне, мы говорили с тобой о начертанных и не начертанных союзах...

Она сосредоточилась, чётко вспоминая весь тот разговор:

— Помню, конечно.

— Практически с того момента, как мы стали жить вместе, я стал подозревать, что ты моя половинка. Реакции дракона на тебя это только подтверждали, а уж когда я в бешенстве от того, что Калиринский посмел к тебе притронуться, чуть не превратился, не смотря на все блоки, а ты без всяких усилий смогла это превращение остановить... с этого момента я был уверен, что когда мы вернёмся в Гору, то в Горе Изначальной рядом со своим именем я найду твоё.

Дери нахмурилась:

— А если для непосвящённых?

Шиагрон улыбнулся, как-то очень устало:

— Можно и для непосвящённых. Гора Изначальная — это одиночная скала, в которую Единый вселил сущность Стехриэна. Позже её стали называть Стехриэнши Дгериэши Антариэста. Первые драконы подняли горную цепь вокруг неё, присоединившую эту скалу к остальным Драконьим горам. Таким образом, Гора Изначальная оказалась надёжно спрятана и защищена. Сейчас она находится внутри дворца. Вся скала внутри представляет собой по сути огромный зал и помещения, где живёт Хранитель и его ученики. В этом зале находится одно огромное, как говорят люди, генеалогическое древо всех драконов. Все рода, все пересечения... Там отображена судьба каждого.

Когда заключается неначертанный союз, то на Древо это никак не влияет, по сути это просто запись в книге, подтверждающая намерение двух существ жить вместе. Когда заключается союз начертанный... это узнаётся именно в Горе Изначальной. Пара приходит к Хранителю. Он проводит их в главный зал... Если паре суждено заключить начертанный союз, то напротив его имени будет стоять имя его любимой, если же нет — то они просто наденут браслеты и будут жить вместе столько сколько смогут.

— А если начертанный союз заключается между существами разных видов?

— В таком случае возле имени избранницы или избранника будет лежать браслет-артефакт, который изменит недраконью половинку, сделав ей или ему доступной драконью магию. Со временем этот браслет превратится в обычную татуировку, как у её или его драконьей половинки.

— То есть ты был уверен, что в Горе Изначальной меня ждёт этот браслет.

Шиагрон кивнул.

— Практически на сто процентов. И если бы я знал с самого начала, что ты неиницированная эльфийка, я потащил бы тебя туда сразу же, несмотря на все запреты наших Старейшин на моё возвращение. Но я был слишком счастлив и слеп.

— Ладно. Хорошо, — Дери на некоторое время замолчала, пытаюсь уложить всю информацию в голове, — но каким образом мы могли быть вместе до моей инициации, если ты говоришь, что мы существа с разной и противоположной природой.

— Да нет, природа то как раз у нас одна. И эльфов и драконов создал Единый. Изначально наши возможности были примерно равны. Единственными, в общем-то, отличиями было наличие у драконов ипостаси, а у эльфов — невероятной по силе магии земли. Так было сначала.

Потом, когда в игру вступили Стехриэны, всё изменилось. Кантариэст — эльфийский Стехриэн — поступил довольно просто. За несколько тысячелетий он максимально упростил врождённые свойства своих подопечных, компенсировав их за счёт магии Леса.

Даже данную эльфам Изначальным возможность управлять землёй и растениями он смог включить в блок тех способностей, которые эльф получает после инициации. До неё же эльфы мало чем отличаются от тех же эльфийских полукровок, а иногда и уступают им. Тебе ещё повезло, что у тебя была стихийная, или как её называют теперь, человеческая магия. А после инициации, когда аура эльфа меняется, и в ней образуются энергетические каналы для эльфийской магии, он становится накрепко привязан к Лесу и своему роду. Так у Катариэста получилась очень прочная, отлаженная и надёжная система, веками ориентируемая на одни и те же ценности.

Антариэста поступила иначе. Наша Стехриэнши любит смелый эксперимент. Она решила управлять нами через наше потомство. Её магия в нас есть, но даётся она сразу при рождении, единственное, что похоже на инициацию, который проводит её эльфийский коллега, — это процесс, когда она принимает недраконьих половинок, браслет тоже создаёт энергетические каналы и наполняет их энергией Стехриэна. В остальном же она мало влияет на нас. Но если она подобрала тебе пару, то сделать ты ничего не сможешь, даже если будешь ненавидеть свою половинку тебе от неё никуда не деться.

Когда я увидел, что твоя эльфийская магия активировалась, и понял, что ты стала чистокровной эльфийкой, это был конец... для нас, а учитывая мою клятву оберегать тебя, я ещё и объяснить ничего не успел. В тот момент мне действительно, казалось, что всё кончено, и против природы и Стехриэнов пойти невозможно...

Шиагрон замолчал. Альэдериэна не спешила ничего комментировать. Пусть сначала расскажет, она потом найдёт что сказать... Даже галлюцинации. Имеет она, в конце концов, право выговорится, и хоть после смерти скандал нормальный этому невыносимому дракону устроить!

Собравшись с мыслями, дракон продолжил:

— Вернувшись в Гору я все же пошёл к Хранителю и... пришёл в полный ступор, когда увидел твоё имя напротив моего и браслет. Тогда я понял, что выход есть. Мы искали его все эти годы. Сначала пытались переделать браслет, так чтобы постепенно преобразовать магические каналы, потом... в общем мы перебрали много идей. Идея ритуала возникла давно, но мы оставляли её на крайний случай. Когда же Алеард этой весной прислал информацию о том, какой разницы были у тебя энергетические колебания, я понял, что дальше медлить нельзя. Ты просто не пережила бы следующую зиму. Поэтому и пришлось делать так чтобы ритуал провёл твой брат, — челюсти дракона при упоминании о Лирсте скрипнули так, что Дери даже начала волноваться за целостность драконьих зубов, — договориться с ним было нереально, пришлось затевать всю эту авантюру с поддельным пергаментом и договором, чтобы он пошустрее зашевелился. Я... я виноват перед тобой, маленькая, но я до сих пор не знаю, как ещё можно было решить эту ситуацию.

Шиа наклонил голову, целую раскрытую ладонь... наверное, всё-таки эльфийки и ждал её реакции, боясь встретить её взгляд и прочитав там совсем не то, что он хотел бы увидеть.

Альэдериэна думала достаточно долго, но всё же заговорила:

— Ты понимаешь, что я злюсь на тебя и имею на это полное право? — набрав в грудь побольше воздуха, начала она, — Ты не имел права принимать такие решения сам! Неужели ты так плохо знаешь меня, чтобы понять, что мне это не понравится? Хорошо, мы не могли увидеться, но написать ты мне мог, да даже через Грема, или как там его на самом деле — Алеарда, записку передать...

Мужчина коротко взглянул на неё, он медлил с ответом, но потом всё же заговорил, с

трудом, будто вырывал это признание из глубин сознания через силу:

— Я боялся... — он замолчал, Дери начала опасаться, что это всё чего ей удалось добиться, но через некоторое время Шиагрон продолжил, — боялся, что если напишу сразу же после нашего расставания, ты либо не ответишь, либо просто попросишь больше тебе не писать, а в случае, если ты бы отреагировала адекватно... я боялся дать ложную надежду, боялся не выполнить того, что пообещаю, я не хотел тебя связывать обещаниями и заставлять ждать без надежды на то, что всё может для нас кончиться хорошо.

Альэдеризна смотрела на Шиагрона и пребывала в полном шоке. Она уже забыла, что думает, что всё это вроде бы её собственные галлюцинации, что всё это ненастоящее... В словах её дракона была такая боль, не быстротечная, которая вспыхнув яркой точкой, тут же проходит. Нет, это было боль выстраданная, пережитая, которая становится частью тебя и уже никогда не оставляет тебя. Ей было больно и плохо все эти годы, но она не знала, даже предположить не могла, что ему было возможно даже хуже. А ведь всё, что сделала она, — выжила, он же искал выход из безнадежной ситуации, пытаясь противостоять всем законам их мира.

Она протянула руку и робко коснулась его руки. Голос её был намного мягче и спокойней чем до этого:

— Хорошо, ты боялся сначала, но почему не предупредил о ритуале. Почему не приснился мне раньше. Ведь тогда... это был не просто сон.

Шиагрон посмотрел недоверчиво сначала на тонкие пальчики, коснувшиеся его большой ладони, потом на саму эльфийку, в глазах его загорелась слабая надежда:

— Я боялся, что ты откажешься, — в глазах его вновь мелькнула горечь и чувство вины, но постепенно взгляд его становился уверенней, спина распрямилась, это был вновь её дракон, таким, каким она его помнила. Дери еле сдержала вздох облегчения (конечно, это очень льстит самолюбию, когда твой любимый мужчина, так корит себя за то, что причинил тебе боль, но когда уверенный в себе дракон начинает превращаться из-за этого в сломленное существо, тут уже не до амбиций и не до самолюбия).

Продолжил Шиагрон уже намного более уверенно, да, он раскаивался, но это был единственный выбор и он его сделал:

— Я согласен, что не прав, что должен был спросить тебя. Этот ритуал... он изменил бы в первую очередь твою жизнь, но я знал, что если не предпринять ничего сейчас, этим летом, то зиму ты не переживёшь, а жить, зная что тебя больше нет, прости, маленькая, я к этому не готов.

Альэдеризна смотрела, слушала... и не знала что ответить, один его взгляд, пойманный ею в последний момент, и то, что он всё же его не отвёл, позволив ей «прочитать» его полностью, заглянуть в глубины его сознания... он говорил столько, что все гневные слова куда-то пропали, а дыхание замерло. Во избежание бурных объяснений она решила просто сменит тему, тем более что выяснила ещё не всё:

— Хорошо. Я поняла, как должно было быть. Но ведь Лирст... он изменил ритуал. Как тебе удалось его обратить. И причём здесь ваша Стехриэнши...

Взгляд Шиа стал более чем внимательным, он оценивал, что-то прикидывал:

— Ты уверена, что готова выслушать это сейчас, может быть, сделаем перерыв, и ты поспишь?

— Я сейчас всё равно не смогу заснуть, поэтому давай я один раз понервничаю.

Дракон хмыкнул, но всё же начал рассказывать:

— Когда я появился на поляне, ритуал ещё не был завершён... Да к тому моменту ты уже... не дышала и сердце не билось, но магия в тебе ещё была. Остатки человеческой магии. Лирстэлиэн в одном месте ошибся в символах и не учёл тот фактор, что магические каналы надо не просто опустошить, но ещё и закрыть, если совсем простыми словами, магия осталась на стенках этих каналов. Поэтому Стехриэнши удалось сначала не дать тебе уйти, а после...

Шиагрон замолчал, перед его глазами вновь был тот день...

Серединная поляна.

Его Маленькая, лежащая в центре ритуального круга. Её сердце уже не бьётся... а кожа холодеет с каждой минутой. На груди всё ещё белеют символы, оставшиеся после ритуала, а поверх них драконьи руны, знаки отчаянного зова его Стехриэнши, последняя надежда и безумный крик о помощи того, кто не может поверить, что не смог... не успел... опоздал.

Рядом, в нескольких шагах Светлый Повелитель и незнакомая девушка, чьи черты когото неуловимо напоминают. Но это сейчас неважно. Ведь через поляну к ним идёт ОНА... Стехриэнши Дгериэши Антариэста.

Гордость? Достоинство? Какое к демонам может быть достоинство, когда перед ним единственное существо способное помочь. Её взгляд непривычно сосредоточенный и внимательный. Несколько раз Шиагрон был на праздниках, где появлялась Антариэста, она всегда была высокомерной, стервозной (хотя и нельзя так говорить о той, кто практически является их божеством, но против правды не попрёшь) и язвительной. В тот день всего этого не было и в помине. Серьёзный взгляд. Чёткие движения. Полная уверенность в своих действиях. Да, в тот день она была именно такой.

Лёгким движением она отодвинула дракона от его любимой и присела с ней рядом на корточки. Её пальцы коснулись висков Маленькой, а губы Стехриэнши начали что-то шептать, настолько быстро, что даже сам Шиагрон не успевал понять, о чём она говорит.

Сколько это длилось? Вряд ли кто-то из присутствующих смог бы ответить на этот вопрос. Но когда Антариэста облегчённо вздохнула и оторвалась от всё ещё неподвижно лежащей эльфийки, пальцы её ощутимо подрагивали.

— Всё... она не уйдёт в Чертоги Изначального, я заперла её душу в безвременье. Теперь выбор за тобой. Ты можешь одеть на неё браслет и молиться чтобы магия Горы прижилась и душа твоей любимой вернулась, но я бы не поставила на успех этого мероприятий. Вариант второй, я свяжу ваши жизни. Здесь вероятность успеха побольше, но и риски тоже... если ты не сможешь её дозваться из безвременья или ты дозовёшься, но она не захочет жить... Вы оба умрёте. Каков твой выбор дракон?

Выбор? Разве у него он был?

Шиагрон вновь взглянул на Дери, его Дери, услышавшую, вернувшуюся, изменившуюся, но по прежнему ЕГО, она нетерпеливо ожидала его ответа:

— Стехриэнши связала наши жизненные нити. Теперь... мы связаны, настолько, насколько это вообще возможно. Если бы ты не выжила, то меня бы тоже утатило вслед за тобой. И я в самом деле тебя звал, и звал бы и дальше, потому что ты для меня — всё, маленькая.

Рука эльфийки крепко, почти до боли сжала его пальцы, их взгляды встретились. Её огромные глаза, по которым он так скучал, полные слёз, надежды и... любви. Да, он ни с

чем не спутал бы этот взгляд. Только за него он готов вновь пережить эти сумасшедшие, безумные годы, полные боли, одиночества и постоянного страха за неё. Один её взгляд...

Дери же... она боялась и не верила... Всё было слишком хорошо, слишком логично, слишком продумано. Ведь если это галлюцинация, то она придумана её подсознанием, а оно ведь не может знать тех вещей, о которых сама эльфийка и понятия не имеет. Тогда выходит, что это всё это... правда и она... не умерла... Но тогда... Губы Альэдеризны дрогнули от с трудом сдерживаемых рыданий, руки начали подрагивать, но она так и не отвела взгляд. В его глаза она могла бы смотреть вечно, а разгорающиеся с каждой минутой всё ярче и ярче огненные искры... глядя на них, она готова была забыть всё.

Вопрос, разорвавший тишину, пришёл из неоткуда, она сама не знала, почему его задала:

— Так кем же я теперь стала?

Дракон отвечал точно так же, как она спрашивала, — безэмоционально, так, как будто то, о чём они говорили, было делом десятым. Главное же... главное они говорили друг другу без слов.

— Практически тем же, кем была до инициации. Человеческая магия постепенно восстановится. Сейчас ты её не чувствуешь потому, что я поставил блок, как только всё придёт в норму, я его сниму. Если ты оденешь браслет и станешь официально моей половинкой, то со времен у тебя проснётся талант одной из ширд. Но тело не изменится, можешь не бояться. Максимум лет через сто появятся фершхеры. Но решать только тебе.

— Фершхеры? Драконьи руны... — эльфийка чуть скривилась, а в глубине глаз Шиагрон увидел смешинки, — думаешь, они мне пойдут?

Дракон же был серьёзен как никогда:

— Я в любом случае буду любить тебя... всегда.

— А если... если я одену браслет, я стану привязана к Горе?

Шиагрон улыбнулся:

— Осторожничаешь. Нет, Антариэста предпочитает держать своих подопечных на длинном поводке. Связь будет осуществляться через браслет, а потом через супружескую татуировку или фершхеры, или и то, и другое.

Дери боялась говорить то, что собиралась произнести, но если это не сон, не галлюцинации и не прочие виды её личного сумасшествия, то она желает получить своего дракона полностью, навсегда и прямо сейчас. Из глаз девушки скатилась слеза. Не от того что ей было плохо... Нет, она тоже боялась... что сейчас это видение рассеется и она вновь окажется одна в беспросветной тьме без всякой надежды на то... что когда-нибудь она выберется. В глазах её дракона начало разгораться беспокойство, но эльфийка, наконец, набралась мужества и спросила.

— А где этот браслет сейчас?

Шиагрон будто бы даже выдохнул, видимо он опасался совсем иной реакции.

— У меня в кармане, — помедлив, ответил дракон.

Новая слеза упала из глаз Альэдеризны. Но она даже не подумала её смахнуть или отвести взгляд. Всё так же вместе — глаза в глаза:

— Ты оденешь его на меня?

Фейерверк. Вихрь. Смерч. С огненными искрами в глазах Шиагрона происходило что-то невообразимое.

— Если ты этого хочешь...

Безумная радость в зелёных глазах и их переплетённые почти до боли пальцы и тихий полувздых-полушёпот:

— Да... Больше жизни.

Холодный блеск мирикария, горячая драконья кровь, активирующая браслет, и знакомые, родные и самые любимые на свете губы, целующие осторожно, трепетно, с безумной, невероятной, почти фантастической нежностью.

Только в этот момент Альэдериэна наконец до конца поверила, что всё это настоящее, что она не бредит, заблудившись в лабиринтах безвременья, что теперь они вместе. Навсегда...

Лето выдалось безумно жарким. Вся трава выгорела, деревья стояли поникшие, с потускневшей листвой и только солнце радовало всех жителей Рестарионской Империи своей неиссякаемой яркостью и жаром. Досталось и парку вокруг Академии Прикладной Магии и Магических Ремёсел. Хоть маги и старались оградить его защитными заклинаниями земной стихии от невероятного зноя, но всё же и здесь многие деревья утратили былое величие... или же они переживали отсутствие одной эльфийской мастерины, что не появлялась здесь уже несколько месяцев... Ответ на этот вопрос могли бы дать, наверное, лишь сами растения, но они молчали, тихо перешёптываясь друг с другом.

Само же здание...

Огромное здание Академии Прикладной Магии и Магических Ремёсел как обычно к концу учебного дня успокаивалось после непривычной для всех после лета суеты. Заканчивался первый учебный день...

Возле одной из аудиторий столпились adeпты пятого года обучения специальности Прикладная магия. Новый учебный год... и опять новый предмет.

Янара Дариэт влетела в практически пустой коридор за пять минут до звонка. Глаза её радостно сияли, а сама адептка чуть ли не подпрыгивала от нетерпения, желая рассказать своей подруге последние новости. Дааа... новостей в последнее время прибавилось. В голове Янары мелькнула их вчерашняя встреча и девушка вновь радостно улыбнулась...

День возвращения с каникул — день совершенно особенный. Заняты в этот день только первокурсники: их распределяют по факультетам, заселяют в общежитие, проводят вводные лекции. Остальные же в этот день предоставлены сами себе. По всей академии стоит гомон от радостных возгласов, приветственных криков и более чем эмоциональных высказываний.

Янара с Ромаро зашли в общежитие через вход со двора. Оборотень легко нёс весь нехилый багаж и улыбался её болтовне, периодически вставляя отдельные реплики в жизнерадостный монолог. Здорово! Как же это было здорово, вновь вернуться в родную академию. Янара распрощалась с любимым (да, она уже не отрицала этого факта, как пыталась ранее) у двери своей комнаты, после того, как он определил все её сумки на их законное место у шкафа и получил заслуженное вознаграждение. Девушке самой с трудом удалось оторваться от его губ, но... дела не ждали.

Радостная и взбудораженная Янара выскочила в коридор. Глаза её счастливо блестели, а внутри так и распирало от желания поделиться последними новостями... для начала с Олинерой. Коридоры были полны снующих туда сюда адептов. Хоть крыло и было женским,

но никто не запрещал приходить сюда сильной половине учащихся, скажем... в гости, некоторые из них правда в этих гостях задерживались до утра, но это уже, как говорится, несущественные детали. Янара радостно здоровалась со всеми, обменивалась короткими фразами, улыбалась и шла дальше.

Олинера жила в другом конце крыла, поэтому идти приходилось через весь совсем не короткий коридор. Впрочем, сегодня длина пути Янару только радовала, именно в такой толпе, когда все так радуются встречи и делятся впечатлениями, можно узнать ну очееееень много нового, а свежие сплетни всегда были её слабостью.

Вот и дверь Олинеры. Как же она соскучилась! Вот только свой секрет Янара расскажет ей тихонько, шёпотом. Выдать его общественности она всегда успеет, но сделает это настолько фииерично, что завидовать ей будет каждая девушка. Адептка предвкушающе улыбнулась и толкнула дверь. Та легко поддалась. Олинера давно подстроила запирающее заклинание так, чтобы её оно пропускало беспрепятственно.

— Лиинииииииииин! — закричала она и кинулась к подруге обниматься.

— Янара! — староста тоже была очень рада её видеть, а то, что не прыгала от радости, как она, так Олинера всегда была более сдержанна.

— Я так скучала по тебе, — затараторила блондинка, — Ты мне почти не писала! Куда ты пропала на всё лето? Мне же интересно! — и тут же не дожидаясь ответа, — Ты не представляешь, что произошло! — она выдержала торжественную паузу, а потом протянула правую руку, на безымянном пальце которой сияло кольцо с изумрудом, — Ромаро сделал мне предложение!

Проскочив с разбегу чуть ли не полкоридора, адептка Дариэт наконец нашла свою цель. Олинера стояла у окна и была непривычно задумчива. Взгляд её блуждал непонятно где, а по лицу бродила грустная, но при этом полная... нежности улыбка. Странно... если бы Янара не знала свою подругу все эти годы, то подумала бы, что та влюбилась... А если и в самом деле? Но кто же ОН тогда? Тренированный мозг любительницы сплетен тут же начал перебирать возможные варианты, но не находил ни одного приемлемого, если только Олинера не встретила свою любовь где-то во время каникул. А что? Очень даже жизнеспособная версия.

Олинера Вариэльская же в это время действительно думала о совершенно посторонних вещах. Она вспоминала письма... Грема.

Да, он всё же вернулся в её жизнь, чему она была невероятно рада. Но эта переписка... Это было невероятно странно. Но от этого она дорожила их едва складывающимися отношениями ещё больше. Он так и не сказал ей, кем является, не рассказал, зачем находился в академии, правда в одном из писем намекнул, чтобы она не волновалась, с мастериной Альэдерой теперь всё хорошо. Это письмо пришло совсем недавно. Практически перед отъездом и ответить на него она не успела. А здесь... здесь их переписка станет невозможна. Ученикам было запрещено иметь личные почтовые ящики, для связи с внешним миром существовал общий ящик академии, а Грем вряд ли рискнёт писать туда.

В этих письмах... в этих письмах он был совсем другой. Намного взрослее, рассудительней, но при этом очень интересный, эрудированный и склонный к иронии, как в свой адрес, так и собеседника. С ним было весело и любопытно. А ещё в каждом письме всегда был лёгкий налёт тайны. Он никогда не говорил всего. Некоторые вещи говорил, но

лишь намёками. А некоторые — и вовсе искажал так, что Лин приходилось их разгадывать как ребус. Это было потрясающе! Захватывающе, необычно. Их собственная маленькая тайна. Ото всех.

А началось всё с того, что через неделю после каникул Олинере доставили подарок. Его вручили ей практически прямо на улице. Какой-то мальчишка подкараулил возле дома и сбежал. Это было странно и внушало опасения, но девушка решила рискнуть, тем более что браслет Грема молчал, а в его действительности Олинере уже удалось убедиться несколько раз, когда её чуть не сбил экипаж и когда она в лаборатории отца нечаянно схватилась за склянку руфиннира, одного из ядов, небольшие дозы которого применялись при создании некоторых артефактов, не факт бы что что-нибудь случилось, склянка была прочно закрыта, но всё же лишнее подтверждение того факта, что браслет работает и работает правильно — имелось.

Поэтому глядя на всучённый ей чуть ли не силком подарок и не почувствовав от браслета никакой реакции (обычно он при приближении опасности начинал нагреваться) Олинера решила его открыть. Под подарочной упаковкой была шкатулка, в которой её ждало письмо. Из него она поняла, кто именно был инициатором такого необычного подарка и что её подарок не просто шкатулка, а очень сильный артефакт по передаче писем на большие расстояния.

Так начался новый этап её общения со странным юношей, про которого она не знала практически ничего, но который при этом занимал всё больше и больше места в её хрупком девичьем сердечке.

От воспоминаний Олинере отвлек оклик Янары, которая, как выяснилось, уже около минуты пытается привлечь её внимание.

— С тобой точно всё хорошо? — допытывалась у неё блондинка, — Ты какая-то странная...

Олинера нахмурилась... Что-что, а в наблюдательности Янаре никогда нельзя было отказать, и в прозорливости тоже. Девушка иногда просто поражалась, из каких обрывочных сведений её подруга способна выяснить полную картину событий. Но в данном случае это было скорее недостатком, чем достоинством. Олинера не собиралась делиться своей тайной ни с кем, даже с лучшей подругой. Нужно было срочно переключить её внимание на что-то другое...

— А куда ты бегала? Узнала что-то интересное? — как бы между прочим поинтересовалась она.

Янара заглотила наживку и с обычным для неё в таких случаях энтузиазмом принялась рассказывать:

— Интересное? Ну, разумеется! Я же за этим к тебе и шла? Ты представляешь, я узнала, — рассказчица выдержала драматическую паузу — Нам вписали в расписание совершенно новый предмет. В прошлом году его не было ни на одной из специальностей. Я ведь всех поспрашивала! А кроме нас его поставили ещё и артефакторам, и алхимикам. А у нас и так экзаменов в этом семестре куча, куда нам ещё один.

— А что за предмет?

Янара замерла и ошарашено уставилась на подругу.

— Лиинииин?! А с тобой точно всё в порядке? — с ехидством протянула она.

— В полном, а что не так.

— А то, что предмет этот сейчас начнётся, если, конечно, преподаватель всё-таки придёт.

— Ладно, а как называется это счастье.

Янара нахмурилась, припоминая:

— Ой... что-то про ритуалы... А точно, магические ритуалы и их конструкция.

Звонок прозвенел совершенно неожиданно и... дверь в аудиторию отворилась.

Кабинет ректора академии мастера Корвуса Дерэна мало чем отличался от подобных кабинетов. Светлые стены. Большой письменный стол. Хозяйское кресло. Кресла для посетителей. Стулья. У стены чёрный кожаный диван. Перед ним кофейный столик. На полу светлый ковёр.

Двое мужчин расположились на диване, попивая коньяк из широких бокалов и медленно раскуривая сигары. Над ними витал сизый дым. На лицах блуждали умиротворённые выражения... В общем, всё было просто восхитительно. За исключением, пожалуй, одного:

— Вы уверены, что он не доставит мне проблем? Не хочу приbedняться, но я не боевой маг, и если ваш... — мастер Дерэна замялся, подбирая подходящее слово, — Подопечный выйдет из под контроля, я не смогу ему ничего противопоставить.

— Не стоит переживать, — милорд вард Грендель-Риэр сделал пару глотков из своего бокала и продолжил, — магии этот... ублюдок практически лишился...

Мастер Дерэна от удивления аж привстал:

— И каким образом это получилось?

— Вы помните закон «Обратного эффекта»?

Глаза артефактора вспыхнули азартом:

— Когда вы разорвали ритуал, он обернулся против него? — воскликнул он.

Милорд кивнул.

— Совершенно верно. Как только основные нити, связывающие Дери и её брата разорвались, сила, попавшая к нему, но не успевшая усвоиться, начала разрушать энергетические каналы. Лирстелиэн потерял больше восьмидесяти процентов своих прежних возможностей, а классической магии у него так мало, что он никогда толком не умел ей пользоваться.

— То есть магия у него всё-таки осталась. Эльфийская... — мастер Дерэна наконец понял всю иронию драконьей мести, — он будет мучиться от недостатка энергии, также как и мастера Альэдера.

— Миледи вард Грендель-Риэр, — поправил дракон.

— Прошу прощение. Привычка. И всё-таки?

— Да, — дракон кивнул, — у него будет постоянная нехватка энергии, плюс Повелитель наложил на него через родовое кольцо целый ряд запретов. Там и всё что касается магии, по сути пользоваться он сможет только бытовой, и запрет на выход с территории школы, и конкретные инструкции по обращению с адептами, а в особенности адептками...

— К чему такие уточнения? — насторожился ректор академии.

Шиагрон нахмурился:

— На этом настояла Альэдеризна. Я не знаю, что между ними произошло, она взяла с меня обещание, что я не полезу к нему в голову, а пришли в себя они примерно

одновременно...

Корвус Дерэна был заинтригован, о богатом воображении эльфийки он знал не понаслышке:

— Так какой же запрет ему поставили:

Милорд хитро улыбнулся:

— Любые сексуальные контакты. На неограниченный срок.

Артефактор подавился коньяком.

— Не хочу показаться невежливым, но изменять жене в вашем случае я бы поостерёгся.

— Разнделиэн, Светлый Повелитель, похоже, подумал примерно тоже самое. Во всяком случае, когда Альэдеризна озвучивала свои требования, смотрел он в основном на меня и с очень большим сочувствием. Так что за своих адептов можете не опасаться.

Мужчины вновь выпили.

— А что за девушка стояла рядом со Светлым Повелителем на малом приёме?

Шиагрон напряг память. На эльфийском приёме, где их брак с Дери был подтверждён ещё и остроухой стороной, он смотрел в основном на свою половинку. Кто же стоял рядом с Разндеоизном? Примерно через полминуты Дракон вспомнил и рассмеялся.

— Это... гостья Повелителя. Она ему дворец в сиреневый цвет покрасила, вот он теперь и пытается заставить её вернуть всё обратно.

Мастер Дерэна пришёл в растерянность:

— Но дворец был белым.

Милорд отрицательно покачал головой:

— Нет, это Дери сжалилась над эльфами и прикрыла на время приёма этот шедевр креативной мысли иллюзией. Ненадолго... Сейчас дворец ярко-зелёный. Но эксперименты ведутся до сих пор...

Адепты пятого курса замерли у двери. Наученные прошлым горьким опытом входили они очень осторожно. Аудитория была пуста. С большой опаской они заняли свои места и достали письменные принадлежности. Стояла полная тишина.

Мужчина вошёл в аудиторию из комнаты, примыкающей к ней. Высокий, золотоволосый. Олинера осеклась... Это же...

Шёпот Янары раздался, кажется, на всю аудиторию:

— Везёт нам в последнее время на эльфов, вам не кажется?

Преподаватель впивался взглядом в нарушительницу порядка, но в этот момент...

— Простите, я опоздал. Мне пришлось задержаться по семейным делам и...

Дальше Олинера не слушала.

Она просто улыбалась. Светло и радостно.

В дверной проёме стоял... Грем.

ЭПИЛОГ или с чего всё начиналось и чем всё закончиться...

Погода стояла такая, что казалось, что на дворе всё ещё лето, но вот темнеть уже начинало намного раньше, да и по ночам было довольно прохладно.

Ночь опускалась на Срединную поляну медленно и неотвратно. Тихая. Спокойная. По небу начал медленно подниматься сначала бледный, а потом жёлтый полукруг луны. Тихо заухала сова. Сумеречная мгла сменилась почти непроглядной тьмой. Беззвучно вышли на охоту ночные хищники и замерли в своих убежищах их жертвы, применяя чудеса маскировки. На опушке Леса раскрылись ночные фиалки. Ночь входила в свои права...

Она появилась на поляне первой. Легко выскользнула из портала и не спеша пошла в сторону Леса. Сегодня Он должен был, наконец, прийти. В противном случае... Он точно пожалеет. Женский силуэт замер, прислонившись к одному из лежащих на поляне камней, и оставался неподвижным до тех пор пока...

Он появился на поляне, когда время уже перевалило за полночь. Высокий, безупречный, с длинными белеющими во тьме волосами. Его всегда безумно раздражала её манера первой звать его на их редкие встречи, разве так должна вести себя девушка, женщина... А уж привычка одеваться на эти встречи так... что единственное, что хотелось сделать с этой тряпкой, облегающей все изгибы её тела, это сорвать её, и вовсе вызывала глухую ненависть и... безумное желание. Антариэста. Это он придумал ей это имя, которое, к слову сказать, она не выносила. Она ждала его, нервно покачивая босой ступнёй.

Почему он перестал быть обычным человеком? Сейчас он бы не мог разглядеть ни струящихся по телу чёрных волос, ни облегающего все изгибы платья цвета вишни, ни валяющихся рядом с ней туфель на безумном каблуке. А он видел. Демоны бы побрали Единого, демиурга его бывшего мира и вообще... всех!

Как так случилось, что их было двое изначально... возможно, это была судьба, в которую так неистово верили в мире, где он родился, вырос и... умер, возможно, просто его проклятое невезение, но так или иначе...

Смерть бывает разной и посмертие тоже, но такого как он, и, как позже выяснилось, ОНА, не заслужил, пожалуй, никто. Его выбросило из круга перерождения. Всё что от него осталось — это сгусток энергии, скользивший меж временем и пространством годы, века, а возможно и эпохи. Он думал, что одинок, что это его личное наказание, и лишь встретив Её, понял, насколько ошибался. Она раздражала его с самого первого дня их знакомства. Заносчивая, высокомерная, стервозная. Как можно сохранить всё это, когда всё, что от тебя осталось, это сконцентрированная энергия? Сам Кантариэст не знал, но она умудрялась.

Они встретились на едва зародившейся планете. Это позже они расскажут своим подопечным сказку о том, что планета была создана в результате столкновения их энергий... На самом деле всё было намного проще и прозаичней. Среди Демиургов, легендарных создателей миров, тоже плетутся интриги и строятся козни. Как звали Его, Первого, что создал эту планету, солнце, луну не знал никто из жителей этого мира. Кантариэст называл его Создатилем. Они с Единым были лучшими друзьями и... врагами, вот только знал об этом лишь один из них, тот что был намного менее талантлив, зато намного более расчётлив, тот, кто в последствие назовёт себя Единым, присвоив плоды чужого труда, а заодно и два сошедших с ума от ненависти друг к другу сгустка энергии, что всё пытались

переспорить друг друга, перебороть энергетически (за время странствий оба накопили слишком много энергии) и наконец заполучить себе планету, оставшуюся без Создателя (это так глупо погибнуть во время банальнейшего эксперимента из-за предательства лучшего друга). Единый перехитрил их всех. И Создателя. И двух будущих Стехриэнов, что уж говорить, про народы созданные им. Правду не знал никто. Лишь он — Кантариэст и она — Антариэста, ставшие свидетелями этих безумных событий.

— Ты как всегда опаздываешь! — зло бросила девушка, даже не вспомнив о приветствии.

— А ты как всегда ведёшь себя крайне невоспитанно... — эльф, если можно так сказать, уселся напротив своей драконьей коллеги на такой же камень с таким видом, будто это был трон Светлого Повелителя и продолжил, — Зачем ты хотела меня видеть?

Антариэста довольно заулыбалась:

— Ты проиграл пари. Я смогла соединить в истинном союзе дракона с эльфийкой, и теперь ТЫ должен мне желание.

Эльфийский Стехриэн скривился:

— Не тешь себя иллюзиями. Эльфийкой она не является уже давно.

Глаза Антариэсты вспыхнули гневом:

— То есть это не ты на этой самой поляне активировал её эльфийскую магию, специально, чтобы не дать мне на этот раз выиграть спор и мне пришлось бы начинать всё с начала, не ты сохранил её родовой перстень, благодаря, которому этот урод — её братец — мог ей управлять, не ты ускорил отток эфийской магии настолько, что ритуал должен был завершиться в три (!) раза быстрее. И теперь, когда я всё равно выиграла, ты смеешь мне говорить, что-то про то, что Альэдеризна не являлась эльфийкой! А не обнаглел ли ты, Кантариэст!

Стехриэнши вскочила, рывком пересекла расстояние, разделяющее их, и гневно ткнула пальцем в грудь мужчины. Тот не повёл даже бровью, продолжая величественно восседать на всё том же камне, хотя, если приглядеться, можно было увидеть, что глаза его сверкали бешенством:

— Антариэста, ты сама мухлевала, где только можно. Леди Варис никогда не смогла бы бежать из Леса, если бы ты не открыла ей границу в нужном месте, копию Ключа людям ты тоже сама подбросила.

— Да какое отношение имеет сюда Ключ. Они половинки, они бы всё равно нашли друг друга! Я просто ускорила событий.

— Нет, ты играла нечестно и не заслуживаешь желаний. Смирись! Я не буду ничего выполнять!

Эльфийский Стехриэн встал, намереваясь покинуть поляну.

— Ещё как будешь! Ты проиграл и изволь теперь платить! — Антариэста топнула ногой, напоминая в этот момент капризную девчонку.

— Отойди, ты мешаешь мне пройти.

Стехриэнши замерла. Глаза её сверкнули, и она злорадно улыбнулась:

— Хорошо, милый, я отойду. Вот только, если ты не исполнишь моего желания, я призову Единого. Как думаешь, он сильно обрадуется тому, что из-за тебя я его отвлекла.

Кантариэст замер.

Это был удар ниже пояса.

— Ты... ты... ты стервозная, помешанная на своих экспериментах дрянь!

— Милый, ты как всегда так щедр на комплименты, — язвительная улыбка на губах Сехриэнши сияла так, что эльф скривился. Его сокрушённый вздох было слышно наверно даже на другом конце поляны:

— Чего ты хочешь, чудовище.

— Сущую мелочь, — Антариэста злорадно улыбнулась, прекрасно зная, какая реакция последует за её словами, — ты соединишь узами истинного союза, или как у тебя это называется, своего Светлого Повелителя и девочку, что была с ним в день ритуала, Катариэллу.

— ЧТО??? — эльфийский Стехриэн не выдержал и всё-таки заорал, — Ты понимаешь, о чём ты просишь? Она, ПОЛУКРОВКА, займёт место рядом с Повелителем?! Её дет унаследуют трон?! Да это пошатнёт все устои! Я понимаю у них там отношения и прочее, но на большее, чем просто быть его любовницей она может не рассчитывать!

— Ну как знаешь. Пойду тогда к ритуалу вызова подготовлюсь, — Стехриэнши небрежно пожала плечом, разворачиваясь и собираясь покинуть поляну.

Она успела сделать четыре шага...

— Стой! — рука Кантариэсто резко развернула её, — Ты! Ты... Ты просто сумасшедшая!

— Чудесно, так когда свадьба? — глаза Стехриэнши победно сверкнули.

— Ненавижу тебя, — эльф уже шипел.

— Я знаю, милый. Ты мне скажи, когда свадьба, и я избавлю тебя от своего общества.

— Презираю...

Всё повторялось. Те же слова, те же взгляды. Они навсегда останутся вечными противниками, вечными врагами и вечными...

Рука Кантариэста опустилась на её шею. Резкий рывок. И полный гнева и желания поцелуй. Сумасшедший. Безумный. В нём сплетались энергии, менялись их чувства...

— Всё равно ненавижу! — эльф оттолкнул девушку от себя и исчез в открывшемся портале. В след ему доносился торжествующий смех. Она! Она... Как он её ненавидел!

Да, они навсегда останутся вечными противниками, вечными врагами и вечными возлюбленными, так и не рискнувшими переступить черту.

Будут идти годы, десятилетия, может быть, даже века...

Изменяется королевства. Перестанет существовать Свободное Княжество Обратней. Рестариэнская Империя его всё-таки поглотит, изменятся люди, их отношения. Выйдут из добровольного заточения вампиры. Магия разовьётся до невысказанных высот. А здесь, на Срединной поляне, вырастет Свободный Город. Город, где будет место всем. Не подчиняющийся никому, не склонивший голову ни перед кем.

И быть может однажды...

На крыльцо большого светлого дома поднимется по ступенькам эльфийка. Впрочем, с каждым прожитым десятилетием отнести её к остроухому народу будет всё труднее, на лбу её всё чётче проступят фершхеры, на руке засияет супружеская татуировка, а одежда будет соответствовать скорее капризам драконьих леди, чем вкусам томных эльфийских дев. Единственное, что напомним о её прошлом, — длинная коса и острые уши. Да, однажды миледи Альэдеризна вард Грендель-Риэр станет именно такой.

Она улыбнётся летнему дню и поднимется на ступеньки дома. Их дома. Он будет расположен ближе к окраине Свободного Города. Сюда они будут прилетать отдыхать. Она, Шиа и их дети: Альдерон и Мильршиэна. Она будет очень хотеть родить и третьего, но

бояться, что ещё раз просто не переживёт этого. Невыносимым от беременности почему-то становился как раз таки Шиа, он трясся над ней просто на каждом шагу. Попробовал бы кто-нибудь перенести заботу в таком количестве.

В тот день всё её крылатое семейство будет резвиться в небе над Городом. Эльфийка оглянется уже практически у порога и увидит их в небе. Красно-золотой, огромный дракон — Шиа. Изумрудный, гибкий и очень изящный — Шиэна, а третий, рубиново-красный — Альдерон. Её любимые и самые родные.

Двери распахнутся перед хозяйкой сами собой, она пройдёт через холл поднимется в свой кабинет, привычно расположенный на втором этаже и подвинет стул ближе к окну, чтобы хоть краем глаза наблюдать за тремя танцующими в небе драконами.

Эльфийка счастливо улыбнётся, вспоминая прожитые годы. В них будет всё: и безумное счастье, и непонимание, и радость от того что они наконец-то вместе, и безумный страх потерять, и улыбки, и слёзы, безумный восторг, и глухая боль утраты. С каждым годом их человеческие друзей будет становиться всё меньше. Они будут уходить в Чертоги Единого. Последним, всего за пару лет до этого момента уйдёт... Террион. Дери грустно улыбнётся, вспоминая его... Самый хитрый, самый расчётливый, а порой и жестокий правитель, но при этом и самый хороший... друг. От его ухода будет неожиданно больно и тоскливо.

Сама же Альэдериэна... бывшая эльфийка вернёт себе магию и продолжит заниматься любимым делом, просто сменив место работы. Разведшкола... Окажется, что там тоже может быть очень интересно, особенно когда ты — жена милорда, и курсанты готовы с тебя разве что ни пылинки сдувать... Поначалу. После пары шуточек в её любимом стиле мнение их будет резко меняться.

Эльфийка откинется на любимое кресло и задумчиво покрутит в руке магическое перо. Чистый лист бумаги окажется перед ней будто бы сам собой. Она наклонит голову, размышляя о чём-то, а потом... изящная рука, вооруженная магическим пером легко напишет первое слово, затем второе... слова будут ложиться легко и просто, ей совершенно не надо будет думать. Первый лист закончится очень быстро, за ним второй, третий...

В небе начнёт темнеть...

А она всё будет продолжать и продолжать писать историю превращения леди Варис в адептку Альэдериэне Летериэн, историю странствий мастерины Альэдериэны и историю любви огненной леди и лорда незнакомца.

Маленькую историю их большой любви...

КОНЕЦ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net